

Константин Кедров-Челищев

ГОЛОСА

Документально-биографическая мистерия

Москва
Издательство ДООС
2016

УДК82-311.1
ББК (2Рос=Рус)6
К 33

К.А. Кедров-Челищев

К33   Голоса. Документально-биографическая мистерия. – М.:
«ДООС», 2016. – 404 с.

ISBN 978-5-906568-08-3

Эта книга создавалась автором в течение многих лет как воспоминание о всех людях, чьи голоса остались в памяти. Полифоническая документальная мистерия по сути одновременно и своего рода поэтическая партитура голосов, звучащих как реквием эпохе, в которой автор жил и творил и в которой продолжает жить и творить.

© Издательство «ДООС» 2016
© К.А. Кедров-Челищев, текст, 2016
© А.В. Вradий, дизайн обложки, 2016

О книге

И прошлое было будущим. И будущее станет прошлым. Мы не можем предугадать будущее. Но мы можем сохранить прошлое.

Издательство ДООС имеет честь представить книгу Константина Кедрова-Челищева «Голоса». И представить для самого широкого круга читателей.

Литературный и научный мир знает Константина Кедрова-Челищева как автора знаковой книги «Поэтический космос» и не менее знаковой «Энциклопедии метафоры». Как когда-то называли Велимира Хлебникова поэтом для поэтов, так и Константин Кедров-Челищев долгое время оставался для читателей поэтом для поэтов. И сегодня его поэтическая жизнь всё ещё остаётся terra incognita для многих читателей, несмотря на многочисленные издания его произведений и множество литературных премий, среди которых особо значимы Южнокорейская Гран-при в области литературы – Манхэ 2013 и Мюнхенская – Доминанта 2014 (за выдающиеся успехи в поэзии и создании новых эстетических принципов).

В предисловии к полному собранию поэтических сочинений «ИЛИ», выпущенному издательством «Мысль» в 2002 году, Андрей Вознесенский написал:

*Константирует Кедров
поэтический код декретов.
Константирует Кедров
недра пройденных километров...*

Эти недра пройденного озвучены в книге «Голоса». Голоса Андрея Вознесенского, Юрия Любимова, Генриха Сапгира, Алексея Парщикова и многих, многих друзей, коллег, учеников поэта впервые прозвучали здесь в той интонации, как их запомнил автор.

Это в прямом смысле полифоническое сверхмногоголосое произведение, где главные действующие лица именно голоса. Голос поэта и голоса его современников, творивших на грани двух столетий и двух тысячелетий.

Часть 1

МИСТЕРИЯ БИС

Вот я стою перед вами – актер, режиссер и автор, и единственная моя задача – сделать слышимыми для вас голоса, которые звучат во мне. Я назову их по ходу действия. Их не так много, этих людей, которые живы или умерли, но я их все равно слышу.

Александр Лазаревич.

Между родителями и детьми ничего общего, кроме жизни и смерти, но жизнь и смерть сближают.

Надежда Владимировна.

Дура я! На экзамене в ГИТИС стала читать Безыменского: «Весь мир грабастают рабочие ручки». А что я в этом понимала? Надо было басню Михалкова прочесть.

*И тогда на коврик спальни
выползают две ноги...*

Алексей Евгеньевич.

*Ах, Поленька, Поленька,
твоя штучка голенька.
Стала Поля подрастать,
стала штучка зарастать.*

Надежда Владимировна.

Я не понимаю, как можно арестовать человека безвинно. Мне кажется, я бы им объяснила, что они ошибаются! Ведь они тоже люди.

Алексей Евгеньевич.

Если враг не сдается, его уничтожают. Лес рубят – щепки летят.

*– Кушай тюрю, Яша,
молочка-то нет.
– Где ж коровка наша?
– Увели, мой свет.*

Александр Лазаревич.

Боже мой! Зачем я приехал в Пошехонье?

Надежда Владимировна.

Жизнь псу под хвост. А я-то, дура, колоски собирала.

Александр Лазаревич.

Может, все мы микробы в теле великана. Великан чихнет, и тотчас землетрясение.

Надежда Владимировна.

Пытки недопустимы. Товарищ Сталин сказал: дети за отцов не отвечают. Костя! Костя! Горе – Сталин умер. Что теперь будет?

Александр Лазаревич.

Им мавзолея мало. Они решили построить себе пантеончик. Майонез – это настоящий цимес. Ты не пробовал. Мама гладила тебя вот так, по шерстке, а я буду так – против шерсти.

Алексей Евгеньевич.

В церковь ходят не просить у Бога, а славить Бога.

Надежда Владимировна.

*Кавалеристы! Сталин дал приказ.
Кавалеристы! Зовёт отчизна нас.
И сотни грозных батарей
за слезы наших матерей,
за нашу родину огонь, огонь*

Вовка.

*Ученики, директор дал приказ
поймать учителя и выбить левый глаз.
За наши двойки и колы,
за наши парты и столы
по канцелярии огонь, огонь!*

Надежда Владимировна.

Горит в сердцах у нас стальная наша вьюга...

Я.

Дальше не помню.

Вовка.

*Горит в зубах у нас большая папироса,
идем мы в школу, чтобы двойки получать.
Валяется тетрадь, залитая чернилом,
и нам учитель всем поставит пять.*

Варвара Федоровна.

«Лилейно, нежно, страстно» – это Тютчев. Не то, что агитки Маяковского.

Александра Павловна.

Наука еще не обладает тайной бессмертия, но мы уже победили чуму и оспу.

Александр Лазаревич.

Кто такие большевики, мы не знали. Меньшевиков знали, эсеров знали, знали кадетов, а про большевиков никто и слыхом не слыхивал. В 17-м году власть перешла вовсе не к большевикам, а к эсерам. Потом появился Троцкий, а про Ленина мы слыхом не слыхали. Потом появились большевики, и сразу исчезли все продукты. Вернее не сразу. Сначала исчезли пирожные. Потом белый хлеб, потом черный.

Вовка.

*Дочь рудокопа Джаней,
вся извиваясь, как змей,
в красивой позе без слов
танцует танго цветов.
Однажды в этот притон
зашел красавец Гондон.
Увидев крошку Джаней,
был очарован он ей.
— Ходить ты будешь в шелках,
купаться в чистых духах
и средь персидских ковров
станцуешь танго цветов...*

Александр Лазаревич.

Культ Сталина развенчали, а культ Ленина зачем-то оставили, да и Шекспир вовсе не сам писал свои пьесы, а компилировал других авторов.

Алексей Евгеньевич.

Справедливости не ищи. Когда немцы брали Орел, в тюрьме всех заключенных расстреляли. Вывели во двор и расстреляли всех до единого. И правильно сделали. Лес рубят – щепки летят.

Надежда Владимировна (читая Евтушенко).

*Дух ее пятистенков,
дух ее первача,
ее Разина Стеньку
и ее Ильича.*

Ну, насчет духа пятистенков это он хватанул.

Радио.

Союз нерушимый республик свободных...

Вовка.

Союз нерушимый бежал за машиной...

Александр Лазаревич.

Станиславский, Станиславский! Сделали из него систему, а он режиссер, как режиссер. Есть интересные наблюдения, а в целом чушь собачья. По Станиславскому получается, чтобы сыграть Пилата, надо мысленно распять Христа. Ерунда какая-то. Если я буду вживаться в роль, то мне ее вовек не сыграть. Вот биомеханика Мейерхольда — это вещь. Актер должен владеть своим телом не хуже акробата, а сейчас ни петь, ни плясать не могут. Они, видите ли, вживаются в роль.

Я (в 6-м классе).

Если умру, из праха
деревце вырастет пусть,
чтобы тенистым взмахом
гнать с человека грусть.

Учительница.

Откуда мы узнаем о прошлом?

Одноклассница.

Из костей.

Учительница.

Кто главный враг мира?

Одноклассница.

Соединенные штаны.

Учительница.

Что-о-о?!

Надпись в моем фотоальбоме (7-й класс).

*Если встретиться нам не придется,
если так уж жестока судьба,
пусть на память тебе остается
неподвижная личность моя.
Когда-нибудь среди бумаг,
покрытых слоем пыли,
найдешь ты карточку мою
и вспомнишь, как ...*

Надежда Владимировна.

Никогда не поверю, что врачи могут быть убийцами. Это такая благородная профессия. Нет ничего дороже человеческой жизни.

Вовка.

*Люблю тебя, как русский водку,
как немец любит колбасу,
люблю тебя, как жид селедку,
любить сильнее не могу.*

Я.

Что такое жид?

Песня в детском саду.

*Мы готовы к бою,
Сталин наш отец...*

Я (придя домой из детсада).

Папа, я не твой сын? Мой отец Сталин?

Александр Лазаревич.

Сталин – отец всех детей, а я твой папа, но Сталин – отец всех детей
мира – и твой, и мой.

Из письма в газету «Комсомолец Татарии».

*Ветер вокруг колыбался
и задувал под белье.
Долго Иван любовался
всеми чертами ее.
Молча стоял он, как рота.
Мозг не варил ни рожна.
Сладко стоять, но работа
родине нынче нужна.*

Из второго письма.

*Люби, подруга, радость жизни,
природу и ее красу.
Одной ногой мы в коммунизме,
другой на жизненном посту.*

Из третьего письма.

*Наш идеал не Аль Капоне,
не кардинал в сиреновой попоне.*

Юля Колчанова (зав. молодежным отделом).

Мы думали в космос полетят ученые, интеллигентные Паганели,
а там одни военные.

Света Шнегас (художник).

*Нашей партии хвала,
все нам партия дала.
Но ведь партия не блядь,
всем она не может дать.*

Студент Володя Булычев.

*Сложен мир, и хоть не сразу
я познал его, заразу.*

Алексей Евгеньевич.

Ну что, просрал свою парафию?

Я.

Я и сегодня не знаю, что значит эта парафия. Алексей Евгеньевич говорил так, когда моя репутация рушилась. То же самое сказал он о Хрущеве, когда его сняли. После смерти Алексея Евгеньевича эту фразу любила повторять мама, когда в очередной раз надо мной сгущались тучи, а сгущались они постоянно.

Вовка.

Хочешь по шее?

Я.

Не хочу!

Вовка.

А я все-таки дам тебе по шее, чтобы ты не очень вообразал.

Я.

Ага, кровь из носа! Вот мама придет и увидит.

Вовка.

Не увидит. Я смою.

Я.

А я за эту нитку схвачусь, и кровь останется.

Вовка.

А я ее ножницами чик, и нет нитки.

Я.

Обещал по шее, а бьешь по носу. Вот вырасту и за все тебе отомщу.

Вовка.

А я тебе в глаз!

Я.

Не достанешь. Я буду начальником. И буду ездить в машине, как Евгенич.

Вовка.

Ничего, я тебя и в машине достану.

Мария Павловна.

*Однажды повар грамотей
с поварни убежал своей.
Он набожных был правил
и в этот день по куме тризну правил.*

Я.

Что такое грамотей? Что такое тризна? Что такое «набожных был правил»? Что такое кума? Что такое правил?

Мария Павловна.

Это Крылов Иван Андреевич, великий баснописец. Вырастешь – поймешь.

Я.

А когда я вырасту?

Мария Павловна.

Когда поймешь.

Я.

Ну вот я и вырос, а все равно не понимаю, какая-то кума или кумá. Слово-то какое противное – кума, свекровь, тесть, зять, стрый, сватя. То ли дело у французов, все родственники кузены. А то двоюродный, троюродный, молочный, единоутробный.

Вовка.

Я твой единоутробный брат. У нас разные папы, но одна мама.

Я.

А кто твой папа?

Вовка.

Актёр Витковский. Он, говорят, совсем спился, а раньше был герой-любовник.

Я.

А что такое любовник?

Вовка.

Это который главную роль играет.

Александр Лазаревич.

На одних любовниках далеко не уедешь. Вот, например, есть такое амплуа – благородный отец из Костромы.

Я.

Я не стал спрашивать, кто этот благородный отец и почему он из Костромы.

Радио (*хор*).

Кострома, Кострома, сударыня Кострома!

Я.

В моей жизни такой герой однажды появился. Это был пушкинист с роскошными седыми патлами, в широкополой шляпе. Мы с ним работали на кафедре русской литературы в Литинституте. Точнее кафедра называлась так: «Кафедра истории русской литературы», а

литинститут именовался Литературный институт им. Горького СП СССР. Как я там оказался? Это отдельная история. Пушкинист вошел в аудиторию. Держал паузу. Потом швырял томик Пушкина на стол с диким воплем.

Пушкинист.

Пушкин... гений!!! Да-да! Гений. Сколько детей было у Моцарта? Не знаете. А у Сальери какая-то Изора. Яловая, бездетная. От нее один яд остался. В перстне Сальери. Вот его он и сыпанул Моцарту. Сальери говорит: «Останься, Моцарт, покутим, пообедаем...» – А Моцарт: «Нет, не могу, у меня жена дома, детишки...» *(Плачет. Вынимает грязный платок, сморкается и снова плачет).*

Я.

Пушкинист во время войны служил в организации СМЕРШ – смерть шпионам. Иногда ее называли просто расстрельная команда.

Пушкинист.

Ах, молодежь, молодежь. Ничего-то вы не знаете... В войне победителей не бывает. Война уже поражение.

Контрразведчик-литературовед.

Все эти книги про доблестных разведчиков – дикая чушь. Мне просто приказали: будешь служить в разведке. Дали кабинет, притащили сейф. Главное, чтобы сейф вечером опечатывался. А почему? В нем отродясь ничего, кроме фляги спирта, не было. И так всю войну. Это меня из-за контузии в тепло посадили. Вот говорят, «Троица» Рублева гениальна. А я смотрю, там вместо руки клешня. В Европе в это время Тициан был, Веласкес, я уж не говорю о Рафаэле, Микеланджело, Леонардо. Храмы реставрируют. А, может, не надо пока реставрировать? Может, лучше дать мне квартиру. Я тут посчитал, какой гонорар платили Пушкину за строку. Так вот, рубль двадцать. В те времена это стоимость одной коровы. Я помню чудное мгновение – корова. Передо мной явилась ты – корова. Как мимолетное виденье – корова. Как гений чистой красоты – стадо.

Я.

Контрразведчика послушать, так он в контрразведке только спирт пил. Пушкинист был куда откровеннее.

Пушкинист.

Был я в трофейной комиссии. Была такая позорная организация. Брали в Германии все, что плохо лежит. Я вывез целую машину. На границе все пропустили. Отняли только «Майн кампф» на русском языке. Но прочесть я успел.

Я.

Ну и как?

Пушкинист.

Вопросы ленинизма. Жуткая скучища. А что до евреев, то мы и без Гитлера...

Я.

Тут пушкинист якобы осекся и перевел разговор на другую тему. Профессор Кирпотин и профессор Машинский покраснели.

Валерий Яковлевич Кирпотин.

Имейте в виду, что один из членов кафедры стукач. Я и Машинский, естественно, отпадаем.

Я.

Тогда или пушкинист, или контрразведчик.

Кирпотин (*пожимая плечами*).

Не знаю.

Я.

Парадокс, но профессор Кирпотин и профессор Машинский были членами партии. Контрразведчик и пушкинист – б/п (беспартийными), что переводилось, как «большое преступление». Впрочем, все четверо, а со мной все пятеро ненавидели сталинизм. Только все по-разному.

Кирпотин.

Термин «соцреализм» появился так. Сталин собрал всех крупных писателей в доме у Горького – особняке вблизи Тверского бульвара. Были там Горький, Артем Веселый.

Артем Веселый.

Вот мы здесь сидим за столом и беседуем на равных, а, между тем, среди нас сидит гений. Имя ему Иосиф Виссарионович Сталин. Я предлагаю выпить за гениального Сталина.

Сталин (*выпивает, поморщась*).

Нам славословия не нужны. Нужна настоящая литература. Реализм, как у Чехова, как у Толстого. Только социалистический! Социалистический реализм.

Кирпотин.

После этого был доклад мой и Горького на I съезде писателей. Я вписал термин «соцреализм» и в доклад Горького, и в свой, по драматургии, а настоящий автор этого термина Сталин.

Пушкинист.

А-а-а-а-а! (*Машет рукой*).

Кирпотин.

Мы предполагали, что это только начало: Фадеев, Вс. Иванов...
А там становилось все хуже и хуже.

Контрразведчик.

Еще бы, расстреляли Пильняка, расстреляли того же Веселого, а потом и Бабеля.

Кирпотин.

Бабель был тот еще душегуб. Ежов положил глаз на его жену, поэтому так все получилось. Гуманистом Бабель, уверяю вас, не был.

Пушкинист.

Зато Сталин был гуманистом.

Кирпотин.

Гуманистом он не был, но книги читал. За ночь просматривал все толстые журналы и пометки делал весьма не глупые. На «Иване Грозном» Алексея Толстого пять раз написал – «учитель».

Контрразведчик.

Что учитель, что ученик, оба книголюбые и душегубы.

Кирпотин.

Мы знали, что революция – это террор, но по Марксу считалось, что после террора начнется подлинная свобода.

Я.

Свобода ценой террора?

Кирпотин.

Революцию не делают в белых перчатках.

Пушкинист (*машет рукой*).

А-а-а-а! Провались!!!

Я.

Так протекали кафедральные среды, которые я очень любил. Все 17 лет, пока КГБ не потребовало меня убрать.

...Мысль об аспирантуре и кандидатской диссертации возникла у меня от отчаяния. Надежда печатать свои стихи истаяла, как снег, после погрома, устроенного Хрущевым всей художественной интеллигенции. «Убирайтесь отсюда к чертовой матери, господин Вознесенский, к вашим заокеанским хозяевам...» Вознесенский на время исчез. Исчез и я, растворившись в вояжах между Москвой и Казанью. На всякий случай прикрепился к кафедре в Казанском университете и потихоньку сдавал кандидатский минимум, а тем временем заглянул на кафедру русской литературы Литературного института СП СССР им. Горького. Там мой диплом встретили благосклонно и

хотели взять в аспирантуру. Так и мотался между Москвой и Казанью, сдавая кандидатский минимум. Мол, сдам, а там видно будет. Декан истфилфака Казанского университета Н.А. Гуляев завел меня под лестницу и вполголоса пробасил:

Гуляев.

Фигура вы, сами знаете, одиозная. Постарайтесь закрепиться в Москве, а минимум сдавайте у нас. Человек вы, конечно, неординарный.

Я.

Генеральный план Гуляева сработал. Вдруг в один из приездов в Казань к моей жене Лене Кацюбе, уже ни на что не надеясь, получаю телеграмму от зав. кафедрой русской литературы Литинститута профессора Кирпотина. Хотя в аспирантуру в тот год уже взяли Валерия Гейдеко, мне предлагалось, оставаясь прикрепленным к кафедре, проработать год старшим лаборантом, а там видно будет. Я срочно выехал в Москву. Все шло хорошо, но вдруг в Казанском университете на идеологическом совещании заявляют, что выпускники истфилфака якобы массово уходят в священники, в том числе и я. Дескать, живет в Москве, а в Казань приезжает служить обедни. Новость тут же распозлалась по Казани. Лену мягко допрашивал в Доме печати журналист «Советской Татарии».

Лена.

Пишу дипломную работу и ничего не знаю.

Журналист.

И о чем диплом?

Лена.

О научной журналистике, о теории относительности, о квантовой механике.

Журналист.

Ну, и какова скорость света?

Лена.

300 км/сек².

Журналист (*криво усмехнувшись*).

Умная какая. Женщине это все не нужно. Она должна быть умна своим, бабьим умом.

Лена (*пожав плечами*).

Кому как.

Я.

Поскольку проверить факты было, видимо, очень просто, явных последствий эта провокация не имела. Хитроумный план двух про-

фессоров-марксистов удался. Я поступил в аспирантуру и на целых три года смог перевести дыхание. Лена закончила университет и переехала ко мне в Москву на ул. Бужениновскую, где я снимал комнатушку метров 11. Три года жизни на аспирантскую стипендию в 65 рублей были годами почти безоблачного счастья. С Бужениновской мы перекочевали в Малокозловский переулок, где когда-то «у Харитонья в переулке» останавливалась Татьяна Ларина. Я писал, а Лена печатала на огромной «Москве» мою кандидатскую, чтобы защититься – во всех смыслах этого слова. Продолжить работу по теме диплома (Хлебников, Лобачевский, Эйнштейн) на кафедре русской литературы было невозможно. Поэтому Кирпотин предложил рассмотреть то же самое у... Пушкина. Я обалдел. Доломерие Пушкина, по словам Хлебникова, «эвклидово», никак не совпадало с доломерием Хлебникова, неэвклидовым. А меня только это и волновало. Но не до жиру – быть бы живу. Согласился на Пушкина.

Семен Иосифович Машинский.

А замаскируем все это словом «эпическое». Эпос – это ведь и пространство, и время,

Я.

Вскоре Кирпотина прогнали на пенсию, а Машинский, став зав. кафедрой, предложил мне заняться еще и Гоголем. Я с удовольствием согласился. Гоголь к футуристам ближе, чем Пушкин.

Машинский.

А чтобы тему не прерывать, возьмите еще и Лермонтова. Будет вполне академическая тема: «Эпическое начало русского романа 1-ой половины XIX века». А в скобках добавим: «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Мертвые души», – чтобы полностью всех запутать.

Я.

Семен Иосифович Машинский умел вести корабль между айсбергами. Он был дружен с Городецким, с Крученых, с последними футуристами Шкловским и Кирсановым. Познакомил меня с правнуком Тютчева Кириллом Васильевичем Пигаревым. Пигарев стал моим внешним оппонентом. Помню, сидим мы с ним у какого-то мраморного камина. Вокруг бегают с деревянной сабелькой и орет благим матом пра-пра-правнук Тютчева, внук Кирилла Васильевича. А он сам, весь чистенький, седой, в чем-то крахмальном и белоснежном под аглицким костюмом цвета кофе с молоком, сверкая бриллиантовыми запонками, листает мою диссертацию.

Пигарев.

Это у вас так замечательно: свет фонарей, сияние снегов, луна – все сливается в симфонию, как у Скрябина. Вы слушали «Поэму экстаза» в цветомузыкальном оформлении?

Я.

Тут я вострепнулся и залился соловьем. Цветомузыкой меня еще в Казани задолбал Булат Галлеев со своим клубом «Прометей». Пигарев оказался, как все знакомые Машинского, человеком рафинированным, высокой дворянской культуры. Этаким Павел Кирсанов. В свое время Сталину очень понравилась книга Пигарева о Суворове «Солдат-полководец». Эту историю я слышал и из третьих уст, и от самого Пигарева. Приходит он в Институт мировой литературы, а ему говорят: «Вам только что звонили из Кремля. Товарищ Сталин просил ему позвонить». – «А по какому телефону?» Бледный директор протянул ему номер телефона, судорожно записанный на клочке бумаги.

Пигарев.

Я подумал, что звонить от директора неудобно. Ведь Сталин просил позвонить ему лично. Вышел я на улицу и к телефону-автомату. Выстоял очередь, набрал номер, мол, это я, Пигарев. Товарищ Сталин просил позвонить. Отвечают, что товарищ Сталин знает, ждите. Я жду, а очередь беснуется. Я говорю, мол, товарищи Сталин просил подождать. Очередь, конечно, не поверила. Меня чуть ли не силой из телефонной будки вытаскивают. Но тут в трубке еле слышно хриплый голос:

Сталин.

Спасибо, что позвонили, у меня к вам разговор

Пигарев.

Товарищ Сталин, меня тут из телефонной будки вытаскивают!

Сталин.

Тогда позвоните мне из дома.

Пигарев.

Не могу! У меня нет телефона.

Сталин.

А вы все равно позвоните

Пигарев.

И – ту-ту-ту-ту... Иду на негнущихся. Подхожу к своей двери, а там уже какие-то рабочие тянут катушку провода. «Открывайте дверь! Где вы там ходите?» Установили телефон и ушли. Хочу набрать номер и, о ужас, не нахожу ту бумажку. Я ее в будке оставил. Снял трубку, не зная, что делать, а оттуда голос:

Сталин.

Товарищ Пигарев, ну как вы, дошли до дому?

Пигарев.

Дошел, товарищ Сталин.

Сталин.

Мне очень понравилась ваша книга о генералиссимусе Суворове. Может, еще о другом генералиссимусе напишете?

Пигарев.

Тут я с дуру и ляпнул: «Хорошо, товарищ Сталин, я напишу о... Ку-тузове». Щелчок, и в трубке ту-ту-ту-ту... Он хотел, чтобы я о нем написал. Но, слава богу, мне ума не хватило догадаться.

Я.

Вторым моим оппонентом стала очаровательная Эмма Артемьевна Полоцкая, специалистка по Чехову.

Полоцкая.

У вас не диссертация, а поэма. Я кинулась перечитывать Пушкина, Лермонтова, Гоголя и увидела там все, о чем вы пишете. Но кроме вас этого никто не увидел.

Я.

Внешний отзыв давала кафедра Педагогического института во главе с профессором Ревякиным. Ревякин специалист по драматургии Островского. Тут могли быть самые неожиданные сюрпризы, но все обошлось наилучшим образом. Защита состоялась в МГУ. У Литинститута не было в 1973 году права на защиту диссертаций. Секретарь ученого совета, друг и покровитель С.И.Машинского Петр Алексеевич Николаев призвал ученый совет:

Николаев.

Прошу вас не увлекаться, как в прошлый раз.

Я.

А в прошлый раз аспирантка защищалась по импрессионизму. Все шло гладко. Вдруг встал какой-то сморчок: «Дайте дефиницию». Она все про чувства да впечатления, а он свое: «Нет, вы дайте дефиницию из Советской энциклопедии». Да и зачитал: импрессионизм – гниющее, упадочное, буржуазное и т.д. В общем, завалил аспирантку. Со мной прямых указаний заваливать не было. Правда, контрразведчик-литературовед задержал защиту на целый год, цепляясь к мелочам, но он был простой доцент, а Машинский – профессор, зав. кафедрой, да и Кирпотин маститый и всем известный. Так что все обошлось. Один черный шар – это как по заказу. Скорее

всего, его мог запустить известный автор нудных советских учебников по теории жанра. Впрочем, однажды я встретил его с бидоном борща из писательской столовки. Он меня узнал, поздоровался.

Автор учебников.

Перечитываю вашу диссертацию с большим интересом.

Я.

Оно и понятно. В Переделкино или в Коктебеле, на отдыхе, все добрые, мягкие и пушистые. Так что один черный шар мог запустить и кто-то другой. Прямых критических высказываний на ученом совете не прозвучало. Зав.кафедрой русской литературы МГУ Василий Иванович Кулешов (его я про себя называл «Чапаев», а Петра Алексеевича Николаева – «Петр Первый») на предварительном обсуждении важно изрек:

Кулешов.

Обязательно проследите за полями. У вас 15 миллиметров, а надо 20. И бумага какая-то странная, рубчиком. Где вы такую взяли?

Я.

Другой в магазинах не было.

Кулешов.

Все равно. Это ведь эм-гэ-у.

Я.

И поднял вверх пухлый палец.

Так вместе с Чапaeвым и Петром Великим проскочил я в официальное литературоведение. Впереди Василий Иванович с Петром Алексеевичем, с флангов правнук Тютчева Кирилл Васильевич Пигарев и Эмма Артемьевна Полоцкая. С тылу мощно подпирали два интеллигентнейших профессора: ученик Гудзия профессор Семен Иосифович Машинский и выпускник Института Красной профессуры Валерий Яковлевич Кирпотин (по кличке «Брюсов» – тот тоже был Валерий Яковлевич).

Вскоре после защиты подошла ко мне Аза Алибековна Тахо-Годи (она читала в Литинституте античную литературу).

Аза Алибековна.

Алексей Федорович в восторге от вашей статьи «Евгений Онегин в системе образов мировой литературы». Приходите к нам в гости в среду, часиков в семь. Мы живем на Арбате. Вход со двора. Там табличка: «Профессор А.Ф. Лосев».

Я.

Так мы познакомились и подружились с гениальным учеником гениального Флоренского А.Ф. Лосевым. На его чаепитиях в те глухие 70-е

пришли к единому мнению, что Платон ошибся, когда поставил в основу мира эйдос – идею. На самом деле в основе – имя. Я возражал, что имя тоже безлико. Вон сколько Алексеев разгуливает, Алексей Федорович Лосев один. В основе не имя, а образ имени – метафора, или даже метаметафора. Лосев сверкнул непроницаемыми очками:

Лосев.

Метаметафора – это интересно. Прочтите что-нибудь ваше.

Я.

Никогда не приближусь к тебе ближе
чем цветок приближается к солнцу...

Лосев.

Это когда написано?

Я.

В 1957.

Лосев.

А я думал, что поэзия умерла. Странно. Но как вам удалось защититься с такой поэзией и с такой диссертацией?

Я.

А это спросите у Азы Алибековны. Она ведь знает наши институтские лабиринты.

Аза Алибековна засверкала в ответ такими же толстыми, как у Алексея Федоровича, окулярами. «Нам пора освежиться», – сказала она Лосеву и повела его в коридорчик.

Впереди у Лосева были семь томов «Античной эстетики» и еще 17 лет активной работы просветленной мысли. Он дожил до девяноста с лишним лет.

Мне предстояло 13 лет преподавания в Литинституте, создание домашнего семинара метаметафоры и группы ДООС. Публикации в сборниках «В мире Пушкина», в «Мире Толстого», «В мире Лескова», «В мире Есенина»; публикации по теории метакода и метаметафоры в «Новом мире» в 81-82 гг.; отстранение от преподавания по требованию КГБ в 1986 г.

Ректор Литинститута Пименов.

Я только, что прочел вашу статью о космосе в литературе в «Новом мире».

Я.

Но ведь она еще не напечатана.

Пименов.

Она лежит у меня на столе. Копия разослана во все гуманитарные ведущие вузы.

Я.

Как же это возможно? Ведь это нарушение авторского права.

Пименов.

А вот вы и подумайте, как это возможно. Вы подумали как это все в сердце ректора отзовется. Я ведь многое на себя беру.

Я.

А что там такого особенного нашли крамольного?

Пименов.

Как что? Я в ужасе. Опять космос. Опять наизнанку. Меня из-за вас на пенсию гонят. Вы читали в «Литературном обозрении» статью «На стыке мистики и науки» – это очень серьезно. Прочтите немедленно. Там все про ваши художества, но самое главное – в конце цитаты из Андропова и Черненко. Вы допрыгаетесь. Вот беру папку и завожу на вас персональное дело. Тут не персональным, а куда более серьезным пахнет. Когда я Таирова отстранял по заданию ЦК, он вел себя очень достойно. Вы меня, надеюсь, поняли.

Я.

Об отстранении Таирова Пименовым я знал с детства от своего отца.

Александр Лазаревич.

Вот в «Огоньке» тебя напечатали, в семь лет и уже такая слава. Всего одну роль сыграл и уже в «Огоньке». Я всю жизнь кого только не играл, кого не ставил, а в «Огоньке» первый раз себя вижу, в роли Счастливецца.

Я.

Я жадно схватил «Огонек» 50-го года и действительно увидел отца в клетчатых штанах со штрипками в роли Счастливецца в «Лесе». А где же я в роли гнома в комбинезоне колпачком, с приклеенной бородой до пояса, с бархатной подушечкой в руках, на которой туфельки обклеенные зеркальными осколками?

Александр Лазаревич.

Вот видишь, Золушка в окружении детей, а вот твой затылок. Ты в этот момент отвернулся от объектива к Золушке.

Я.

Мне так фотограф велел.

Александр Лазаревич.

Затылок твой вполне узнаваем.

Я.

А что под снимком написано?

Александр Лазаревич.

Пришли в гости к Золушке юные зрители.

Я.

Впервые в жизни у меня потемнело в глазах от несправедливости. Я не зритель, я актер!

Александр Лазаревич.

Да ведь и про меня как-то вскользь написано. Словно и не я «Золушку» поставил, а кто-то другой.

Я.

Отец плохо разбирался в политике и не понимал, что в стране идет антисемитская борьба с космополитами безродными. Он считал себя русским, вернее просто советским человеком и был уверен, что национальные предрассудки ушли в далекое прошлое.

Александр Лазаревич.

Главное, что теперь после статьи в «Огоньке» театр уже не закроют.

Я.

Театр закрыли и не исключено, что именно из-за статьи в «Огоньке». И семья наша тогда же распалась.

Пименов.

Я отца вашего, режиссера Александра Лазаревича Бердического, прекрасно знаю. Я ведь его защитил от нападок и обвинений в таировщине и мейерхольдовщине. Он талант. А Таирова я лично принимал в своем кабинете, когда Камерный Театр расформировали. Да, он вел себя очень достойно, но вскоре умер. Это ведь здесь, рядом с нашим институтом было. А жена его, Коонен, собой не владела.

Коонен.

Проклято будет место сие. И ничего в нем не будет доброго.

Пименов.

Пока идите работайте. Я многое на себя беру.

Человек в буфете ЦДЛ.

Мы с вами мало знакомы, но я вас хорошо знаю по статьям в «Новом мире», и передачи у вас прекрасные. Я видел «Отцы и дети», где вы со Смоктуновским. Между прочим, прекрасно смотрите. А я ответ. секретарь «Литературного обозрения». Вы, конечно, уже читали 4-й номер за 1984-й.

Я.

Странно, что все это напечатано в конце номера каким-то мелким шрифтом и ссылки в финале на Андропова, а потом на Черненко. На двух генсеков сразу у нас после Ленина-Сталина ссылаться как-то

не принято. Неужели моя «Звездная книга», напечатанная в «Новом мире», кого-то так напугала. И название «На стыке мистики и науки» звучит как прямой донос.

Человек в буфете.

Вы можете не поверить, но я в это время замещал редактора. Так вот я ничего не знал об этой статье. Она появилась внезапно и без ведома редакции.

Я.

Разве такое возможно?

Человек в буфете.

Как видите. Но я хочу, что б вы знали. Редакция к этой статье не имеет никакого отношения. У нас никто ее никому не заказывал. Я подписывал собственноручно номер в печать. Там этой трихоманеллы не было, и не могло быть пока я ответсек. А кто этот автор с каким-то вычурным именем, не то Леонардо, не то Рафаэль?

Я.

Ладно, что не Микеланджело. А, впрочем, какая разница. Важен результат. Пименова выгоняют на пенсию, а меня отстраняют от преподавания.

Человек в буфете.

Тяните время. Уже и Брежнев умер, при котором вы «Звездную книгу» каким-то чудом напечатали. Как вам это удалось? И Андропов с Черненко, на которых этот Боттичелли ссылается, уже ничего не скажут. Горбачев, правда, призывает к ускорению, а вы тяните. Вот и Пименов на пенсию не торопится.

Горбачев.

Как сказал поэт Фет, «пусть не вечен человек, все, чтоечно, человечесно».

Я.

Гони зайца дальше.

Человек в буфете.

Какого зайца?

Я.

Это любимая пословица профессора Семена Иосифовича Машинского. Это он мою статью в «Новый мир» рекомендовал. В 58 лет от разрыва аорты умер. Теперь на смену ему прислали какого-то воронежского. Заведует кафедрой.

Поэт Евгений Винокуров.

Я должен вас предупредить. Был секретариат Союза Писателей. Меня иногда приглашают для декора. Там был прямой разговор о вас. Мол, Пименов уже стар, не справляется, допустил в Литинсти-

туте пропаганду мистики и религии. И прямо назвали ваше имя. Какой-то студент из Липецка под влиянием ваших лекций уверовал и партбилет на стол положил. Да кто ж теперь не уверовал. Да, странные времена. Горбачев с патриархом рядом сидит, а глава КГБ Чебриков называет главными врагами Бердяева и Флоренского.

Чебриков (*выступление на последнем, 27-ом съезде КПСС*).

Потерпев поражение на политическом и экономическом фронте, капитализм стремится наверстать упущенное, забрасывая к нам нелегально труды религиозных философов эмигрантов Бердяева и Булгакова. Напрасные потуги. Мы должны проявить бдительность и вовремя дать отпор.

Горбачев, сидя в президиуме, одобрительно кивает.

Вражий голос.

Тело правозащитника писателя Марченко было выдано его жене, дежурившей двое суток возле Чистопольской тюрьмы. Писатель Марченко отказался подписать заявление о том, что он отказывается от антисоветской деятельности.

Глеб Якунин.

Ничего подобного. Марченко отказался выходить из тюрьмы, пока всех политических не выпустят.

Я.

Вместо этого он объявил голодовку и, несмотря на насильственное кормление, умер в тюрьме. Вдова Марченко сообщила журналистам, что тело ее супруга было таким, какими выглядели тела узников Освенцима.

Горбачев.

Главное – человеческий фактор.

Я.

Роковая кафедра собралась по приказу нового, прогрессивного ректора Литинститута и парткома. Есть фильм «Никто не хотел умирать». Я бы назвал эту кафедру «Никто не хотел убирать». Но убирать меня было поручено двум доцентам и новому зав. кафедрой из Воронежа, никому не ведомому Основину. Кирпотина к тому времени отправили на пенсию. Семен Иосифович Машинский умер. Но почему-то я не могу представить себе заседание кафедры без Валерия Яковлевича и Семена Иосифовича. Пусть они тоже будут.

Основин.

Будем откровенны. Как сказал ректор, «органы, которые призваны следить за политическим и идеологическим климатом страны, с тревогой говорят о лекциях Константина Александровича».

Машинский.

Мы были на публичной лекции, просматривали планы, кроме того, все не раз посещали занятия Константина Александровича. Его лекции увлекательны, иногда спорны, но ничего супротивного в них не просматривается. Пусть те, кто имеют претензии к нашему преподавателю, четко сформулируют, что они имеют в виду.

Основин.

Дело в том, что, по их утверждению, наш студент из Липецка под влиянием лекций Константина Александровича уверовал в Бога. Но это еще не все. Он вышел из партии. На самом деле это сейчас происходит везде и всюду – перестройка. Однако списывают на нас.

Контрразведчик.

Я и раньше предупреждал, что у вас есть крупные методологические ошибки.

Я.

Слово «методологические» Контрразведчик произнес почти по слогам. Дело в том, что для отстранения от преподавания могут быть только два повода: уголовное преступление или методологические ошибки. Если бы кафедра вынесла решение о методологических ошибках, можно было бы выносить обсуждение на ученый совет. Только ученый совет большинством в две трети голосов мог отстранить от преподавания. Впрочем, за два года до этого, при Андропове, была принята поправка. Если раньше на парткоме утверждались кандидатуры только кафедры марксизма, то теперь сквозь молотилку парткома должны были проходить все. Правда, только при поступлении. Я же проработал на кафедре 17 лет.

Пушкинист.

И вообще, есть в вашем облике, и внутреннем и внешнем, что-то, что противоречит статусу преподавателя нашего института. Примите это от меня после 17 лет преподавания.

Кирпотин.

Вы молоды и не знаете, что такое настоящая проработка. Слава Богу, сейчас другие времена. От ошибок никто не застрахован. Я думаю, что Константин Александрович извлечет должный урок из случившегося и в следующем учебном году усилит методологию. А мы все ему в этом поможем.

Основин.

Согласен. Так и запишем в протокол: усилить методологию.

Контрразведчик.

И обязательно впишите мое замечание.

Пушкинист.

И еще надо внести: обязать Константина Александровича представить окончательный вариант докторской диссертации не позднее сентября, уже к первому семестру.

Основин.

Согласен, так и запишем. Указать на методологические неточности и внести исправления.

Машинский.

Может, не надо «методологические»? Напишем просто – неточности.

Основин.

Как вы?

Контрразведчик

Согласен, но только мое замечание обязательно обозначить в протоколе.

Пушкинист.

Когда мы вошли в Берлин, началось массовое бегство офицеров и солдат в американскую зону. Первое время это было легко и просто. А потом стали хватать. И схватили моего приятеля. Он уже из окна намылился прыгнуть, но кто-то настучал...

Машинский (*ложится в гроб и улетает*).

До свидания, Константин Александрович. Не падайте духом. В наши времена все было куда лютее.

Пушкинист (*ложится в гроб*).

Эх, молодежь, молодежь. Это ведь только в песне поется:

*Когда страна быть прикажет героем,
у нас героем становится любой.*

Основин (*ложится в гроб*).

Слава Богу, мне за это заседание вклеили выговор по партийной линии, и вообще мне осталось жить полтора года.

Контрразведчик (*ложась в гроб*).

Ну, а я еще стану секретарем ученого совета несмотря на рак предстательной железы, и умру через девять лет.

Кирпотин (*ложась в гроб*).

Странно, но я проживу дольше всех, до 93 лет, потеряю слух и зрение. Я мар-р-ксист, хотя Маркс и Энгельс ошиблись в прогнозах на будущее и в отношении религии. Без Христа невозможно понять

историю. Вернее без Христа не было бы вообще никакой истории. Меня научил этому Достоевский.

Пушкинист (*высовываясь из гроба*).

И вообще не нужно никаких художеств. Надо просто писать правду. Прав Пастернак. Стих – это куб дымящейся совести и ничего более.

Я.

Согласен, но почему именно куб, а не спираль, или шар, или вообще лента Мебиуса.

Пушкинист.

Формалист вы неисправимый. Правильно КГБ вас отстранило. Но я был против, в протоколе записано (*закрывает крышку гроба изнутри, оттуда доносится голос*).

*Я помню чудное мгновенье,
передо мной явилась ты,
как мимолетное виденье,
как гений...*

Я.

Старо.

Новый, прогрессивный ректор.

Что?

Я.

Так, ничего.

Новый ректор.

Чем закончилась кафедра? Впрочем, это неважно, я ничего против вас не имею, но меня берут за яйца...

Я.

Неужели у этого комсомольца есть яйца?

Надежда Владимировна.

Сыночка, тебя сократили?

Я.

Нет, я ушел сам. Мне сказали, что иначе будет тюрьма. 74 прим – антисоветская пропаганда и агитация с высказываниями ревизионистского характера.

Надежда Владимировна.

А если ты напишешь..?

Я.

Если напишу, то все равно не отвяжутся.

Новый ректор.

Я должен вас обрадовать. Они сказали: «Пусть Константин Александрович занимается наукой и творчеством». Вам запрещено только преподавать.

Я.

Беруфтфербот?

Новый ректор.

Что?

Я.

Беруфтфербот – запрет на профессию. Изобретение Геббельса.

Новый ректор.

А-а-а.

Надежда Владимировна.

Сволочи!

Я.

Мне так хотелось бы поставить маме памятник здесь, в Николо-Песковском, чтобы она стояла с вытянутой вверх рукой с трогательно сжатым кулачком, поднятым ввысь. «Сволочи!» Это она, такая законопослушная, уверенная, что власть можно умолить и растрогать правильным поведением. А на постаменте я бы написал только одно слово: «Сволочи».

Валерий Яковлевич Кирпотин прав, без Христа не может быть никакой истории, кроме истории с Берлиозом на Патриарших прудах. Новый ректор вскоре пошел на повышение, стал в ЦК куратором всей литературы. После путча исчез, а в середине 90-х вынырнул снова. Стал министром культуры. Потом, пользуясь комсомольским термином, его снова «взяли за яйца», и министром культуры стал не он, а Швыдкой. Теперь на кафедре русской литературы нет никого из действующих лиц нашей пьесы. И я – единственный живой свидетель происходящего. Может, это и есть история? История, которую не пишут, а в которой живут.

*Времена не выбирают,
в них живут и умирают.*

Не знаю. Лично я выбрал другое время и другую историю.

Студент из Липецка.

Простите меня. У меня ребенок долго белел, его окрестили, и он выздоровел. Они сказали, если не подпишу, они возбудят дело по статье антисоветская пропаганда. У меня был обыск, и нашли томик Бердяева. Сказали: до четырех лет тюрьмы и три года ссылки.

Я.

Я знаю. Они трясли наших заочников по всему Союзу и требовали подписать бумажку, что я рассказывал на лекциях «про космос и загробную жизнь». Весь этот треп о перестройке и гласности – ловушка для дураков.

Фольклор времен перестройки.

*Товарищ, верь, пройдет она,
эпоха перестройки, гласности.
И в кулуарах Безопасности
запишут наши имена.*

Студент из Якутска.

У нас в Якутске были студенческие волнения. Там еще затесалась американка с якутскими корнями. Меня вызвали в КГБ: «В Литинституте есть такой преподаватель Кедров. Это не он вас к демонстрации подстрекал?»

Студент из Тулы.

Тут после вечера Высоцкого меня вызвали в КГБ и понуждали дать на вас показания, что вы рассказывали про космос и загробную жизнь. Но я отказался. А некоторые подписали.

Я.

Да ничего от этих подписей не зависит. Они сами любой донос и любую подпись поставят. А вам спасибо, конечно...

Студентка Ирина Суглобова.

Мы всем курсом написали письмо Горбачеву и, если потребуется, положим на стол студенческие билеты.

Я.

Положить-то вы положите, а обратно вам их не отдадут. А за письмо к Горбачеву спасибо.

Евгений Винокуров.

Когда Пастернака из Союза писателей исключали, наши студенты взбунтовались и пошли к ректору Сергееву. А вы, наверное, помните, как у Межирова?

Межиров.

*Навсегда, навсегда, навсегда до конца,
коммунисты вперед, коммунисты вперед.*

Евгений Винокуров.

Ну, вот встретил их ректор Сергеев прямо на лестничной вот этой площадке. Да как гаркнет: «Коммунисты, назад!» И все попятились. Так вот все повторилось двадцать лет спустя. Коммунисты с Высших

литературных курсов пошли к ректору, чтобы вас защитить. Он их принял, правда, не на лестничной площадке, а в кабинете. Но результат тот же.

Новый ректор.

Можете поблагодарить студентов за письмо к Горбачеву, но ответа не будет. Мне прямо сказали: «У вас что, все преподаватели читают лекции, после которых студенты кладут на стол свои партбилеты и крестятся?» К тому же органы, призванные следить за идеологическим и политическим климатом в стране, с тревогой говорят о лекциях, которые наш преподаватель читает на стороне.

Я.

В августе 1986-го года я написал заявление об уходе. Забавная симметрия. Я пришел в Литинститут в 1968-ом, а покинул его в 1986-ом. Невольно поверишь в мистику чисел. 68 – 86 – палиндром. Началась «творческая и научная деятельность», проще говоря, безработица. И закончилась она только в 1990-м году, когда два миллиона москвичей высыпали на улицу и потребовали устранения 6-го пункта конституции, КГБ лихорадочно уничтожал дела, заматывая следы своих преступлений. Я стал обозревателем лучшей газеты страны «Известия».

Евгений Евиушенко *(на VI Санкт-Петербургском культурном форуме).*

Между прочим, довольно трудно было пробить многие вещи и о ком-то говорить, были полузапретные имена, градации такие, все распределено. И вдруг я в газете правительственной, тогда она была самой главной, появились твои статьи. Они просто поразили многих людей. Причем, не смотря на то, что ты считаешься авангардистом, ты просто любишь поэзию вообще, у тебя очень широкие вкусы. Я просто поразился. Это было большое дело – твои статьи в «Известиях», серьезно. Они очень раздвинули рамки тогда. И ты прибег все-таки к помощи государственной газеты и делал много очень хорошего.

Я.

Женя, газета «Известия» после августа 91-го уже не была государственной. Это было ОАО Редакция газеты «Известия», редактор Игорь Голембиовский.

Евиушенко.

Я не знал. Я хотел сделать тебе приятное.

Голос в телефоне.

Константин Александрович? Это говорит полковник из архивного отдела ФСБ. Мы знакомим вдову поэта Сергея Маркова с его делом. Вы придете к нам или вам это претит?

Я.

А где вы находитесь?

Голос.

Вы будете смеяться, но это рядом с секс-шопом на Кузнецком мосту.

Я.

Прямо скажу, это были не самые лучшие минуты в моей жизни, я вошел в здание возле секс-шопа, как входят сегодня в Освенцим или в Соловки. И сразу потребовал ознакомить меня с делом, заведенным на меня.

Полковник ФСБ.

Вряд ли что-нибудь сохранилось, но вы можете написать официальный запрос на имя заведующего архивным отделом

Я.

Где-то через два месяца пришел официальный ответ: «Никаких документов, связанных с вашим запросом, в архиве ФСБ не обнаружено». А еще через полгода снова звонок в моем кабинете в «Известиях».

Андрей Голицын, предводитель Союза потомков российского дворянства.

Тут ФСБ будет возвращать дела репрессированных дворян. Вы придете в Союз?

Я.

Почему-то к началу церемонии я опоздал и пришел лишь к шапочному разбору.

Полковник ФСБ.

А у нас для вас сюрприз. Давайте зайдем сюда, в издательский отдел к графу Шувалову.

Я.

Мое сердце сжалось, когда Гончаров достал из портфеля две бумаги. Но почему только две? Столько времени мучили, трясли студентов по всему СССР, и всего два листочка.

Полковник.

Это протоколы об уничтожении дела оперативной проверки «Лесник».

Я.

Я похож на лесника?

Граф Шувалов.

Похож, похож...

Я.

Ну да, Литинститут – это лес, а я, стало быть, лесник.

Полковник.

Как в том анекдоте. Пришел лесник и выгнал нас всех из леса. Да вы прочтите хоть, что тут написано.

Я (*читаю*).

Рассмотрев дело оперативной проверки «Лесник» с окраской анти-советская пропаганда и агитация с высказываниями ревизионистского характера, постановило дело уничтожить...

Полковник.

Вам грозило четыре года тюрьмы и столько же ссылки. Обратите внимание на дату уничтожения документов – июль 1990-го.

Я.

А я не верю, что дело уничтожено. Наверняка оно сохранено на компьютере.

Полковник.

Вы не поверите, но компьютеров у нас тогда не было.

Я.

В это, пожалуй, верю.

Полковник.

Главная причина всех этих безобразий в том, что нет в нас христианской любви.

Я.

Вернувшись домой, я протянул листки Лене.

–Знаешь, кто я? Я – Лесник.

Лена.

Все-таки они сумасшедшие.

Я.

Точно такая же формулировка, как у меня, была в деле у Приставкина и у Войновича. Только клички другие. Приставкин «щелкопер», а Войнович почему-то «Гранин». Интересно, а у самого Даниила Гранина какая кличка была?

Некоторое время спустя снова звонок полковника.

Полковник.

У меня для вас еще сюрприз. Я только что вернулся из магазина «Библио-глобус» и купил книгу Урушадзе «Выборные места из переписки с врагами». Он входил в комиссию, которая от Верховного Совета ревизовала КГБ после августа 91-го. Вот тут сказано: «Среди других документов обнаружена в сейфе служебная записка на имя председателя КГБ; “Предотвращено поступление Лесника в Союз писателей. 1984-й год”...»

Анастасия Цветаева.

А ведь у меня в деле такая же статья обозначена и тоже «с высказываниями ревизионистского характера». Я ведь в 20-е годы в ваш институт поступить пыталась, на те самые Высшие литературные курсы, где вы Толстого и Достоевского проповедовали. Но меня отстранили за дворянское происхождение. Может, и вас по той же статье.

Я.

Был бы человек, а статья найдется.

Анастасия Цветаева.

Бедная Россия и мы бедные. Как всё здесь периодически повторяется.

Алла Андреева, вдова Даниила Андреева.

Мне ваши студенты принесли рукопись «Поэтического космоса». Как жаль, что Даниил этого не может прочесть. Впрочем, я уверена, он о вас там знает и во всем, как может, вам помогает. Ведь ваша метаметафора напрямую из его метаистории вырастает. Мне иногда даже кажется, что это прямое продолжение «Розы мира». Вот бы ее еще напечатать.

Я.

В вечности время движется не из прошлого в будущее, а из прошлого и будущего в настоящее. Настоящее – это встреча будущего и прошлого.

Алла Андреева.

Значит, сначала напечатают «Поэтический космос», а потом «Розу мира».

Редактор «Поэтического космоса» в издательстве «Советский писатель».

Вы вампир, вы пьете мою кровь. Мою маму увезли в больницу. Если с ней что случится, я вам вовек этого не прощу. Профессор Куницын – друг Лигачева. Он хочет жаловаться в ЦК, если мы выпустим вашу книгу без марксистко-ленинской критики вашего идеализма.

Я

Он же говорил, что это пионерская – первооткрывательская книга. Что он сам вдохновился и пишет книгу о космосе.

Редактор.

Вот он и требует, чтобы его книгу выпустили вместе с вашей, причем, под одной обложкой и с тем же заголовком «Поэтический космос».

Я

И чтобы он был вначале, а я в конце мелким шрифтом.

Редактор.

Этого он не требует. По крайней мере, пока не требует.

Я

Потребуется в процессе работы, если я соглашусь. А потом моя книга вылетит, а его останется. Ведь у меня в Политбюро покровителей нет. С Лигачевым я не дружбан и даже не земляк.

Юрий Карякин.

А я как раз со встречи с Лигачевым.

Я.

Что он вам говорил?

Карякин.

Хоры, говорит, нужно создавать, хоры.

Я.

Какие хоры?

Карякин.

Песни патриотические петь, как Швондер в «Собачем сердце».

Я.

Они что там, в ЦК, совсем съехали?

Карякин.

Было бы с чего съезжать. А я на Высших литературных курсах после вашего отстранения Достоевского вместо вас читаю. Они там вас помнят и любят...

Евгений Винокуров.

Подходит ко мне один поэт из моего семинара... Угадайте что такое хренотреп?

Я.

Ясное дело, он им про хронотоп Бахтина рассказывал.

Винокуров.

Хренотреп – это звучит гордо. Удивительно, что с вами какую-то сложную партию разыгрывают. Делают вид, что книгу печатают.

Я

Самое удивительное, что напечатают.

Винокуров.

Почему вы так уверены?

Я.

Мне Алла Андреева сказала.

Винокуров.

Сейчас актуальнее Нина Андреева. Вон как все затихли после ее статьи «Не могу поступиться принципами».

Я.

Не все. Завтра в «Московских новостях» выйдет моя колонка «Анатомия страха».

Винокуров.

Если колонка выйдет, то и книгу напечатают.

Я.

Колонка на другой день вышла.

Редактор.

Маме моей полегчало, а то я бы убил вас на месте. Повторяю, вы вампир, вы пьете мою...

Я.

...кровь. Почему вы так решили?

Редактор.

После каждой встречи с вами у меня болит голова, это верный признак. У нас была договоренность, что вы поставите только умеренные стихи, а не заумь. Что это за вычурность и безвкусица – «Мечты иероглифы».

Я.

Это Фет, стихотворение «Среди звезд».

Редактор.

Вы надо мной издеваетесь. Этого не может быть. В советских изданиях этого стихотворения нет.

Я.

Открывает книгу Фета, и там действительно никаких иероглифов мечты нет. Значит это в академическом издании или, я точно помню, в переписке Льва Толстого с Фетом.

Лев Толстой.

Ваши «Звезды» прекрасны. Замечательно, что стихотворение записано на обратной стороне счета за керосин.

Редактор.

Что вы все выдумываете? Какой еще керосин? Толстой не мог написать такое Фету. Это все ваши метаметафоры.

Я

Ну даю вам честное слово. Я же вел спецкурс по Фету.

Редактор.

Понятно, почему вас отстранили. Хорошо, я сейчас принесу раскладную стремянку и достану переписку Толстого с русскими писателями. А если упаду, стремянка ветхая, то так и знайте – это на вашей совести. И если там не окажется, то берегитесь.

Я.

Полчаса с замирающим сердцем и холодея я следил за умопомрачительным действием. Редактор долго искал стремянку. Потом нашел какую-то развалоху на веревочках. Напрасно я умолял его не рисковать и не лезть на это смертельно опасное сооружение. В доме, где все это происходило, все было ветхое, старорежимное, запыленное, что считалось и считается до сих пор признаком высшей интеллигентности. От каждой извлеченной книги поднимались тучи пыли и вылетали какие-то бабочки, разжиревшие в антикварных изданиях. Лестница ужасающе скрипела и норовила разъехаться, разорвав меня на две части в позе Андрея Первозванного. Я понимал, что в случае падения, а редактор явно этого хотел, к обвинениям в вампиризме добавится членовредительство, а в худшем случае преднамеренное убийство. Наконец он что-то извлек откуда-то и начал спускаться, искусно балансируя, с книгой в одной руке. Когда он приземлился, я ощутил загадочный аристотелевский катарсис и тотчас подумал: «Провались оно всё. За что так страдаю вот уже три с половиной года? Ведь и книгу скорей всего в последний момент запретят или выпустят вместо меня Куницына, как бывало не раз в советские времена со многими авторами. Вышла же книга Бахтина «Формальный метод» под фамилией Медведев. Вполне может случиться что-то подобное. Редактора прямо или косвенно проинструктировали, и он просто надо мной издевается, собирая на всякий случай хоть какой-нибудь компромат. И про вампиризм мой наверняка ему нажужжали через каких-нибудь третьих лиц. Это называется «операция по дискредитации». И уж что-что, а это всегда на уровне Паганини. Мои размышления прервал вопль.

Редактор.

Вы все выдумали! Здесь ничего такого нет!

Я.

Не может быть. Дайте я сам поищу.

А сам понимаю, что преспокойно мог я все перепутать, и стихотворение где-нибудь в другой книге. Тот двухтомник был тошнотворно красный. А этот благородно зеленый, 50-х годов. Фета тогда ох как недолюбливали. И эту переписку издали лишь стараниями моего любимого Семена Иосифовича Машинского и друга его по работе в «Литературном наследии» – Зильберштейна. Вечная им память обоим. Семен Иосифович умер в 58 лет вскоре после антисемитской дискуссии в ЦДЛ «Классики и мы», где говорилось, что расстрелянный

Мейерхольд, доведенный до смерти Таиров и еще не доведенный, но уже на грани Эфрос специально издеваются над русской классикой. Вы бы видели, что там творилось. Бедный Эфрос с вытаращенными глазами выбежал в фойе.

Эфрос.

Я то думал, откуда все это прет. А это вот оказывается откуда.

Я.

Я тогда соврал Семену Иосифовичу, что не был на той дискуссии. Был, но так и не вошел в зал. Видел, как мечется Эфрос. А потом вышел сторбленный весь Семен Иосифович, и я даже не решился к нему подойти.

Осип Мандельштам.

*Играй же на разрыв аорты
С кошачьей головой во рту,
Три чорта было – ты четвертый,
Последний чудный чорт в цвету.*

Машинский.

Я вам рассказывал про лекцию о творчестве Фета моего учителя Гудзия?

Я.

Что-то помню, но хотелось бы еще раз послушать.

Машинский.

Годы были, сами знаете, какие. Борьба с космополитизмом, разоблачение псевдонимов, а у Фета две фамилии, одна дворянская, другая... страшно произнести. Фет, одним словом. Да к тому же и Чернышевским обруган, и Лениным заклеямен. Шутка сказать, «крепостник».

Я.

Можно подумать, Пушкин не крепостник. Фет, по крайней мере, крестьян в карты не проигрывал, как Некрасов.

Машинский.

Не говорите, если не знаете. Я вам как-нибудь расскажу... Ну вот, входит Гудзий в аудиторию, а там народу – нетолченая труба. Шутка сказать, лекция о Фете, да еще и Гудзий читает. На него, как на вас, ломились. И так же из аудитории чужих выгоняли. Да разве всех выгонишь?

Я.

У нас и самого Фета на полвека выгнали.

Машинский.

А Лескова, Достоевского, Тютчева, Полонского, всех Аксаковых, Блока – так подмели, что не о ком стало лекции читать. Вот и разрешили лекцию о Фете, но только одну.

Редактор.

Ну что, я же говорил, тут нет ничего такого. Вы все выдумали.

Я.

Удивительно, что я и сам начал сомневаться, как на допросе: не английский ли я шпион, не сам ли все выдумал. И только в этот момент полного слома нужная страница нашлась. Вот оно, письмо Льва Толстого к Фету. Вот они – «незыблемой мечты иероглифы». Вот и строки, ради которых все затеяно, где звезды шепчут человеку: «Вечность – мы, ты – миг». Кстати, я с этим решительно не согласен. Без меня нет ни мига, ни вечности. Но об этом весь «Поэтический космос». Сколько таких мучительных мигов пришлось мне пережить за время редактирования книги. Целая вечность прошла за четыре года, но какая-то дурная, неинтересная.

Редактор.

Вы пишете «родственен», а надо «родствен». Я смотрел в словаре.

Я.

Это два совершенно разных слова: «родственен» – что-то теплое и живое, родствен и не по-русски, и слишком официально. Что нам словарь? Мы создаем язык, а языковеды лишь изучают то, что мы создали. Литература опережает грамматику...

Атас! В тот же миг редактор резким движением метнул в меня деревянную конторскую ручку с металлическим острующим пером, которое только что он окунул в старорежимную совписовскую чернильницу. Совписка со свистом подлетела к моему пальцу на ноге, торчащему из летнего сандалия, и слава богу вонзилась в пол, обдав меня и все вокруг фиолетовыми брызгами. На этом точка.

Книга вышла с двухсотстраничным послесловием Куницына. Знаю, никто мне не поверит, если изложу то, что там написано, своими словами. «Поэтический космос» давно стал библиографической редкостью, как журнал «Корь и хворь» из книги моего детства «Старик Хоттабыч».

Машинский.

Так я про лекцию моего учителя Гудзия о Фете закончу, чтобы вы себе не думали, что только вам достается.

Гудзий.

Как гениально определил Ленин, Фет был жестоким крепостником.

Ленин.

Люблю Фета как поэта, ненавижу как крепостника.

Я.

Ну прямо хокку.

Машинский.

Ну вот, он так два академических часа на этих хокку и продержался: крепостник, реакционер, крестьян в карты проигрывал.

Фет.

Не только проигрывал, но и выигрывал. И довольно часто.

Машинский.

Тут один студент встает и спрашивает: «А правда, что Фет был евреем»? А время борьбы с космополитизмом. В аудитории тишина мертвая...

Гудзий.

Был. Но потом исправился и стал Шеншиным.

Машинский.

Тут спасительный звонок. Гудзий к двери. А студент вдогонку: «А поэт-то, поэт-то он какой?»

Гудзий.

А поэт великолепный.

Виктор Шкловский.

Закройте форточку. Дует. Я старик, могу простудиться и получить воспаление легких. У нас, у футуристов, была пословица Маяковского: «Вчера сезон – наш бог Ван Гон, сегодня сезон – Сезанн». Сегодня сезон – Бахтин. Хорошо. Но когда Бахтин пишет, что у Дон Кихота голова, а у Санчо зад, я вспоминаю, что у Санчо тоже голова. Мы – футуристы. Нас на мякине не проведешь. Это теперь здесь институт, а раньше было кафе поэтов. Где у вас туалет? Вот тут, возле этого унитаза стоял столик, и мы с Маяковским говорили о будущем. Ведь мы – футуристы. Футуризм – будущее. Но даже мы не могли представить, что на месте, где мы сидим, потомки поставят толчок.

Я.

И тут я подумал, а что возведут потомки на месте нынешнего толчка? Может, памятник ворчащему Шкловскому с палкой, поднятой вверх, а, может... Впрочем, кто их знает, этих потомков. Восемнадцать лет я работал на кафедре, в комнате, где родился Герцен. Я сидел на мемориальном диване в мемориальной комнате и думал, что Герцен при самом пылком воображении вряд ли мог представить кафедру русской литературы и речи, которые там будут звучать. «Будущее не представимо, прошлое невообразимо. Прошлое прошло. Будущего не будет. Настоящее ненастоящее». Так написал я в своем дневнике после заседания кафедры, где я сидел на диване, на котором родился Герцен, а меня отстраняли от преподавания навсегда.

Виктор Шкловский.

Мы, футуристы, мечтали о будущем. И вот оно наступило. И оказалось страшнее любого прошлого.

Алексей Евгеньевич.

Просрал свою парафию.

Вовка.

Ну, теперь ты уже не профессор, и я запросто могу тебе врезать в глаз.

Мария Федоровна (плачет).

Ты думаешь, почему я плачу. Ты сейчас пошел вдоль этой ограды в точности, как твой прадедушка Федор Сергеевич, и борода такая же, и лоб. И я вдруг поняла, что ему тогда было столько же лет, сколько сейчас тебе, и он шел так же мимо этого дома по Тверскому бульвару, и я шла с ним. Мне было 15 лет, а не 70, как сейчас. И такой же был солнечный апрельский денек, и все таяло. Только не было этого пузатенького. Кто это?

Я.

Это Герцен.

Мария Федоровна.

Странно. Институт Горького, а памятник Герцену.

Я.

Он здесь родился, прямо на нашей кафедре. Вон там, в углу, слева. Вернее кафедра там, где он родился.

Мария Федоровна.

Мне у Герцена больше всего нравится в «Былом и думах», как он задумал бежать из России вместе с невестой, и архиерей их на это благословил.

Я.

Попробовал бы он сейчас убежать.

Мария Федоровна.

От этих не убежишь.

Юрий Любимов.

Я вошел к Гришину в кабинет. Он стал мне угрожать: «Мы вас сотрем...» И тут во мне проснулось фронтовое. Я даже не сказал, а вдохнул: «Пошел на ...!»

Гришин.

Что, что?

Любимов.

Что?

Гришин.

Что вы сказали?

Любимов.

Я ничего не говорил, вам послышалось.

Гришин.

Вы должны нас понять, Юрий Петрович. Мы ведь хотим добра.

Я.

Как не хватает этой фразы заветной: «Я ничего против вас не имею, но меня берут за яйца». Говорят, Гришин умер в очереди, оформляя пенсию в собесе после падения советской власти.

Андрей Вознесенский.

У Пастернака было лицо, как в немых черно-белых фильмах. Все время мерцающее, играющее всей поверхностью. Есть снимки, где он абсолютно живой из-за этого мерцания.

Генрих Сапгир.

Я окончил всего лишь техникум, и я не все понимаю. Но одно я знаю точно: то, что далеко, на самом деле близко, совсем внутри; а то, что внутри, на самом деле далеко-далеко и во всей вселенной.

Игорь Холин.

Звезды уходят вглубь

Небо уходит вглубь

Глубь

Ты меня приглубь...

Ничего не бойтесь, Костя, делайте, что хотите. И еще, никогда не сопровождаете тексты музыкой. Любой соловей гениальнее Бетховена. Любой пейзаж сильнее Сезанна. Слово – оно только у человека.

Евгений Винокуров.

А я точно знаю одно – меня не надо вешать.

Я (в ресторане в Белграде с Милорадом Павичем).

Я знаю, что вы отменили все встречи, чтобы расчистить для нас пространство... или время?

Павич.

Времени нет. Есть вечность. Она приходит вместе с вдохновением. А когда не пишется, тогда начинается время. И оно всегда тянется до бесконечности.

Я.

Судя по всему, сейчас у вас как раз вечность.

Павич.

Да. Я снова пишу роман. Десять лет молчал, а теперь пишу. Вернее, это только говорится «пишу». Я свои романы знаю наизусть и выстраиваю по ночам в голове. А если записываю, то всегда с за-

крытыми глазами, лучше всего в темноте. Я умею заполнять лист в темноте, вслепую.

Я.

Боже мой, как мне это понятно. Я тоже все тексты выстраиваю наизусть. И часто записываю вслепую в темноте. Но это стихи. С прозой все намного сложнее!

Павич.

После 70 лет память стала иногда подводить. Я не уверен, что утром точно воспроизвожу на бумаге то, что сочинил ночью.

Я.

ежедневно слышу тебя
как-то странно звучат слова
закрываю глаза
и всюду передо мной
эти крики рожденные тишиной
эти краски рожденные темнотой
вот сижу оставленный всеми
в глубине понятий и слов
исчезает видимый мир
но я могу говорить
и мир рождается снова

Павич.

Я вас очень хорошо понимаю. Все мои романы возникли из темноты как свет. Я захватил с собой несколько книг на русском – вы можете выбрать для себя любую.

Я.

Лучше вы.

Павич.

Тогда прочтите еще.

Я.

Небо – это высота взгляда
Взгляд – это глубина неба
Человек – это изнанка неба
Небо – это изнанка человека

Павич.

Мне нравится. Подпишу «Обратную сторону ветра».

Я.

А я вам – «Ангелическую по-этику».

Павич (*читает*).

Ангелическому прозаику. Спасибо. А вы знаете, это в точку. Мои любимые философы – каппадокийцы. Василий Великий, Григорий Богослов, Хризостом.

Я.

Василий Великий оказал на меня огромное влияние в юности. Он писал, что рай можно увидеть, подняв глаза к звездному небу, а солнце – это зримый лик Христа, который всегда перед нами. У меня это сказано так: «Христос – это солнце Будды, Будда – это луна Христа». А из поэтов кто вам нравится?

Павич.

Не удивляйтесь – это Паисий Величковский и другие поэты XVIII века.

Я.

Григорий Сковорода?

Павич.

Он.

Я.

Я очень люблю ваш роман «Пейзаж, нарисованный чаем». Я напечатал на него рецензию в газете «Новые известия». И знаете, как она называется? «Роман, написанный водкой». Только теперь я понял, что это такое. Наша встреча нарисована горячей ракией.

Павич.

Вам понравилась наша рака врача (горячая водка)?

Я.

Не то слово. Сначала я подумал, что речь идет о горячих раках, и все ждал, когда же их принесут. У меня к вам еще одно поручение – от нашего поэтического общества ДООС. Если вы не возражаете, мы пришлем вам диплом почетного ДООСа.

Павич.

А как расшифровывается эта аббревиатура?

Я.

Добровольное общество охраны стрекоз. Наш поэт Крылов перевел басню Лафонтена о цикаде и муравьях. У нас она называется «Стрекоза и муравей».

Павич.

Знаю, знаю.

Я.

Там муравей говорит стрекозе, пришедшей к нему за помощью холодной зимой: «Ты все пела? Это дело. Так пойдя же попляши». А у нас это стало девизом: «Ты все пела? Это – дело!»

Павич.

Только это и дело (*смеется*). Тогда я тоже ДООС и стрекоз.

Я.

Можно подумать о звании. Андрей Вознесенский у нас стрекозавр, я – стихозавр...

Павич.

А я?

Я.

А вы будете сербозавром.

Павич.

Давайте сфотографируемся вместе. Я хочу, чтобы эта встреча запомнилась навсегда. Мы обязательно продолжим наше общение в Интернете.

Я.

И в ноосфере.

Павич.

В ноосфере мы и раньше общались.

Вознесенский.

Все уходит в язык. Язык – наше бессмертие. В нем остается не все, но самое важное.

Я.

Больше мы Павичем не встретились. Он должен был прилететь на открытие своего скульптурного портрета в Атриуме Библиотеки иностранной литературы, но в аэропорту почувствовал себя плохо и вернулся домой. По его просьбе я зачитал подготовленную им речь.

Надежда Владимировна.

Я стояла в очереди за сосисками целый час. Ну, женщины стоят и стоят, а мужчины, как всегда, начинают нервничать и качать права. Тут один стал отчитывать продавщицу. А она ему ответ: «А вот за бугром все уже развешано и упаковано». Я так обрадовалась, что не надо еще час стоять и спрашиваю: «А где это – за бугром? Где такой замечательный магазин?» Думаю, я сейчас туда побегу. Вся очередь надо мной смеялась. Оказывается, «за бугром» – это за границей.

Я.

Бедная мама, она так и не дожила до времени, когда и у нас без очереди будут резать и паковать в целлофан. Рубеж маминей жизни – 30 апреля 1991 года. Вряд ли она выдержала бы путч. Но меня не покидает мысль, что и эта смерть в 73 года не была естественной. Ее доконал мой беруфтсфербот.

Надежда Владимировна.

Я не понимаю. Значит у тебя и степень отнимут?

Я.

Нет, степень останется.

Надежда Владимировна.

Сволочи! Сволочи!! Сволочи!!! И все-таки я не понимаю, как мог Лев Толстой уйти из Ясной Поляны. Бедная Софья Андреевна.

Я.

Лев Толстой возник совсем не случайно. Мамин дедушка Федор Сергеевич был похож на Толстого и проповедовал его идеалы. К тому же было известно, что род Челищевых в одной из ветвей действительно пересекался с Толстыми. Александр Лазаревич пережил Надежду Владимировну меньше, чем на полгода. Он умер в том же роковом 91-м году. А через месяц скончалась его супруга Ольга Сергеевна. Отец так мечтал о новом НЭПе, но так и не дожил до исчезновения очередей. Ведь если бы не очереди, он и Ольга Сергеевна никогда бы не ушли в Дом ветеранов сцены, где их терзали извечными сценическими интригами. На похоронах мамы отец вдруг обнял меня, зарыдал, заплакал: «Сынок, мы осиротели с тобой, сынок». В этот миг ему показалось, что семья наша не распадалась, и мы по-прежнему вместе. Среди бумаг, оставленных отцом, есть записка, конечно же, для меня. Старческой дрожащей рукой написано: «И в 83 года чувственные удовольствия доступны, если бережно к себе относиться». Отец скончался 30 сентября, в день Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи. Это были мамины именины. Ее любимый праздник. На сохранившейся книжке, подаренной ей кем-то в юности, надпись:

Надеждой все живут,

Она есть свет людей,

Друзья, враги умрут,

Я буду только с ней.

Если соединить начальный буквы, получится имя – Нодя.

Прав Вознесенский. Все уходит в язык. Остается имя. А великий тайный схимник, богослов и философ Алексей Лосев, он тоже жил на Арбате, любил повторять –

Лосев.

Бог не есть имя, но имя есть Бог.

Хрущев.

На смену звериному закону капитализма «человек человеку волк» приходит новый моральный кодекс строителя коммунизма: «Человек человеку друг, товарищ и брат».

Александр Лазаревич.

Продолжительные бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Звучат здравицы в честь руководителей партии и правительства и лично Никиты Сергеевича Хрущева.

Вовка.

Все встают и плачут.

Светлана Илларионовна Берментьева, пенсионерка.

Я звоню вам, чтобы сообщить о смерти Владимира Федоровича Пименова. Я была рядом с ним почти до его кончины. Вы помните, я слушательница ваших лекций по истории религии, которые вы читали в клубе «Красный факел» по очереди с Александром Менем.

Я.

Как же не помнить. Мы столько с вами беседовали и по телефону, и после лекций. Но как вы оказались рядом с Пименовым?

Берментьева.

Я устроилась к нему сиделкой. У него над кроватью до самой смерти висел портрет Сулова. Я ему: «Почему вы это не снимите?» – А он: «Молчи, коли не понимаешь». Как вы с ним 18 лет работали, не понимаю. У меня тяжелое урологическое заболевание, я попросила разрешение принять ванну, а он: «Это не допускается. Обслуга моется дома». Слово-то какое – обслуга.

Я.

Настоящий сталинский сокол.

Берментьева.

Но о вас он с восторгом говорил. «Костенька, Костенька», – и просял весь, а потом добавил: «Только он да Боренька Томашевский настоящие ученые были. А все остальные так...»

Я.

Ну, это, конечно, преувеличение. А ученик Гудзия, интеллигентнейший Семен Иосифович Машинский, мой научный руководитель. А Валерий Яковлевич Кирпотин – одна целая академия. И супруга Лосева, Аза Алибековна Тахо-Годи античность вела. Там и по сей день работает мой однокашник Стасик Джимбинов.

Берментьева.

Да он ведь еще все Таирова вспоминал: «Костенька и Таиров – два человека останутся болью в сердце до последнего часа. Нельзя так с такими людьми, нельзя».

Я.

Это какое-то чудо, что вы мне все это рассказываете. И по воле Божией слышу я предсмертные слова Пименова. Удивительно и то, что

рядом стоят и здание Камерного театра, откуда Пименов должен был изгонять и изгнал Таирова, и здание Литинститута, где вопреки всем потугам КГБ я пробыл 17 лет и был бы и по сей день, если бы Пименова не отстранили со всеми переломанными конечностями.

Пименов.

Когда я директором Вахтанговского театра был, там все по сто раз развелись и переженились, но я ни одного человека не уволил. «Вы, нынешние, нутка». Кто это написал? Грибоедов, «Горе от ума». Но это так, для цензуры, на самом деле «Горе уму».

Я.

И то, и другое верно.

Однажды мы собрались в Переделкино в доме напротив храма. Поэты Саша Еременко, Ваня Жданов, Леша Парщиков, Оля Свиблова и я с Леной. Саша Еременко позвал всех на пельмени. В зимнем саду на яблонях висели мороженые яблоки. Специально для закуски. А посреди сугробов стояла белоснежная ванна, бог весть как сюда попавшая.

Ерёма.

Сначала примем ванну (*раздевается и босиком по снегу бежит к ванне, срывает с дерева мороженое яблоко и закусывает*).

Парщиков (*берет гитару и напевает доклад Брежнева*).

Дорогие товарищи, трудящиеся всего мира вместе с нами идут на говно... но-га в но-гу.

Ерёма (*голый в ванне, с книгой Сталина, зачитывает*).

В прошлом году за нерушимый блок коммунистов и беспартийных проголосовало 99,8%. Мы расстреляли 50000 предателей и убийц. В этом году за нерушимый блок проголосовало 99,99%.

Студент Володя Асадулин.

Я помню оккупацию. Мне было 8 лет, когда немцы вошли в деревню. Учительница сняла портрет Сталина и повесила портрет Гитлера. Потом сказала: «Дети, это ваш отец». Все остальное осталось по-прежнему. Правление, собрания, трудовни, да по радио вместо советских песен передавали немецкие марши. Да еще председателя переименовали в старосту.

Я.

С Победой вас, Булат Шалвович!

Окуджава.

Я должен вам признаться... нет, нет, запишите это дословно: не было никакой победы. Просто красные фашисты одержали верх над фаши-

стами коричневыми. Вместо портретов Гитлера повесили портреты Сталина, а гестапо переименовали в Штази и КГБ. Правде надо смотреть в лицо. Мы воевали с фашистами, но сами были фашистами, только не со свастикой, а со звездами. Пожалуйста, не вычеркивайте эти слова из нашего разговора. Пусть знают все. Мне это не просто признавать. Я воевал. Я был сталинистом, был ленинцем, был социалистом, социал-демократом. Теперь я не знаю, кто я. Но знаю твердо, я – антикоммунист, то есть антифашист. Это одно и то же. И пока это не поймут все, в России ничего хорошего не будет.

Я.

А в Бога вы верите?

Окуджава.

Я хотел бы, но не могу. Для этого мне надо забыть, что я видел на фронте. Я бы и рад, но не могу.

Юрий Левитанский.

Я переписываюсь с фронтовиками однополчанами. Они так и умрут с великим Сталиным. Это безнадежно. Бог не Бог, а что-то высшее все же есть. Не то чтобы я стал толстовцем, но что-то в этом роде мне близко.

Радио.

Передаем слова песни по вашим заявкам.

Вечер тихой песнею над рекой плывет.

Дальними зарницами светится завод.

Где-то поезд катится точками огня,

где-то под рябиною парни ждут меня.

Светят над рябиною звезды без конца,

слева кудри токаря, слева кузнеца.

Ой, рябина кудрявая, белые цветы,

ой, рябина-рябинушка, что взгрустнула ты?

Я.

Юрий Петрович, я до сих пор не могу поверить. Неужели мы на самом деле в Греции, у подножия Парфенона ставим мистерию о Сократе? Смотрите, над Парфеноном Сириус.

Любимов.

А мне все равно, что Сириус, что Венера, лишь бы сортир был в порядке. Простите за солдатскую прямоthu. А Парфенон хорош. Видимо, люди без богов и в правду не могут.

Глеб Якунин.

В ыныкчанском концлагере мы плели на морозе канаты из проволоки. И вдруг я понял, что стихи сплетаются из звуков, как эти канаты

из проволоки, И у меня возник «Смиренный примитив юродивый в честь Бога, мироздания, родины». И еще я прочел в «Науке и жизни» про теорию струн. Наша вселенная сплетена из таких бесконечных энергострун, и они пронизывают вселенную, как звуки стихи.

Я.

Сколько вас всего продержали в Ыныкчане?

Якунин.

Четыре года, а всего с лефортовской тюрьмой и ссылкой будет семь с половиной лет. Я после Лефортова не могу ездить в тесных лифтах — боязнь замкнутого пространства. И еще я дал себе слово в Ыныкчане, если выйду на свободу, пить только чифирь, очень сладкий и с конфетами.

Я.

Пейте, Глеб Палыч. Это чифирек. Это сахар. Это конфеты, а вот и водочка.

Якунин.

С Богом, поехали. Мы все учились в Иркутском сельскохозяйственном. Я, Эшлиман, Мень. Мень приобщил нас к религии. И мы стали священниками. Какой это был скандал! Уже тогда всех нас взяли на заметку.

Я.

Я помню в 60-х годах ваше послание к патриарху Алексею I.

Якунин.

Святейший патриарх, вы находитесь в том возрасте, когда можно уже не страшиться и предстоять Христу. Найдите в себе силу, обличите стукачество, когда церковь доносит на прихожан. Открыто обличите закрытие десяти тысяч церквей.

Я

Я помню, что вам ответил патриарх: «Своим посланием вы нарушаете тихое течение нашей церковной жизни».

Якунин.

Он отстранил меня от службы, но сан оставил. А от сана отстранил нынешний, Алексей II. Тогда он был главным делопроизводителем патриархии... да ну их. Я хотел показать вам одно лирическое стихотворение, а то умру, и все пропадет. Вот оно.

*Пред тобой миниатюрною
сердце полнится ноктюрами.*

Я.

Я всегда говорил, что вы поэт, Глеб Палыч.

Якунин.

Я ведь священник в стиле Рабле. Просто все это сопровождалось трагически обстоятельствами... Так уж случилось.

Александра Павловна.

Государство о нас позаботилось. Разрешило возделывать пять грядок и дало участок за городом для картошки. Конечно, на мясо не хватает, но зато можно раз в неделю позволить телячьи ножки. Они есть на базаре. Ты любишь телячьи ножки?

Я.

Очень!

Александра Павловна.

Тогда пойдем на базар продавать землянику. Я собирала ее весь день. Продадим корзинку и купим телячьи ножки.

Я.

Боже мой, как хотелось мне той земляники, которую я продавал. Но телячьи ножки заставляли, глотая слюны, отсыпать покупателям стакан за стаканом в робкой надежде, что купят не всё. Но купили всё. А телячьи ножки – это обман какой-то. Их варили целые сутки. Потом опять же не ели, а ждали, когда застынет холодец. Холодец из телячьих ножек ели целую неделю, отрезая по маленькому прозрачному ломтику.

Хрущев.

Я очень люблю колбасу «Дружба» и всегда, когда приезжаю в деревню, прошу: «Отрежь мне «дружбы», сестра».

Я.

Эту колбасу называли «не себе, не людям». Ее делали из конины и начиняли свиным салом. Русские не ели из-за конины, а татары и правоверные евреи из-за сала. Впрочем, колбасы «Дружба» тоже не было. Хотя на нее забили всех лошадей России. Ее так и называли – конский геноцид.

Художник Павел Челищев, брат моей бабушки Софьи (сестре Варваре).

Дорогая Варюша! У нас в Париже какое-то предновогоднее безумие. Все покупают никому не нужную сентиментальную чушь. Вообще здесь устремления людей не выше порядка насекомых. Твой брат кажется им безумцем. Я дружу только с Гертрудой Стайн. Она многое понимает. Ты пишешь, не собираюсь ли я в Москву? Очень хотелось бы, но, говорят, у вас очень плохо с городским транспортом, а я не могу представить себя в трамвайной толкотне. Я делал оформление к «Орфею» Стравинского. Там у ангелов крылья растут из груди. Меня

спрашивают: «Где вы видели таких ангелов?» А я спрашиваю: «А вы что, часто видите ангелов?»

Поэт Леонид Топчий.

Ты знаешь, я живу во дворе университета. Там, где обсерватория с телескопом. Вечером поругаюсь с женой, она вдова астронома Дубяго, поднимусь наверх, посмотрю в телескоп на Сириус и думаю: на черта мне все это нужно?

Я.

В одной из книг Каббалы написано: все думают, что движется время. На самом деле время всегда неподвижно и неизменно. Это мы преломляемся в его гранях и движемся сквозь него.

Врач Елена Николаевна Заболотская.

Перед революцией на медицинском факультете надо было сдавать Закон Божий. Можно было на первом курсе, а можно на втором. А мне мой друг говорит, не сдавай, через год революция будет. Казань брали то белые, то красные. Приходили белые и всю ночь расстреливали под стенами Кремля. Притом приходили красные и опять всю ночь расстреливали. И там, и там по доносам.

Капитан Кацюба.

Ни разу не видел, чтобы кто-то сам побежал в атаку. Даю команду: «За родину вперед!» Все лежат. Ору: «Мать-перемать, в атаку!» Лежат. Тут пришла команда отступить. Я только рот открыл, гляжу, а уж всех, как ветром сдуло.

Заболотская.

Наш медицинский эшелон застрял на какой-то станции. Командир в отчаянии. Если поезд не придет к сроку, обвинят в дезертирстве. Я говорю нашему начальнику госпиталя: «А вы дайте начальнику станции спирта». Тот ошалел: «Да ты что, Николавна, ты понимаешь, куда мы едем? На фронт!»— «Понимаю, а вы все-таки дайте». Послушал он меня, и так, «на спирту», мы раньше времени до места добрались.

Пушкинист.

Ненавижу Твардовского за его бравурного Теркина. Сразу видно, что человек и дня не провел на настоящей войне. На войне никто передовой в глаза не видел. Туда только ссылали за большую провинность, а обратно редко кто возвращался, разве что в медсанбат с оторванными ногами. И чем ближе к передовой, тем шелковей все эти политруки, а чем дальше, тем они крикливее. На передовой можно ведь и пулю в спину схлопотать. Там ни о

каком Сталине никто и не заикался. Мат стоял до небес, а все другие слова просто забывались, словно их и не было. Многие так и не вспомнили про советскую власть. Фронтовики – крутые ребята. С ними ничего нельзя было сделать. Потому Сталин и затеял новую чистку в 49-ом. Мол, «старые заслуги не в счет». Под шум борьбы с космополитами попытались расправиться с фронтовиками. А потом на нас махнули рукой. Кто на войне в окопе сидел, из того советского человека уже не вылепишь. Это сейчас у многих крыша поехала, и они забыли, с кем и как воевали. Но это уже маразм.

Вовка.

*Проклятый осколок железа
давил на пузырь мочевого.
Полез под кровать за протезом,
а там писаришка штабной.*

Я.

Почему мы все время выдумываем подвиги? «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает». Но экипаж «Варяга» благополучно сдался в плен. Утонул корабль, а экипаж пожелал пощады и правильно сделал. Дмитрия Донского называют героем, даже нарекли святым. А он одел в свои доспехи моего предка Михаила Бренка, а сам прятался под одеждой простого воина. Бренко погиб. Донской выжил. Разве это благородно? А когда через год пришел Тохтамыш и выжег Москву, Донской убежал в костромские леса якобы для сбора ополчения. Москву он оставил на разграбление. И так всюду, где ни копни. То знамя на Рейхстаг водружают задним числом для съемок. То Королев командует «пуск!» через месяц после полета опять же для съемок. То Эйзенштейн разыгрывает штурм Зимнего, хотя ничего подобного не было. Вот сейчас уже поговаривают, что при Брежневе полки ломались от продуктов и было-де полное изобилие. Может, мы – нация сумасшедших и не можем адекватно воспринимать действительность. Подумать только, большинство людей за цензуру. То есть за официальное вранье, в котором они жили всю свою жизнь. И вот я решил рассказать вам все, что я знаю. Потому что все, что я знаю, не совпадает с тем, что я слышу. В конце концов, может, и прав Пушкинист: «Надо просто говорить правду». Вот я и говорю. А вы слушаете. Может, это и называется «часом истины», когда один говорит правду, а другие верят.

Вовка.

*Раньше мужик придет домой с покосу,
поставит в угол косу,
хватит жбан квасу
и... до часу.
А теперь придет с заводу, с угару,
хватит «Солнцедару»,
положит руку на...
и храпит на всю избу.*

Радио.

Передаем стихотворение лауреата журнала «Молодая гвардия» Анатолия Парпары «Пушкин и Пущин».

*И Пущин Пушкина, босого,
в охапку, в горницу, скорей,
целует истово, сурово,
не говоря ему ни слова
и без вниманья на людей.
«Мой славный Пущин!» –
«Пушкин милый!»
Они отпрянут вдруг на миг,
и вновь с неодолимой силой
соединяет дружба их
в объятьях сладостных своих.
И как напрасны уговоры,
как неуместен знати страх,
когда на пушкинских устах
возникло сладостное: «Ах!»*

Телевизор (*несут гроб с телом Брежнева. Обозреватель комментирует*).

За время правления Леонида Ильича Брежнева наша страна достигла неслыханного могущества...

Алексей Парщиков.

Выключите телевизор. Зачем мы это смотрим?

Я.

Смотрите, смотрите, когда еще такое увидите... Я ошибся. Такое стали показывать каждый год. Иногда даже по два раза. Андропов, Черненко... чуть не сказал – Горбачев. Похороны походили друг друга, как две капли воды. Когда гроб Брежнева ухнули в могилу, на телеэкран с диким карканьем вылетела ворона. Все поняли, что это его душа. У Андропова души вообще не было. Потому ничего не кар-

кало. От него осталась водка за 4 р.12 к. Ее называли по пяти начальным буквам: Вот Он Добрый Какой Андропов. На улицах, в банях и магазинах менты ловили людей: «Почему вы не на работе?» Нам объяснили, что это мера строгая, но необходимая. Какого-то замминистра выловили из Сандуновских бань. Ко всеобщему удовольствию всей страны расстреляли директора Елисеевского магазина.

Горбачев пришел к власти и призвал нас всех «прибавить в работе». Это называлось ускорение. Капитан теплохода «Нахимов» получил телеграмму – «ускорить рейс» – и ускорил. Советский «титаник» затонул прямо у берегов, можно сказать, на глазах. За год до этого в Ялте будущий дипломат Миша Путятю позвал меня на пристань – посмотреть на трофейный теплоход «Герман Геринг», названный нами «Нахимов». Мы подошли к причалу. Путятю, помешанный на кораблях, знал о них все. Он показал на ржавчину, проступающую сквозь свежую краску, и сказал, что в случае столкновения «Нахимов» утонет за 15 минут. Я не подозревал, что через год все так и случится. Только не за 15, а за 10 минут. Директор Чернобыльской АЭС получил приказ ускорить эксперимент. А за год до этого по телевидению показывали художественный фильм про эксперименты на АЭС. Прогрессивный инженер боролся с консервативным директором за право ускорить эксперимент. Парторг поддержал инженера. В кино ускорение прошло успешно. А в жизни все взорвалось. После Чернобыля про ускорение забыли. Заговорили о перестройке. Сахаров по-прежнему томился в горьковской ссылке. Люди острили: после ссылки туда Сахарова Горький подсластили и теперь переименуют в Сладкий. Потом Сахарова освободили. А еще позднее Горький действительно переименовали в Нижний. Для меня же события выстроились в такую цепочку: утонул «Нахимов», взорвался Чернобыль, в дни Чернобыля меня отстраняли от преподавания в Литинституте. Спустя два года Сахаров вернулся из ссылки, и меня все спрашивали: «Ну, ты уже вернулся в Литинститут?» Нет, не вернулся. Как выяснилось позднее, на меня по-прежнему велось дело, где я проходил под кличкой «Лесник», дело «с окраской антисоветская пропаганда и высказываниями ревизионистского характера». Статья 74 прим. От четырех до семи. К счастью, не успели. Рухнула советская власть. Однажды на открытии выставки я столкнулся с тем самым новым, прогрессивным ректором, будущим министром культуры.

Прогрессивный ректор.

Ну что, вы по-прежнему будете говорить, что вас отстранили и не возвращают?

Я.

Говорить не буду, но так оно и есть.

Прогрессивный ректор.

Вот я в присутствии всех обещаю – вы вернетесь на кафедру.

Я (*набрав через три дня телефон ректората*).

Это Константин Александрович. Я по поводу нашего разговора.

Прогрессивный ректор.

Вы что, каждый день теперь будете мне звонить?

Я.

Простите, я просто хотел узнать... Что он ответил, я не помню. Потом меня все же позвали, но когда я пришел, ректором был уже другой.

Лосев.

Да, да, я так и сказал Бердяеву. Свобода, конечно, свобода, но прежде всего судьба.

Александр Лазаревич.

Ты себе думаешь, а оно себе думает.

Алексей Евгеньевич.

Справедливости не ищи.

Юрий Любимов.

Что же, «оптимизм» что ли травить будем? Не-е-ет.

Я.

А так хочется оптимизма в финале... Да и где он, этот финал, вы не знаете. Я не знаю, и никто не знает и не узнает. А, может, его и нет. Может, и нет никакого финала, а как поется в песнопении, «но жизнь бесконечная». А, может, уже и не жизнь, а смерть бесконечная? «Но смерть бесконечная». Однажды человек замечает, что среди его современников умерших гораздо больше, чем живых. И что самое удивительное, эти как бы умершие выглядят намного живее. А потом как бы живые и вовсе исчезают, остаются только как бы умершие. И в один прекрасный день человек и сам не заметит, как с умершими он общается, а о живых только вспоминает. Потому что нет никакой границы между тем и этим, этим и тем. Как Александр Лазаревич рассказывал...

Александр Лазаревич.

Мы долго думали, какой он будет, социализм, а потом вдруг однажды по радио объявили, что социализм наступил... Они и коммунизм так объявят, и царствие небесное. Вот оно! Уже наступило.

Я.

Бога я представлял, как фокусника в клоунском красно-белом костюме и красном колпаке в белый горошек. Он извлекал изо рта черные

и белые шарики, потом черные метал вниз, в меня, в наказание за плохие поступки, а за хорошие поступки полагались шарики белые — это подарки. В 7 лет меня окрестили тайно, ночью, в единоверческой церкви в Клинцах, куда мама и папа приехали с театром на гастроли. Папа не возражал, но и не приветствовал наш заговор. Мела февральская метель за окнами церковной сторожки. Было немного страшно, как в сказке. Я погрузился в купель.

Отец Захария.

Отрекаешься ли от дьявола и деяний его?

Я.

Отрекаюсь.

Отец Захария.

Плюнь трижды через левое плечо.

Я.

Отрекаюсь. Тьфу-тьфу-тьфу. *(Сцена повторилась три раза. Почему-то вдруг стало стыдно)*. Я не знал никакого дьявола, и отречься было по сути дела не от кого. К тому же я считал невежливым плевать в кого-либо, даже в дьявола. Еще большую неловкость я ощутил, когда отец Захария велел трижды встать на колени и трижды удариться об пол лбом. Зачем все это моему любимому Боженьке? Но, облачившись в белую крестильную рубашку до пят и надев серебряный крестик, я почувствовал себя избранным и для начала приказал метели: «Остановись, метель!» Метель продолжала завывать всю ночь.

Отец Захария.

Тут дело в самом тебе. Значит, недостаточно горячо молился.

Алексей Евгеньевич.

В церковь ходят не просить Бога, а славить Бога.

Я.

И то, и другое казалось мне стыдным, но иногда, когда очень плохо, я мгу искренне попросить, а когда хорошо, то так же искренне славлю. Разумеется, Богу этого не нужно, но люди без этого не могут.

Любимов.

Конечно, не могут, вон какой Парфенон отгрохали, а мы с вами здесь пьесу ставим «Посвящение Сократа».

Хор.

Что узнал ты, Сократ, от богов?

Сократ.

Я знаю то, что ничего не знаю.

Я.

А я знаю то, что я знаю.

Сократ.

И что же это?

Я.

Я знаю то, что я живу. И еще я знаю точно, что я умру.

Сократ.

И то, и другое нуждается в доказательствах.

Я.

Второе можно и не доказывать. А первое... первое тоже можно не доказывать.

Надежда Владимировна.

Самое главное доказательство загробной жизни это то, что я прихожу к тебе во сне не часто, а лишь в исключительных случаях. Если бы загробной жизни не было, я снилась бы тебе каждый день. А тут все совсем не так просто.

Кирпотин.

Я марксист, атеист и материалист и ни разу к вам во сне не являлся.

Александр Лазаревич.

Ты себе думаешь, а оно себе думает. Наука умеет много гитик. Ведь я просил меня не кремировать.

Я.

91-й год, разруха. Это было не в моей власти.

Александр Лазаревич.

Ну, надеюсь, ты получил десять тысяч, которые лежали на сберкнижке, спрятанной в книгу Сартра «Слова» на 112-й странице?

Я.

Ты завещал вклад Ольге Сергеевне, а она была уже не в силах съездить в сберкассу, чтобы завещать вклад мне. Да я и не понял, о чем она говорит. Но ты не огорчайся. Десять тысяч стремительно обесценились, а в сберкассе стояли такие толпы...

Надежда Владимировна.

И мои 700 рублей так и пропали. Я же говорила, что пропадут.

Я.

Боже мой, о чем мы говорим? Завещания, книжки, вклады... Ведь начали о бессмертии.

Сократ.

Это и есть доказательство реальности загробной жизни. Если бы вы говорили о душе или о бессмертии, это было бы крайне неубедительно. А вы общаетесь так, словно никто и не умирал.

Александр Лазаревич.

Нет, кое-что я все-таки помню. Я попросил Олю принести мне в больницу одеяло.

Ольга Сергеевна.

Я принесла желтое одеяло, других в Доме ветеранов сцены не было. Ты усмехнулся и сказал...

Александр Лазаревич.

Надо же, всю жизнь терпеть не мог желтый цвет.

Я.

Это были последние слова отца. Почему такое значение придается последним словам? Словно люди рождались, чтобы умереть.

Алексей Евгеньевич.

*А мы пить будем,
мы гулять будем,
а смерть придет –
помирать будем.*

Надежда Владимировна.

В детстве я думала, что не умру. Как это – перестать дышать? А я вот возьму и не перестану.

Вовка.

Таблицу умножения знаешь?

Я.

Пойду в школу и выучу.

Вовка.

Учи сейчас. Повторяй:

*Одиножды один – приехал господин.
Одиножды два – пришла его жена.
Одиножды три – спать пошли.
Одиножды четыре – свет погасили.
Одиножды пять – легли на кровать.
Одиножды шесть – он ее за шерсть.
Одиножды семь – он ее совсем.
Одиножды восемь – доктора просим.
Одиножды девять – доктор едет.
Одиножды десять – ребенок лезет.*

Я.

Мама! Я знаю таблицу умножения.

Надежда Владимировна.

Откуда?

Я.

Меня Вовка выучил.

Одиножды один – приехал господин.

Одиножды два – пришла его жена...

Вовка.

Предатель!

Радио.

Широка страна моя родная,

много в ней лесов, полей и рек.

Я другой такой страны не знаю,

где так вольно дышит человек.

Вовка.

Широка кровать моя большая,

много в ней подушек, простыней.

Ты ложись, жена моя родная,

будем делать маленьких детей.

Я.

А как?

Вовка.

Как накакал, так и съел!

Мария Федоровна.

После 17-го года мы еще жили в Дубровке. Федор Сергеевич говорил:

Федор Сергеевич.

Власть меняется, а лес остается. Я ничего плохого не делаю, я сажаю леса. Теперь они не мои, а государственные, но ведь деревья об этом ничего не знают. Их надо охранять от вырубки. За ними надо ухаживать.

Софья Федоровна, моя бабушка.

Папа! Крестьяне послали Ленину письмо с просьбой оставить нас в имении. Они пишут, что ты был хороший помещик и никого не притеснял. Даже не наказывал за порубки.

Федор Сергеевич.

Ну, вот, а вы говорили «переведи в Швейцарию». Бог с ними, с миллионами, еще наживем. Родину ни за какие деньги не купишь. Помните – вы Челищевы. Хотя теперь, после замужества, ты Юматова, тоже славный дворянский род. Впрочем, дело не в происхождении, а в поступках. Дворянство не звание, а обязательство. Как наша маленькая Надюшка? Она будет жить в другом мире, без войн и революций. На нашем примере все поймут, какое это безумие.

Радио.

Слушайте стихи глухонемой и слепой девушки, поэтессы и скульптора.

*Не умею видеть, не умею слышать,
но имею больше чувств живых простор.
Гибким и послушным жгучим вдохновеньем
я соткала жизни красочный узор.*

Вовка.

*Мне мама в детстве выколола глаза,
чтоб я варение в буфете не нашел.
Я не смотрю кино и не читаю сказки,
зато я нюхаю и слышу хорошо.*

Надежда Владимировна.

Как можно смеяться над такими вещами! Ведь она же слепо-глухо-немая, а стала скульптором и поэтом.

Мария Федоровна.

Телеграмма от Ленина пришла через три дня – выселить всех в течение суток. Нас погрузили всех на телегу. Шел дождь, а мы смеялись. И я, и твоя бабушка Соня с Надюшкой на руках, и Варя с мужем. Нас было шестеро дочерей и два сына – Миша и Павлик. Он тоже смеялся. Не знал еще, что его заберут в армию Деникина с тем самым узелком красок, который он потом и увез за границу. А крестьянин говорит: «Барышни, что же вы смеетесь? Не знаете вы, что вас ждет».

Я.

Мою бабушку Соню ждала смерть в 1919-от от тифа. Мою маму Надежду Владимировну сиротство у тетушек. Моего деда Владимира Юматова никто не видел после смерти бабушки Сони. Говорят, его разорвало снарядом. Павлик Челищев с деникинской армией эмигрировал и стал великим художником. Марию Федоровну ждал сталинский концлагерь. А Варвару Федоровну преподавание литературы в кремлевской школе и расстрел мужа – математика Алексея Зарудного. Сам Федор Сергеевич умер в 1942 году на 83 году жизни в селе Лозовая во время немецкой оккупации. Он умер, а я родился. Перед смертью Федор Сергеевич сказал хозяйке дома, где снимал жилье: «Вы, пожалуйста, не волнуйтесь, сегодня в три часа дня я умру». Лег на кушетку, заснул и умер.

Надежда Владимировна.

Дедушка был такой благородный. Он говорил, никогда нельзя кричать на ребенка. И все спрашивал – как Надюшка?

Мария Федоровна.

Нас всех как-то разбросало по свету. Я пометалась, пометалась в Севастополе и вышла замуж за прораба с рабочим происхождением. Пришли к нему домой после загса. Он сел на койку, снял сапоги... сыр пармезан!

Радио.

*Эх, путь-дорожка фронтовая,
не страшна нам бомбежка любая.
Эх, помирать нам рановато,
есть у нас еще дома дела.*

Вовка.

*Эх, путь-дорожка фронтовая,
не страшна нам бабешка любая.
Эх, помирать нам рановато,
есть у нас еще дома жен.
И не одна!.*

Надежда Владимировна.

В войну все со всеми делились. Люди были совсем другие. А сейчас щепотки соли не выразишь.

Александра Павловна.

Товарищ Сталин сказал: «Тюрьма не курорт. Кто совершил преступление, тот должен загладить свою вину тяжелым трудом».

Военрук школы.

Главное правило боя – целься в живот. Живот – наибольшая площадь для попадания. Кроме того, раненный в живот, даже если выживет, надолго выбывает из строя.

Александр Лазаревич.

Ну, не могу просыпаться рано. Ну, никак. Никакими каками.

Ольга Сергеевна.

«Матросы, матросы, морей альбатросы...» Ты не знаешь этого поэта. Это Кириллов. Его тоже расстреляли потом. А как красиво писал.

Радио.

*И по камешку, по кирпичику
возвели они новый завод.*

Алексей Евгеньевич.

*И по камешку, по кирпичику
расталили весь новый завод.*

Радио.

Однажды товарищ Киров увидел разбросанные кирпичи и спросил директора: «Как вы думаете, сколько стоит один кирпич?» Дирек-

тор пожал плечами: «Наверно, одну копейку». – «А если бы здесь копейки валялись, вы бы их подняли?» – спросил Сергей Миронович.

Мария Федоровна.

Он хоть и был прораб, но оказался неплохим человеком. Как мы радовались, когда получили комнату! А потом, когда ее разбомбили, только рукой махнули: «Наживем еще». А как мы радовались каждой вещице. Полочка, кровать, одеяло, чашка, тарелки... ведь сначала не было ничего. И вот опять по новой. А новой не оказалось. В лагере все есть – миска, кружка, оловянная ложка. И я радовалась им не меньше, чем фарфоровой чашке, дважды разбитой и трижды склеенной.

Я.

Почему трижды?

Мария Федоровна.

Мы купили ее у антиквара на прорабскую премию. Она была уже склеена в трех местах. Целых вещей тогда вообще не было. Все, что бьется, разбилось. Революция, гражданская война, а потом эта, будь она неладна, кол-лек-ти-ви-за-ция. Никак не выучу это слово.

Александр Лазаревич.

Настоящие сибирские пельмени выставляются на мороз. Они замерзают. А потом их едят всю зиму. А то, что мы едим, в пачках, это не пельмени. Никак не пойму, как можно было испортить самую вкусную пищу. Что они в них кладут?

Ольга Сергеевна.

А я стояла за ними в очереди полтора часа!

Александр Лазаревич.

Очереди появились в 14-ом году, когда началась война, и с тех пор не исчезали до НЭПа. Пришел НЭП, и очереди исчезли. Нэпманов пересажали, и очереди выползли снова, как из-под земли.

Александра Павловна.

Эксплуататоры вздували цены, а советская власть установила дешевые цены на хлеб, чтобы он был всем доступен. Конечно, бывают перебои и очереди, но зато всем доступно. А капиталисты топят пшеницу в море, чтобы удержать высокие цены. А людям в труппах нечего есть.

Я.

Хорошо еще, что я родился здесь, а не в Америке. Питался бы отбросами с помойки.

Мария Федоровна.

Ты бы вообще не родился. Мама дворянка, папа еврей. Такие браки до революции были невозможны.

Я.

Что такое еврей?

Мария Федоровна.

Видишь, какую бабочку я вышила гладью. Это я в Швейцарии научилась, на детском курорте. А потом в лагере эти бабочки мне жизнь спасли от голодной смерти. Начальство заказывало вышивку. Одна пайка – пять бабочек. Пять бабочек – одна пайка. А наперстка не было. Только бы не запачкать вышивку кровью. Ты не еврей, ты Челищев.

Я.

А папа?

Мария Федоровна.

Федор Сергеевич говорил: «В моем доме антисемитам не место». А когда кто-то произнес слово «жид», он выставил его за порог.

Я.

Что такое жид? *(Я слышал дразнилку: «жид по веревочке бежит»)*.

Мария Федоровна.

Это грязное ругательство.

Мария Павловна.

Я никак не пойму, как могут быть антисемиты в стране со всеобщим образованием.

Кирпотин.

Мы считали, что революция навсегда покончит с антисемитизмом. Я был комиссаром, и меня послали усмирять бунт в деревне. Приехали вдвоем с председателем комбеда. Вышли на крыльцо. Я произнес речь. Долго говорил, агитировал. Крестьяне молчали. Потом вышла какая-то бабка и, указав на меня, сказала: «Ладно, мы не будем бунтовать. Только уберите этого жида».

Отец Захария.

Главное – Бога не забывай. Остальное все образуется.

Надежда Владимировна.

Ты опять брал песок из сахарницы!

Я.

Я не брал.

Надежда Владимировна.

А это что за сладкая дорожка тянется от кухни к твоей кровати?

Я.

Сахарная дорожка бежала, как Млечный Путь. Борясь с голодом, я брал сахар на краешек чайной ложки и, крадучись, шел с этой ложкой к себе. Рука от волнения дрожала. Ложку можно было очень долго обсасывать, и она еще долго казалась сладкой.

Надежда Владимировна.

Директором тамбовского театра назначили героя кавалериста. Он во-
дил нас на демонстрацию, с орденом, в буденовке и с усами. И пел:
«Уседлаю я горячего коня».

Доцент Вульфсон.

Это только в песне поется: «Встань, казачка молодая, у плетня, напои
водой горячего коня». А мы на фронте пели: «Встань, казачка молодая,
у плетня, у.... тебя я метра в полтора». Вокруг этого все вращается.

Доцент Безъязычный (вместо ноги протез).

Я бы этому Полевому за его Маресьева яйца отрезал. Он, видите ли,
пляшет на двух протезах. Знаете, как болит по ночам отрезанная нога.
Ее нет, а она болит. Это называется фантомная боль. И так всю жизнь.

Радио.

Передаем передачу «Любимая песня». По вашей просьбе диктуем
слова.

*Сорвала я цветок полевой,
приколола на кофточку белую.
Ожидаю свиданья с тобой,
только первого шага не сделаю.*

Ответ:

*Ты сама. Как цветок полевой,
но не в меру горда ты, красавица.
Я не прочь бы встречаться с тобой,
только гордые очень не нравятся.*

Врач Заболотская.

Директором роддома назначили выдвиженца красноармейца. Я ему
говорю: «В родильном отделении температура +7, не топят» А он
мне: «Ты к кому пришла? Ты что, не видишь, кто перед тобой?» –
«Кто?» – «Дилехтур!» – «Вот я и пришла к вам, товарищ дилехтур,
чтобы вы истопнику топить приказали!» – «А, это другое дело, при-
казать я могу. А вообще, Николавна, ты человек дельный, шла бы
на курсы хвилософии марксизма». – «Да я в этом не разбираюсь». –
«Ничего. Я раньше тоже думал, что хвилософия – это трудно, а те-
перь всех знаю – и Брехли, и Феебраха».

Варвара Федоровна.

Светлана Сталина, теперь она Аллилуева, была моей лучшей ученицей. Она писала очень интересные сочинения. Писала сама стихи. В нее все влюблялись и я в том числе. Однажды слышу плачь, крики. Директор школы Наталья Музыка лежит в полуобмороке на диване. На столе стоит тарелка с зелеными котлетами. А рядом сидит офицер: «Вы хотели отравить котлетами дочь товарища Сталина». Музыку тут же арестовали, и больше мы ее никогда не видели. Пришла другая директриса. А Светлана продолжала учиться. А дочка Хрущева, Рада, учится плохо. И сочинения пишет из рук вон. Не любит литературу. Нина Петровна вчера приезжала в мою комнату. Принесла сливки, клубнику, все с пломбами, печатанное, от кремлевского стола.

Я.

Тут мне стало не по себе. Я никогда не ел и не видел клубнику со сливками. Мне так хотелось, чтобы бабушка Варя, сестра моей бабушки Софьи, угостила меня клубникой со сливками. Варвара Федоровна угадала мои мысли.

Варвара Федоровна.

Эту клубнику мы с Машей уже съели.

Я.

Маша – гимназическая подруга Варвары Федоровны. Я еще больше ее возненавидел. Почему бабушка Варя любит какую-то Машу, а не меня, своего племянника, любящего литературу и пишущего такие сочинения, какие не снились ни Раде Хрущевой, ни Светлане Аллилуевой.

Варвара Федоровна.

Нина Петровна говорила, что их упрекают за роскошную жизнь: «Они не понимают, что это нужно для представительности перед иностранцами». Ты напрасно усмехаешься. Мне это кажется очень убедительным. Этот Хрущев забавный, такой непосредственный народный юмор, но, по-моему, он слегка сдвинулся на кукурузе. Почему кукуруза, а не рис или гречка? Он хочет ввести кукурузу насильно, как Петр I картошку. А что, в этом что-то есть.

Я.

Кукуруза – это сила.

Нам задание дано:

раньше сеяли на силос,

будем сеять на зерно.

Варвара Федоровна.

Кто это сочинил?

Я.

Я, по заданию редакции. И даже получил гонорар, 15 рублей. Купил будильник со слонем и подарил его маме.

Варвара Федоровна.

А у тебя несомненный талант. Ты чем-то похож на своего двоюродного деда Павла Челищева. Бедный Павлик, он сошел с ума на чужбине и пишет такие странные картины. Я не понимаю эти абстракции. А тебе нравятся абстракции?

Я.

Нравятся!

Варвара Федоровна.

Я же говорю, ты – вылитый Павлик.

Актер Иннокентий Смоктуновский.

Смотри, дружок, в этом году конец свет. Видишь надпись – 1984. Три первые цифры голубые, а последняя четверка белая. Они намекают нам, что вот-вот начнется атомная война. Пойдем, выпьем водки.

1-й писатель в ЦДЛ.

Бога нет. И души нет. И рая, и ада нет. И НЛО выдумка. В экстрасенсов я не верю, нет никакой ауры.

2-й писатель в ЦДЛ.

Да что ты заладил – нет да нет. В мире, где ничего нет, я уже жил. Мне интересно пожить там, где что-то есть.

Я.

А что, если все есть – Бог, душа, вечная жизнь, рай и даже НЛО с экстрасенсами?

2-й писатель в ЦДЛ.

Ну, без НЛО и экстрасенсов я как-нибудь проживу, а вот без Бога вряд ли.

1-й писатель в ЦДЛ.

А я без Бога жил, без него и умру, а вот НЛО и экстрасенсы – это интересно, хотя, скорее всего, их тоже нет.

Алексей Евгеньевич.

*Пионеры-лодыри царя,
Бога продали.*

Мария Федоровна.

*Раз-два-три,
пионеры мы,
мамы с папой не боимся,
сикаем в штаны.*

Писатель Владимир Наумович Тихвинский.

Говорят, что я похож на Маркса и на цыгана одновременно. В Харькове немцы выстроили нас и сказали – евреи и цыгане, шаг вперед. Я должен был бы шагнуть два раза, но, конечно, стоял, как вкопанный. Все стояли. И тут офицер сказал: на первый-второй рассчитайся! Мы рассчитались. А потом каждого второго расстреляли. Я до сих пор помню того, который рядом стоял. Мы почему-то когда строились, поменялись местами. И у меня четкое ощущение, что его убили вместо меня. Даже не так. Я отчетливо чувствую, что меня расстреляли, а он остался живым во мне. Мы поменялись душами. Странно, но он тоже был похож на цыгана и на еврея. Это мистика. Я в нее верю.

Я.

Владимир Наумович, а вы помните 37-й год?

Тихвинский.

Во всех деталях. Сейчас неправильно изображают, что все тряслись и ждали ареста. Ничего подобного. Такая гульба была! Рестораны ночью не закрывались. Пришли арестовывать моего дядю. Он выпрыгнул в окно и просто убежал. А потом через несколько месяцев вернулся. Кампания кончилась, и про него забыли.

Валентин Катаев.

А как весело было после войны. Нас возили по ресторанам и кормили бесплатно. А девушки говорили: «Вы писатели, мы с вас денег не возьмем». Давали даром. Тут же в номерах. Им, конечно же, за нас платили. Сталин был палач, но литературу любил.

Юнна Мориц.

После войны, когда началась кампания по борьбе с космополитами безродными, ко мне в Киеве на улице подошел громила и с криком «жидовка!» сломал мне руку. Мы все были худые, хрупкие и голодные.

Константин Симонов.

Меня в 52-м ввели в ЦК и даже пригласили на заседание Политбюро. Сталина не было. Председательствовал Маленков. Вдруг открылась потаенная дверь, и из нее появился Сталин, маленький, рябой, злой. Я дословно помню его слова, хотя он говорил не то с акцентом, не то неразборчиво: «Поступают жалобы от наших евреев. Они подвергаются хулиганским выходкам прямо на улицах. Надо оградить наших евреев. Надо найти для них удобные безопасные места в Сибири». Наступила пауза. Сталин все больше багровел. Первым заговорил Маленков.

Маленков.

Иосиф Виссарионович, этот вопрос надо проработать. Надо построить помещения, бараки, организовать ограждение, охрану. Это требует времени!

Константин Симонов.

Сталин ничего не ответил, просто сжал в кулаке единственной действующей руки свою трубку так, что она разломилась пополам. Резко повернулся и вышел. Это было последнее заседание, на котором Сталин присутствовал.

Надежда Владимировна.

Косят! Костя! Вставай, беда, Сталин умер! Что теперь будет?

Я.

Мое сознание было раздвоено. Я часто представлял в мальчишеских грезах, как врываюсь в Кремль во главе разъяренной толпы, что-то вроде штурма Зимнего в киноверсии Эйзенштейна. Сталин стоит на коленях. Я его арестовываю. Но портрет Сталина висел у меня над кроватью. Я переживал, что не могу сделать такую же прическу. А когда траурно завывли гудки, вышел на улицу, надев пионерский галстук, и замер в приветственном салюте, хотя отчетливо понимал, что кого-то обманываю. Кого? Ведь вокруг не было никого, кроме собаки Весты. Во время салюта она весьма непочтительно присела возле забора и сделала все, что хотела. Меня не покидает ощущение, что нарочно.

Веста.

Я, вообще-то, не совсем обычная собака. Отвислые лопухами уши, серый окрас в черных разводах. Вроде бы английский сеттер. Но я ведь все понимаю. Когда Надежда Владимировна ушла, приказав Косте вымыть тарелки, мы с этой задачей справились моментально. Костя протянул мне тарелку с вкуснейшим размазом. Я мигом все вылизала до блеска. Через минуту пять тарелок сияли неслыханной белизной. Ведь в те времена о горячей воде из крана слыхом не слыхивали. Грели воду в чайнике, потом мутной тряпкой, смоченной в горячей воде, стирали жир, а потом ополаскивали холодной. Жир от холода застывал, и мытая тарелка от немойтой отличалась чисто условно. А у меня шершавый, теплый, длинный, эластичный язык. Лизнула пять раз, и тарелка, как солнце или луна.

Я.

Веста – собака совсем необычная. Ночью она тайно прокрадывалась ко мне в кровать. Голову прижимала к подушке боком и, обхватив

меня лапами, сладко засыпала. Так мы и спали в обнимку. Однако, заслышав шорох приближающихся шагов, Веста с грохотом спрыгивала с кровати и как ни в чем не бывало сворачивалась калачиком на подстилке.

Вовка.

Надо же, продать такую собаку!

Я.

Работоторговцы! Веста! Веста-Веста-Веста-Веста... Не откликается и уже не прибежит и не откликнется никогда. А, может, все же... *(В этот миг на сцену врывается Веста, бросается мне на грудь, облизывает лицо, закидывает лапы на плечи)* Боже мой! Веста! Веста! Но ведь я уже взрослый. Каким образом ты дотягиваешься передними лапами до моих плеч, как будто я мальчик и мне всего 11 лет? Ведь на самом деле ты совсем не такая большая, как мне казалось. Или в вечности размеры не имеют значения? А воспоминание – это вечность. А что если вызвать Марию Федоровну? Бабушка Маня!..

Мария Федоровна.

Ну вот! Это другое дело, а то так обидел меня. Какая я тебе Мария Федоровна, я бабушка твоя, хоть и двоюродная, а все равно родная.

Я.

Бабушка Маня, бабушка Маня! Родная, родная...

Мария Федоровна.

Я здесь, знаешь, чем занимаюсь? Все время вышиваю бабочек гладью, как в лагере. Только теперь не за пайку, а для души. Я их вышиваю, а они тотчас оживают и улетают. Ты заметил, как много бабочек прилетало к тебе этим летом? А еще я тут на днях перечитывала «Тарусские страницы». Здесь все как-то по-другому читается. И знаешь, кое-что совсем неплохо. Можно перечитывать вечно. Особенно Паустовского, а эту новую поэзию я так и не поняла. «Богатый нищий жрет мороженое...» Что это значит? И как это грубо – «жрет». А ты знаешь, я здесь храню твое раннее стихотворение, оно у меня здесь на бумажке записано. Видишь, я и здесь без очков читаю, а мне уже не 83, а, страшно сказать, 120.

Скачут водяные паяцы
скачут по тротуару
дождик теплыми пальцами
гладит аллеи старые... *(Удаляется)*.

Я.

Бабушка Маня, бабушка Маня! Куда же вы?

Мария Федоровна.

Ско-о-о-ро встре-е-е-етимся. Не торопись. Еще много надо сделать... А я пока для тебя еще что-нибудь вышью. «Скачут водяные паяцы...Скачут водяные паяцы...»

Надежда Владимировна.

Ты приляг, поспи. Тебя нельзя так волноваться. Я достала для тебя теплое белье. Здесь его сколько угодно, а у вас по-прежнему нет. Я знаю, в моей комнате на Вахтангова, это теперь Николо-Песковский переулок, какая-то фирма. Я увидела кондиционеры на обоих окнах и даже заходить не стала, чтобы не расстраиваться. Мы здесь с Алешей вместе. Он уже опять не пьет и все время перечитывает то Некрасова, то Есенина. Я говорю, да почитай ты что-нибудь еще. У нас тут, как теперь у вас, книг любых завались. Первое время он все читал мемуары маршала Жукова без купюр, а потом все отбросил. Сказал: «Ну их всех», – и читает только Есенина и Некрасова.

Алексей Евгеньевич.

Пиши: в деревне Глухово

Яким Нагой живет.

Он до смерти работает,

до полусмерти пьет.

Это про меня. А вот это про вас теперь:

Порвалась цепь железная,

порвалась и ударила

одним концом по барину,

другим по мужику.

Справедливости не ищи. Теперь у вас чего только нет. Водки любой залейся, рыбки соленой навалом. У нас с этим строго. А у тебя не застоялась в шкафу бутылочка? Плесни мне рюмочку. И вот этой янтарной, солененькой, не знаю, как она у вас называется. При мне ее вовсе не было.

Надежда Владимировна.

Алеша, пойдем. Ты опять за старое. Косте теперь тоже нельзя пить, у него тоже давление. Да, да, ведь ему уже за 70, а ты дожил только до 59. В то время не было лекарств от давления. Пойдем, Алешенька. После все встретимся и наговоримся. Сыночка, я здесь в театре опять работаю и не костюмером, а на выходных ролях. «Кушать подано!» Какое счастье. Береги себя и еще зайди, пожалуйста, в музей Лермонтова, где я работала смотрителем. Скажи им, что Михаил Юрьевич всем велел кланяться и благодарит, что дом сохранили. И

пусть не пугаются, когда он по ночам приходит, и половицы скрипят. Что-то я еще хотела сказать... А, да, я здесь, представь себе, встретила Льва Толстого и прямо так и спросила: «Как же вы могли все бросить, уйти из дома, оставить всех?» Он не обиделся, только улыбнулся в бороду, как дедушка Федор Сергеевич, и сказал: «Эх, Надюшка, Надюшка». А, может, это и был Федор Сергеевич. Здесь так все смешано, ты даже не представляешь. И еще тебе Владимир Владимирович велел привет передать, и Велимир твой Хлебников, они и здесь все спорят и что-то выясняют, но к тебе очень хорошо относятся. Пожалуйста, надень при мне теплое белье, чтобы я была спокойна, что ты тут не мерзнешь...

Александр Лазаревич.

Даже на том свете она тебя балует. Не то что я... Помнишь, я все просил: «Мама, вырости меня обратно». Так вот эта просьба моя исполнена. А ты знаешь, моя «Золушка» тут идет без малейших изменений, с полным аншлагом. И ты там играешь гнома, даришь Золушке башмачки. Вот говорил тебе: «В театр только через мой труп». Так оно и получилось. А Ольга Сергеевна здесь встретилась со своим Владским, и, знаешь, она осталась и со мной, и с ним. Здесь это возможно, хотя и редко. А Надюшка осталась со своим пропойцей Алексеем Евгеньевичем. Она у меня в театре играет служанок и очень счастлива, а на земле какие были скандалы, что роль не главная... наука умеет много гитик... ты себе думаешь, а оно себе думает...

Вовка.

Ты не думай, что я уже тут. Нет, я еще жив. Просто я лежу в Костроме в психушке ни жив, ни мертв. И временами тут появляюсь, а потом возвращаюсь домой, в психушку.

Я.

Допился, братец единоутробный.

Вовка.

*Время, милый, идет,
время катится,
кто не пьет, не..
тот спохватится.*

Я.

Ну вот и с Вовкой повидался уже и сам не знаю, на каком свете. Я ведь тоже не знаю, откуда говорю с вами. Может, отсюда, может, оттуда. А, может, и нет никакого оттуда-отсюда. Не мы уходим

в вечность, а вечность постепенно приходит к нам. Веста, Веста, Веста, Веста... опять сорвалась с поводка и все еще где-то бегает. Если увидите ее, то скажите, что я все еще ее жду. Английский сеттер. Серая в черных разводах. И уши, как лопухи. Веста... Веста... Веста...

Поэт Леонид Топчий (1960 г.).

*Два еврея замутили свет.
Оттого на свете счастья нет.
Суета одна и маята
от ученья Маркса и Христа.*

Он же из своего стиха «Интернационал».

*Проклятьем я не заклеянный
и не был никогда рабом.*

Комик Лева.

Товарищи! Театр наш попал впросак, и нам всем предстоит решить, как нам выйти из этого просака (*Новозыбков, 1948 г.*).

Он же в роли шута в «Золушке».

*Его высочество наш принц,
он занят важными делами.
Он вас покинул, ну, а вы
повеселитесь сами.
Дилинь – дилинь,
дилинь – дилинь,
вот вам моя рука.
Наш принц ушел,
оставив вас
на дурака.*

Надежда Владимировна (обняв меня и упав на колени).

Сыночка! Меня сократили!!!

Александр Лазаревич (пародирует подъем в казарме – старшина узбек кричит папиным голосом).

Быстрой! Быстрой! Быстрой!!

Алексей Евгеньевич (подражает крикам слонов, идущих на водопой).

У-лю-лю! У-лю-лю!! У-лю-лю!!!

Хрущев.

Они изобрели бомбу, которая убивает все живое, но оставляет в целости дома и заводы. У нас такой бомбы нет, но зато у нас есть бомба, которая уничтожает и дома, и людей.

Радио.

*Под солнцем родины мы крепнем год от года,
мы делу Ленина и партии верны.
Зовет на подвиги советские народы
ком-му-ни-стическая пар-тия страны-ы-ы-ы.*

Александр Лазаревич.

Мама! Выроди меня обратно!

Алексей Евгеньевич (с выражением).

«Купи мне шаль, отцу купи порты...»

Надежда Владимировна.

«Порты» – это уж слишком. Фи-и!!

Вовка.

Маленькие люди любят командовать.

*Над страной тучи ходят хмуро,
повариха с поваром храпят.
В эту ночь решили поварята
утащить похлебку для ребят.*

Я.

Как хорошо, что у девочек есть щелочки. Ведь туда можно совать.

Надежда Владимировна.

Откуда ты это знаешь?

Я.

Вовка рассказал.

Вовка.

Предатель!!!

Александр Лазаревич.

Шекспир работал, как все режиссеры, что-то добавлял свое, что-то компоновал из известных пьес. А почему говорят, что мелодрама это плохо? Смех и мелодрама – душа театра. Люди должны смеяться и плакать. Плакать и смеяться.

Мария Павловна.

Подумать только! Вот этот стол будет. И это зеркало будет. А меня не будет. И смех, и грех! Ха-ха-ха-ха! *(Плачет.)*

Учитель пения в 3-ем классе.

*Наша сила в деле правом (кхе-кхе).
Советским героям слава (кхе-кхе).
Мир, что для нас создавала (кхе-кхе),
наша родина, наша держава (кхе-кхе).
Но опять спокойно спать (кхе-кхе)*

*не дают матерям и детям (кхе-кхе).
 Все, кто грозят нам войной (кхе-кхе),
 будут за это в ответе (кхе-кхе).
 В гро-о-озный час (кхе-кхе),
 в тя-а-ажкий час (кхе-кхе)
 помнит великий Сталин (кхе-кхе)
 о каждом из нас...*

Весь класс.

...кхе-кхе.

Александр Лазаревич.

Спиноза утверждал, что нельзя уничтожить и грамма вещества, не разрушив всю вселенную. А теперь изобрели атомную бомбу, и выходит, что он был прав. Но это еще можно понять, а вот учение о причинности намного сложнее. По Спинозе, если сегодня меня блоха укусила в правую пятку, это было заложено в самом начале мира неразрушимой цепью причин и следствий. Получается, что случайностей не существует. Если на меня упала с крыши сосулька, это было predetermined заранее.

Надежда Владимировна.

Пытки отвратительны, пытки недопустимы. Этого не может быть в цивилизованном государстве.

Вовка.

*По долинам и по взгорьям
 шли мальчишки в огород,
 чтобы выдернуть морковку
 и отправить ее в рот.
 Тетя Маша увидала,
 доложила в сельсовет,
 и за каждую морковку
 присудили по семь лет.*

Надежда Владимировна.

Боже, какая я дура, колоски собирала. Все руки в мозолях. Хотела помочь стране.

Алексей Евгеньевич.

Был указ: семь колосков – семь лет. По этому указу столько детей пересажали.

Александр Лазаревич.

Твой дед еврей не имел права на высшее образование в России. Он уехал в Берлин, получил диплом с отличием и зачем-то вернулся в

Томск. Там он делал операцию Распутину, когда его ранила в живот ножом фанатичка-монахиня. Не знаю, хорошо это или плохо, но он спас Распутину жизнь.

Я.

А ты видел большевиков?

Александр Лазаревич.

Сейчас их изображают дураками в кожаных куртках. Фанатиками они были, но дураками – нет. Иначе не удержали бы власть. Дураки пришли потом, вместе со Сталиным. Ленин, Троцкий, конечно, фанатики, но не дураки. А Сталин дурак и невежа.

Радио.

Бога придумали жрецы, чтобы обирать бедных, внушая им мысль о покорности.

Хрущев.

Наши космонавты были на небе, и никакого бога там нет.

Алексей Евгеньевич.

Бога надо искать не на небе, а в сердце. Сходи в магазин за портвейном, там еще есть «Агдам».

Надежда Владимировна.

Нельзя религию превращать в кулинарию. Причем тут все эти посты? Мяса и так в магазинах нет. Да! Я грешна перед богом, но причем тут мясо. Просто он ничего не хотел делать, часами сидел на диване и грыз ногти.

Александр Лазаревич.

А что я мог сделать, если в театре полгода не платили зарплату?

Надежда Владимировна.

Да. Он все переложил на меня. Не было воды, я пошла в ЖЭК и там познакомилась с Алексеем Евгеньевичем. Ты же помнишь, он был молодой, энергичный, во френче. Я не знала, что он пил. Мне казалось, со мной он не будет пить. Да, Александр Лазаревич капли в рот не брал, но он палец о палец не ударил, чтобы я осталась.

Мария Федоровна.

В лагере было очень много интереснейших людей. Помню, один профессор, специалист по античности, в одних кальсонах, с лопатой, читал нам лекции. Он читает, а мы копаем, и так интересно было. Иногда давали сахар. Мы к начальнику с благодарностью, а он: «Мне наплевать на вас, хоть бы вы все передохли, но с меня требуют понижения смертности. Сахар вам для статистики, а не для здоровья». Девять лет так и пролетели. Я знала, что не просижу десять лет. Рас-

крыла Библию, а там пророчество от Осии: «И ввергну тебя в темницу на 10 дней и возьму тебя к себе во благовремение».

Хрущев.

Некоторые говорят, что нам не нужны авторитеты. Это неправильно. Партия осудила культ личности, но авторитеты нам нужны.

Радио.

Недостойное поведение писателя Пастернака. Свинья не сделает того, что он сделал. Свинья никогда не будет гадить, там, где живет, а он нагадил. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию*).

Вражий голос.

Борис Пас... у-у-у... чен... у-у-у... юза... у-у-у... етских писателей. Передаем ...авы романа... у-у-у... октор... у-у-у... ваго.

Анекдот 60-х.

Пьяный валяется в луже. Над ним склоняется мент. Пьяный: «Зыс из де войс оф Америка!» – Мент: «У-у-у-у-у!»

Радио.

Передаем лирику Степана Щипачева.

Любовью дорожить умеите,

с годами дорожить вдвойне.

Любовь не вздохи на скамейке

и не прогулки при луне.

Все будет – слякоть и пороша...

Надежда Владимировна.

Когда Сталин прочел сборник лирики Константина Симонова, посвященный Серовой, он спросил: «Каким тиражом издана эта книга?» Ему ответили, что 100000. «А надо было два экземпляра. Один для Симонова, другой для Серовой».

Хрущев.

Мы наметили антирелигиозную десятилетку. Через десять лет в стране не останется религиозных суеверий, и последний храм освободится для клуба.

Алексей Евгеньевич.

Отца расстреляли за то, что он священник. А я должен был скрывать, что сын священника. Поэтому вместо диплома у меня свидетельство о курсах рабфака. Справедливости не ищи!

Александр Лазаревич.

Разве я похож на еврея? Что во мне еврейского, только отчество и графа в паспорте. В то время быть евреем было почетно, я и записался евреем, а мог записаться русским.

Алексей Евгеньевич.

*Пароход идет вода парами,
будем рыбу кормить комиссарами.
Пароход идет, вода кольцами,
будем рыбу кормить добровольцами.*

Александр Лазаревич.

Мы-то думали, каким он будет, этот социализм, а тут утром включаю радио, а там объявляют, что социализм уже построен. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Странно. Барро утверждает, что в пьесах Чехова важны не слова, а паузы в ремарках. Я этого не понимаю, но паузы действительно в театре не менее важны, чем текст. Нас учили держать паузу. Сейчас этого уже никто не умеет. Качалов держал паузу пять минут, и в зале стояла мертвая тишина, а сейчас и через минуту начнется шиканье.

Я.

Почему в детских пьесах все дети изображены идиотами, которые только и делают, что исправляются в последнем акте?

Александр Лазаревич.

А в пьесах для взрослых дело обстоит другим образом? По-моему, там то же самое. Театр не зеркало, а увеличительное стекло. Искусство стремится к идеалу.

Надежда Владимировна.

Вечно загримируют до неузнаваемости. На нос налепят гумос. На голову напялят безобразный парик. Вытолкают на сцену – играй!

Актриса.

Меня мазали, мазали сажей. Превращали то ведьму, то в Бабу-ягу, а я хочу сыграть Бовари. У вас нет пьесы про современную Бовари? Я мечтаю сыграть Бовари.

Вражий голос.

Академик ...ахаров ...авное свобо... ации... ава... ека... Не боюсь.

Радио.

Тем самым гражданка Боннэр окончательно поставила себя на одну доску с теми, кто...

Юрий Любимов.

Ну, вы уж, пожалуйста, меня не бросайте. Так вы не сын Кедрова, моего учителя? А, может, все же..? Представляете, у меня дед купец с настоящей цыганской кровью. Я поставил себе цель доить до 85-ти, чтобы сын закончил образование. А чего они привязались к Сократу? Чем он им так насолил?

Мария Федоровна.

В Ленинграде к власти пришел Романов. Все возвращается на круги своя. И правильно. Эксперимент затянулся. Завтра 1-е мая. У них опять фестивалл.

Александр Лазаревич.

Чехов говорит, что если ружье висит на стене, оно обязательно должно выстрелить. А, по-моему, в том-то вся и штука, что ружье висит себе и не стреляет. В этом весь Чехов. Главное, чтобы было смешно. А из него сделали тягомотину. Чехова надо ставить так же весело, как написаны его рассказы. «Жареные гуси мастера пахнуть» – вот это Чехов. «Проезжая мимо станции, у меня слетела шляпа».

Мария Павловна.

Гражданская война – это ужас. Идут белые, идут красные, и все просят есть. Красные еще кое-как, но одеты, а белые совсем ободранные, босиком по снегу. Нам самим было нечего есть, но кормили и тех, и этих.

Я.

Чем?

Мария Павловна.

Не помню.

Мария Федоровна.

К нам в имение в Дубровку приезжал фокусник-итальянец. Показывал фокусы и при этом приговаривал: «Оне моменте дуте пердуте».

Я.

А что это значит?

Мария Федоровна.

Не знаю. Я владела только немецким. На свою голову.

Я.

Почему?

Мария Федоровна.

Когда немцы вошли в Севастополь, ко мне в комнату вошел немец, схватил будильник и сунул в свой ранец. Я рассердилась, да как заору по-немецки: «Грязная немецкая свинья – дойче швайне». Он остановился: «О, фрау говорит по-немецки?» – и повел меня в комендатуру. Так я стала переводчицей. Сначала я отказалась, конечно, а потом нас вывели на площадь и двоих повесили прямо у меня на глазах. А так немцы были вежливы. Они говорили, мы этого Гитлера терпеть не можем, а в партию я вступил, чтобы сделать карьеру. Так и говорили. Потом уговаривали меня: «Мадам, уезжайте с нами, вы

же дворянка, вас повесят за сотрудничество с нами». Я отказалась. Они пожали плечами, но принуждать не стали. Потом немцы ушли, стало тихо. И вдруг волны матерной ругани. Раньше такого не было, до войны. Это наши пришли. Одна волна мата, за ней другая, и так целый день, а потом и неделю, месяц, год, годы сплошной ругани. В лагере я мата не понимала. Для меня он и сейчас, как иностранная речь.

Надежда Владимировна.

НЭП не сразу отменили. Просто всех обложили налогом и пересажали. Потом все исчезло, и товары, и магазины. А тетушка все еще верила, что власти образумятся и частные магазины снова откроются. Однажды вбегает радостная, сияющая: «Смотрите. Я же говорила!» – «Где? Где?» – «Ну вот же вывеска – М.А. Газин».

Александр Лазаревич.

Когда НЭП объявили, уже на другой день появились пирожные. Вчера очистки, сегодня пирожные. Вот что такое капитализм. НЭП отменили, и все опять исчезло. Правда, постепенно. Сначала исчезли пирожные. Потом хлеб с перебоями и так вплоть до наших дней.

Вовка.

*Говорит Москва –
хлеба нету ни куска.
Говорит Берлин –
хлеба полный магазин.*

Радио.

Не везде и не всегда удастся полностью удовлетворить постоянно растущие запросы населения. До революции в России приходилось полграмма мяса на человека в день. Сегодня килограмм в неделю.

Надежда Владимировна.

Где он, этот килограмм?!

Радио.

Надежда Константиновна Крупская говорила: «Спорт – лучшее лекарство».

Лена Кацюба.

Исцелит от живота
наша русская лапта.
Скутер, картинг и бобслей
помогают от соплей.

Я.

Лучше быть голкипером,
чем валяться с триппером.
Только бег с яйцом на ложке
исцелит от мандавошки.

Надежда Владимировна.

Ты бы брал пример с Евтушенко и Рождественского. Они и настоящие стихи пишут, и для печати.

Мария Федоровна.

Твой предок Михаил Бренко был разрублен в доспехах Дмитрия Донского на Куликовом поле. Наш род породнен с Калитой. Твой двоюродный дедушка Павел Челищев стал за рубежом известным художником. Когда я была в лагере, он присылал для меня посылки с маслом и шоколадом, а Варя эти посылки складывала за шкаф. Боялась передавать. После ее смерти я все нашла. Я там голодала, а здесь окаменевший шоколад. Варя сама не ела. Конечно, она преподавала в кремлевской школе литературу, а мужа, Алешу Зарудного, выслали и, видимо, расстреляли. Он был математиком, занимался теорией относительности Эйнштейна. Папа Федор Сергеевич, твой прадедушка, его терпеть не мог и называл не иначе как «сия бесполоая шляпа». Видимо, потому что у Вари не было детей. А он говорил – жениться на такой красавице, как Варвара, даже без приданного – все равно что выиграть миллион.

Телевизор.

*Вьюга смешала землю с небом,
Но я тебя отыщу все равно.*

Я.

Вьюга смешала кашу с маслом...

Ректор Литинститута Пименов.

Нам умные люди нужны. Но вы нас здорово подвели. Почему вами так интересуется КГБ? Поменьше трепитесь по телевизору. Это в ваших интересах. Конечно, борода – это вопрос не политический. А, может, и политический.

Кирпотин.

Я вступил в партию в 1919 году на фронте, и было мне тогда 19 лет. Мы думали, что скоро по всей земле будет вечное братство и навсегда исчезнут зоны оседлости.

Я.

Революция – это кровь.

Кирпотин.

Революцию не делают в белых перчатках. А знаете, когда была вершина моей славы? Я прохожу в штабной вагон. Часовой читает мой мандат: «выдан Кирпотину». Часовой салютует штыком и восклицает: «Проходите, товарищ Кропоткин!»

Я.

С праздником вас, Валерий Яковлевич, с годовщиной Октября.

Кирпотин.

И вас тем же концом по тому же месту.

Я.

А правда, что вы придумали термин «соцреализм»?

Кирпотин.

Я был содокладчиком Горького по драматургии на II съезде писателей, да и доклад Горького писал я. Там есть слова: «Партия дала писателям все права, отняв у них одно право – писать плохо». Я искренне так думал. Нам было поручено руководить литературным процессом – это называлось ухаживанием. Понравился Алексею Толстому фонтан на станции – берем фонтан и переносим к нему на дачу. Только пиши!

Я.

А соцреализм?

Кирпотин.

Мы же думали, что Фадеев и «Разгром» – это как пятый класс. Через пять лет он научится и напишет «Войну и мир», а все кончилось школьным сочинением.

Я.

А соцреализм?

Кирпотин.

Вот это самое я имел в виду, когда произнес это слово, будь оно неладно. Тогда мне было, как вам, 35. Завтра я вам принесу свою книгу «Пушкин и коммунизм», написанную по заданию Сталина за одну ночь, и вы все поймете. А знаете, что меня натолкнуло на эту книгу, кроме задания Сталина? В 1919 году я лежал в тифу. Потом вижу надо мной лицо медсестры дивной красоты. Позднее выяснилось, она пошла на фронт в Красную армию из дворянской семьи по убеждению. Таких было много. Я вижу прекрасное лицо и шепчу: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты». Она как отпрянет: «Фу, какая пошлость!» Она думала, что Пушкин – это пошлость.

Я.

А я и сейчас так думаю!

Кирпотин.

Вот и будете вести спецкурс по лирике Пушкина. Это диалектика! Отрицание отрицания. Мы марксисты, а не догматики. Вы даже не подозреваете, что такое настоящий творческий марксизм. Всех марксистов расстреляли в 37-м году.

Я.

Слово «марксист» Валерий Яковлевич произносил, мягко грассируя, не по-еврейски, а по-ленински и по-мхатовски.

Кирпотин.

Поймав пленного, махновцы заставляли произнести слово «кукуруза». Если пленный не грассировал, его отпускали. Если грассировал, его расстреливали. Я произношу правильно: кукуг'уза.

Радио.

*Слава борцам, что правду стояли,
знамя свободы высоко несли.*

*Партию нашу они отстояли,
к цели заветной вели.*

Телевизор.

Смотрите нашу передачу «Рассказы о партии».

Александр Лазаревич.

Мама, выроди меня обратно!

Надежда Владимировна.

Если бы мне сказали, что можно вернуться в театр даже не актрисой, а костюмером, я бы вернулась. А когда-то переживала, что не досталась главная роль.

Мария Федоровна.

Павлик умер в Италии. Теперь ты единственный наследник рода Челищевых. Возьми эти ордена и эти пастели Павлика 16-го года, возьми все и помни Марию Федоровну. Это фрачные ордена. Шашка за храбрость 1812 года, медаль 1812 года, Георгий I степени, Георгий II степени. А это цепочка с поздними орденами – св.Анна, св.Владимир, св.Станислав и медаль за Крымскую компанию. Береги их, это единственное, что осталось от рода. И еще картины бедного Павлика, но они все за границей. Только в подвалах Третьяковки плесневеет его «Феномена». Он подарил ее через Баланчина. Бедный Павлик.

Я.

Так кто же я? Челищев? Бердичевский? Кедров? Голова кру́гом. А, может, я – это просто я? Я и еще много-много людей, которым так хочется, чтобы я о них рассказал.

Смоктуновский.

Ты прав, дружочек.

Вознесенский.

Поэзия – это иногда сигнал из прошлого, иногда из будущего. Мы любили будущее, а оно оказалось совсем другим. Страшным.

Александр Лазаревич.

И в 83 года чувственные радости доступны, если бережно к себе относиться.

Надежда Владимировна.

Сволочи!

Павел Челищев.

Здесь, в Париже желания и стремления людей где-то порядка насекомых. Твой брат будет назван безумцем.

Александр Лазаревич.

Ты себе думаешь, а оно себе думает.

Надежда Владимировна.

Как же так? Толстой учил любви и прощению, а сам ушел из дома, оставив жену и детей. Как же так? Твой прадед Федор Сергеевич в чем-то подражал Толстому. Окончил с отличием Университет, ушел в имение, бросил математику и занялся семьей и лесом. В 1916 году у него было семь миллионов в банке. Все говорили: переведи в Швейцарию, а он: «Яйца курицу не учат. Все образуется». Вот и образовалось.

Смоктуновский.

Знаешь, дружочек, ты уж не сердись, но не могу я Гоголя читать, все не по-русски и непонятно. Вот у Пушкина так все просто: «Как дева юная свежа...»

Любимов.

О чем мы с вами говорим? О Брежневe, об Андропове, и это здесь, в Дельфах, в Афинах... До чего же нас довели.

Надежда Владимировна.

Сволочи!

Профессор Машинский.

Видите, рушат шашлычную на Тверском бульваре. Следующим будет наш институт.

Я.

Нет, они хотят тут разбить сквер, а дальше не планируют.

Профессор Машинский.

У нас никогда не могут остановиться.

Константин Паустовский.

Каверин, во-первых, за то любезен народу, что чувства добрые он лирой пробуждал. А во-вторых, опять же словами Пушкина говоря, что в наш жестокий век восславил он свободу, и, что не менее, а, может, и более важно, милость к падшим призывал.

Александра Павловна (из пьесы Островского).

Милости прошу, а не жертвы.

Радио.

Передаем Моральный кодекс строителя коммунизма. Ненависть к врагам мира и социализм. Бережное отношение к социалистической собственности.

Я.

Русские писатели очень любили деньги. И любовь эта была всегда взаимной. Вы ни у кого не пробовали занять 50 тысяч? А Пушкин так и не отдал императору этот долг. Сволочь был император, но деньги давал.

Надежда Владимировна.

Что это ты вдруг о деньгах? Неужели и тебя «укатали сивку крутые горки»?

Я.

Нет, это я так, для красного словца.

Надежда Владимировна.

Все-таки лев Толстой хватанул, когда стал требовать, чтобы все отказались от мяса. И с безбрачием я то-то тоже не совсем понимаю. Я, правда, не все знаю. Вот гомосексуалисты, как же они могут любить друг друга, ведь это физически невозможно.

Я.

Я бы тебе рассказал, но уверяю, радости тебе это не доставит.

Александр Лазаревич.

У нас в Доме ветеранов сцены показали этот когда-то запрещенный фильм «81/2». Я до конца не досмотрел. Так он трахнул ее или не трахнул?

Мария Павловна.

Я не понимаю карикатуры. Как можно уродовать человеческий облик? Ведь это же образ Божий. По-моему, это безобразие.

Александра Павловна.

Бога нет, но есть добро, красота и справедливость.

Мария Павловна.

Ты говоришь, Христа распяли. А сколько простых солдат фашисты распяли. Почему они не воскресли?

Любимов.

Не верю, что Шекспир писал свои пьесы. Актер не может ничего написать. Напрасно вы думаете, что актеру можно что-то объяснить. Ненавижу актеров.

Лена.

Как же вам удастся их выучить?

Любимов.

А как обезьяну.

Сергей Капица.

Малая кровь иногда необходима. В Китае на площади Тяньаньмынь погибли три тысячи, но если бы восстание не было подавлено, погибли бы миллионы.

Михаил Светлов.

Приезжайте скорее, пока я еще не пьян... Ну вот, я же сказал, приезжайте скорее. Я уже пьян.

Надежда Владимировна.

Церковь не в бревнах, а в ребрах. Христос есть в каждом человеке, а зло — я не понимаю, откуда оно берется. Не говори жене Александра Лазаревича, что я парализована.

Я.

Она тоже парализована.

Александр Мень.

Знаете, я не согласен с Флоренским, что иконостас в храме главное. Ранние христиане и апостолы не знали никакого иконостаса. Чем проще, тем лучше. Чем ближе к человеку, тем ближе к Богу. Зачем отгораживаться от паствы? Кажется, я заболеваю. Вы не прочтете за меня лекцию по буддизму? А я за вас прочту лекцию по христианству.

Телевизор.

Передаем речь товарища Чебрикова на 27 съезде КПСС.

Товарищ Чебриков.

Капитализм, потерпев поражение на всех фронтах, пытается победить нас на идеологическом фронте, разыгрывая религиозную карту. Они забрасывают к нам подрывные труды Бердяева и Булгакова, пытаясь найти слабую брешь. Не выйдет. *(Горбачев кивает).*

Мария Павловна.

Это было так смешно. Мне было 18 лет. Нас повели в церковь. И вдруг молодой человек, который за мною ухаживал, бух на колени. Ха-ха-ха-ха! Как сейчас вижу, 65 лет прошло, как сейчас вижу, ха-ха-ха-ха!

Александр Лазаревич.

Ленин был фанатик, но не дурак. Похвалил книгу Аверченко «13 ножей в спину революции». Там есть замечательный рассказ. Кино наоборот, в обратную сторону. Пловец выходит сухим из воды, пули возвращаются в ружья, солдаты встают из могил, Ленин в запломбированном вагоне едет обратно в Финляндию. И вот уже городской появился, очереди растаяли, булочные открылись. Вопль из зала: «Митька, не верти дальше, руки-ноги пообломаю!»

Я.

И вот я решил прокрутить обратно. Мама, папа, Мария Павловна, Мария Федоровна. Александра Павловна, Мень, Светлов, Смоктуновский, Алексей Евгеньевич встают из могил, и каждый движется к счастью. Только где сказать стоп?

Ну, мама понятно – когда она выходит на сцену в роли Золушки. И с папой ясно – когда он эту «Золушку» ставит в Новозыбкове в 1950 году с огромным успехом. И журнал «Огонек» напечатает его фото и большую статью. Там и я есть в журнале, повернутый к Золушке затылком. И надпись: «Пришли в гости к Золушке юные зрители». А я не зрителем был, актером, играл гнома, подносил Золушке хрустальные башмачки, усыпанные зеркальным стеклом.

Семен Иосифович Машинский в момент защиты докторской по Гоголю: единогласно. Он, правда, упал тогда в обморок и чуть не умер от счастья.

Валерия Яковлевича Кирпотина оставим на вершине карьеры, когда он, секретарь Горького и куратор литературы в ЦК, вдохновенно пишет за одну ночь «Пушкин и коммунизм».

Александра Меня остановим в 1990 году на вершине славы. Остановим время в мае или где-нибудь за день до убийства, чтобы был жив. Светлова в любой миг можно остановить, даже в больнице, где он, умирая от рака легких, шутил: «Раки есть, несите пиво».

Марию Павловну доведем до счастливого выхода на сцену в пьесе Островского, где-нибудь в 19 веке.

Марию Федоровну оставим в Дубровке до революции, хотя там тоже были проблемы.

Павла Челищева доведем до триумфа его картины «Каш-каш» в Нью-Йорке, в музее МОМА, где люди простаивали часами.

Вовке Витковскому оставим его 18 лет, когда он еще не спился.

Смоктуновского остановим на триумфе «Девяти дней одного года» или еще дадим сыграть Деточкина.

Любимову вообще не дадим умереть. Оставим в счастливую пору жизни, о которой он часто говорит и пишет: «Когда я был женат на Целиковской...» Или все же дадим поторжествовать на «Добром человеке из Сезуана», или пусть в посольстве Франции в 85 лет получит орден Командора искусств.

Ну, а меня, пожалуй, можно оставить здесь, перед вами, когда я читаю вам этот роман-пьесу, и пусть она вам очень-очень понравится!

Бис!

Часть 2

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александра Павловна.

Кушай, Котик, борщ.

Котик.

Не хочу.

Александра Павловна.

Почему?

Котик.

Он красный и невкусный.

Александра Павловна.

Что ты, он же с конфетами.

Котик.

С конфетами?

Александра Павловна.

С конфетами.

Котик.

Налей мне еще!

Я.

Только лет десять спустя я понял, что меня обманули. А взрослые тоже врут!

Радио.

Нынче всякий труд почетен,

Где какой ни есть.

Человеку по работе

Воздается честь.

Пригляделась я, решила

И в колхоз пошла.

Брала лен, телят растила,

Птицу развела.

За телят, за эту птицу

Из родимых мест

Повезли меня в столицу

*На колхозный съезд.
Там в Москве, в Колонном зале,
Как в каком-то сне,
Самый главный орден дали
За работу мне.
Самый важный орден дали
За большой успех,
И свое спасибо Сталин
Мне сказал при всех.*

Врач Валентина Дмитриевна.

У вашего Котика детский ревматизм. Его надо подлечить хлористым кальцием. Лучше всего в больнице.

Я.

В больнице меня ждал первый эротический шок. Девочка в розовой пижаме Аля Мочалова. Она била меня подушкой по голове, приговаривая стишок-дразнилку.

Аля.

*Сенька Хлористый дурак.
Он умеет вообразить
И себя показывать.*

Я.

Удары подушкой по голове были не так обидны, как эти стихи. «Сенькой хлористым» в больнице называли горький хлористый кальций, который, кривясь, пили с ложки, но потом оказалось, что в устах Али Мочаловой хлористый кальций был совсем не горьким, а сладким. А, может, горько-сладкий, как шоколад. Это выяснилось потом, когда нас выстроили в коридоре 1-ой мужской школы, и директор зачитал приказ.

Директор школы.

Постановление Совета министров СССР об отмене раздельного обучения! Наша школа сливается с женской школой № 12.

Я.

Никогда я не слышал такого оглушительного «ура!». Мы кричали ура до слез в глазах и боли в ушах.

Аля.

Когда я увидела Сеньку Хлористого не в полосатой пижаме, а в новенькой школьной форме с блестящими пуговицами, толстым ремнем и пряжкой, то поняла сразу, с кем буду дружить. Во всем городе Костроме форма была только у Сеньки Хлористого.

Я.

Аля Мочалова не в розовой больничной пижаме, а в белом фартучке и красном пионерском галстукe явно проигрывала в моих глазах. Не хватало закусенной губы и воинственно зажатой в руке подушки. Но зато на фартуке у нее был приколот латунный морской конек. И этот конек окончательно все решил, когда мы оба оказались на морском дне.

Учительница.

Садитесь мальчики с девочками.

Я.

Мальчики от смущения сели с мальчиками, а девочки с девочками. Но я схитрил. Выбрал отдельную парту, чтобы Аля оказалась рядом.

Аля.

И я схитрила – выбрала отдельную парту, чтобы Сенька Хлористый сел со мной. Но он покраснел, как вареный рак, и зачем-то ушел в другой угол.

Я.

Аля покраснела, как алый штапельный галстук, ушла в другой ряд за пустую парту. Мало того, к ней подсел здоровенный одноклассник, а я остался один.

Аля.

Ну почему ты не согнал этого дурака?

Я.

Ну почему ты не села тогда ко мне, да еще и стала беседовать с этим орясиной? С горя я вытащил из портфеля роман газету с повестью «В горах Севана», где мне очень понравился один стишок:

*О, Наргис, моя фея, ты в сердце моем,
Ты зажгла мое сердце священным огнем.
И теперь мое сердце, как факел, горит.
Потушил бы его, да любовь не велит.*

Я быстренько переписал текст и метнул его самолетиком к парте Али. Такие самолетики летали по всему классу вперемешку с бумажными пульками из рогаток. Одни метали самолетики с любовными посланиями. Другие ревниво и подло стреляли в затылки. Класс был похож на военный аэродром, простреливаемый со всех сторон.

Аля.

Я подняла записку и прочла:

*«О, Аля, моя фея, ты в сердце моем,
Ты зажгла мое сердце священным огнем...»*

Это ты сам написал?

Я.

Сам.

Аля.

Пойдем после уроков в кино на «Садко». Говорят, он цветной.

Я.

Для меня это был первый цветной фильм. Мы, конечно же, угнездились в последнем ряду. А когда Садко сел верхом на морского конька, я глубоко вдохнул воздух, зажмурился и поцеловал Алю в алую душистую щеку. А конек светился у нее на фартуке в отсветах цветного экрана.

Аля.

Я переписала песню про нас с тобой.

Я.

Это была школьная стилизация тогдашнего любовного шлягера.

*Дайте в руки мне гармонь,
Золотые планки.
Парень девушку домой
Провожал с гулянки.*

Аля.

*Дайте в руки мне тетрадь,
Я спешу задание.
Прогуляла я вчера
С милым на свиданье.*

Я.

*Школа встала впереди,
Все глядят в окошко.
Сердце бьется во груди,
Страшно мне немножко.*

Аля.

*Не пускают меня в класс
Из-за опозданья.
Прогуляла я вчера
С милым на свиданье.*

Это про нас с тобой! Ну почему другие дружат и ничего. А на нас вся школа пялится?

Я.

Почувяв неладное, меня перевели в другую школу. Телефонов в то время не было. Я стоял возле школы, где мы были вместе, и возле дома с палисадником, где жила Аля.

Аля.

Я видела из окна Сеньку Хлористого, но мама запретила мне «казать нос», а потом Сенька уехал в другой город, в семью отца.

Я.

Я знал, что больше никогда не увижу Алю, но переписал для нее песню. Тогда все обменивались текстами.

*У тебя в окошке свет,
Без него мне счастья нет.
В том окне, как на экране,
Твой знакомый силуэт.*

Аля.

Я тоже переписала для Сеньки Хлористого куплет:

*Хоть пора мне спать давно,
На твое гляжу окно.
Если б длилось бесконечно
Это чудное кино.*

А рядом со словом «кино» поставила в скобках и в кавычках «Садко».

Я.

Потом появились телевизоры, и там можно было увидеть «Садко» в черно-белой версии. Я видел все только в цвете. Садко верхом на морском коньке. Конек на фартуке Али. Спустя еще много лет я впервые увидел цветной телевизор. Показывали фильм «Садко», как тогда, цветной. Но я видел его черно-белым и уже ничего не чувствовал.

Аля.

Недавно по радио я услышала песню, которую переписала тогда для Сеньки Хлористого, а он для меня, и мы вручили друг другу один и тот же текст.

Я.

*Если надо пройти
Все дороги-пути,
Те, что к счастью ведут,
Я пройду, мне их век не забыть.
«До свиданья» скажу,
возвращусь и брожу,
до рассвета брожу
мимо милых окошек твоих.*

Аля и Я.

*Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак*

*Ты меня никогда, никогда,
никогда разлюбить.*

Аля.

*Сенька Хлористый дурак,
Он умеет вообразить
И себя показывать.*

**Актриса, которая по просьбе мамы увезла меня из Костромы
подальше от Али.**

*И вот Садко на дне морском
Как взъебанный стоит.
К нему, виляя жопой,
Подплыла рыба-кит...*

Я.

Мама, а взрослые – это цветы смерти?

Надежда Владимировна.

Что за глупости?

Я.

Дети – цветы жизни, а взрослые – цветы смерти.

Евгений Винокуров.

*Крестоносцы перли, принимая
Каждый город за Иерусалим.*

Я.

На самом деле крестоносцы прекрасно знали, что грабят Константинополь, но даже Винокуров поверил их объяснению. Впрочем, Иерусалим они тоже разграбили и вырезали до основания.

Учительница по литературе Софья Борисовна.

Ваш Костя оторвался от коллектива.

Надежда Владимировна.

А в чем это выражается?

Софья Борисовна.

Во всем.

Надежда Владимировна.

Ну, например.

Софья Борисовна.

Он пишет сочинение авторучкой.

Алексей Евгеньевич.

Я ему подарил. Это моя вина.

Я.

Это же смешно – таскать в школу чернильницу-непроливашку и пользоваться допотопным перышком, когда есть авторучка.

Софья Борисовна.

Вот видите!

Алексей Евгеньевич.

Но ведь сочинение хорошее.

Софья Борисовна.

Да, содержание – пять. Орфография и синтаксис – два. В целом – три с минусом.

Я.

А почему с минусом, ведь содержание – пять?

Софья Борисовна.

Потому что много ошибок.

Я.

Но ведь это сочинение, а не диктант.

Софья Борисовна.

Все! Или я, или он.

Алексей Васильевич (*директор школы и учитель истории*).

Так нельзя ставить вопрос. Он ученик, вы учитель. Это непедagogично.

Софья Борисовна.

Во время перемены все бегают и играют, а он стоит у окна.

Надежда Владимировна.

Может, ему уже не интересно играть и бегать.

Софья Борисовна.

Теперь я вижу, откуда все идет. Он сказал, что комсомол – это мертвое тело.

Я.

А что, живое?

Алексей Васильевич.

Так мы далеко зайдем. Костя больше не будет писать авторучкой, а вы займитесь грамотностью.

Софья Борисовна.

Пусть придет на дополнительные занятия.

Я.

С тупицами?

Алексей Васильевич.

Хорошо, пусть позанимается дома. Без грамотности теперь ни шагу. Костя – талант, ему в Университет поступать, а тут ошибки.

Я.

Хорошо, я подтянусь. И не буду стоять у окна.

Софья Борисовна.

Видите, он смеется над нами!

Алексей Васильевич.

Вам показалось. Он исправится. Все. А авторучкой можете пользоваться.

Алексей Евгеньевич.

Ну что, просрал свою парафию?

Надежда Владимировна.

Алеша, какие слова ты в школе употребляешь!

Володька Каргин.

Эти гребаные сочинения... Ты не знаешь, какие будут темы?

Я.

Знаю, конечно.

Каргин.

Какие?

Я.

Темы не знаю, а как писать, знаю.

Каргин.

Как?

Я.

Кто не знает Зою Космодемьянскую?

Каргин.

А если про «Молодую гвардию», гребаную?

Я.

Кто не знает Олега Кошевого, Сережку Тюленева, Ульяну Громову?

Каргин.

А если «Кем я хочу быть?»

Я.

То же самое.

Каргин.

А если на свободную тему?

Я.

Тогда пиши то же самое: «Кем я хочу быть?»

Каргин.

Кто не знает Юрия Гагарина?

Я.

Понял наконец!

Каргин.

Понял!

Софья Борисовна.

Это уже издевательство! Полкласса написали: «Кто не знает Татьяну Ларину и Улю Громову?»

Алексей Васильевич.

А вторая половина?

Софья Борисовна.

Кто не знает Евгения Онегина и Зою Космодемьянскую.

Алексей Васильевич.

А Костя?

Софья Борисовна.

Написал, что его любимый герой Бенедикт Спиноза, а любимая книга «Воображаемая геометрия» Лобачевского.

Алексей Васильевич.

Но это же замечательно.

Софья Борисовна.

А зачем он подговорил весь класс? Это уже идеологическая диверсия какая-то.

Алексей Васильевич.

Обыкновенная шалость. Не будем раздувать. Просто обсудим на комсомольском собрании. Когда у нас собрание?

Софья Борисовна.

Через месяц.

Алексей Васильевич.

Давайте не будем спешить. Надо хорошо подготовиться, чтобы не опозорить школу. Поставим этот вопрос на конец этой, нет, лучше на начало той четверти.

Софья Борисовна.

К тому времени все всё забудут.

Алексей Васильевич.

И слава богу!

Софья Борисовна.

Не считайте, Костя, меня своим врагом. Просто тебе очень трудно придется в жизни с таким характером. Пока все остается между нами, но если пронюхают в РОНО...

Я.

В РОНО, конечно, пронюхали, и с тех пор моя жизнь протекала под неусыпным оком Лубянки.

Толик Дроздов.

У меня уже три инфаркта, и я должен перед тобой извиниться за то комсомольское собрание. Ты был прав. Комсомол – это мертвое тело.

Я.

Плевать я хотел на комсомол. Но как ты мог публично донести на меня? Тебя что, заставляли?

Дроздов.

Дурак был. Думал, что спасаю друга, как в фильме «Аттестат зрелости», где кощеи прорабатывали Ланового.

Я.

Он красавчик был, как ты.

Дроздов.

Я-то хоть не стал кощеем?

Я.

Нет, кощеями не становятся. Кощеями рождаются.

Дроздов.

И умирают.

Я.

А как Лидочка Кутергина?

Дроздов.

Она уже 50 лет как Дроздова. Каждый раз плачет, когда слышит тебя по радио или видит по телевизору.

Я.

Честное слово, у нас с ней ничего не было. Даже не целовались.

Дроздов.

Знаю. Только на пустыре за руки подержались. Вот я и взревновал тогда и выступил на этом гребаном собрании.

Я.

Да ладно, меня бы все равно на заметку взяли, раз собрание устроили. А кто там чего сказал, это, как в 37-ом, значения не имело. Нет доноса – напишут сами. Есть – до времени под сукно положат, а когда надо, ход дадут. Что там корчить из себя Кошевых и Космодемьянских. Да и перед кем? Перед этими вертухаями?

Дроздов.

Когда ты списывал у меня задачки, то пыхтел на весь класс так, что даже математик к окну отворачивался.

Я.

Смешной был мужичок. Не помнишь, как его зовут? Из слесарей. На выпускном вечере гулял с нами вместе по дамбе и плакал.

Математик.

Оля, Оля, дивчина моя голубоглазая, как же я тебя любил. Как же я мог за другую выйти. Ты, Костя, меня прости, что я тебе тройку

влепил. Я хотел тебе исправить задачки, подошел к парте, а ты так гордо говоришь...

Я.

У меня все решено, все в порядке.

Математик.

...и тетрадку на стол. А там от РОНО представитель. Я только и успел переправить плюс на минус. Ты, как всегда, ошибся, плюс с минусом перепутал. Ой, Оля, дивчина моя, Оля!

Софья Борисовна.

Я желаю тебе только счастья. Прости, если что было не так. Я хотела только добра.

Я.

Знаю. И уроки ваши были прекрасны. Всегда все по-своему. Вы не думайте, что мы не ценили. Просто хотелось себя проявить.

Софья Борисовна.

Вот и авторучки теперь разрешили. Словно специально к твоим экзаменам.

Я.

Придет время – все разрешат.

Софья Борисовна.

Ты думаешь?

Я.

Знаю!

Софья Борисовна.

Дай-то бог!

Алексей Васильевич.

Эх, мне бы сейчас ваши годы! Может, поменяемся, а?

Алла Демкова, красавица (поет).

*Высоко летят под облаками
И курлычут журавли над нами.
Вдаль скользя по ветру легкой тенью,
Тают птицы в синеве осенней.
В путь не ближний провожать их выйдем,
Им простор земли далеко виден:
Ленты рек, озер разливы...
«До свиданья, птицы, – путь счастливый!»*

Дроздов.

А Демкова-то осталась в школе секретаршей, и ее застукал Алексей Васильевич в химкабинете с физруком. Сразу уволил. Потом она вышла за какого-то слесаря. А какая была красавица!

Я.

Они с твоей Лидкой соперничали – кто краше.

Дроздов.

Демкова, конечно, была красивее. Как она пела на выпускном!

Демкова.

*В звездном свете от земли не близко
Появились вдруг на лунном диске
И мерцали, шевеля крылами,
Журавли над спящими полями.*

Алексей Васильевич.

Как сказал Энгельс, труд создал человека из обезьяны.

Каргин.

И превратил его в лошадь.

Я.

А где сейчас наша 68-ая школа в Казани?

Дроздов.

Снесли.

Лена Данцер.

Школу снесли, а штaketник, который ты на субботнике укладывал, остался. И там следы твоей крови навсегда въелись.

Я.

Какая там кровь, просто хулиган Васька Дубов мне нос за тебя расквасил.

Данцер.

Он до сих пор говорит...

Дубов.

...разбил мне Костя жизнь. Отбил Леночку Данцер, а сам уехал.

Данцер.

Ох и любила я тебя, ох и любила. Да и до сих пор люблю.

Я.

Я до сих пор помню твою записку:

*О куст цветов с таящейся змеей,
Дракон в обворожительном обличье...*

Я только недавно узнал, что это Шекспир.

Данцер.

Это Джульетта говорит о Ромео. Мы тогда с подружкой переписали, и она тебе на перемене ее отдала, когда ты стоял у окна и «отрывался от коллектива».

Я.

А помнишь, как мы целовались под башней казанского Кремля, и у меня от возбуждения кровь пошла носом прямо на твой белый фартук с комсомольским значком. Мы ведь только целовались, а все равно получается, что мой отъезд как измена.

Данцер.

Мы и встречались не чаще одного раза в год и всего-то три раза.

Я.

Где ты теперь, Лена Данцер? Может, вышла замуж за хулигана Дубова?

Данцер.

Ну нет. Это было бы настоящей изменой.

Я.

А, кстати, Дубов и не задумывался, что ты еврейка. И никто никогда в нашей школе не думал о такой ерунде.

Данцер.

А потом шестидневная война, и нас заставили задуматься.

Я.

Евреев стали заставлять быть евреями, а русских русскими. Это была государственная политика.

Данцер.

Обыкновенный фашизм. Кстати, тогда и фильм Ромма вышел с этим названием.

Я.

Сегодня уже никто не верит, что в конце 50-х годов мы жили, не замечая бушующего расизма. Во всяком случае, в 68-й школе города Казани его не было точно. Как нам повезло, что мы жили в те времена.

Данцер.

Мы и сейчас там живем. И я, и ты, и Васька Дубов, и никто не заставил нас быть другими. Ни Хрущев, ни Брежнев, ни Андропов с Черненко, ни Горбачев, никто.

Я.

Мы ведь безгласное поколение. Все говорят только о довоенном, военном, послевоенном. А о нас ни слова.

Дроздов.

Потом были Чехословакия, Афган, а о нас ни слова, точно нас не было.

Я.

Может, нас и вправду не было? Здорово придумали кремлевские ма-разматики. Кого на БАМ, кого в Чехословакию, кого в Афган, чтобы ничем не делиться с молодежью и жить в свое удовольствие.

Данцер.

Чего-чего, а это у них получилось.

Я.

А ты видела в нашей школе хоть одного антисемита?

Данцер.

Их у нас тогда не было. Только в Кремле. А среди молодых первые фашисты образовались в райкомах комсомола.

Света Беккер.

Первым моим фашистом оказался мой жених Слава. Говорит: «Что это ваши там в Израиле устроили?» Это он про шестидневную войну. И пошло, поехало.

Александр Мень.

Антисемитизм – страшное смертное преступление. Сказано в Библии: «Прокляну проклинающих народ мой Израиль». Пока Россия не покается, как Германия, не будет нормальной жизни.

Я.

Это и без Библии понятно. Иногда так и хочется сказать Богу: да прости ты им несмышленышам, не ведают бо, что творят.

Лена Кацюба.

Очень даже ведают. Подлец всегда знает, что он подлец.

Марина Розанова.

И графоман всегда знает, что он графоман.

Я.

Ничего подобного. У всех советских поэтов есть удачные строки. Просто они не отличают хорошее от плохого. Они думают, что одна хорошая строчка спасает сто плохих. На самом деле наоборот – одна плохая строка убивает тысячу хороших. Вот у Евушенко есть хорошие строчки...

Евгений Евушенко.

Спрашивают: есть свобода?

Отвечают тихо: «Есть...»

То ли есть у них свобода,

То ли хочется им есть.

Меня все ругают, а чего я кому плохого сделал?

Я.

Вас ругают не за то, что вы сделали, а за то, что вы не сделали. Евушенко так и не понял, что уехав из России после 91-го года, он перестал быть не только героем, но и автором лучших своих стихов. Автор уехал, и стихи опустели, а, может, они и были пустыми, и нам

просто казалось, что в них живет благородный, смелый и талантливый человек. «Молодой трибун» звучит так же мерзко, как «престарелый плейбой».

Зав. отделом культуры в газете «Известия».

Вы будете брать интервью у знаменитостей. Начнем с Фазиля Искандера.

Я.

Искандэра.

Зав. отделом.

Искандерá.

Ректор Литинститута (*разговор у памятника Герцену у Литинститута на Тверском бульваре*).

Вы чем чистите обувь?

Я (*в то время были проблемы с ваксой*).

Гуталином.

Ректор.

А я вазелином.

Радио.

Ты стоишь у окна, небосвод высок и светел.

Ты стоишь и грустишь и не знаешь отчего.

Потому что опять он прошел и не заметил.

Как ты любишь его, как тоскуешь без него.

Хрущев.

Мы боремся не против людей. Мы боремся против вредных идей за людей.

Брежнев.

У нас есть диссиденты трех видов. Одни не разделяют наших идей – с ними мы ведем разъяснительную работу. Другие ведут враждебную агитацию – их мы всячески предупреждаем о последствиях. Третьи борются с нами и нарушают закон – их мы наказываем.

Анекдот 70-х.

У нас три вида диссидентов: диссиденты досиденты, диссиденты сиденты и диссиденты отсиденты.

Поэт Геннадий Паушкин.

Старик! Я долго думал над твоими стихами и вот что понял. У тебя слишком много метафор. Что ни строка – метафора. А надо, как у других: стих строк в 16 и на конце одна метафора.

Писатель (*на поэтическом вечере*).

Если Кедров хочет, чтобы мы его понимали, ему надо разжигать свои стихи. Иначе мозг не справляется.

Голос из зала.

Это проблема вашего мозга.

Поэт Боря Викторов.

У тебя так много образов! Это словно... это как у женщины много этих самых, ну, понимаешь. С одной стороны, хорошо, а с другой – зачем столько?

Маршак.

*Желаем вам расти, цвести,
Беречь свое здоровье.
Оно на жизненном пути
Главнейшее условие.*

Вознесенский.

*А Витька с Галечкой,
Как винтик с гаечкой –
Полюбили намертво,
Не сошлись диаметром.*

Радио.

*Это не рыбки сверкают в пруду –
Это ребята играют в саду.
В самом веселом, самом красивом,
В самом счастливом детском саду.*

Я.

Мы умираем рано, чтобы не успеть понять.

Лера Нарбикова.

Вот мы все всё поймем – и умрем.

Я.

Ну почему же умрем?

Лера.

Поймем и умрем.

Я.

Мы либо форпост Китая, либо европейская окраина.

Богослов Шмеман.

Богословие без Освенцима безнравственно.

Поэт Михаил Бузник.

Сталинская архитектура это не высотки, не ВДНХ, а колючая проволока и будки ГУЛАГа. Высотки – это декорация, чтобы прикрыть ГУЛАГ.

Никита Струве (*узнав, что я в списке нобелевских номинантов*).

Жизнь псу под хвост. Я 15 лет пытался внести Ахматову в шорт-лист на Нобелевскую премию. У меня ничего не вышло. А теперь пришли совсем другие люди.

Я.

Семен Иосифович, почему вы не напишете для ЖЗЛ книгу о Гоголе?

Машинский.

«По небу бежали хмурые тучи. Гоголь вышел на крыльцо...» Нет, я так не могу.

Радио.

*От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной родины своей.*

Вовка.

*Человек проходит, как хозяин
Необъятной родины еврей.*

Я.

Что такое еврей?

Вовка.

Александр Лазаревич.

Я.

Ты врешь! Мой папа режиссер.

Вовка.

Ха-ха-ха, режиссер-еврей, режиссер-еврей!

Студент.

*До чего дошла наука –
В небесах летает сука,
Прославляя до небес
Мать ее КПСС.*

Поэт и геолог Николай Беляев.

*Сквозь дали ночные туманами зыбкими
Приди к ним, чтоб рядом лечь.
Хорошие парни встретят улыбками,
Улыбками шире плеч.*

Юрий Щекочихин (юный тогда поэт).

*Видим землю, видим рядом,
Но ступить на нее не можем.
В басне старой лиса с виноградом,
Видно, чем-то на нас похожа.*

Писатель Виль Липатов.

Во мне почти нет русской крови. Я – бурят, эстонец, еврей. Мама еще до революции уехала в Палестину, а потом вернулась в СССР.

Ее сослали аж в Бурятию, а там она вышла замуж за сына ссыльного эстонца и бурятки. В рыбацком колхозе рыбу ловили сеткой, которая называлась мордой. Однажды в районной газете появилась публикация: «Каждому рыбаку по морде».

Я.

Говорят, в Эстонии, где богатые месторождения сланца, выходила газета «За сланец».

Виль Липатов.

Есть литовская фамилия – Нематукайтис.

Я.

И грузинская – Госбезопасдзе. А в Литинституте у меня был студент по фамилии Куйеубаев.

Светлов.

Прихожу в сберкасса и говорю: «Застрахерьте меня». А мне: «Безобразие! Хулиганство!» А я: «Ну, тогда застрахуйте».

Вовка.

*За пирамидою Хеопса
Священный бык с коровой пасся.
Открывался дивный вид
На них с вершины пирамид.*

А знаешь, откуда берутся дети?

Я.

Из живота.

Вовка.

А вот и не из живота, а из...

Я.

Откуда?

Вовка.

Не скажу!

Надежда Владимировна.

Еще не совсем, значит, совесть потерял.

Липатов.

Я звоню тебе из-под капельницы. Тут скука смертная. Попросил я Таню принести мне журнал «Знамя», а там роман Кожевникова «Знакомьтесь, Балует». Посмотрел я и говорю: «Этого я не смогу прочесть даже под капельницей».

Игорь Холин.

Вокруг смерти много намудрили. Тот же Лев Толстой со своим Иваном Ильичом. В палате со мной старик. Плевать ему, умрет он сегодня или через десять лет.

Я.

Теперь-то я понимаю, что Игорь Холин это про себя, а не про старика говорил.

Генрих Сапгир.

Я тебе звоню с того света. После реанимации. Сам ты никогда не позвонишь. Это я уже давно понял. Так вот, там все, как ты говорил. Откуда ты знаешь? Все, как ты в своем «Поэтическом космосе» написал. В общем, у меня уже все в порядке, могу принимать умеренно. Приходи, но без спиртного. Будем чокаться соком. Нет. Лучше ты приди со спиртным. Я буду чокаться соком, а ты спиртным. Так мне приятнее, что хоть другим еще можно.

Светлов.

*Умчались в неизвестные края
Два ангела на двух велосипедах –
Любовь моя и молодость моя.*

Игорь Владимирович Ушаков (главный редактор издательства «Мысль»).

«Отряд не заметил потери бойца, и Яблочко-песню допел до конца». Ничего себе отряд. Отряд не заметил потери бойца!

Светлов.

*Каждый год цветет и отцветает миндаль.
Мириады людей на планете успели истлеть.
Что о мертвых жалеть? Мне мертвых нисколько не жаль.
Пожалейте меня, мне еще предстоит умереть.*

Что ты, старик, про каких-то мамонтов пишешь, все это есть у какого-нибудь вшивого Бодлера. У тебя же талант. Пиши про современность, будь комсомольцем. Гори, как эта спичка. Сейчас я позвоню в «Литгазету», и они тебя напечатают. Алло, это Светлов. У меня тут гениальный молодой поэт... Что? Написать о поездке Хрущева в США? Хорошо, напишу. Вот видишь, я напишу, и Хрущев будет говорить с Эйзенхауэром то, что я в статье напишу.

Ректор Литинститута.

Мне поручили отстранить Таирова от Камерного театра, я тогда в ЦК все театры курировал. Он вел себя достойно, даже шутил. А потом раз и умер. А меня поставили директором Вахтанговского. Так я там за все время ни одного актера не уволил, пока все по три раза заново не переженились. Вот что такое театр.

Светлов.

*Пока Достоевский сидит в казино,
Раскольников глушит старух.*

Старик, может, тебе деньгами помочь? Я дам! Какой я лентяй. В Театральном переулке (*он теперь Камергерский*) будет висеть мемориальная доска: «Здесь жил, но не работал Михаил Светлов».

Я.

Доска действительно висит: «Здесь жил Михаил Светлов». А, по-моему, он и теперь здесь живет. И вообще, никто никуда не уходит. «Все остается людям». Нет, все остаются людьми. Нет, не все, а только те, кто ими были при жизни. А смерть — это какая-то инсценировка дьявола. Он ведь тоже многое может. Нет — только то, что мы сами ему позволяем. Не ссылайтесь на Сталина и на прочих. Они и есть мы. Наша слабость — их сила. Без веры нет человека. Нет никаких атеистов. Просто одни верят в Бога, другие в дьявола. А большинство колеблются.

Светлов.

*Становлюсь я знаменитым что-то,
Все меня встречают, провожают.
И меня уже большим почетом,
Как селедку луком, окружают.*

Я.

В середине или в конце 70-х (Михаил Аркадьевич Светлов умер в 1964 году) у дома, где жили Мария Федоровна и Лиля Брик, напротив гостиницы «Украина», я увидел длинную очередь в книжный. Люди стояли «записываться» (был такой термин) на Светлова. Я-то думал, что его давно все забыли. Почему его тогда помнили и до сих пор помнят — это большая тайна. Ведь хороших стихов нет. Одни строки.

Светлов.

*Такой любви мы не видали, право,
Чтоб не соврать, лет так пятьдесят.*

Я.

Никогда не думал, что это не метафора, а простая констатация факта.

Актер Валерий Золотухин.

А знаете, чего больше всего на свете боялся Смоктуновский? Бани! Он был еврей и очень боялся, что все увидят, что он обрезанный.

Я.

Вот я уже восьмой десяток живу, да так и не понял, как обрезанный отличается от необрезанного. Не знаю и знать не хочу. Зато знаю великие строки Уткина из «Поэмы о рыжем Мотеле».

Иосиф Уткин.

*Шум и топот на улице,
По базару прошел отряд
Торговка Мэт волнуется,
Волнуется и весь ряд.
– Вы слышали, Хаим Бэз
сделать внуку обрезанье
отказался наотрез
Первый случай в Кишиневе,
Что задумал сукин сын!
Говорит: «Довольно крови,
Уважаемый раввин!»*

Я.

Это был какой-то Шагал в поэзии.

Иосиф Уткин.

*А дни кто-то вез и вез,
А в небе все так же без толка
Болтались пуговки звезд
И лунная чья-то ермолка.*

Я.

В Литинституте шла переаттестация. Студенты называли ее переарестацией. Их вызывали по одному в партком, партийных и беспартийных, и спрашивали: «Почему у вас нет патриотических стихов о родине?» –

Студентка.

*А, это –
С неба звездочка упала,
Прямо к милому в штаны.
Пусть бы все там разорвало,
Лишь бы не было войны.*

Другая студентка.

*Минометчик, дай мне мину,
Я туда ее задвину.
Если враг в село ворвется,
Пусть на mine подорвется.*

Я.

Профессорско-преподавательский состав тоже не оставляли без духовного окормления. Однажды в институт прислали лектора из ЦК. В стране был хронический дефицит мяса. В мясном отделе в лучшем случае лежали какие-то тошнотворные жилы или желтые обветренные кости. А потом и они исчезли. Осталась только надпись «Мясо».

Лектор.

Товарищи! Не будем бояться острых вопросов. Чем объясняется мясной дефицит? Дело в том, что карусельный метод себя не оправдал.

Я.

А что это такое?

Лектор.

Коровы стоят головами к центру вокруг карусельной кормушки, а потом их по очереди оплодотворяют из пробирки.

Я.

Ну и как?

Лектор.

К сожалению, такие коровы потом не подпускают к себе быков. Да и бык не идет к таким коровам. У него, попросту говоря, на них не стоит. Словом, ни молока, ни приплода.

Я.

Коровы не дают, у быков не стоит. Может, мы поможем? Это я сказал, конечно, не лектору, а соседу. Примерно в то же время на телеэкране признали запрещенный гипноз. Появился лысый пучеглазый человек в белом халате и стал проводить телесеансы против алкоголизма.

Лысый.

Вы приняли алкоголь, вам тошно, вам хочется вырвать.

Я.

Полстраны блевало прямо у телевизора. Но и до, и после телесеансов все равно пили. Потом этот же человек что-то рассказывал про секс. Я читал брошюрку: «Дебильный слесарь П. предложил своей дочке заняться оральным сексом». Впрочем, это уже был Свядощ. Вся страна зачитывалась его книгой «Сексопатология».

Свядощ.

Полковник Б. любил переодеваться в женское белье. Искал контактов с мужчинами. Быстро продвигался по службе.

Я.

Интеллигенция резвилась, разыгрывая сценки из брошюры, а один известный московский тусовщик отснял любительский фильм про школьницу и водопроводчика. Его упекли в психушку.

Пушкинист.

Однажды директор ИМЛИ (Институт мировой литературы) вызвал к себе профессора Б., заведующего сектором зарубежной литературы.

Директор.

Вы устроили вечеринку в отделе. Мазали голых девочек кондитерским кремом, а потом слизывали.

Зав. сектором.

Клевета! Девочки были, кремом с торта их мазали. Но слизывать...
Никогда!

Пушкинист.

Работал я в Худлите (*издательство «Художественная литература»*). Тут вдруг решили издать полное собрание сочинений Мопассана к приезду Де Голля. Полное значит полное. Поручили молодому редактору. Тот к начальнику отдела.

Редактор.

Все тексты готовы, можно печатать.

Зав. отделом.

А я все-таки посмотрю.

Пушкинист.

На другой день приходит в редакцию...

Зав. отделом.

Можете печатать все, кроме рассказа «В лодке».

Пушкинист.

А там герой переспал сначала с матерью, а потом еще и с дочерью. Младший редактор на дыбы.

Редактор.

Это же Мопассан, классика!

Зав. отделом.

Нет, это порнография.

Пушкинист.

Слово за слово, порнография – не порнография, классика, нет, порнография. Выходит директор.

Директор.

О чем спор?

Зав. отделом.

Вот рассказ «В лодке» печатать нельзя. Порнография.

Редактор.

Мопассан – это классика, значит не порнография.

Директор.

Хорошо. Дайте мне рассказ. Я его прочитаю дома и дам ответ.

Пушкинист.

Утром приходит, и рукопись на стол.

Директор.

Не порнография. Печатать можно.

Редактор и зав. отделом.

А как вы определили?

Директор.

Вы молодые люди. У вас, извините за откровенность, на всё стоит, а у меня только на порнографию. Читал всю ночь – не колыхнулось. Можно печатать.

Пушкинист.

Так его потом иначе не называли, как «наш порноопределитель».

– Порноопределитель идет!

– Порноопределитель решил.

– Порноопределитель сказал...

– Порноопределителя сняли, теперь все посыплется.

И посыпалось.

Надпись в столовой в Коктебеле.

Помоги, товарищ, нам,

Убери посуду сам.

Плакат в Ялте.

Здоровье всех – дело каждого.

Цветаева.

Мне нравится, что вы больны не мной...

Сергей Новиков, ялтинский поэт.

Что это за болезнь такая – немна?

Я.

Заседание парткома, где якобы решалась моя судьба, я благополучно проспал. Не от повышенной смелости, а просто проспал и все.

Новый, прогрессивный ректор.

Может, не будем рассматривать вопрос о Константине Александровиче в его отсутствие?

Поэт Лев Ошанин.

Нет, почему же? Согласно уставу дела членов партии должны рассматриваться в их присутствии. А Константин Александрович беспартийный, стало быть, имеем право рассматривать.

Радио.

Передаем «Марш демократической молодежи мира» на слова Льва Ошанина.

Люди молодые, всех народов и разных наречий,

Сердцем и душою мы стремимся друг другу навстречу.

*Цель наша – правду отстоять,
Мир для людей,
Чтоб увидала каждая мать
Счастье своих детей.*

Вовка.

Чтоб увидала каждая блядь...

Жуков, обозреватель ТВ.

Мы получили письмо из Ростова-на-Дону от пенсионера Семена Петровича. Вот что он пишет:

Семен Петрович.

Я часто спрашиваю себя: какая страна самая могучая в мире? Какой строй самый справедливый? Какое правительство самое мудрое? И сам себе отвечаю: наша страна самая могучая, наш строй самый справедливый, наша партия и правительство самые мудрые на земле! Правильно ли я думаю?

Обозреватель.

Правильно вы думаете, дорогой товарищ!

Александр Лазаревич.

Я хорошо помню, что французская булка до революции стоила четыре копейки. А сейчас что можно купить за четыре копейки? Да и французскую булку нигде не сыщешь.

Ольга Сергеевна.

В лагере корка черного хлеба была слаще всякой булки. Да ведь не давали ее, эту корку, ни за какие деньги никому. Правда, и денег никаких не было. Но мы все перевыполняли норму. Трудились ради страны.

Александр Лазаревич.

Коммунистами первое время презрительно называли карьеристов-чиновников. Есть, мол, коммунисты, а есть настоящие большевики.

Ольга Сергеевна.

Я настоящая большевичка.

Я.

А я нет.

Ольга Сергеевна.

И очень плохо, что нет.

Я.

Ну и где теперь все эти большевики?

Ольга Сергеевна.

Их расстреляли, как моего Ивана (*плачет*).

Я.

Сначала они расстреливали, потом их.

Ольга Сергеевна.

И правильно делали, что расстреливали шкуроэсов. Мы их в лагере презирали.

Я.

А кто такие шкуроэсы?

Ольга Сергеевна.

Те, кто живут для собственной шкуры.

Я.

А для чьей шкуры надо жить?

Ольга Сергеевна.

Жить надо для людей.

Александр Лазаревич (*грызя ногти*).

Смотря для каких людей.

Ольга Сергеевна.

Для честных тружеников.

Александр Лазаревич.

А где они, эти труженики?

Ольга Сергеевна.

Их всех расстреляли. И Ивана. А вы живы. Это нечестно. Он был благородней всех нас. Мы все мизинца его не стоили (*плачет*).

Директор клуба.

Смотрите пьесу Вίκтора Гю́го «Мария Тю́дор».

Ольга Сергеевна (*в роли Марии Тюдор*).

Позовите палача! (*Входит палач в балахоне и с топором*). Ты видишь эту голову? (*Сжимает голову Александра Лазаревича*). Эту милую, прекрасную голову. Еще вчера она была лучшим украшением моего королевства. Так возьми же ее в подарок!

Глашатай.

Тот, кто следует за мной, покрытый черным покрывалом, это знатный и могущественный вельможа Фабиано Фабиани, граф Клембрасил, барон Дартмунд Девоншири, который будет обезглавлен на Лондонском рынке за цареубийство и государственную измену. По происшествии казни будут даны три пушечных выстрела. Первый, когда преступник взойдет на эшафот. Второй, когда он опустит свою преступную голову на черное сукно палача. Третий, когда скатится его преступная голова. Да помилует Бог его душу. Молитесь за него. (*Раздается три залпа*).

Ольга Сергеевна.

Александр Лазаревич был благородным человеком. Ему предложили работать в театре Вахтангова, но без меня. Я тогда еще только вышла из лагеря и не имела права на жительство в больших городах. И Александр Лазаревич остался в провинции. У тебя такие же руки, как у него, такие же руки.

Художник Петров.

Нет более лютого фашиста, чем советский человек.

Радио.

«Наши нивы взглядом не обшаришь...»

Я.

Я представил себе ниву с картины Шишкина, а по ней катятся большие шары.

Надежда Владимировна.

Обшарить значит обыскать.

Я.

А что такое «обыскать»?

Вовка.

*Из-за леса вылетала
Конная милиция.
Поднимайте, девки, юбки,
Будет репетиция.*

Стой! Снимай штаны – проверка документов!

Радио.

Но сурово брови мы насупим...

Вовка.

Но сурово брови мы наборщим...

Лера Нарбикова.

Вот говорят, пишите и рисуйте, как в жизни. А как в жизни? Как у Шишкина что ли? «Утро в сосновом лесу»? Тогда так и говорите: рисуйте, как у Шишкина.

Евгений Винокуров.

Как вы посоветуете – креститься мне или нет?

Я.

Если задаете вопрос, значит нет.

Евгений Винокуров.

Алло! У меня был еще один удар. Я оправился и крестился.

Александр Лазаревич.

Что ты раскачиваешься, как благочестивый еврей на молитве!

Я.

А что такое благочестивый еврей?

Александр Лазаревич.

По талмуду еврей не должен быть в дороге в субботу, но исключение сделано для тех, кто на воде. Ведь не сойдешь с парохода посреди океана. Если благочестивый еврей едет в субботу в поезде, он берет с собой таз с водой, разувается, опускает ноги в воду и едет.

Анекдот.

Однажды поспорили священник и раввин, чей бог сильнее. Священник сказал: «Однажды в пост подали мне в гостях мясо. Я помолился и, что вы думаете, у всех в тарелках мясо, а у мен рыба». – «Это что, – говорит раввин, – иду я однажды в субботу по улице и вижу – лежит кошелек туго набитый деньгами. А поднимать ничего в субботу нельзя. Я помолился и, что вы думаете, кругом суббота, а у меня четверг».

Я.

Неправду говорят, что искусство отражает жизнь. Это только у графоманов. Влюбится и стишок напишет. А настоящий поэт сначала стих сложит, а потом влюбится. Не искусство жизнь отражает, а жизнь возгорается от поэзии.

Бабка в деревне.

*Лисапед, лисапед,
Странная машина.
Ноги едут, жопа нет,
Интересный лисапед.*

Я.

В детстве я часами простаивал в Угличском храме возле фрески с голенькой пухлой Евой. Рядом стоял голый худой Адам. Но Ева с абсолютно голой грудью и слегка затемненным лобком волновала предельно. Это было единственное изображение нагой женщины, доступное моему взору. Но и этого хватало сполна все детство. Уже взрослым я сошел с парохода и заглянул в храм к своей Еве. Взглянул и почувствовал себя изменником. Знакомая фреска уже нисколько не возбуждала. Чудо случилось после. На пароходе я познакомился с девушкой, но когда мы стали целоваться вблизи машинного отделения, в памяти всплыла покинутая мною Ева. Никогда до этого мои поцелуи не достигали такой силы страсти. Полужнакомой девушке досталась вся нерастраченная в детстве любовь.

Анекдот 80-х.

В Пасху идет по улице священник, а навстречу ему мулла. Священник: «Христос воскрес!» – Мулла: «Ай, молодец!»

Я.

В 8-ом классе мою жизнь навсегда испортил спившийся математик Владимир Потапов.

Потапов.

Что ты изучаешь в школе геометрию, это все устарело, это Евклид. Вот в геометрии Лобачевского две параллельные пересекаются.

Лобачевский.

Ничего подобного. В моей «Воображаемой геометрии» через точку вне прямой можно провести бесконечное количество других прямых, параллельных данной.

Я.

Какая разница, главное, что в школе обманывают.

Потапов.

И физика школьная с Ньютоном давно устарела. Есть Эйнштейн, есть теория относительности.

Маяковский.

А в поэзии чему вас учат? Все Пушкин да Пушкин. А футуристы где?

Я.

Про футуристов в школе говорили так же мало, как про Лобачевского и Эйнштейна. Правильнее сказать, ничего не говорили, как про сифилис и гонорею. Вроде и есть и в то же время и нету. А главное, что все это – Эйнштейн, генетика, Лобачевский, футуризм, гонорея, сифилис – что-то очень сомнительное и буржуазное. С тех пор меня меньше всего интересует то, что проходят в школе. Уж лучше сифилис. СПИДа тогда еще не было. Да, еще Бога не было. Он тоже был буржуазный и нехороший. Теперь с утра до ночи говорят и про Бога, и про СПИД, и про сифилис и что все они есть. А вот до Эйнштейна с Лобачевским и до футуризма так и не доползли. Застряли в дамских альбомах какого-то серебряного века, которого и не было никогда.

Поэт Топчий.

Постой, сейчас я познакомлю тебя с этим портняжкой. Знакомься – это великий мастер, он сшил мне такие брюки!

Преподаватель политической экономии.

Материя первична, а дух вторичен. Экономика – базис, а культура – надстройка. Интеллигенция не класс, а прослойка.

Я.

Получается, что лошадь – базис, а кучер – надстройка.

Преподаватель.

Возьмем к примеру миллион...

Голос в аудитории.

А ты миллион-то видел когда-нибудь?

Преподаватель.

Маркса и Ленина надо читать каждый день по странице. И так всю жизнь.

Я.

Лучше умереть сразу.

Кирпотин.

Напрасно вы так против Маркса. У него все правильно сказано:

Маркс.

Впереди идет упитанный предприниматель в дубленке, а за ним бредет понурый пролетарий, который знает, что если с него содрали шкуру, то ее будут еще и дубить.

Я.

А вы когда-нибудь видели этого понурого пролетария?

Кирпотин.

Врать не буду, понурой всегда почему-то оказывается интеллигенция вроде нас с вами.

Горький.

*Пусть ты умер,
Но капли крови твоей горячей,
Как искры, вспыхнут во мраке ночи.*

Я.

Пусть ты умер, но ты не умер.

Анекдот старинный.

Сидит часовщик с лупой и напевает: «Трям-трям, трям-трям-трям». Ему говорят: «Как вы можете петь? Разве вы не знаете – Абрамович умер!» – «Умер-шмумер, лишь бы был здоров. Трям-трям, трям-трям-трям».

Машинский.

Как вы считаете, Константин Александрович, оставить Фета в экзаменационных билетах или выбросить?

Я.

По-моему, оставить.

Машинский.

Давайте так: в этом году выкинем, а в следующем поставим.

Контрразведчик-литературовед.

У нас еще сообразительство к 25-му съезду.

Машинский.

Да. Что вы обязуетесь к 25-му съезду?

Я.

Обязуюсь сводить студентов на экскурсию в Третьяковку.

Машинский.

Тут у нас еще обязательство на новую пятилетку.

Контрразведчик.

Чем действительно хороша система социалистического планирования, что она и впрямь заставляет поверить в бессмертие.

Философ Зарбабов.

Почему так трудно понять вечность и бесконечность? Да потому что их просто нет.

Критик (фронтовик).

В войну я больше всего боялся кого-то убить. И однажды это несчастье случилось. Я был комендантом в польском городе. Шел по улице. Навстречу человек в какой-то форме и с пистолетом. Я выстрелил и убил. А пистолет у него был, как оказалось, не заряжен. И кто он был, неизвестно. Всю жизнь замаливаю свой грех. Как вы думаете, замолю?

Николай Полубинский.

Мы живем, чтобы есть, а надо есть, чтобы жить. Подлей, сестра, мне еще сметанки в борщ. Все-таки в церковной службе кое-что надо изменить. Хор поет: «Радуйся, веселися». А все слышат: «Радуйся, Василиса». Или в символике: «Нас ради человек...» Так и слышится «назра...» Ну, скажи – ради нас человек, и то у же лучше, по крайней мере, понятнее. Или вот это: «Господи, владыка живота моего». И все смотрят на архиерейский живот. Кто же знает, что на церковно-славянском «живот» – это жизнь.

Я.

И все равно гениально: «Господи, владыка живота моего». А Пушкин перевел – ни раба, ни мяса: «Владыка дней моих...» Каких дней? Живота!

Николай Алексеевич Некрасов.

*Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.*

*Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»*

Лена Кацюба.

Во-первых, подобное наказание к женщинам не применялось, а, во-вторых, к тому времени его вообще отменили. Это он написал, увидев свою рукопись, перечеркнутую крест-накрест красными чернилами цензора. Как будто кровавый след бича.

Я.

Это он в ночной клуб зашел на Сенной. «Там били женщину кнутом – путанку молодую». Это клуб садистов и мазохистов. А потом он на этой путанке женился. Некрасов и правда женился на проститутке. Такая мода была. Опять же Сонечка Мармеладова, Христос и блудница.

Контрразведчик.

Приходит Христос к Магдалине. Провели они вместе ночь. Утром Христос одевается и спрашивает: «А знаешь ли ты, с кем спала? Я – Иисус Христос». А Магдалина: «Имя у тебя дурацкое, но трахаешься ты, как Бог». А вот еще. Знаете, что общее между Моисеем и Сталиным? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин вывел всех евреев из состава ЦК.

Я.

Глядя на Контрразведчика, я впервые понял, что антисемитизм – это еще и шарлатанство. Хочешь уйти от сложности бытия, займись национальным вопросом. И все станет ясно. Шарлатану всегда все ясно. Талантливый шарлатан или, если хотите, талантливый графоман. Уж если графоман, то лучше бездарный.

Лена Кацюба.

На самом деле существует пять полов. Мужчина, женщина, мужчина-женщина, женщина-мужчина и нечто среднее между ними.

Я.

И еще шестой пол – бесполой. Самый распространенный. Особенно наверху. У власти. Для чего форма? Чтобы ничего не высовывалось и не торчало. Сколько я видел ярых антисемитов, и все они похожи на евнухов.

Евгений Винокуров.

Сталин был чудовищем, но, прежде всего, политиком. Для чего все эти репрессии и лагеря? Чтобы освоить Сибирь.

Я.

Ах, как заблуждался Винокуров. Сегодня экономисты все подсчитали. Так вот, лагерный труд никогда не был самоокупаемым и дешевым. На свободе эти люди сделали бы в тысячу раз больше и в сто раз дешевле. В одном Маркс прав: рабский труд самый непроизводительный и дорогой. Так что рухнуло и это, можно сказать, последнее оправдание сталинизма. Мол, не зря погибли миллионы людей, костями выстлав каналы.

Валерия Новодворская.

Что же касается трудового энтузиазма, то это энтузиазм в сумасшедшем доме.

Я (*мое первое выступление по радио, стихотворение В. Осеевой*).

Спит медведь, уснула галка.

Сон сморил лису.

Я не сплю, мне очень жалко

Ежика в лесу.

На бочок приляжет – колко,

Колется спина.

Я б не смог всю ночь под елкой

Просидеть без сна.

Как себя он спать уложит?

Снял бы шкурку прочь.

Бедный ежик, бедный ежик,

Как тебе помочь?

Вот я и снял перед вами свою колючую шкурку и могу теперь спать спокойно. Даже под елкой.

Лера Нарбикова.

А Ванечка в Новом Свете ежика съел. Я проснулась, а в пещере так аппетитно пахнет супом. Ванечка говорит, что это он ежика сварил. А шкурка колючая с него легко слезла, как перчатка с руки. Я бульон съела. А самого ежика есть не стала. А Ванечка съел и потом заболел гепатитом.

Я.

С аппетитом – с гепатитом.

Ванечка.

Я читал в мемуарах Сен-Жюста – однажды маркиз Д. взревновал к маркизу В. И вырвал у него глаз.

Лера.

Что-то у тебя, Ванечка, примеры какие-то странные.

Ванечка.

А графиня З. взревновала к графине Р. и откусила у нее ухо.

Федоровка (*последовательница философа Н. Федорова*).

У тебя никогда не было любви в планетарии? У меня однажды было. Это так здорово. Небо вращается, все звезды видно, и мы одни, вернее, вдвоем. Вот когда я почувствовала Космос.

Я.

Кстати, ты там со своим Федоровым собираешься всех воскрешать. Так вот, меня, пожалуйста, оставьте в покое.

Федоровка.

Вот всегда так. Найдется один мерзавец и всю мировую гармонию испортит.

Я.

Ну да, ведь по Федорову воскреснуть обязательно должны все. Все или никто.

Федоровка.

Неужели ты не согласишься воскреснуть даже ради общего дела?

Я.

Именно ради общего дела не соглашусь ни умереть, ни воскреснуть. Разве что лично для кого-нибудь или, на худой конец, для себя.

Федоровка.

Хоть на том спасибо.

Я.

Коллективный разум, общее дело – это всегда обман. И разум бывает только индивидуальный и личный. И дело только свое. Общими могут быть не дело и разум, а безделье и глупость.

Анекдот 70-х.

Брежнева спрашивают: «Леонид Ильич, как вы относитесь к групповому сексу?» – «Положительно. Во-первых, никакой ответственности, а, во-вторых, всегда можно сачкануть».

Я.

Хлебников придумал слово «нехотяи», а я хотяй. Почему все говорят – секс и насилие? Насилие нужно тем, у кого разлад в сексе. Если есть секс, то зачем насилие. А если насилие, то уже не до секса.

Философ Толя Самарин.

К этому гнезду в розетке должен быть винт. На всякую выпуклость есть своя впуклость. Я для работы над диссертацией подписался на югославский журнал «Коммунист», а мне приносят наш «Коммунист». Пошел на почту скандалить, а мне говорят: «Подписку на

югославский запретили, а разницу в деньгах мы вернем». Зато теперь в нашей коммуналке в туалете всегда есть бумага.

Журналист по кличке Клиент.

Чем напряженной напряжение, тем расслабленной расслабление.

Чем угле угол, тем круглее круг.

Илья Сельвинский.

Я говорю: «пошел», «бродил»,

А ты: «пошла», «бродила».

И вдруг как будто веяньем крыл

Меня осенило!..

Идешь, с наивностью чистоты

По-женски всё спрягая.

И показалось мне, что ты —

Как статуя — нагая.

Ты лепетала. Рядом шла.

Смеялась и дышала.

А я... я слышал только: «ла»,

«Аяла», «ала», «яла»...

И я влюбился в глаголы твои,

А с ними в косы, плечи!

Как вы поймете без любви

Всю прелесть русской речи?

Сапгир.

Мне рассказывал Сельвинский, как они со Щипачевым подцепили в Коктебеле двух девок. Сельвинскому досталась симпатичная, а Щипачеву из тех, про кого говорят, что на лице черти горох молотили, рябая. Спустя некоторое время Сельвинский слышит в темноте: «А мне нравится твоя неброская степная красота».

Я.

Щипачева повергли сокрушительной критике в «Правде» за две строчки: «А мы с соседкою вдвоем в такую ночь одни в квартире». Так он со страху наворочал какую-то поэмищу о революции 1905 года.

Андропов.

Идут года, проходят веки.

Идут и исчезают человеки.

Писатель Тихвинский.

Ему виднее.

Советская поэтесса.

Я прочла в «Литературке» сонеты Юрия Николаевича Андропова. Какие проникновенные строки: «Идут и исчезают человеки». Это урок для всех нас, как надо писать. И какая скромность!

Я.

Маркиз де Сад
Марксист де Сартр.

Надя Сальгина (зав. отделом в молодежной газете).

Смотри, опять стишата.

Пишу! Писать имею право.

Я сын России, я поэт.

В моих стихах воспета слава

И поколения прежних лет.

Ха-ха-ха! Говно ты, а не поэт.

Лена Кацюба.

Вот Пушкин из читального зала. На форзаце школьным почерком аккуратно написано в столбик:

Пушкин

ватрушкин

лягушкин

квакушкин.

Художница.

Ничего, что я звоню в 6 утра? Я срочно еду в Ирак. Операция «Живой щит» против бомбежки. Только вот, боюсь, могут изнасиловать.

Я.

Непременно изнасилуют.

Сосед по дому (бывший моряк).

У вас не найдется 3 рубля 60 копеек до завтра?

Я.

Нет, не найдется.

Сосед (почесывает грудь под тельняшкой).

Вот такая филафасофия.

1-й писатель-фронтовик.

Я всю войну просидел в Квантунской армии. Половина из нас погибла от цинги и тифа. О нас забыли, просто бросили на произвол судьбы. Так когда пришел приказ о наступлении, мы радовались – кормить будут. Ну а наступление – это четырехметровая плоская человеческая фигурка на грязной дороге, расплюснутая и растянутая гусеницами танков.

2-й писатель-фронтовик.

В финскую войну нам выдали белые рюкзаки и стеклянные флаги. Снега не было, белые рюкзаки – отличные мишени. Флаги тотчас же побились. Однажды возвращаюсь на машине из штаба, гляжу – вдоль всей колючей проволоки белые шары. Это, оказывается, презервативы завезли. А вокруг ни одной женщины. Вот солдаты и развлекались.

Врач Заболотская.

Началось наступление, и как только перешли границу, сразу эпидемия сифилиса. Начальник нашего госпиталя был по специальности венеролог. Так его от нас сразу забрали – венерологический госпиталь организовывать.

Евгений Винокуров.

Война – это, конечно, кровь, но прежде всего грязца. Самое главное на войне – это грязь.

Студентка.

«Анна Каренина» досталась. Она, видите ли, из-за него под поезд бросилась. Да я его самого теперь под поезд сброшу. Не та теперь Анна пошла.

Студент.

Эту Каренину повесить мало. Она жена ответственного работника, государственного человека, и такое себе позволяет. Вы нас никогда не поймете. Для нас «собака» – самое грязное ругательство. А в русской литературе у Тургенева «Муму», у Чехова «Каштанка», у Куприна «Белый пудель». У вас нельзя воровать, нельзя убивать, нельзя насиловать. А у нас, если не своровал, значит лох. Если не убил, не мужчина. Если добился любви по взаимности, а не похитил, стало быть, опять не мужчина.

Вадим Рабинович.

Нет никакой истории философии. Есть история множества философий. У каждого своя философия.

Писатель Комиссаров.

Многие до сих пор так ничего и не поняли. Вот недавно подходит ко мне один критик и говорит...

Критик.

Я должен перед тобой извиниться. В 48-ом году я был неправ, когда написал, что хор Пятницкого гениальнее Шекспира, потому что народнее.

Комиссаров.

И это все, что он понял. Во всем остальном как был, так и остался сталинистом.

Анатолий Приставкин.

Я со сталинистами никогда не спорю. Просто выставляю за дверь. Как услышу, что Сталин был хороший, или за дверь выставляю, или сам ухожу.

Я.

Треть страны за дверь не выставишь, а уходить нам некуда.

Маяковский.

*Если бьет дрянной драчун
Слабого мальчишку,
Я такого не хочу...*

Евгений Винокуров.

В 49-ом году я был секретарем комсомольской организации в Литинституте и присутствовал на парткоме, где Поженяна исключали из института. Но я не голосовал. Я пописать вышел.

Комиссаров.

Нашел чем гордиться. Он пописать вышел!

Евтушенко.

Иногда пописать — большая смелость. В том же 49-ом году идем мы со Смеляковым как раз из Литинститута, а там портрет Сталина к стенке прислонен, огромный. Так он зашел с обратной стороны и нассал генералиссимусу прямо на мундир и новые ордена. Был мороз, и моча примерзла, как сталактиты. Улики налицо. Неудивительно, что его после того в концлагерь закатали.

Поэт Николай Глазков.

*Я смотрю на вещи из-под столика.
Век двадцатый, век необычайный,
Чем ты интересней для историка,
Тем для современников печальней.*

Игорь Холин.

Мы еще в XX веке, но в парусах уже чувствуется ветер XXI века.

Я.

В 60-х в «Известиях» появилась статья «Тунеядцы карабкаются на Парнас». Это про Сапгира, Холина и Всеволода Некрасова.

Холин.

Вот вы нас гоните и ругаете, нас надо холить и сапгирить.

Я.

По-моему, советские поэты что-то вроде тех надутых презервативов, присланных на фронт: и от сифилиса не спасают, и удовольствия не дают.

Вовка.

*Один американец
Засунул в жопу палец
И думает, что он
Заводит граммофон.*

Я.

Когда полиция нагрянула в знаменитую башню Всеволода Иванова, где происходили мистерии, они застукали только одно нарушение: мать теоретика символизма была переодета в мужскую одежду.

Всеволод Иванов.

Символ только тогда есть символ, когда он темен и многолик.

Надя Сальтина.

Однажды в редакцию ввалился мужик с мешком....

Мужик.

Где у вас тут сгружать? В этом мешке вся моя жизнь описана, сорок лет писал.

Надя Сальтина.

А в другой раз пришла странная тетка в платочке, с авоськой.

Тетка.

Я вот тут учебник химии в стихи переложила.

Надя Сальтина.

В каком смысле?

Тетка.

Для детей. Чтоб им легче было химию изучать. В пяти тетрадках. Вот тут у меня кислоты, тут основания...

Надя Сальтина.

Это не к нам, это в «Советскую Татарию».

Тетка.

Я там была. Меня к вам послали.

Надя Сальтина.

Наша газета такого не печатает.

Тетка.

А что вы вообще печатает? Да вашу газету только в одном месте на гвоздик вешать!

Надя Сальтина.

А ну пошла вон отсюда!

Я.

Было тогда еще такое поветрие – проституток перевоспитывать при помощи газеты. К Юле Колчановой, зав. молодежным отделом,

прислали одну такую. Устроили ее на работу в аэропорту дежурной – провожать пассажиров от здания до самолета. Вот она группу проводила и ушла, не дождавшись, когда самолет взлетит. А один пассажир опоздал да и побежал по полю прямо к самолету, а у того уже пропеллеры вращались, ну, и снесло ему голову. Лучше бы она проституткой осталась.

Контрразведчик-литературовед.

Сталин бежал из ссылки и уже замерзал в снегу. Так его какая-то старушонка пригрела. Раскольников не нашлось на эту Алену Ивановну.

Алла Нарижная.

Христианство погубило Россию. Кротость, долготерпение, ударят в правую щеку – подставь левую. Вот и доподставлялись. То Грозный, то Сталин. Нет уж, «око за око».

Математик Виктор Кротов.

Тогда через несколько поколений количество одноглазых будет четным.

Я.

Графиня Коссель, заточенная своим возлюбленным, курфюрстом Августом Саксонским, в крепость, вырвала из Библии Новый завет и сбросила его в ров.

Слушательница на лекции.

Если вас ударили в правую щеку, значит вас ударил левша, и если вы подставите левую, он вас ударить не сможет.

Лена Кацюба.

Ну, прямо, как Сталин: «Пойдешь направо – придешь налево».

Я.

Но это же божественный закон, а не руководство по уличной драке. У Бога так, а у людей все иначе.

Священник.

Богу Богово, а кесарю кесарево.

Слесарь.

Кесарю кесарево, а слесарю слесарево.

Радио (поет Эдита Пьеха).

Расскажи-ка мен, дружок.

Что такое Манжерок.

Может, это городок,

Может, это островок?

Дружба – это Манжерок,

Верность – это Манжерок.

Это место нашей встречи – Манжерок.

Я.

Расскажи-ка мне, Тейяр,
Что такое бабий Яр?

Это место нашей встречи – Бабий Яр.

Эджидио Гуадубальди (*священник-иезуит по кличке Падре*).

Я приехал в Москву, в страну IV Интернационала. Маяковский сказал: «Нужна четвертая революция, революция духа». И Данте об этом говорил в «Божественной комедии». Четвертый Интернационал – это то, что он назвал Священная римская империя. И декабристы к этому стремились. Они учились в колледже иезуитов. Дозвиданья! Завтра мы поедem в Лавру.

Я.

Падре называл себя дантистом. Это не зубной врач, а последователь Данте. Оказывается, у Данте, где-то упоминаются классы – в марксистском, по мнению падре, понимании. Он пришел ко мне в «Известия», прочитав мою статью о Маяковском. А потом жил в моей комнате на улице Вахтангова целых полгода. Возраст сделал свое. Падре оказался в нашей больнице.

Падре (*указывает на вырванный с мясом звонок у кровати*).

Где campanella?

Люда Вязмитинова.

Вот из-за вашего Кампанеллы у нас и нет «кампанеллы».

Я.

С помощью миссии иезуитов мы все же переправили Падре в Италию, где нет проблем с campanella. Дозвиданья, падре! Помолитесь за нас на небе Данте, Маяковского и Флоренского. Может, хоть там у вас совершится 4-я революция. Революция Духа. Да здравствует IV Интернационал поэтов. Амен.

Фаина Соломоновна.

Вначале я побиралась Христовым именем в церкви, но там почти ничего не давали. Пришла к баптистам, и они помогли. Так что я теперь к баптистам хожу. Хотя ведь им по закону запрещено заниматься благотворительностью. Запрещено, не запрещено, а баптисты мне помогают. На пенсию в 15 рублей не проживешь, даже на чай и хлеб не хватает.

Газета «Известия» (*статья критика Ермилова*).

Аркадий Райкин высмеивает в своих миниатюрах некоего абстрактного дурака. Между тем, дурак – понятие социальное, требующее зрелого классового подхода.

Аркадий Райкин.

В следующий раз я обязательно буду объявлять, какого именно дурака я высмеиваю. Если дурака вообще, то это одно, а если классового, это совсем другое.

Критик Зелинский.

В последнее время в стихах Ильи Сельвинского все чаще появляются чуждые материализму стихи о так называемом бессмертии.

Илья Сельвинский.

*Так значит я, и ты, и все другие –
Лишь электронный принцип, дорогие.
Воскреснем мы не у Господня трона,
А под влияньем бога-электрона.*

...

*Я всего лишь молекул случайная доза,
А эта случайность возможна и впредь.*

Зелинский.

Как прикажете понимать эти высказывания нашего советского поэта? Разве это не призыв уверовать в бессмертие, переселение душ и прочую чепуху. Я понимаю, что Илья Сельвинский тяжело болен, и рассматриваю его стихи как обычную человеческую слабость перед лицом смерти. Я сочувствую поэту, но, как убежденный материалист, не могу не вступить в полемику. Илья Сельвинский призывает нас уверовать, но я, как Станиславский, решительно говорю: «Не верю!»

Илья Сельвинский.

Поверите, дорогой вы мой Корнелий этакий Зелинский. Поверите, когда вены на ногах воспалятся и гангрена подступит огненная. Поверите и поймете, что прав был я, а не вы. И то, что вы называете слабостью, есть ни что иное, как сила духа, данная нам природой, чтобы достойно встретить неизбежное. С уважением – Илья Сельвинский, тоже убежденный материалист.

Аристотель.

Человек – общественное животное.

Достоевский.

Человек – животное, ко всему привыкающее.

Я.

Человек – антиобщественное, антиприродное, антикосмическое животное, которое ни к чему не может привыкнуть.

Пушкин.

*Привычка свыше нам дана,
Замена счастью она.*

Кришнаит.

Привычка к Вишну нам дана.

Церковный хор.

Слава в вышних Богу...

Кришнаит.

Слава Вишну Богу.

Ильф и Петров.

«Кришну, Вишну, – кричал Остап, – где сермяжная правда?!»

КВН.

Хари Кришна, Хари Рама, Кама сутра, с утра Кама.

Инженер Полетаев.

Я считаю, что все эти сказки и вся эта так называемая литература только уродует души людей, заставляя их верить вымыслам и обманам. Я запретил своей дочке читать Пушкина, Гоголя и Толстого. Вместо этого она изучает алгебру, химию, геометрию, физику, кибернетику, от которых человечеству несомненная польза.

Илья Эренбург.

Эйнштейн, как известно, играл на скрипке и любил Моцарта. А космонавт Гагарин взял в космос веточку сирени. И в космосе нужна ветка сирени.

Борис Слуцкий.

Что-то физики в почете.

Что-то лирики в загоне.

Дело не в сухом расчете,

Дело в мировом законе.

Я.

Прошло полвека. Теперь и лирики, и физики в одном загоне. А в почете только банкиры, но и это пройдет. А в космосе, как оказалось, нас никто не ждет ни с веткой сирени, ни с атомной бомбой. Так что разбираться придется здесь, на земле.

Академик Гинзбург (после моей статьи в «Известиях»).

Я атеист, но не безбожник. Кедров проповедует мистику, не имеющую ничего общего с наукой.

Журналист «Известий» Отто Лацис.

Допустим, Кедров ошибается. Но от его ошибок никому нет никакого вреда. А вы сделали атомную, а потом еще и водородную бомбу и ведь не считаете это большой ошибкой. А вообще это спор вечный. В России никто не может победить до конца. Моя внучка плохо знает русский язык, говорит «русская козла», думая, что это «русский козел» женского рода.

Я и Боря Бахтин (*мой однокурсник*).

Диалог в стиле Гомера:

– А не пойти ли в столовую нам – манной каши отведать?

– Я бы отведал, да деньги, увы, на исходе.

– О, не страшитесь, я вас накормлю до отвала.

Мне перевод из деревни пришел долгожданный.

Я.

Иногда мы разговаривали гекзаметром много дней подряд и потом с трудом переходили на обычную речь.

Боря Бахтин.

Глупо твердят нам марксисты, что мир познаваем.

Что познаваемо, если у волка клыки, как кинжалы?

Да и медведь, если ранят его, то в деревне

Только к охотнику в хлев забредет и загубит корову.

Разума нет у животных! Кто это промолвил,

Сам обделен этим даром богов несравненным.

Разума нет у того, кто промолвил, что нету ума у животных.

Я.

Однажды мы увлеклись гипнозом. После третьей бутылки вина я погрузил Бору в гипноз и сказал, что он видит Христа и беседует с ним.

Боря Бахтин.

Да, Христос подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал: «Мир прост, как это движение руки».

Я.

Сокурсница попросила накормить ее под гипнозом земляникой. Эту землянику она ела, причмокивая и с таким аппетитом, что у всех животы свело. Лет через 20 она мне призналась, что никогда не ела такой душистой, сочной и сладкой земляники. Это еще вопрос, что реальнее: сон или так называемая реальность.

Шекспир.

Мы сотканы из той же материи, что и наши сны.

Вера Маркова, переводчица с японского.

Я звоню вам, чтобы сообщить радостную весть. Загробная жизнь – реальность! Вчера умер мой пасынок. Но за сутки до того, как мы узнали об этом, он пришел ко мне как бы во сне и сказал: «Я умер, но ты не огорчайся. В этом нет ничего страшного, мне хорошо». Я хотела тотчас позвонить вам, но меня отвлекли. А потом позвонили, что он действительно умер, хотя этого никто не ожидал.

Я.

Вера Макова перевела японца.

Ей за это дали орден Льва и Солнца.

Этот орден вручил ей на дому сам посол. После смерти Веры Марковой орден вернулся в посольство. Такой обычай. Вся страна в 60-е годы знакомилась с японскими танками и хокку по красненькой книжечке с переводами Веры Марковой. Боря Бахтин любил стилизовать хокку.

Боря Бахтин.

Грустный сажу у реки.

Крик кальмара.

Я.

Руку засунул в карман.

Ничего не нашлось там.

Боря.

Ночью в ментовке узнал —

Сапоги на подковах.

Я.

Осень. Стипендии нет.

А бывало...

Боря.

Встретил сокурсницу...

Сколь горячи ягодицы.

Я.

Много лет спустя получил от Бори письмо.

Боря.

Живу в Свердловске. Жена вельми пригожая библиотека.

Я.

Именно так, в его стиле: нельзя понять, кто пригожая — жена или библиотека. А позднее я узнал, что «вельми пригожая библиотека» упрятала Борю в психушку. В истории болезни указан главный признак сумасшествия: «Верит в бога, читает Бердяева». Так и сказано. И ни у кого никаких сомнений.

Боря.

Бывало, наслушаешься в школе, как плохо живется в странах капитализма, придешь домой и всю ночь рыдаешь. Какое счастье, что Ленин родился и всех нас спас. В деревне люди доверчивы, и все по-другому. Мой одноклассник увидел в лесу у реки, как голая восьмиклассница из реки выходит. Плавки колом! Та бежать. Догнал,

повалил. В городе бы по судам затаскали, а она только и сказала: «Наконец-то!»

Я.

Однажды Боря вернулся после каникул сердитый, хмурый.

Боря.

Познакомился с директрисой детского сада. Вельми пригожа и молода. Залегли в сено. Над нами звездное небо. Я ей Ломоносова:

Открылась бездна, звезд полна.

Звездам числа нет, бездне дна.

А она мне в ответ:

Время, милый, идет,

Время катится.

Кто не пьет, не ...,

Тот спохватится.

Пушкинист.

Умирает один профессор и все на книжные полки смотрит. Вокруг него ученики. Спрашивают: «О чем все думаете, глядя на эти книги?»

Профессор.

Да вот вспоминаю, как на практике в колхозе лежим мы с однокурсницей на стогу сена. Я только на нее, стог под нами проваливается. Я опять на нее, а он еще глубже проваливается. Так ничего и не вышло. Вот я и думаю, взять бы все эти книги да подложить ей под зад.

Я.

У меня же на практике в колхозе был с однокурсницей совсем другой случай. Только вышли, взявшись за руки, из сельского клуба, как погас свет, и наступила бархатная непроглядная тьма. Мы думали теперь только об одном – как дойти хоть до какого-нибудь жилья. Шли наугад, словно с закрытыми глазами. В полной тьме на бугристой земле невозможно соразмерить шаги. Поэтому после каждого шага, если какой бугор, то желудок в горле, а внутренности отрываються, да еще и ступни из пазов вывинчиваются. Грязь и лужи уже не в счет, это само собой. Коровьи лепешки обдают дерьмом из-под подошв, а ноги разъезжаются и скользят. Когда мы вошли в помещение, где все же горел огарок свечи, на нас невозможно было смотреть. Казалось, что это никогда и ничем не смоемся, и жизнь закончена навсегда.

Боря.

А ведь Христос прав: мир прост, как это движение руки.

Я.

Только ничего нет сложнее такого движения. Попробуйте научить робота, чтобы он нежно положил руку именно на плечо, а не на голову, и при этом не придавил, не поранил, а приласкал. Вся кибернетика, вся высшая математика задействована, а такого робота никто не создал.

Боря.

И никогда не создаст.

Я.

Это как в поэзии. Хоть на уши становись, а лучше Хлебникова и Маяковского не напишешь. А если напишешь, то сам станешь Хлебниковым.

Надежда Владимировна.

Нет, не люблю я деревню. В войну они с нас три шкуры сдирали. За крынку молока увозили шкаф. Крестьянин – собственник и единоличник. Ничего нет страшнее собственника-единоличника.

Я.

Мама заблуждалась. Какие же они собственники, если у них не было ни земли, ни пенсии, ни зарплаты, а мифические трудодни. Нет, ни какие не единоличники они, а типичнейшие крепостные колхозники. Люди, лишенные всего, стремятся, чтобы и все другие ничего не имели.

Песня Высоцкого (у костра).

*Бог с ним, с тренером, он тренер неплохой,
и бог с ним.
а теперь я занимаюсь борьбой
и боксом.*

Студент по кличке Билл.

*Бог с ним, с тренером, он тренер неплохой,
И уй с ним.
А теперь я занимаюсь борьбой
И...*

Чем же он занимается?

Я.

Так мы и заснули у костра, не найдя рифму на «уй с ним». Утром лес огласился радостным криком Билла.

Билл.

Нашел, нашел – брусом!

Я.

Чем-чем?

Билл.

Бог с ним, с тренером, он тренер неплохой,

И уй с ним.

А теперь я занимаюсь борьбой

И брусьем!

Я.

Там же, на берегу реки сидели два лесоруба и мирно беседовали.

1-ый лесоруб.

Сейчас бы водки. Голова бы прошла, а так не пройдет

2-ой лесоруб.

Водка хорошо, но молоко полезнее. К тому же оно хорошо усы-ва-е-вае-вое-выется.

1-ый лесоруб.

Молоко хорошо, а водка сразу бы все сняла.

2-ой лесоруб.

Водка хорошо, а молоко все сразу усваивается.

Я.

Их разговор продолжался до бесконечности, поскольку посреди леса не было ни водки, ни молока, которое так хорошо уса-выса-вые-ва-ется. Наконец, мы сжалились над страдальцами и налили им по стакану водки. Лесорубы выпили залпом, крикнули, и мы все хором, опережая друг друга, сказали: «Хорошо усваивается».

Смоктуновский (в ресторане ВТО).

Сейчас, дружочек, мы выпьем водочки, но не уйдем, а дождемся, когда все возьмутся за руки и хором произнесут: «Вина мы не пьем». Вот так.

Все (берутся за руки).

Вина мы не пьем!

Смоктуновский.

Вот и правильно. Пить надо только водку. И теперь выпьем еще водочки и снова за руки.

Все (берутся за руки).

Вина мы не пём!

Смоктуновский.

Все, пора расходиться.

Юрий Карякин.

Вся беда в том, что выиграют в конечном итоге опять они. Потому что в любом случае мы с ними будем разговаривать, а они с нами нет.

Гомер.

Я не сочинял «Илиаду» и «Одиссею». Я просто собрал в единое целое все, что исполнял наизусть всю жизнь. А когда исполнял, естественно, редактировал.

Анатолий Золотухи, инженер-кораблестроитель.

Гомер родился у нас в Николаеве, на территории третьего цеха кораблестроительного завода. Одиссей плавал не по Средиземному морю, а по Черному. Наш город у Гомера подробно описан в «Илиаде», а могила его вон там, на Змеином острове.

Академик Фоменко.

А Христос родился не в Иерусалиме, а в Константинополе – Стамбуле.

Я.

Не знаю, где родился Христос, но распят он не в Стамбуле, а в Москве. Вернее, в каждом русском селенье. А воскрес он где угодно, только не у нас.

Володя Игнатюк.

*Ты уверенно скажешь себе –
этот мир действительно прост,
где на каждом фонарном столбе
каждый вечер распятый Христос.*

Гоголь.

Нигде так не празднуют Пасху, нигде так радостно не поют «Христос воскрес из мертвых», как в России.

Евтушенко.

*Для чего Христа распяли?
Чтобы лишний праздник был.*

Галина Якубовская, художница (поет).

*«Послушай, любимый, отец мой священник,
А ты, милый мой, коммунист.
Советскую власть он не любит до смерти,
Он первый у нас монархист...»*

...

*Очнулся в больнице, и врач предо мною,
Он в балахоне стоял.
Спросил он меня, как я здесь очутился,
Потом на допрос отослал...
«А мне, коммунисту, расстрел присудите
За то, что закон позабыл,
И рядом с красоткою той положите,
Которую страстно любил».*

Белинский.

И что за странность такая? Охватит кого-то в Европе мания религиоза, так он совершит открытие или поднимет людей и совершит революцию. А у нас изловчится и кнут поцелует. Да еще и самым рабским образом.

Якубовская (поет).

*А наша Леночка недолго плакала –
Убила девочку, в сарай запрятала.
Милиционер пришел, Шарову спрашивает,
А наша Леночка глаза закашивает.
«А ты скажи, скажи, Шарова Леночка,
Куда девала ты малютку-девочку?»
А все в сарай зашли, там дверь открытая,
Лежит там девочка, землей зарытая.*

Художник (читает свои стихи).

Едет ухо на велосипеде...

Майстер Экхарт.

Бог ближе к нам, чем вы думаете. Он ближе к нам, чем мы сами близки к себе.

Гегель.

Итак, абсолютное бытие – это небытие. Итак, абсолютное небытие – это бытие.

Философ Чанышев.

1-е: бытия нет; 2-е: небытие есть. «Да будет твоим гонораром святая судьба Мандельштама».

Вадим Рабинович.

Я знаю, что есть непознаваемое. Но ученый должен верить, что познать можно все. Иначе он не ученый.

Халиф Омар, завоеватель Александрии (увидев неисчислимые тома Александрийской библиотеки).

Если все эти книги повторяют истины Корана, значит они бесполезны; если они им противоречат, значит они вредны.

Ломоносов.

Ежели где чего убыло, то в другом месте столько же прибыло.

Радио.

*Нехотя ответил Вова:
«Мама – летчик, что такого?
Вот у Коли, например,
Мама – милиционер».*

Вовка.

*Нехотя ответил Вова:
«Мама – бяда, ну что такого?
Вот у Колиного дяди
Две жены и обе бяды».*

Анекдот (о пользе поэзии).

Пара молодоженов сидит в купе, а напротив попутчики. Молодым хочется заняться любовью. Села молодая на колени к мужу и стала расспрашивать попутчиков: «Вы откуда?» – «Из Ленинграда». – А вы откуда?» – «Я тоже из Ленинграда». Тут молодая захлопала в ладоши и запрыгала: «Как я рада, как я рада, что мы все из Ленинграда!»

Пословицы из советского сборника пословиц.

*В колхоз пойти – счастье найти.
Муж и жена – одна душа.
Друг не выдаст – свинья не съест.*

Радио.

*Будет людям счастье,
Счастье на века.
У советской власти
Сила велика.*

Поговорка мужская.

*Что-то стало холодать.
Не пора ли нам поддать?*

Поговорка женская.

*Что-то стало холодать.
Не пора ль кому-то дать?*

Надпись в туалете (деревенском).

*Товарищи, друзья,
На доски срать нельзя.
Для этого есть яма.
Держите жопу прямо.*

Надпись в туалете (городском).

*Если ты посрал, зараза,
Дерни ручку унитаза.*

Горбачев.

Некоторые спрашивают, не пора ли отдохнуть, нельзя ли расслабиться. Нет, товарищи, нельзя, не та обстановка. Следует сосредоточиться и прибавить в работе.

Якубовская.

*Как по речке, по реке
Женский труп несется,
А моряк на корабле
Едет да смеется.*

Машинский.

Все-таки мудро поступает природа, что скрывает от каждого дату смерти. Если бы человек знал, когда именно он умрет, жизни была бы невыносима, как приговор.

Актриса.

А ты знаешь подлинный текст «Горя от ума»:
*Ну, Фамусов, ну блядь,
Не задал бал.
.... я этот бал.*

Вовка.

*Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна.
На печальные поляны
Льет помой из ведра.*

Виктор Шкловский.

Вознесенский – какой-то недофутурист. Футуризм, – это, если хотите, еще и образ жизни. Мы ошибались во всем, кроме самого футуризма. А они во всем правы, кроме поэзии.

Контрразведчик-литературовед.

Был на слете работников профсоюзов. Знаете, как они поют песню «Ах зачем ты меня целовала, жар безумный в груди затая»?

Мы.

Как?

Контрразведчик.

*Ах, зачем мои девичьи груди
Ты узлом завязал на спине?*

Все-таки человек никогда не поверит в свою смерть. У меня умирает теща и все хлопочет: «Как вы без меня управитесь?» – а того не понимает, что не будет никакого «без меня», ничего не будет. Вот еще: привезли отца из больницы. Отрезали старику ступню и выписали домой умирать. Все-таки славная страна Индия, там люди умирают без помощи медицины.

Кирпотин.

И живут в среднем 30 лет.

Пушкинист.

Да, правильно сказано у Глазкова:

Легкой жизни я просил у Бога.

Легкой смерти надо бы просить.

У меня брат умер от рака. Я, бывало, спрашиваю его: «Ну, как лечат?»

Брат Пушкиниста.

Как у Всеволода Иванова. У него рассказ есть, как в коллективизацию в деревню пригнали трактор. Он поработал полчаса и сломался. Вернее, сломали, ведь трактористов и механиков тогда не было. Собрались вокруг: что делать? Надо трактор лечить. Ну и позвали коновала. Ведь если лошадь плуг не тащит, всегда зовут коновала. А трактор, он стальной конь. Вот и нас всех так лечат.

Якубовская.

Керосин в руках они держали,

Колю-тракториста подожгли.

Загорелось тело молодое,

А потом ботиночки нашли.

Мария Федоровна.

Наша горничная совсем перестала убираться. Мы ей стали выговаривать, а она...

Горничная.

А, может, я левая серая!

Мария Федоровна.

Мы только потом поняли, что «левая серая» – это левая эсерка.

Врач Заболотская.

Тогда появилась частушка:

Мой миленок непростой –

Кум шофера Ленина.

Что теперь нам Лев Толстой

И Анна Каренина!

Студент.

В имени Ясной Поляне

Жил Лев Николаич Толстой.

Не ел он ни рыбы, ни мяса,

Ходил по деревне босой.

Жена его Софья Толстая

Напротив любила поесть.

Она не ходила босая,

Хранила дворянскую честь.

Студентка.

*Во дворе стоит туман,
Сушатся пеленки.
Вся любовь твоя – обман,
Окромя ребенка.*

Поэт Островой.

*Я в России рожден,
Родила меня мать!*

Я.

Можно подумать, что есть какой-нибудь другой способ рождения.

Поэт Островой.

Я написал сто стихов о любви и закрыл тему.

Поэтесса Алина Витухновская.

Я – Христос зла. Меня нужно распять на свастике.

Я.

На свастике – это эротично. Матросы говорят о красивой женщине: «На якорь бы ее».

Вовка.

*Детский садик что пчелиный рой,
Там ребята заняты игрой.
Все они резвятся и поют,
За песочком в кустики бегут.*

Воровка в больнице.

*У фонтана, где цветет каштан,
Чернобровый смуглый мальчуган
Рядом с девочкой стоит,
Шепеляво говорит:
«Слушай, Оля, вырасту большой,
мы тогда поженимся с тобой.
Буду я тебя любить,
Шоколадками кормить».*

Никак не пойму, почему нельзя воровать. Зачем мне работать, если можно украсть. Ты еще маленький, ничего не понимаешь. Знаешь, откуда берутся дети? Вот отсюда.

Я.

Как же отсюда может выйти большой ребенок? Не верю.

Воровка.

А откуда ж, по-твоему, дети?

Я.

Из живота. Я сам видел картинку в старинной книге. Врач разрезает женщине живот и достает оттуда ребенка. Это называется кесарево сечение.

Воровка.

И шрам остается, вот здесь, между ляжками. А отчего дети, по-твоему, в животе появляются?

Я.

Женщина выходит замуж, спит рядом с мужем, и от этого в ней появляется ребенок.

Воровка.

Тебе 11 лет, а простых вещей не знаешь. Дети появляются оттого, что он сует в нее свою пипку.

Я.

Я знаю. Это называется совсем по-другому, и это делают только дети. Моя мама и мой папа этим никогда не занимались.

Воровка.

А как же ты на свет появился? Все этим занимаются.

Я.

Ну, может быть, все, только не мои папа с мамой.

Алексей Евгеньевич.

«Мне вон ту, которая сиськастей...»

Надежда Владимировна.

Зачем ты это читаешь ребенку? Он этого не понимает, а грудь почему-то называет резентелией. Он еще до детского сада стишок сочинил про мою грудь.

Котик.

Резентелия моя,
Кто возьмет ее без спросу,
Тот останется без носу.

Гоголь.

Увидев перси панны, Андрий закрыл лицо ладонями и упал на колени.

Я.

Читая «Тараса Бульбу» Гоголя – мой первый сексуальный боевик, я почему-то чувствовал себя предателем Андрием, а не правове­рным Остапом или, не приведи бог, Тарасом.

Тарас.

Чем тебя породил, тем тебя и убью.

Я.

Связь между главным наслаждением и деторождением у меня таки и не установилась. Можно сказать, что все дети появились от непорочного зачатия. А что такое порочное зачатие, я не знаю.

Маяковский.

Любовь
не в том,
чтоб кипеть крутей,
не в том,
что жгут угольями,
а в том,
что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями,

Кино.

Как люблю твои светлые волосы,
Как люблюсь улыбкой твоей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей.

Маяковский.

Любить —
это с простынь,
бессонницей
рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику...

Кино.

Вот она какая, большая пребольшая,
Приветлива со всеми, во всех сердцах жива
любимая, родная...

Вовка.

Ля-ля, ля-ля, ля-ля!

Я.

Я помню две гипотезы происхождения человека. Первая: ребеночка достают из маминого живота, развязав, а потом завязав пупок. Вторая: живот разрезают, достают ребеночка, после этого остается маленький шрамик внизу живота. Познания последующих времен не имеют ко мне никакого отношения. Во-первых, это не про меня, а что-то из жизни клеток. А, во-вторых, сугубо прикладные отрас-

ли науки – акушерство и гинекология. Пожалуй, все же есть знание человеческое и не человеческое. Человеческое – это о человеке. Не человеческое – это когда наука и медицина.

Художник Гаврильчик.

Любовь, говаривал Сталин, это веселая медицина.

Пенсионер в метро.

Вот я тут долго смотрел на вас и вот что я вам скажу...

Я.

Я приготовился дать автограф. В то время ко мне часто подходил в метро и благодарили за ту или иную передачу.

Пенсионер.

И вот что я вам скажу – вы негодай, каких мало.

Соседка.

Балкон – это счастье, а счастье дается не каждому.

Вернадский.

Мы можем привести миллиарды примеров возникновения мертвого из живого и ни одного случая живого из мертвого. Похоже, что живое было всегда, а мертвое из него возникло. Известняк из костей, чернозем и атмосфера, нефть и газ – все это останки живых существ.

Я.

Получается, что все мы – только удобрение, нефть и газ для будущих поколений.

Вернадский.

Не мы, а наши тела. Зато наша мысль уйдет в банк памяти ноосферы.

Я.

Ноосферой академик называл нематериальную сферу разума во вселенной.

Академик Гинзбург.

Две тысячи лет церковь твердит одно и то же. Бог, воскресение из мертвых. И ни на йоту не продвинулись. Ну, придумали бы что-нибудь еще или открыли что-нибудь.

Я.

Идея Бога гениальна, великолепна, но мы ее слишком перегрузили. Он и всемогущий, он и всезнающий, он и всевидящий. Если это так, то для чего мир и почему в нем зло. Всемогущий и всевидящий Бог, допускающий ГУЛАГ и Освенцим – это соблазн и глупость. Достаточно просто определения: Бог – это высшее. Остальное от лукавого.

Главный раввин Израиля (телеграмма Эйништейну).

Верите ли вы в Бога?

Эйнштейн.

В бога священников и раввинов я не верю.

Раввин.

Верите ли вы в Бога? Ответ в 40 слов оплачен.

Эйнштейн.

Знать, что на свете есть вещи непознаваемые и скрытые от нашего разума, но которые познаются и скрывают в себе высшую мудрость и высшую красоту, — вот что, по-моему, означает верить в Бога.

Горбачев.

Я им говорю — не ложьте сюда, а они все ложат и ложат.

Студент-юрист.

В лефортовскую камеру я попал случайно. Набил морду в ресторане какому-то депутату. Он стал к официанту цепляться, а я увидел у него значок на лацкане и не выдержал. У меня на советскую символику аллергия. Они, конечно, не смогли доказать, что я его бил именно как депутата, но все же оправили в Лефортово. И оказался я в камере с Буковским. Там мы и создали теорию лажи.

Буковский.

Закон первый: лажа индуцируется. Закон второй: лажа ходит косяком.

Студент-юрист.

Вот пример идуцирования лажи. Один мой приятель попросил у своего друга ключ от квартиры, чтобы уединиться с подругой. Друг работал в каком-то научном институте до позднего вечера.

Приятель.

Только покорми обязательно моего сиамского кота.

Подруга.

Мы очень давно не были вместе, поэтому кота решили накормить после.

Приятель.

Нырнули в кровать...

Кот.

А про меня забыли. Сиамские коты такого не терпят. Я улучил момент и прямо со шкафа с выпущенными когтями спланировал на белый колеблющийся зад. А поскольку зад продолжал подпрыгивать, я решил оттащить наглеца от его подружки.

Приятель.

Все обагрилось кровью. Я в ярости схватил сиамского кода за шкуру и вышвырнул его на лестничную клетку.

Подруга.

Что ты наделал! Это же дорогой сиамский кот! Его надо поймать и срочно.

Приятель.

Я натянул трусы и выбежал за котом. А кот сиганул на три пролета выше. Я припустился за ним.

Подруга.

Ну, а я поняла, что ничего хорошего уже не будет. Наспех натянула одежду и убежала.

Кот.

Приятель поймал меня и ринулся к двери.

Приятель.

Но дверь оказалась захлопнутой. Мне ничего больше не оставалось, как спуститься вниз и найти телефонную будку.

Прохожий.

Морозным зимним вечером я встретил на улице почти голого человека с котом в руках! Я шарахнулся в сторону...

Приятель.

Но я завопил: «Умоляю, дайте две копейки!».

Кот.

Прохожий сжалился и дал монетку.

Друг.

Я еще был на работе, когда раздался телефонный звонок...

Приятель.

Бери машину и приезжай скорее! Только не домой, а к телефонной будке у дома!

Друг.

Когда я подъехал к будке, то увидел такую картину: приятель, трясясь от хода и плача, держит за шкурку кота и периодически бьет его по морде. А кот шипит и карябает когтями голый живот обидчика.

Кот.

А все оттого, что меня вначале не накормили.

Буковский.

Вот типичный пример индуцированной лажи.

Норберт Винер.

Всемогущество и всепроникаемость – это свойство примитивных систем управления. С кибернетической точки зрения Бог не должен быть всемогущим. Он для этого слишком совершенен. Чем совершеннее система, тем больше в ней свободы.

Бердяев.

Бог — это творчество и свобода.

Лосев.

Да, да, свобода. Но я же говорил вам еще до вашей высылки Лениным на философском теплоходе и до моего заключения в концлагере: «Конечно, свобода, но прежде всего судьба!» Почему я не погиб на лесоповале, а «сдохну», да-да, сдохну в 93 году здесь, на Арбате? Потому что судьба. Тут греки правы.

Александр Лазаревич.

Революция, конечно же, плохо. Но если бы не революция, ты бы не появился на свет.

Я.

Почему?

Александр Лазаревич.

Потому что твоя мама, дворянка, не могла бы выйти замуж за еврея.

Я.

Ерунда какая-то. Евреи, дворяне. Кто все это придумал?

Лена Кацюба.

А если бы не Вторая мировая война, я бы тоже не могла родиться. Во время войны моя мама, выпускница московского иняза, пошла в армию. Так она попала в Тбилиси, где и встретилась с моим отцом, строевым командиром капитаном Кацюба.

Я.

Это что, но вот как твоя мама со своим вторым мужем оказалась в том же доме, в том же подъезде, на том же этаже, где жила моя мама с Алексеем Евгеньевичем, хотя я жил в общежитии, а ты у бабушки.

Лосев.

А я что говорю. Свобода, конечно, свобода, но прежде всего судьба.

Анекдот.

Еврей — это призвание. Русский — это судьба.

Я.

Русские не сдаются, но умирают. Евреи умирают, но издаются.

Кот.

А сиамские коты не умирают и не сдаются.

Студент-юрист.

А ты бы помолчал, извращенец!

Кот.

От такого слышу! Между прочим, я хожу прямо в унитаз в отличие от некоторых, которые всегда промахиваются.

Кошка Юта.

Гавняка!

Я.

Что?

Марина Розанова.

Гавняка. Это она говорит, когда ей что-то очень не нравится.

Я.

А что ей нравится?

Марина.

Стихи Пушкина, детские считалочки, чирик-пырик – может слушать часами.

Я.

А Хлебников или Бодлер?

Кошка Юта.

Гавняка!

Я.

Теперь я точно знаю, что такое классика. Это кошачья поэзия.

Кошка Юта.

Гавняка!

Актер Черкасов (*в роли академика Дронова*).

Глупый я человек. Хлопотал, суеился. Забыл, что после смерти все остается людям.

Я.

Все остается ледам. В союзе писателей до сих пор существует союз писательских вдов. Из некоторых жен получают очень хорошие вдовы. Их называют жопис – жены писателей. А писательские дети – писдети. А издательства – писдательства. А издатели – писдатели.

Ректор Литинститута Пименов.

Кому-нибудь нужен ректорский заказ? Тут сгущенка – мне нельзя. Кофе – мне нельзя. Сахар – мне нельзя. Икра – мне нельзя. И бутылка водки – мне нельзя. А мандарины можно, но они гнилые и не люблю.

Пушкинист.

Тут за стеной, в парткоме, где вас обсуждать будут, рассматривали жалобу жены на заведующего кафедрой эстетики Осипова. А дело было в преддверии столетия Ленина. Тогда, помните, даже в колбасе цифра 100 была выложена салом.

Я.

Как же, помню. Мыло «По ленинским местам». А что в письме?

Жена.

Мой муж снохач. Он живет со снохой и даже не скрывает этого от меня.

Парторг.

Дальше не будем зачитывать. Ну, какие будут соображения, товарищи? (*Гнетущая тишина*).

Парторг.

Может, вы что-нибудь скажете, товарищ Осипов?

Осипов.

Скажу. Вот я смотрю на вас... О чем вы все думаете?

Парторг.

Как о чем? О снохачестве.

Осипов.

А у меня все мысли сейчас о нем.

Парторг.

О ком?

Осипов.

Вот вы спрашиваете... А у меня вопросов не возникает. Я могу думать в эти дни только о Ленине. Как быть достойным его идей? Как донести их до студентов, не растерять.

Я.

Ну, и чем все закончилось?

Пушкинист.

Перенесли на другое время – после столетнего юбилея. А там замляли.

Анекдот 60-х.

Вызывают коммуниста в партком. Мол, жена на вас жалуется, что вы не выполняете супружеских обязанностей. «Но я импотент!» – «Прежде всего, вы член партии, а уж потом импотент».

Буковский.

Лажа ходит косяком.

Частушка.

*Тракториста я любила,
Трактористу я дала.
Всю неделю сиськи мыла
И соляркою ссала.*

Давид Самойлов.

*Какая музыка была,
какая музыка играла!*

Молодожены.

А вы включите.

Я.

Продавец включил, и темно-серый гроб Суслова стал тошнотворно-алым.

Молодожены.

Смотри, смотри! А в цветном-то намного лучше.

Василий Аксенов *(на встрече в начале 2000-х в кафе «Дума»).*

Все-таки Африке надо помочь. Без нас она не поднимется. Мы так нежно любили в советское время полузапрещенную православную церковь. А потом она заговорила и все не о том.

Я.

Удобства во дворе – это когда зимой нужно выходить в туалет с ломом и топором. Иначе дверь не откроешь примерзшую, да и в очко не пробьешься без лома. Оно все в наледи.

Таня Петропавлова, художница.

Мы приехали в Закарпатье, а там в Доме колхозника вообще никакого туалета. Спрашиваем у дежурной: «Где у вас туалет?»

Дежурная.

Нигде.

Таня.

А как же?

Дежурная.

Никак.

Я.

И как же вы?

Таня.

В умывальную раковину, по очереди, поддерживая друг друга.

Я.

Если бы я был скульптор, то изваял бы скульптуру с двумя очаровательными девушками на умывальной раковине. Назвал бы эту скульптуру «Социализм» и установил бы на Красной площади рядом с мавзолеем. И пусть мимо маршируют войска, салютуют.

Зюганов.

Русскому человеку всегда присущи коллективизм и духовность.

Я.

В советское время была какая-то партийность с народностью, теперь соборность с духовностью. А туалетов как не было, так и нет.

Циолковский.

Космос даст человечеству горы хлеба и бездну могущества.

Я.

Ну вот мы и в космосе, а туалетов как не было, так и нет.

Частушка 30-х.

*Стоит милый на крыльце,
Моей морду борною,
Потому что пролетел
Самолет с уборною.*

Энгельс.

Философы лишь объясняли мир, а задача философии – его переделывать.

Я.

Э-э, нет, господин товарищ Энгельс. Объяснить значит уже переделывать.

Энгельс.

Переделать сплошь и рядом легче, чем объяснить.

Я.

Знаем, знаем, читали. Пели. «...мы разрушим до основания, а затем...»

Академик Гинзбург.

Церковники 2000 лет повторяют, талдычат одно и то же. Распятие, воскресение, непорочное зачатие.

Я.

Мой Бог ненавидит славословия и не нуждается в них.

Эйнштейн.

В Бога, вмешивающегося в личную жизнь людей, я не верю.

Дидро.

Говорят, что все началось с грехопадения Адама и Евы. Неужели трение одной слизистой оболочки о другую чревато такими последствиями?

Я.

Вот именно, чревато.

Рабинович.

Рабиновича спрашивают:

– Почему у вас так много детей?

– Ну, во-первых, я люблю детей, а, во-вторых, мне нравится сам процесс.

Гитлер.

Я отучу евреев смеяться!

Рабинович.

Не отучил!

Я.

Если бы на самом деле существовал орден Дважды еврей Советского Союза, я бы вручил его Вадиму Рабиновичу.

Солженицын.

У меня тоже есть друзья евреи.

Войнович.

Ну, во-первых, так все антисемиты говорят, а, во-вторых, оказывается, Солженицын общался с ними не просто как с друзьями, а как с евреями.

Советский критик.

Я люблю еврейскую литературу, Шолом Алейхема...

Я.

Еврейская литература – это Шекспир. Там все сюжеты библейские. Они же и древнегреческие, и древнерусские.

Ректор Литинститута Пименов.

Товарищи, у нас в институте, на высших литературных курсах, образуется еврейская группа. Вернее, группа еврейской литературы.

Студент из Мордовии.

А разве у них есть литература?

Другой студент.

Есть Библия, она же Тора.

Студент из Мордовии.

А разве она еврейская?

Ректор.

Товарищи, это решение ЦК.

Рабинович.

Фамилия Рабинович означает сын рабби – сын раввина. То же самое, что сын попа. Рабинович – это Попов. Помните об этом, и всем станет легче.

Маяковский.

– Здравствуй, Нетте!

Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов и крюков.

Я.

Здравствуй, Нетте! Как я рад, что ты живой...

И даже крюки на месте. Все, как в аду.

Брежнев.

Товарищи, в прошлом году мы жили хорошо. В этом году будем жить еще лучше.

Голос из зала.

А мы?

Фонвизин.

Отчего у нас на Руси воровство и казнокрадство не переводятся?

Екатерина II.

Оттого, что от времен Адама и Евы род человеческий неизменен.

Я.

Из заповедей Моисея я бы оставил две: не убий и не сотвори себе кумира. Этого более чем достаточно, потому что и это не выполняется. Впрочем, кое-что для нас я все же добавил бы: не завидуй (для социалистов и коммунистов) и не пресмыкайся (для нашего народа).

Лев Анненский.

Вот говорят, все беды от 17-го года. Правильно. А 17-ый-то год откуда взялся?

Зюганов.

В России все возможно. Возможно даже такое несчастье, как 1917-ый год.

Радио.

*Крепни над миром, наш герб величавый.
Звезды, сияйте на башнях Кремля.
Ленину слава, Сталину слава,
Слава стране Октября!*

Алексей Евгеньевич.

*Советский герб –
Молот и серп.
Жни, куй,
Получишь уй.*

Студентка.

*Слышишь, Ваня, слышишь, Ваня,
Слышишь – ножик точится.
Ваня, сделай обрезанье,
Мне в Израиль хочется.*

Рабинович.

*Русской девушке таперича
Нелегко найти Гуревича.*

Александра Павловна (*над могилой Марии Павловны*).

Ну, не плачь! Ну, не научилась еще пока наука бороться со смертью.

Я.

Русские писатели это не Достоевский и не Толстой. Это Гончаров.
Россия – это «Обломов».

Обломов (*Захару*).

Ты бы хоть пыль вытер.

Захар (*поднимает сухой тряпкой тучу пыли*).

Я вытирал

Обломов.

А грязь откуда?

Захар.

Я что ли грязь выдумал?

Обломов.

Почему же у соседа нет грязи?

Захар.

Так то ж немец. Откуда ж у немца грязи взяться?

Я.

Как там, у Щедрина, в Корчеве акции заводили. Да ничего не вышло.
Пробовали редис разводить, а выросла морковь, да и та корявая.

Контрразведчик-литературовед.

А как они пытались жида окрестить в пруду, да и утопили нечаянно.

Кирпотин.

А благоразумный пескарь?

Пескарь.

А слыхала ли ты, шука, о добродетели?

Кирпотин.

Та ничего плохого не хотела. Она просто хайло от изумления разину-
ла, а его туда и втянуло.

Контрразведчик.

Что есть истина? Истина – это распивочно и на вынос.

Машинский.

Когда мы издавали полного Щедрина, в ЦК письмо пришло с доно-
сом. Мол, там сплошная антисоветчина. Дескать, нельзя издавать,
потому что очень похоже. А мы в ответ: «Что значит похоже? Разве
Советский Союз – это город Глупов?» Ну и отстояли издание.

Я.

Самое поразительное, что и сегодня все один к одному. Приехал
новый градоначальник, и все хором: «Батюшка ты наш! Красавчик

ты наш!» На радостях целовали друг друга, входили в пивные заведения, выходили и снова заходили.

Кирпотин.

Тотчас на радостях ударили в набат. Толком не разобрались, что к чему, но на всякий случай сбросили с колокольни Ивашку-большого да Ивашку-меньшого.

Пушкинист.

А про солнце?

Свинья.

Где солнце? Нет никакого солнца.

Контрразведчик.

А про Молчалина?

Голос.

Молчалин, у вас руки в крови!

Молчалин.

Я мыл-с.

Я.

Но тут на горизонте появилось Оно...

Все (хором).

И на этом история прекратила свое течение.

Телевизор.

Крупная авария в Самаре – полгорода залило кипятком. Авария во Владивостоке – полгорода замерзает у ледяных батарей. На улице –40°. Работницы холодильного цеха греются в морозильных камерах, где температура –9°.

Пушкинист.

Вот вы начали было заниматься Гоголем, да бросили сдуру. А как у него здорово: «В окне помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом таким же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с черною как смоль бороною».

Я.

А в трактире на картине «изображена была нимфа с такими огромными грудями, какие читатель, верно, никогда не видел».

Машинский.

Некоторые спросят – какая польза от этой истории? Во-первых, никакой пользы. А, во-вторых, опять же, никакой пользы.

Радио.

*Ну, а случится, что он влюблен,
И я на его пути –
Уйду с дороги, таков закон:
Третий должен уйти.*

Света Беккер.

Интересно! А не худо бы у нее спросить.

Радио.

*Не надо печалиться,
Вся жизнь впереди.
Вся жизнь впереди,
Надейся и жди.*

Света Беккер.

*Вся жизнь впереди,
Раздёнсья и жди.*

Аспирантка.

У женщины две задачи: хорошо одеваться и хорошо раздеваться.
Иногда.

Рональд Рейган.

Никакой социалистической экономики в природе не существует.
Есть только хаос и неразбериха.

Диктор ТВ.

Будем, товарищи, откровенны. Презерватив, скажу понятнее, гандон – единственное средство профилактики СПИДа. Многие спрашивают, как пользоваться этим аптечным изделием. С этим вопросом лучше всего обратиться к своему участковому врачу.

Анекдот 80-х.

Участковый врач целый день вел прием. У одного больного гепатит, у другого водянка, третий с онкологией. Последним врывает перепуганный пациент.

Врач.

Что там у вас?

Пациент.

Доктор, у меня не стоит!

Врач.

Да вы что, сюда трахаться пришли?!

Я.

Однажды я заблудился за кулисами и в поисках мамы вышел на сцену в самый разгар спектакля. Актеры замерли от неожиданности.

Зрители ничего не поняли, решили, что так и надо, и стали аплодировать. Им просто понравился ребенок на сцене. К ужасу отца я вышел на авансцену и начал кланяться. Зал неистовствовал. Это была настоящая слава. Дали занавес. Но зрители требовали выхода на бис. И я вышел вместе с актерами. Слава всегда достается тому, кто не играет.

Бабка из Киржача.

Если опять потянет в окно кидаться, подойди к окну, постучи по раме и скажи: «Приходи за мной вчера».

Все (хором).

Приходи за мной вчера!

Нана.

Когда у Яника оказалась грыжа пупочная, понесли мы его к бабке, которая заговаривает.

Бабка.

Стой у двери и спрашивай: «Бабушка, бабушка, что ты делаешь?»

Нана.

Бабушка, бабушка, что ты делаешь?

Бабка.

Грызь грызу!

Ирина, библиотекарь.

Если ночью увидишь домового, надо у него спросить: «К добру или к худу?»

Лена.

И ты спросила?!

Ирина.

Спросила. Он сказал – к худу.

Лена.

И что?

Ирина.

Бабушка умерла.

Вовка.

*А он шепчет: «Не пугайся, ангел мой,
Не мужчина я, а добрый домовый».
Так две ноченьки ходил к ней домовый,
А наутро уходил к себе домой.
А на третью оказалось (ну и что ж!)—
Домовой-то на соседа был похож.
Так советую, голубчики, я вам:*

*Не бросайте дома ваших нежных дам.
А оставил – так уж жалобно не вой,
Если в доме заведется домовый!*

Норберт Винер.

С точки зрения кибернетики всемогущество не может быть свойством Бога.

Гинзбург.

А не всемогущий Бог мне не нужен.

Винер.

Может ли совершенная система создать систему более совершенную?

Семинарист.

Может ли Бог сотворить камень, который сам не сможет поднять? Если не сможет, то он не всемогущ. А если сможет, то все равно не всемогущ, потому что не смог сотворить камень, который не смог поднять.

Августин.

Такой камень создан – это человек.

Христос.

Камень, отвергнутый строителями, стал во главу угла.

Августин.

Ангелы завидуют человеку, потому что он смертен, а, значит, более совершенен.

Гегель.

Человек потому и человек, что знает о своей смерти.

Я.

Гегель умер внезапно, в полном расцвете сил, во сне, ничего не подозревая о своей смерти.

Спиноза.

Итак, совершенный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти.

Саша Еременко.

*О Господи, води меня в кино,
Корми меня малиновым вареньем...*

Кирпотин.

Я атеист и марксист.

Я.

Но в мировой-то разум вы верите?

Кирпотин.

Скорее в мировое безумие.

Мераб Мамардашвили.

Человек разумный разумным никогда не был.

Академик Зинченко.

Говорят, что человеческий разум безграничен. Но если разум безграничен, то еще более безгранично человеческое безумие.

Рабинович.

Слово, повторенное дважды, уже другое. Повтор вообще невозможен, как невозможно по кругу вернуться в одну и ту же точку. Обязательно хоть чуть-чуть, но промажешь.

Я.

На этом строится монотонность бытия. Оно вроде бы монотонно, каждый день одно и то же, а на самом деле всегда другое.

Врач Заболотская.

Война войной, а любовь любовью. Над госпиталем сбили немецкого парашютиста. Так все медсестры мигом, за одну ночь трусики и лифчики из парашютного шелка сшили. Со мной в гимназии училась купеческая дочь Нюра. Задали нам сочинение «Мое любимое занятие». Она и написала...

Нюра.

А самое мое любимое занятие — проводить время праздно.

Заболотская.

А теперь и мое любимое занятие — проводить время праздно.

Я.

Еще бы, после суточного дежурства.

Заболотская.

Однажды дежурил мой коллега, большой шутник. И привезли бабу с необыкновенно разросшимся лобком, да еще и кишащим вшами. Он и написал: «Поступила пациентка с обильной флорой и фауной».

Мария Павловна.

Бывало, едем в кибитке с твоим прадедушкой. Везем пьесу Островского. Голодные, холодные. И еще не известно, будут ли сборы. А прадедушка твой, Павел Юматов, был актер удивительный. Выйдет на сцену, скажет: «Эх, люди, люди, порождение крокодилов». И весь зал плачет. Когда ты маленький был, тебя за что-то в угол поставили, а ты как топнешь ногой: «Эх, люди, люди, по прозвищу крокодилы!»

Я.

Слово «порождение» было мне непонятно, а Мария Павловна, мы звали ее Муленькой, очень обиделась.

Мария Павловна.

Если мы крокодилы, то и нечего с нами разговаривать.

Я.

А еще Муленька очень любила читать мне наизусть все пьесы Островского и особенно одно место...

Купец.

Вот я тебя озолочу. Только поклонись ты мне. Нет, не хочешь. Ну, почему не хочешь?

Герой.

А это потому, батюшка Фрол Матвеич, что не все коту масленица. Будет ему и великий пост!

Заболотская.

Ох, и трудное было дежурство. Да еще напарница полночи висела на телефоне, беседовала с любовником.

Напарница.

Да, придешь ты ко мне, придешь... К холодным ногам придешь!

Я.

На самом деле к холодным ногам пришел не он, а она. Над могилой, как это часто бывает, разыгралась сцена между женой и любовницей.

Машинский.

Это что, над могилой Назыма Хикмета сцепились аж три женщины. Вот прекрасная смерть!

Я.

А от жен Лени Губанова я всю жизнь отбиваюсь. Звонит одна: «Я жена Губанова». Потом другая: «Я жена Губанова». Потом третья: «Я жена Губанова».

Юнна Мориц.

Это что, вот Петя Вегин трех жен сменил, и все, как близнецы-тройняшки. Одну от другой отличить невозможно. Скажешь – Таня. А это уже не Таня, а Галя. Скажешь – Галя, а это Маша. Интересно, как он там, в Америке. Говорят, даже в офис ходит каждый день на работу. Здесь у него две мастерских было и две квартиры, и никогда нигде он не работал.

Анекдот 60-х.

Раздается звонок в квартире Хрущева...

Женский голос.

Мне Никиту Сергеевича.

Нина Петровна.

А вы кто?

Женский голос.

Я его школьная подруга.

Нина Петровна.

Запомните – Никита Сергеевич никогда нигде не учился!

Я.

И это сущая правда.

Заболотская.

А одна баба справку потребовала, что она от душа забеременела!

Я.

Как это?

Баба.

После мужчины в душе мылась и забеременела!

Заболотская.

Нет, такую справку я дать не могу. Могу только написать, что забеременела.

Анекдот 2000-х.

Приехала хохлушка в Москву на работу устраиваться. Послали ее за справкой о здоровье. Обошла она всех врачей, дошла очередь до гинеколога. Он ее осмотрел, дал справку. Она вышла и тут же возвращается. – Ой, доктор, що ж вы мене написали – «здоровá»? Написали бы «малэнька» или «як у всіх».

Заболотская.

Были у меня постоянные пациентки, которые могли и по полгода, и по году не появляться. Но только вдруг вспомнишь о какой-нибудь, как тут же придет на прием. Связь такая, телепатическая. Однажды встретила одну на улице и едва ее узнала. Вся сгорбилась, пострела, бледная, еле идет. Спрашиваю: «Что с вами такое?»

Пациентка.

Так вы меня на консультацию к профессору послали, а он на мне крест поставил.

Заболотская.

Какой еще крест? Приходите ко мне завтра и заключение принесите. Пришла, показывает бумажку, а там написано: «С вашим диагнозом согласен. У больной было то-то и то-то, плюс осложнение». И плюс этот получился такой жирный, здоровый, и, правда, как крест. Тут я засмеялась, а она на меня с такой обидой смотрит. Ну, я ей все объяснила, и она прямо на моих глазах ожила, помолодела, на щеках румянец появился.

Пациентка.

Ой, спасибо вам, доктор, а то я уже помирать собралась.

Мария Павловна.

Снимали мы комнату у хозяина, а тот сядет на крыльцо, пьяный, и бормочет...

Хозяин.

Мария Пална, чтоб вас не було.

Мария Павловна.

Ну, как же «не було», если я есть?

Хозяин.

Все равно, чтоб вас не було.

Мария Павловна.

И так часами.

Света Беккер.

А наш сосед как напьется, так жена его домой не пускает. Он сидит на лестнице и твердит...

Сосед.

Люблю коммунистическую партию. И советское правительство люблю. И лично Леонида Ильича Брежнева люблю...

Заболотская.

Иду как-то по улице, а впереди мужик подвыпивший что-то бормочет...

Мужик.

Ах, Ильич, Ильич, какие у тебя были мозги! Ох, Ильич, Ильич, какие у тебя были мозги! Ох, Мозгич, Мозгич, какие у тебя были Ильи...

Анекдот времен гражданской войны.

По битком набитому вагону идут красноармейцы – проверяют документы. У одного пассажира никаких документов не было, он и сунул анализ мочи.

Красноармеец (читает).

«Аналіз Мóчи». Видать, иностранец. «Белка нет, сахара нет». Хорошо, что нет, значит не спекулянт. «Гонококки в умеренном количестве». Ну, раз в умеренном – вези!

Актер Зиновий Гердт.

Собрались три хохла и давай евреев ругать. Тут один и говорит...

1-ый хохол.

Хватит о жидах. Давайте лучше думы Тараса Шевченко читать.

2-ой хохол.

Садок вишневый возле хаты...

3-ой хохол.

Кто виноват?

Все (хором).

Евреи виноваты!

Я.

Отдыхали мы с Леной в писательском Доме творчества в Ирпене под Киевом. Беседовали с писателем Жураховичем.

Семен Журахович.

У нас тут кого только нет. Русские, украинцы, евреи, поляки, смешанные. Евреи польской ориентации, евреи русской ориентации, евреи еврейской ориентации. Просто евреи, без всякой ориентации. А вон моя знаёма титка идэ. Що ж вы до нас так пыздно идете?

Я.

«Титка» шла действительно «пыздно».

Григорий Полянкер.

Вот здесь линия заграждения. Я сам ее строил, три километра. Вон какой бетон. Но немцы не дураки, обошли ее стороной, вон там, за лесом, и мы оказались в окружении. А Киев пал.

Я.

Представьте себе, что вы в космосе в замкнутом пространстве корабля...

Полянкер.

Мне и представлять нечего. Когда в тюрьме у меня спрашивали, какой дали срок, я отвечал: «25 лет». – «За что?» – «За ни хрена». Читали в «Правде» указ Андропова? Только что вышел. Если кто-то подвез на машине иностранца или предоставил ночлег, 5 лет тюрьмы.

Я.

В том году мы отмечали дома католическое рождество вместе с американкой Сюзанной, и она осталась ночевать у нас на диване.

Сюзанна (из-под одеяла).

А мы закон нарушаем, ха-ха-ха!

Заболотская.

А ведь сегодня Пушкина запросто бы вылечили. У меня в госпитале такие раненые были, и почти все возвращались в строй. Во времена Пушкина и аппендицит был смертелен.

Я.

Я бы умер, как Христос, в 33 года, а так только борода поседела от боли. У нас почему-то кишки не замораживали, наркоз только сверху. Теперь я понимаю – сэкономили дорогие лекарства. Хирург меня спросил, когда я уже на столе лежал...

Хирург.

А кто у нас главный диссидент после Солженицына?

Я.

Не знаю, наверно, Сахаров. Тут он меня и взрезал.

Ельцин.

Вот какая получается загогулина!

Алексей Евгеньевич.

*Ты меня избаловала
Хлебом, солью и водой.
Посмотри-ка, посмотри-ка,
Я теперь такой худой.*

Иосиф Уткин.

*Трудно сказать про омут,
А омут стоит
У рта:
Всего ...
Два ...
Погрома...
И Мотэле стал
Сирота...
Счастье – оно игриво.
Жди и лови.
Вот: Мотэле любит Риву,
Но ... у Ривы
Отец – раввин.
А раввин говорит часто,
И всегда об одном:
«Ей надо
Большое счастье
И большой
Дом».
Так мало, что сердце воеет,
Воеет как паровоз.
Если у Мотэле всё, что большое,
Так это только
Нос.*

Скульптор Яшка.

Пусть не быть мне скульптором Яшкой,
Пусть мне член отрубят шашкой.

Игорь Холин (на фестивале в Тарасконе).

Ну что, французские ребятишки? Сидите здесь, в городе Тарасконе
и не понимаете, что с вами беседует великий русский поэт Игорь
Холин.

Володя Котляров, псевдоним Толстый.

Сейчас я тебе скажу что-нибудь обидное, но ты не обижайся. Это специальная провокация. Ты обидишься и новые стихи напишешь.

Я.

Мне показалось, что Толстый – это и есть легендарный Тартарен из Тараскона. Хотя на самом деле он жил в Париже, а в Тараскон приехал с нами на фестиваль.

Холин.

Вы тут в зале все равно по-русски ни слова. Так что я буду читать по-русски без перевода.

Алексей Хвостенко – Хвост.

*Над небом голубым
Есть город золотой...*

Я.

Так кто из вас написал песню, ты или Анри Волохонский?

Хвост.

Слова и музыка принадлежат каббалисту, раввину эпохи Возрождения. А перевел и музыку написал Анри. Но у него как-то не пелось. Я изменил немного музыку и слова, и запелось.

Я.

А у нас это пел Гребенщиков, и все думали, что песня его.

Хвост.

Да он поет «под небом голубым», а надо «над небом». Совсем другой смысл. Когда я три месяца лежал под капельницей и питался растворами, как растение, это был очень интересный опыт. Теперь я знаю, что чувствуют деревья.

Радио.

*Веселей, ребята, выпало нам
Строить путь железный, а короче – БАМ.*

Частушка.

*Приезжай ко мне на БАМ,
Я тебе на рельсах дам.*

Поэт Фахрутдинов.

На БАМЕ главное – свобода!

Я.

На бабе главное – свобода.

Саша Еременко.

*Самолет приподнялся в полете,
Поднимая бетонную пыль.*

*Он от нас в голубом развороте
Улетел в Израиль...
И теперь он живет в Израиле,
Где капиталистический строй.
Мы его никогда не любили,
А он был настоящий герой.*

Хрущев.

В детстве у меня был друг – шахтер Петр Махиня. Он писал стихи. Я, конечно, товарищи, в поэзии не очень разбираюсь, но, по-моему, это очень хорошие стихи.

*Под красным знаменем свободы
Мы прорубаемся в туннель.
Нам не страшины с тобой невзгоды,
У нас единственная цель.*

Дальше не помню, товарищи, но, по-моему, замечательные стихи. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Я.

Махиню издали миллионным тиражом, цитировали в статьях, защищали по его стихам диссертации.

Юнна Мориц.

*Вот и кончилось, ля-ля,
Музыкальное вступление.
Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые
И розы красные цвели.*

Я.

Не люблю свою молодость. Там нечего было делать. Только любить и пить. Пить и любить. Проволока ГУЛАГа огораживает не только тех, кто сидит внутри, но и тех, кто гуляет снаружи. В августе 91-го ее прорвало снаружи и изнутри, а сейчас нас снова огораживают со всех сторон, как овец в Шотландии. Скоро каждому присвоят номер, и все будет, как до Ельцина. Ну, что ж, милости просим в стойло.

Брехт.

*Шагают бараны в ряд,
Гремят барабаны.
Кожу для них дают
Сами бараны.*

Художница Таня Петропавлова.

Я поняла. Все это должно исчезнуть. Только детей жалко. Хотя, пожалуй, даже детей не жалко.

Собака Павлова.

Гав-гав, не сотвори себе кумира!

Студент Билл.

Я знаю еще одну заповедь: не бздимо!

Я.

«Не бздимо!» – таков был девиз нашей юности. А сейчас я замечаю, что многие начинают бздеть, и это мне активно не нравится.

Пастернак.

*Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты вечности заложник,
У времени в плену.*

Вовка.

*Не бзди, не бзди, художник,
Не предавайся сну.*

Кира Сапгир.

*Не спи, не спи, художник,
не предавай сосну!*

Гоголь.

Дрянь и тряпка стал сейчас всяк человек.

Лев Толстой.

Настоящая жизнь совершается там, где она незаметна. Никто не видит, как растет трава.

Я.

Русские писатели понимали, что невидимая жизнь важнее видимой. Но они еще не знали, что непрожитая жизнь важнее прожитой. Этот опыт – единственный, неповторимый – принадлежит моему поколению. У нас отняли видимую жизнь, и мы жили жизнью невидимой. И теперь я хочу, чтобы все увидели и услышали то, что было скрыто от глаз, – нашу настоящую жизнь. Это еще вопрос, какая из двух жизней должна считаться потусторонней.

Христос.

Мир прост, как это движение руки. *(поет):*

*В движенье счастье мое,
В движенье...*

Шуберт.

Все дальше музыка бежит, все дальше.

Все дальше, все дальше,

Все дальше, все дальше.

Я.

Во сне я горько плакал,

Я волю дал слезам...

Шуберт.

Ну, как вам понравилось у меня в гостях, в селенье Хейлиге Крест?

Я.

Мне очень у вас понравилось. И лес, и ручей с форелью, и мельница, и осел, который кричал ночью имя Бога.

Осел.

И-а! И-а-егова! И-а!

Шуберт.

А как вам гравюра в гостиной, где я сижу под кустом в очках, с нотами и что-то сочиняю, а юные дамы за мной игриво подглядывают, придерживая кринолиновые подола.

Я.

Со смыслом гравюрка. Дамы-то вас как раз и не волновали, а дам очень волнует, когда их кто-нибудь не волнует.

Игорь Яркевич.

Вот я и говорю, вся эта история с Онегиным – Ленским – Татьяной темна и непонятна. Но стоит предположить, что Онегин и Ленский были, как Шуберт, и все становится на свои места. Онегин дамами не интересовался. Его волновали у Ленского «кудри черные до плеч». А Татьяна, естественно, взревновала к Ленскому и заинтересовалась Онегиным. В результате дуэль, где Онегин подстрелил свою – или своего? – пассию.

Я.

Ничего подобного. Татьяна любила медведя. «Татьяна – ах, а он реветь». Онегин взревновал ее к медведю, а тут подвернулся Ленский под горячее дуло. И все произошло, как написано.

Лера Нарбикова.

Ничего подобного. Просто Евгений Цемент полюбил Татьяну Стрежень, контра Ленский пробрался на фабрику и выкрал у Павки Онегина секрет Цементы. Но Ольга Знамя разоблачила контру, и по приговору революционной тройки в составе Тани Цемент, Павки Онегина и Ольги Знамя контру Ленского утопили в проруби воз-

ле мельницы. А белогвардеец Пушкин все это приукрасил в своих стихах.

Шуберт.

*Блестящие форели,
Ля-ля, ля-ля-ля-ля...
Она с крючка сорвалась,
Я волю дал слезам.*

Фрейд.

Что вы все про Шуберта, а не про меня. Вы же были в Вене, сидели за моим столиком в кафе под моим портретом, рядом с каким-то кардиналом.

Я.

Да я как-то к вам охладел в последние годы. Сублимация, сублимация... А где любовь? Комплексы, комплексы... А где человек?

Норберт Винер.

Человек без комплексов – это корова. Я лечился у психоаналитика, пока не понял, что меня хотят превратить в корову.

Фрейд.

А почему вы не посетили музей холокоста?

Я.

Я хотел посетить, но заблудился, а потом мне хотелось посетить Векскую оперу.

Моцарт.

Вы же ее посетили.

Я.

Посетил. Ничего особенного. А на «Волшебную флейту» не попал. Слишком дорогие билеты продавали распространители в париках.

Моцарт.

Вы и в Ля Скала не зашли в Милане. Постояли, постояли и не зашли. (*Уходит, напевая*) «Я самый храбрый птицелов...»

Я.

В монастыре Хайлиге Крест шла межрелигиозная конференция. Я выступил и сказал:

– Здесь третий день доказывают, что Бог есть. Надо бы пригласить хоть кого-то, кто сказал бы, что Бога нет.

Кардинал Вены.

Вот вы и скажите.

Я.

Сказать-то я могу, но Он есть.

(Бурные, продолжительные аплодисменты).

А потом была экуменическая молитва во время мессы в древнем соборе.

Кардинал Вены.

А теперь наш гость из Москвы произнесет свою молитву о мире.

Я.

Небо – это высота взгляда

Взгляд – это глубина неба

Хор.

Доминус мизерере, мизерере доминус.

Я.

Боль – это прикосновение Бога

Бог – это прикосновение боли

Хор.

Кирие элейсон, кирие элейсон.

Я.

Время – это проститутка пространства

Проститутка – это невеста времени

Хор.

Доминус вобискум, доминус вобискум

Я.

Кошки – это коты пространства

Пространство – это время котов

Хор.

Аве, Мария, доминус вобискум, амен. Бенедиктус фрукутус Йезус.

Я.

Любовь – это скорость света,

обратно пропорциональная расстоянию между нами

Расстояние между нами,

обратно пропорциональное скорости света,

это – любовь!

Хор.

AMEN.

Иван Иванович Алипов.

Сосед плох тем, что он сосед. Родитель плох тем, что он родитель.

Жена плоха тем, что она жена. Теща, само собой, плоха тем, что

теща. А друг плох тем, что он друг.

Художница Марина Герцовская.

Сколько у нас всего религий?

Я.

Не знаю, ну, во-первых, православные.

Алипов.

Православный плох тем, что он православный.

Я.

Ну, католики.

Алипов.

Католик плох тем, что он католик.

Я.

Баптисты.

Алипов.

Баптист плох тем, что он баптист.

Я.

Мусульмане.

Алипов.

Мусульманин плох тем, что он мусульманин.

Я.

Буддисты.

Алипов.

Буддист плох тем, что он буддист.

Я.

Иудаисты.

Алипов.

Иудаист плох тем, что он еврей.

Герцовская.

Зачем столько?

Я.

Это еще не все. Старообрядцы трех толков...

Герцовская.

Каких еще толков?

Я.

Ну, поповцы, беспоповцы, дырники, единоверцы. Я, например, крещен в единоверческой церкви Криницкого толка в Клинцах.

Герцовская.

Ты-то как туда попал? У тебя же папа еврей.

Я.

Евреи тоже двух толков. Есть иудаисты просто, а есть хасиды.

Герцовская.

А ты знаешь, что мой дедушка из любавических хасидов? Его фамилия Шнеерсон. Только я никак не пойму, зачем все это.

Я.

Что зачем?

Герцовская.

Религия зачем? Безобразие! Бог один, а религий, как собак нерезанных, и еще языки зачем-то. Безобразие!

Я.

С языками и вправду неувязочка вышла. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда.

Герцовская.

А чего хотели-то?

Я.

Да башню до неба строили. Она, как водится, рухнула, и у всех память отшибло. Теперь каждый лопочет по-своему.

Герцовская.

Вот и я говорю – безобразие. Был бы один язык, и границ никаких не надо. Одна морока. А национальность кто выдумал? Это же черт те что. Еврей не еврей, русский не русский. Козлы они все, вот что.

Я.

Это уж точно, козлы.

Гейне.

*Я не знаю, кто тут прав.
Кто кому чего вменяет,
Но раввин и капуцин
Одинаково воняют.*

Герцовская.

Я вчера в патриархии была.

Я.

Ты ж хасидка, Герцовская.

Герцовская.

Сам ты хасид, я им альбом делаю. На улице грязница, на сапогах ре-агент намерз. Вошла, а там ковер белый и вся мебель белая. Я, говорю, может, обувь сниму?

Келейница.

Проходите, проходите, вы гость почетный.

Герцовская.

Так ведь грязь натечет. Ковер запачкаю.

Келейница.

Бог не попустит.

Герцовская.

Я вошла, села. Бог, конечно же, попустил. Сразу натекла на белый ковер черная лужа.

Я.

А патриарх что?

Герцовская.

Обходительный такой, приветливый. Яйцо подарил. А почему у него на башке женский платок с какими-то крылышками?

Я.

Ну и дикая ты. Это куколь с херувимом на лбу.

Герцовская.

Хер... на лбу? Вечно у нас хер на лбу.

Я.

С тобой, Герцовская, один грех.

Герцовская.

Грех, это я люблю. Только где он, грех? Сплошная работа.

Я.

В общем, ты, Герцовская, для религии конченный человек, тебя не охмуришь. Ты, небось, и в комсомоле не была?

Герцовская.

Еще как была, в школе.

Я.

Ты разве училась в школе?

Герцовская.

Ты представляешь, мой папа-еврей, убежал в войну на флот, юнгой стал. Отвоевал всю войну. А меня зачем-то отдал на фигурное катание, а потом выдал замуж за троюродного брата, только он на самом деле не брат. Раскопал такого же чокнутого еврея, военного.

Я.

Смертельный номер – человек еврей военный. Нет, Герцовская, с тобой Вавилонскую башню не построишь. Конченный ты человек и для всех религий, и для социализма.

Алипов.

Никогда не забывай, в какой стране ты живешь. Меня остановил на улице мент...

Мент.

Почему у вас в руках такая большая книга?

Я.

Милиционер плох тем, что он милиционер.

Алипов.

Пошел к врачу – зуб выдрать, а он меня на флюорографию. А там очередь часа на три. Я говорю, зачем мне флюорография? У меня же не легкие, а зуб. А он – много вас тут таких с зубами.

Я.

Врач плох тем, что он врач.

Алипов.

А зуб плох тем, что он зуб.

Я.

А мир плох тем, что он мир.

Алипов.

Главное – не забывать, в какой стране мы живем.

Гоголь.

Повсюду, куда ни кинешь взгляд, взор упирается либо в забор, либо в бревно.

Герцовская.

Безобразие! Почему твой Бог не смотрит за климатом? Разве можно жить в таком климате, под таким серым небом?

Алипов.

Погода плоха тем, что она погода. Никогда не забывайте, в какой стране вы живете.

Вознесенский.

Россия воскресе! Россия воскресе!

Алипов.

Что это с ним?

Я.

Да так, бывает.

Контрразведчик-литературовед.

Представляете, в Берлине, даже в социалистическом секторе мостовые шампунем моют.

Алипов.

Немец хорош тем, что он немец. А Берлин хорош тем, что он Берлин.

Я.

А как вы, Иван Иванович, относитесь к евреям?

Алипов.

Еврей плох тем, что он еврей. Русский плох тем, что он русский. Главное – не забывать, в какой стране ты живешь.

Герцовская.

Я что-то никак не пойму, ведь Христос – еврей?

Я.

13-го января православная церковь празднует Обрезание Господне.

Герцовская.

Ха-ха-ха! А как же антисемитизм?

Я.

Газету «Завтра» читай, там написано, что Христос русский.

Христос.

Вообще-то, по законам Израиля я еврей, поскольку мама – стопроцентная еврейка. А вот с папой сложнее. Так что по русским законам я вроде бы как полтинник.

Герцовская.

Ну да, у вас, как у Жириновского, папа юрист.

Бог.

Ну да, в каком-то смысле я юрист, поскольку дал евреям закон.

Герцовская.

Законы у вас какие-то странные. Не пожелай жены ближнего...

Бог.

Ни осла его, ни вола его.

Герцовская.

Для вас что женщина, что осел.

Бог.

Я же не в прямом смысле, а в фигуральном.

Рабинович.

Умирает грешник и попадает вначале в чистилище...

Грешник.

Это ад?

Апостол.

Нет, это чистилище.

Грешник.

Как чистилище? Я же грешник.

Апостол.

Мы все же решили дать вам право выбора. Хотите в рай, хотите в ад.

Грешник.

А можно посмотреть?

Апостол.

Посмотреть – нет, а послушать – пожалуйста.

Рабинович.

Послушал грешник: из рая струнная музыка, в основном арфы.

Грешник.

Скучновато, но все же лучше, чем ад.

Апостол.

А вы послушай ад.

Ад.

*Рок-энд-рол, нужный ритм.
Тот дурак, кто говорит,
Что рок-энд-рол – сплошной бардак и рак,
Пусть молчит такой дурак.
Рок, рок, рок!*

Грешник.

Какой же это ад? Мы в студенческие годы так пели.

Апостол.

А можно послушать?

Грешник.

*Побарал я всю планету,
Не барал я только эту,
Рок, рок, рок!*

Апостол.

Какая безвкусица. А еще?

Грешник.

*Как у нас в квартире дед
Сам строчит себе минет!*

Апостол.

Хватит, хватит! Так мы далеко зайдем.

Грешник.

*Как у нас, как у нас
Раскололся унитаз.
Все соседи в страшной ссоре
Собрались в коридоре,
Таз, таз, таз!*

Бог.

Какое очаровательное ретро. 58-й год... Этого, кстати, нет в моей коллекции.

Николай Чудотворец.

Это что, у них там еще и про меня есть.

Вовка.

*От зари до зари,
Как зажгут фонари,*

*Все студенты по городу шатаются.
Они горькую пьют,
На начальство плюют
И еще кое-чем занимаются*

Все хором.

*Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два,
Через тумбу-тумбу три
Спотыкаются.*

Вовка.

*А святой Николай,
Увидав их с небес,
С колокольни к студентам спускается.
С ними горькую пьет,
На начальство плюет
И еще кое-чем занимается.*

Все хором.

*Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два,
Через тумбу-тумбу три
Спотыкается.*

Вовка.

*А святой Гавриил
Прямо в рай доложил,
Дескать, там старик Никола разлагается.
Он и горькую пьет,
На начальство плюет
И еще кое-чем занимается.*

Все хором.

*Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два,
Через тумбу-тумбу три
Спотыкается.*

Вовка.

*Как услышал Творец,
Свой покинул дворец,
Прямо с неба он на землю спускается.
С нами горькую пьет,
На начальство плюет
И еще кое-чем занимается.*

Все хором.

*Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два,
Через тумбу-тумбу три
Спотыкается.*

Герцовская.

Так что же выбрал грешник – ад или рай?

Я.

В том-то и дело, что ничего не выбрал, остался в чистилище.

Гамлет.

А я что говорил? Быть или не быть? Накось выкуси! Или!!!

Алипов.

«Быть» плохо тем, что быть. «Не быть» плохо тем, что не быть.
«Или» плохо тем, что или. Я, пожалуй, как тот грешник, вообще ничего выбирать не буду.

Герцовская.

Я что-то не пойму. Бог-отец – это Бог. Христос – его сын, но в то же время как бы не от него. Стало быть, он сын Бога по материнской линии?

Я.

С тобой, Герцовская. один грех, ничего ты в богословии не понимаешь. В том-то и дело, что Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой – это одно лицо.

Контрразведчик-литературовед.

Я знаю одно: рождение без зачатия не бывает.

Герцовская.

Слава богу, бывает зачатие без рождения, хотя тоже врагу не пожелаешь.

Рабинович.

Старый еврей молится Богу...

Старый еврей.

Господи! Мой сын ушел из родного дома. Отрекся от веры отцов. Водится с проститутками и всяким сбродом. Что мне делать?

Бог.

Ну, что я тебе могу сказать? У меня аналогичный случай.

Иисус.

Кто бы мог подумать, что на первый план выйдет тема зачатия. Я об этом не только не говорил, но даже и не задумывался.

Герцовская.

Вы даже многоженство не отменили.

Иисус.

Не отменять я пришел, не отменять.

Я.

Да, у вас так и сказано: «Не нарушить я пришел, а исполнить».

Василий Аксенов.

Я давно спросить хотел, почему сказано «не один волос не упадет без воли Божьей», если сыплются головы?

Иисус.

У нас что, вечер вопросов и ответов? Я знаю только то, что я знаю.

Сократ.

А я знаю то, что ничего не знаю.

Будда.

А я не знаю и знать не хочу.

Роджер Бэкон.

Знание – сила.

Рабинович.

Я знаю, что не все познаваемо, но если я хочу хоть что-то узнать, я должен думать, что познаваемо абсолютно все.

Лена Данцер.

Я должна сознаться, что когда ты влюбился в девушку из Москвы и три года с ней переписывался, я читала все ваши письма.

Я.

Каким образом?

Данцер.

Наша соседка работала на почте, и она приносила мне ваши письма.

Я.

Но там же сплошная чушь. Миленочек – опеночек. Я потом всю эту переписку с облегчением выбросил на помойку.

Данцер.

Я сразу поняла, что чушь. Прочла два-три письма, а больше и читать не стала. Я думала, ты одумаешься, а ты через два года сразу после школы на ней женился. Я знаю, она поставила условие: или – или. И ты попался.

Я.

Да из этого ничего хорошего, кроме развода и алиментов не получилось.

Павлик.

А я?!

Я.

Да, конечно, одни дети рождаются от брака, другие от любви. Но никогда, слышите, никогда дети не рождаются от любви и брака.

Алипов.

Брак плох тем, что он брак.

Я.

А сын хорош тем, что он сын. И баста. А то, как говорили ректор и апостол Павел...

Ректор и апостол.

Так мы далеко зайдем.

Хрущев.

У нас нет и не может быть противоречий отцов и детей.

Я.

И детей и отцов у нас тоже нет. У нас нет ничего, что есть.

Алипов.

Я всегда подозревал, что меня нет.

Любимов.

И Шекспира нет, я же говорил. Вот и Набоков пишет, и Гилилов.

Шекспир.

Что за гиль?

Будда.

А мне это нравится. Ничего нет. Нет даже этого «нет».

Набоков.

Это называется игра в нетки.

Герцовская.

А есть игра в датки?

Гамлет.

Есть. Я же принц датский.

Офелия.

Скорей – недатский.

Герцовская.

А ну вас всех. Уезжаю я от вас.

Все.

Куда?

Герцовская.

В Германию, на родину Дахау.

Марина Розанова.

Моя подруга ездила в Германию. Их возили на экскурсию в Дахау.

Я ее спросила потом: ну и как?

Подруга.

Я ожидала бóльшего.

Гитлер.

Дахау не было.

Сталин.

И ГУЛАГа не было.

Я.

Знаю, знаю, и холокоста не было.

Тетка.

И магазины ломились от товаров!

Дядька.

И водки за 4.20 – залейся!

Тетка.

И колбасы за 2.20 – уешься!

Я.

И дерьма бесплатно – усрешься.

Герцовская.

И кровищи – упейся.

Я.

А очереди были?

Сталин, Гитлер, тетки, дядьки (хором).

Не было!

Хозяин.

Чтоб вас не було!

Я.

Ну, хорошо. И сухого закона не было. И водки по талонам не было. И в очереди никто из нас не стоял с номером на щеке или на ладони, начерченным химическим карандашом. Сказано ведь в Апокалипсисе: «И никто не сможет ничего купить, если на нем не будет печать с числом зверя». Только не 666 имя зверя, а 270 миллионов советских граждан, простоявших полжизни в очередях за хлебом, за сахаром, за мукой, за крупой, за молоком, за керосином, за мебелью, за обувью, за родину, за Сталина, вперед!

Колобок.

Хлеб – всему голова.

Есенин.

Голова моя машет ушами, как крыльями птица...

Пушкин.

Была то песья голова!

Гоголь.

Это же голова!

Поговорка.

Рыба тухнет с головы.

Пушкин.

Молчи, пустая голова!

Я.

Самые простые вопросы почему-то не приходили в головы. Ну, например, кто оплатил большевикам гражданскую войну?

Ленин.

Ха-ха-ха! Кто оплатил? А экспроприация экспроприаторов? Вы что думаете, красный террор нужен был сам по себе? Да ничего подобного. Надо было отобрать все у всех, у кого было что отбирать. И мы отобрали. На гражданскую войну хватило. А когда деньги кончились, объявили НЭП. НЭП – это всерьез! НЭП – это надолго! И на всякий случай расстреляли Гумилева, чтобы не думали.

Сталин.

А когда денежки у вас накопились, начали коллективизацию. И так всегда, что бы вы ни делали, как бы ни изворачивались. Деньги ваши будут наши. Политика – это искусство отъема денег у населения. А любовь – это веселая медицина. А медицина... это даже я не знаю, что такое. Эх, врачи-палачи.

Надежда Владимировна.

Никогда не поверю, что врач может быть убийцей. Это такая гуманная профессия. Я подарила нашему участковому врачу стеклянный чайник, и он выписал мне больничный на целый месяц. Тебе обязательно надо пройти полное обследование. Я дам тебе еще один стеклянный чайник, врачу подаришь, это такая редкость.

Я.

Мама твердо верила в медицину и в ношпу. Кроме того, были и другие чудодейственные средства, которыми лечилось все ее поколение. После войны стрептоцид. Потом аспирин. Потом пенициллин. Потом бициллин. Потом кокарбоксилаза, прополис, мумиё и, наконец, она – лучезарная ношпа, дешевая панацея от всех болезней.

Житие иже во святых равноапостольной целительницы Блаженной Ношпы

Блаженная Ношпа родилась в семье благочестивых родителей – Святого Аспирина, Святой Кокарбоксилазы и матери их равноапостольной Медицины.

В детстве Ношпа прислуживала в алтаре и молилась за человеческий род. В то время правили благоверный император равноапостольный Прополис и мать его равноапостольная Мумиё. Однако нечестивый царь Сервелат заточил Мумиё с Прополисом в темницу и незаконно воцарился на троне.

Тогда блаженная Ношпа пришла во дворец и обличила царя-мучителя Сервелата. И тотчас у Сервелата начались нестерпимые боли. Ночью ему во сне явилась свящennemученица Карболка: «Открой темницу, выпей Ношпу и спасешься».

Утром Сервелат приказал открыть темницу и выпил Ношпу. Боль утихла, и Сервелат уверовал в Медицину.

Акафист

Радуйся, Ношпа удобоваримая!
Радуйся, полностью усвояемая!
Радуйся, во все проникающая!
Радуйся, от боли нас избавляющая!
Радуйся, хворь изгоняющая!
Радуйся, боли сокрушение!
Радуйся, страдания избавления!
Радуйся, Ношпа Блаженная, скоропомощница и преславная панацея!

Канон

Величаем, величаем тя, пренепорочная Ношпа. Нас ради во чрево злочестивого Сервелата сошедшая. Иже избавитеся нас от работы вражия. И всесвятую память твою поем, запивая (3 раза в день по 2 таблетки после еды).

Александр Блок.

Злоба, святая злоба кипит в груди!

Житие иже во святых матери нашей Злобы и матери ее Стервы

Иже во святых мать наша Злоба издревле посетила русскую землю. Прииде же бо к селу Смердящу и рече: «Зде бо воцарится царство Злобы Велия на все времена во все дни живота, покуда все не издохнут».

Акафист

Радуйся, Злоба святая неизбывная!!
Радуйся, материю Стервой в чреве носима!
Радуйся, желчи горькой внутрь излияние!
Радуйся, всех и вся ежедневно терзание!
Радуйся, Злоба Святая пренепорочная!
Радуйся, ярости источнице!
Радуйся, Злоба всех нас одолевающая, на всяку гнусь побуждающая
и всех подавляющая!

Житие иже во святых отца нашего Гербалайфа и матери его Виагры

Святой Гербалайф родился в благочестивой семье. Однажды во сне отроку явилась Святая Система для похудания 8 с половиной.

– Иди в страну полуночную и ничего не вкушай, покуда не околеешь!

С тех пор отрок ничего не ел, покуда не околел. А когда околел, Св. Система для похудания 8 с половиной перенесла его мощи в страну полуночную и упокоила в серебряной раке в храме Спаса на Обедках.

С тех пор Св. Гербалайф многих прибегающих к нему голодом уморил и на иглу посадил. Сбылось реченное отроком: «Егда кто будет мя есть, тому не есть; а кто не будет мя есть, тому нечего будет есть». Аминь.

Акафист иже во святых отцу нашему Гербалайфу и матери его блаженной Виагре

Радуйся, во утробы тучны вселишися!
Радуйся, иже во сне Система для похудания 8 с половиной явился!
Радуйся, святой блаженной Виагры славное отроча!
Радуйся, иже с нами и не с нами в конце отоца!

Радуйся, чрева тучного истончение!
 Радуйся, во утробе звучание!
 Радуйся, от пищи нас избавляющий!
 Радуйся, всякие кошельки истончающий!
 Радуйся, Святой Гербалайфе, всех нас в живые мощи преобразующий!

Канон

Величаем, величаем тя, Святый отче Гербалайфе! Иже нас ради и во утробы тучны всели. И по всей земле вселенскую худобу простирающее.

Православный поэт

После освобождения Киева от немецкой оккупации комендант города пошел в пещеры посмотреть на мощи старца со сложенными в благословение троеперстием. Комендант выхватил кинжал и отсек благословляющую кисть. Так оттуда свежая кровь фонтаном. Там до сих пор следы крови. Тот руку с благословением приложил, и она вмиг приросла обратно. Так он бегом из пещеры и тотчас приказал открыть в Киеве все уцелевшие храмы.

Глеб Якунин.

Слыхали, в Дивееве юродивый в храм ворвался, схватил ковчег с мощами да как шваркнет об пол, так что кости по всему храму разлетелись. Видно, ушла от них благодать. Не хочет Святой Серафим иметь ничего общего с патриархией.

Поэт.

Я шел с Параджановым по Оружейному переулку. У него через руку был перекинут свернутый рулоном ковер. Тут Смоктуновский навстречу. Параджанов метнул ковер прямо на тротуар. Развернул под ноги Смоктуновскому и на колени: «Ты гений! Я перед тобой на коленях!»

Я.

Только гений может встать на колени перед гением.

Витухновская.

Я, пожалуй, согласна пока отказаться от уничтожения реальности. Для начала надо уничтожить действительность.

Я.

Это верно, действительность далеко не всегда реальна.

Флоренский.

Я и говорю: зло не обладает статусом реальности.

Поэт.

Вы не верите, а я сам видел, как в оранжеее от музыки Моцарта все расцветает, а от Майкла Джексона цветы вянут.

Я.

Смотря в каком исполнении. Бывает, что и от Моцарта мухидохнут.

Поэт.

В 1971 году я своими глазами видел, как три преступника, вынесшие в рюкзаке мощи из Лавры, лежали на земле, окаменев. А врачи скорой помощи пытались разжать их руки. Это удалось часа через два, не раньше.

Ростропович.

Ети их, они мне говорят...

Они.

Не согласитесь ли вести мастер-класс?

Ростропович.

Пожалуйста. Но ходить в консерваторию мне хлопотно.

Они.

Можете заниматься дома.

Ростропович.

Это другое дело.

Они.

Тогда напишите заявление.

Ростропович.

Какое заявление?

Они.

Прошу зачислить меня на должность профессора.

Ростропович.

Это я прошу? Это вы просите!

Учительница биологии (*в 7А классе города Кудымкара*).

Расскажи устройство сердца рака.

Я.

Раки живут на дне, где мало кислорода. Для того, чтобы компенсировать недостаток кислорода, сердце у рака на четырехкамерное, а шестикамерное.

Учительница.

Садись. Три.

Я.

Почему? Разве я неправильно рассказал?

Учительница.

«Для того» бог создал рака... Это идеализм. Надо говорить не для того, а потому у рака шесть камер.

Поэт.

Мы получили с Афона ковчег с частицами мощей святых и стали пинцетом распределять их на три части. Часть нам в храм, часть в Оптину, часть в Лавру. Когда взяли волосок святого Паисия, бесов изгоняющего, форточка с улицы распахнулась, и в комнату влетели бабочки, летучие мыши и еще туча живности. Все живое. Мы их еле прогнали обратно.

Вовка.

Прокрался мужик в женский монастырь. Оделся в женскую одежду, а внизу привязал мочалку. Пошли монахини в баню мыться, а у него как вскочит и прорвал мочалку. Игуменя спрашивает: «Это что?» А мужик: «Господи Владыко, не выдержало лыко».

Лавут.

Маяковский очень переживал, что утратил голос. Это был его главный заработок.

Маяковский.

Я работаю горлом.

Лавут.

Кроме того, он боялся, что голос пропал от сифилиса. Тогда все боялись сифилиса.

Вознесенский.

*Голос теряю, теряю голос...
В праве на голос отказано мне.
Бьют по колесам,
Чтоб хоть один в голосистой стране
Был безголосым.*

Я.

Выходит, в 67-летнего Вознесенского вселился 37-летний Маяковский. В горло вселился. И в молодости Вознесенского – это был Маяковский в горле.

Вознесенский.

*Я – Гойя!..
Я – горло
Повешенной бабы, чье тело, как колокол,
было над площадью голой...
Я – Гойя!..*

Аля Радостева.

Я видела тебя по телевизору и узнала, хотя ты с бородой. Теперь ты не Костя, которого любили полгорода и вся школа, а Константин Кедров. Но я все равно люблю тебя, как тогда.

Я.

Тогда Аля Радостева была 10-ом классе, а я в 7-ом.

Лора Медведкова.

А я ничего говорить не буду. Мы с тобой и в 5-ом классе ни о чем не разговаривали, а только целовались. Целых три раза.

Наташа Чекалина.

И я говорит не буду. Мы ведь только держались руками под партой и обменивались записочками

Я.

Наташа Чекалина, дочка нашей завучихи, поставила мне условие...

Наташа Чекалина.

Запишешься со мной в танцевальный кружок, буду с тобой дружить.

Я.

Я записался, а на выступлении опозорился. Все плясали. А я в красных шароварах стоял, красный, как рак, и не мог от смущения шевельнуть ни рукой, ни ногой. Я хотел Наташу, и танцевать с ней публично было для меня так же невозможно, как заниматься при всех любовью.

Галя Шакирова.

И я говорить не буду. Ведь от смущения мы с тобой тоже не могли разговаривать. Только когда мы остались одни в пустом классе, промолчал еще целую вечность, ты подошел ко мне.

Я.

Подошел и продолжал молчать. И тут мы оба заметили, что дрожим мелкой дрожью. Тогда я срывающимся голосом сказал: «Пойдем в кино».

Галя Шакирова.

И я таким же срывающимся голосом сказала: «После уроков».

Я.

С Галей я впервые научился целоваться взасос часами, и однажды ее ладони вдруг стали сами блуждать вверх и вниз по моей спине, у меня лопнули и отлетели все пуговицу вниз. Все до единой.

Галя Шакирова.

Почувяв неладное, родители перевели меня в другую школу.

Я.

С тех пор мне казалось, что по улицам Казани Гали Шакировы с большими голубыми глазами в больших очках бродят стаями. Я встречал Галю всюду и никогда не было уверенности, что это она. Они смотрели на меня голубыми очами сквозь громадные очки и проходили мимо. Они или Она? Это так и останется неизвестным.

Валя без фамилии (поет).

*Любовь на все дает порою свой ответ
Улыбкой или нежным взглядом.
Не обижай меня, скажи мне лучше нет.
Молчать не надо.*

Я.

Я откликнулся на песню, подошел и что-то сказал.

Валя.

Когда нас везли на машине в кузове на сельхозработы, я увидела Котика в окне вагона. Мы узнали друг друга, но по непонятной причине не сделали вид, что не узнаем.

Я.

*В любви ведь надо
Правдивым быть и смелым.
Поверь, что сердцу
хуже правды неизвестность.
Любовь на все дает порою свой ответ,
Так разреши мои сомненья.
Не обижай меня, скажи мне лучше нет,
Я жду решения.*

Валя.

Разбрызгивая грязь, машина долго гналась за поездом и много раз догоняла вагон, в котором сидел Котик и, как загипнотизированный, смотрел на меня, то ли узнавал, то ли не узнавал. На мне была дурацкая грязная фуфайка, и я не знала, чего я больше хотела: чтобы он узнал меня или чтобы не узнал.

Я.

На каком-то повороте машина начинала удаляться под откос, в сторону от вагона. Потом вдруг выныривала и приближалась снова, как в геометрии Лобачевского, где параллельные линии время от времени пересекаются.

Лобачевский.

На чугунной плите над моей могилой написано: «Член Общества Геттингентских Северных антиквариеров, почетный ректор, почетный

попечитель Казанского Императорского университета и многих орденов кавалер...» И ни слова о «Воображаемой геометрии».

Я.

Вам ее в лучшем случае прощали.

Лобачевский.

Далеко не всегда.

Остроградский.

Некоторые воображаемые профессора создают воображаемую геометрию, но при этом получают отнюдь не воображаемое жалование.

Пушкин.

Воображение в геометрии нужно не менее, чем в поэзии.

Я.

Это единственное, что извлек Пушкин из разговора с Лобачевским в Казани. Поэта больше интересовали байки о Пугачеве.

Хлебников.

Мы полетим в космос, не сходя со стульев земного шара. А вы – нехотяи!

Нехотяи.

Не хотим! Нам и так хорошо!

Я.

Хорошо, что хоть вам хорошо.

Маяковский.

Хорошо! Работаю над поэмой «Плохо».

Айболит Олег Ефремов.

Это очень хорошо,

Что пока нам плохо!

Вознесенский.

Я звоню тебе из Индии. Из-под платана, под которым сидел Будда. Здесь хранится его зуб. Пиши: «Настанет лада кредова – constanta Кедрова».

Алексей Евгеньевич.

Им хорошо – Паустовскому, Эренбургу, Евтушенко, Вознесенскому. Их поругает Хрущев, а потом он же и приласкает. А тебя здесь посадят или не дадут ходу.

Пастернак.

Любить иных – тяжелый крест,

А ты прекрасна без извилин.

Я.

Неужели ни одной извилины ни в голове, ни в других местах?

Соседский мальчик (*врывает лошадку на колесиках из рук Котика*).

Это моя осядка!

Котик.

Это моя осядка!

Александра Павловна.

Пусть он поиграет, а потом тебе отдаст.

Котик.

Это моя осядка!

Николай Александрович Полубинский.

Я им так и сказал: «Преподавать литературу в партийной школе буду, а в церковь не перестану ходить».

Анна (*сестра Николая Александровича*).

А почему иконы в буфете прячешь?

Николай Александрович.

Чтоб не дразнить гусей.

Анна.

Грех-то какой – иконостас в шкафу! Прости, Господи, наши грешные души. Я вот не скрываю, что верю в Бога, хоть в тюрьму меня сажают, хоть на каторгу отправляют.

Мария Федоровна.

К моим вещественным доказательствам были приложены нателный крест и Евангелие. Я им так и сказала: «Ненавижу советскую власть за то, что она преследует Бога», – и швырнула в следователя чернильницей. Приговор – 10 лет лагерей.

Анна.

Расстрелять императора без суда и следствия – уже преступление. А дети, дети чем виноваты? Цесаревич – ребенок!

Николай Александрович.

А 9-е января, а кровавое воскресенье?

Анна.

Я видела, как встречали царя в Костроме к 300-летию дома Романовых. Вон альбом лежит.

Николай Александрович.

Еще бы, согнали, как сейчас на демонстрацию.

Анна.

Нет, я видела, как встречали. Тут было что-то другое. Как они могла уже через 6 лет убить того, кого так обожали? Нет, тут что-то не то.

Николай Александрович.

А 9-е января?

Анна.

А что 9-е января? Там каких только провокаторов не было. Ведь из толпы по дворцу стреляли... да и причем тут цесаревич – ребенок?! Хоть убивайте меня, хоть сажайте, а я скажу...

Николай Александрович.

Тише, тише, сестра.

Анна.

Что тише?!

Николай Александрович.

Иди ко мне, Барсик, иди ко мне, чудовище. Я тебе остаток хвоста отрежу.

Анна.

Перестань мучить животное! Ты это нарочно делаешь, чтобы мне досадить.

Николай Александрович.

Иди ко мне, Барсик, я тебе вилкой остаток хвоста проткну.

Анна.

Перестань сейчас же! Сейчас же перестань! Иди ко мне, Барсик, не слушай их. Цареубийцы и детоубийцы!

Николай Александрович.

Это я детоубийца?

Анна.

И ты тоже со своими партийцами. Чему ты их там в партшколе учишь?

Николай Александрович.

Учу разумному, доброму, вечному.

Анна.

Разумному, доброму!.. Как царских детей убивать!

Николай Александрович.

Ну, прости меня, сестра. Я ведь так, не со зла, пошутил.

Анна.

Пошутил, а чем бедное животное виновато? Постыдился бы при Котике вытворять такое.

Николай Александрович.

Котик умный мальчик и все поймет.

Анна.

Кушай, Котик, борщ, кушай, не стесняйся. Бедный ребенок, брошенный всеми родителями.

Я.

Я не брошенный.

Анна.

Не брошенный, не брошенный. Я это Бога для делаю. Кормлю и буду кормить голодного ребенка.

Николай Александрович.

Кушай, кушай, не слушай нас, старых дураков. Потом вырастешь и всем расскажешь, какие у тебя родственники – Полубинские – в Костроме жили, как обедали на веранде, как швыряли лучший кусок в тарелку соседа, так что борщ разлетался. На-ка, сестра!

Анна.

Колька, сколько раз я тебе говорила, не перекидывай мне мясо из своей тарелки. Пусть Котик ест.

Я.

Спасибо, я уже сыт.

Анна Полубинская.

Он уже сыт! Вот что значит воспитанный мальчик.

Николай Александрович.

Дворянская кровь не водица.

Я.

Тем временем кусок, плавно пройдя по кругу и побывав во всех тарелках, снова возвращался ко мне.

Николай Александрович.

Слышен шум, слышен гам на всю улицу. Это у Полубинских обедают. Будешь потом рассказывать, что обедал в доме городничего из фильма «Ревизор». Нас ведь сейчас снимают, благо, что за забором веранду не видно. Да, таких домов с мансардой, с деревянными колоннами сейчас не строят. Поразительно, дом деревянный, а минимум двести лет стоит, притом, без ремонта. Только половицы проваливаются.

Анна.

Слава Богу, к съемкам снаружи подремонтировали. Только вот люди увидят, как люди при царях жили, и плакать будут. Где теперь сахарную голову достанешь? Я с вечера всю ночь за сахаром стояла, да так и не получила.

Николай Александрович.

В войну хуже было.

Анна.

У них все время то трудности, то война. Почему и при Николае I, и при Александре II, и при Александре III, и при мученике убиенном Николае II сахар был и хлеб был, а у этих нет и не будет!!!

Николай Александрович.

Идем, Котик, в мой кабинет. Я тебе Шиллера дореволюционного покажу. Напечатано на бумаге верже. С золотым обрезом

Анна.

Иди, Колька, поспи, а Котик Шиллера почитает, и Барсик от тебя отдохнет, И я пока помолюсь, чтобы власть этих аспидов скорее закончилась. Живый в помощи вышних в доме Бога небесного водворится. Да воскреснет Бог, и расточатся врази его, яко тает воск от лица огня, яко исчезает дым да исчезнет.

Я.

Николай Александрович, зевая и крестя рот, со скрипом ложился на диван. Анна Александровна усиленно молилась в открытый буфет. А я, замирая от счастья и наслаждения, всматривался в гравюры XVIII столетия в издании Шиллера, где то и дело обнажалась над корсетом роскошная грудь. Когда я уходил домой летним вечером 1952-го года, съемки у дома с деревянными колоннами еще продолжались. Около калитки сада стояла бричка. А в ней огромная корзина с двумя бутафорскими сахарными головами. Я сглотнул слюну и, зажмурив глаза, перешагнул с чистенькой булыжной мостовой, замощенной специально для съемок, в привычную костромскую грязь и колдобины. Где-то через год вся Кострома ломилась на фильм «Ревизор», чтобы увидеть дом Полубинских с деревянными колоннами и замощенную мостовую. И как же права была Анна Александровна Полубинская. До самого последнего года советской власти, как только появлялись купцы с приношением — две головы сахару, весь кинозал активно сглатывал обильную слюну.

Ленин.

Из всех искусств для нас важнейшим является кино.

Окуджава.

*Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
Последний, случайный.*

Гоголь.

Русь, куда же несешься ты?

Я.

Курица несется — петух бежит.

Анна.

Ты знаешь, как умер Николай Александрович? Полез поправлять стрелки часов, упал и умер. Легкая смерть. Смерть праведника.

Мария Федоровна.

Знаешь, как умер Полубинский?

Я.

Знаю. Полез поправлять стрелки и...

Мария Федоровна.

Полез, но не стрелки поправлять, а на домработницу Вальку с золотым зубом. На ней прямо и скончался. Я, конечно, хотела, чтобы он на мне женился, но совсем не для этого. Царство ему небесное.

Надежда Владимировна (поет).

*Мы с тобою не дружили,
Не встречались по весне,
Но глаза твои большие
Не дают покоя мне.
Может, ты сама не рада,
Но должна же ты понять,
С этим что-то делать надо,
Надо что-то предпринять.*

Нэла Вайсман (поет).

*На солнечной поляночке, чему-то очень рад,
Сидел кузнечик маленький, коленками назад.
В траве нашел он девушку— не девушку, а клад,
Такую же зеленую, коленками назад.
Сыграли они свадьбу, четыре дня подряд,
Все гости расползались коленками назад.
Потом пошли детишечки, 16 штук подряд,
Такие же зеленые, коленками назад,
Жена гремит посудой, а он тому и рад.
К соседке стал заглядывать коленками назад.
Потом на партсобрании ему и говорят:
Морально разлагаетесь, коленками назад.*

Наташа Подлесная (поет).

*Хочу мужа, хочу мужа, хочу мужа я,
Принца, герцога, барона, или короля.
А без мужа лютой стужей стынет грудь моя.
Хочу мужа, хочу мужа, хочу мужа я,

И пусть он будет черным как ворона,
А рожка вся измазана углем.
Но лишь бы он на голове носил корону,
Хоть в Африке считался королем.*

Радио.

*Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.*

Я.

Над страной весенний ветер веет,
И никто на Свете не умеет.

Значит надо попробовать не на Свете, а Гале или Вале.

Пушкин.

На Свете счастья нет, но есть покой и Валя.

Юродивый.

Я как ушел из института, так оделся во все черное и даже кальсоны в черное перекрасил. И теперь так хорошо. Брожу по святым местам. Недавно в Дивеево по дороге как прихватит меня. Я от куста к кусту едва добегать успевал. Помолился я Богородице: «Матерь Божия, укрепи!» – тотчас прекратился понос. Вот оно чудо!

Николай Иванович Сапогов-Калинин (*однокурсник*).

Вы не смейтесь, что я тонким голосом говорю. У нас деревне Малые Говнюшки не было ни одного мужчины. Вот я и вырос таким, и волосья длинные. И хочется мне одежду с полами носить. Вот вы обедать хотите. А у нас в Говнюшках обед – дело зазорное. Это о конченных людях говорили: «Захожу к Сапоговым, а они о-бе-да-ют!» В деревне едят один раз, вечером. Но у нас и один раз не ели. В школу я за 20 верст ходил. Школа была в Больших Говнюшках, а я жил в Малых. Потом в Больших Говнюшках открыли интернат. Знаете, каким нас там чаем поили? Настругает нянечка химический карандаш для цвета и говорит: «Пейте, это вам чай». Вообще-то я Сапогов, а не Калинин. Это я в городе фамилию поменял. А вы здесь в тепле и довольстве, можно сказать, из меду бздите. Я иду по коридору, а декан мне навстречу...

Декан.

Бакенбарды отрастил, как у Пушкина. Скоро, как у Ноздрева будут.

Сапогов.

Как же, растут волосья-то.

Председатель студкома.

Что это ты кальсоны по всей комнате развесил, словно у себя дома?

Сапогов.

А где же мне их развешивать? Я на кухне подвесил, так все кричат – вода в сковородки капает. Не могу же я на лекцию в грязных кальсонах ходить.

Председатель.

Ты же в комнате не один, вас пятеро. Что будет, если все свои кальсоны начнут сушить.

Сапогов.

Да у них ни у кого и кальсон-то нет. Они же в армии не служили. А у меня армейские. Видите, на задку номер части Г-248. Это у нас такой номер был. Да вы не бойтесь, это не военная тайна.

Председатель.

Что ты девушкам в лицо свои мокрые кальсоны суешь!

Сапогов.

Да они же чистые. Я их хозяйственным мылом раза три постирнул. Никак не отстирывались. У меня и мыло есть хозяйственное. Вам не надо?

Председатель.

Ты мне свое вонючее мыло не тычь. Устроил из общежития курятник. То у него банки с вареньем под кроватью взрываются, то кальсоны...

Студент.

Это потому у тебя варенье взрывается, что ты жмот и жалеешь сахар

Сапогов.

Да где же я жмот? Вот оно, варенье. Я его переварил заново. Угощайтесь. Оно и не кислое совсем, ну, разве что чуть-чуть кислит. Это же витамины, смородина. Мне из деревни прислали. Из Малых Говнюшек. У нас в округе три деревни и все Говнюшки. Большие Говнюшки, Малые и еще Средние. А колхоз называется «Путь к коммунизму». А правление в Больших Говнюшках. Так дорогу из Малых Говнюшек в Большие стали называть «путь к коммунизму». Да вы ешьте варенье, это оно не прокисшее, только немного пенится. У нас в Говнюшках и не такое едят.

Я.

Не знаете ли вы, Николай Иванович, средства от ороговения пяток? Пятки трескаются, так больно.

Сапогов.

Знаю. В ночь полнолуния надо в полночь на кладбище раскопать могилу со свежим покойником, открыть гроб, снять обувь у покойника с левой ноги... Только не перепутайте с левой, а не с правой. А то некоторые снимут с правой, а потом жалуются, что не помогло. Так вот, снять обувь с левой ноги и отломить большой палец. Принести его домой и провести этим пальцем по ороговевшим пяткам. Вся рогица тотчас отвалится.

Я.

Да где ж я буду свежих покойников караулить?

Сапогов.

Ну, если вам такие радикальные средства не нравятся, можно ноги просто в горячей воде размочить и потом потереть пензой. У вас есть пенза? У меня целых три пензы запасено. Так уж и быть, я вам одолжу.

Я.

Николай Иванович намеревался после филфака уйти в монахи и стать архиереем, но тут в его длинноволосой прическе стала просвечивать ранняя плешь.

Сапогов.

Вы не знаете ли средства от лысины? Я вот три яйца извел, на ночь компресс делал из трех яиц, а толку никакого.

Я.

Лучше бы яичницу из трех яиц поджарили и нас угостили. А от лысины лекарства нет. Так что не быть вам архиереем.

Сапогов.

Какой вы, право же, циничный скептик.

Я.

Николай Иваныч стал священником, но разочаровался, стал преподавать научный коммунизм и почему-то донес на меня в КГБ, что я, дескать, тоже верю в Бога и хочу уйти в семинарию. Донос пришел в Литинститут, где я учился в аспирантуре.

Ректор.

Тут на вас какая-то чушь поступила, что вы учитесь в семинарии. Я ответил, что вы учитесь в аспирантуре в Литинституте. Так что идите. Учитесь. Видите, я все на себя беру, а вы... Как вы нас подвели.

Я.

Через три года Сапогов разочаровался в преподавании научного коммунизма и приехал в Москву. Мы пошли в храм на Большой Ордынке, а когда служба окончилась, Сапогов встал передо мной на колени прямо на тротуаре.

Сапогов.

Простите, Христа ради. Видно, бес меня попутал. Да как же я мог такую благодать на такую дрянь променять? Простите, ради Христа. Не встану, пока не простите.

Я.

— Давно простил. Бес вас попутал, да Бог простит.

Тотчас зашли мы в магазин. В то время по всей Москве продавался кубинский белый ром. Сапогов купил бутылку, пришли мы домой ко мне, выдули всю бутылку до дна и до поздней ночи вопили песни.

*По Дону гуляет, по Дону гуляет,
по Дону гуляет казак молодой!*

Больше мы не виделись, но по слухам Сапогов служит священником в нижегородском храме.

Декан.

У меня в жизни три радости: студентки, преподавание и срамные частушки. Студентки отпали из-за возраста, преподавание стало недоступно из-за деканства. Остались только частушки.

*В Шереметьевском совхозе
Драют девок на навозе.
Девки крикают, пердят,
Брызги в стороны летят.*

Студентка-поэтесса.

Я вас познакомлю со своей соседкой. Она всегда такая красивая, будто только что из парикмахерской. Она вообще-то валютная проститутка, с японцами спит. Но учится в университете на отлично. Она мне и зачетку показывала – одни пятерки.

Академик Петр Алексеевич Николаев.

Кто-то сказал, что образование нужно, что нужна наука, нужна культура. А кому нужна водородная бомба? Да и от Шекспира что толку в деревне, где пенсия 100 рублей?

Я.

Вы прямо, как Лев Толстой.

Николаев.

И Толстой не нужен.

Лидия Григорьева.

*Я поляя внутри, как контрабас,
Могу гудеть чуть нервно и солидно...*

Николаев.

Это что, вот молодой поэт написал

*Я застрелился от тоски.
Я умер, а тоска осталась*

Хлестаков.

Что стихи, я их много знаю.

Михаил Пришвин.

Пора признать, что любовь свободна от деторождения, а поэзия от стихов.

Николаев.

И стихи не нужны.

Я.

Раньше я думал, что человек болеет, стареет, умирает сам по себе. А теперь понял, что ничего подобного. И болеет потому, что его травят некачественной пищей и простужают у холодных батарей. И стареет оттого, что дети ждут не дождутся его наследства, а сослуживцы метят на его место. И умирает не сам по себе – добивают ежедневно и ежечасно. Так что секрет бессмертия прост. Надо, чтобы все любили, а все не любят.

Пластинка.

*Я с тобой неловко пошутила.
Не сердись, любимый мой, молю!
Но не надо, слышишь, Мишка, милый,
Я тебя по-прежнему люблю!
Мишка, Мишка, где твоя улыбка
Полная задора и огня?
Самая нелепая ошибка, Мишка,
То, что ты уходишь от меня!
Мишка, Мишка, ты вернешься Мишка?
Позабудешь ты о шутке злой,
Снова улыбнешься, как мальчишка,
Ласковый, хороший и простой...*

Вовка.

*Мишка, Мишка,
где твоя сберкнижка?*

Александр Лазаревич.

ВКП и маленькая «б». А по-моему большая «Б».

Эйнштейн (из письма к жене Коненкова Маргарите).

Приезжай ко мне в Принстон. Мы будем читать Толстого, а потом ты поднимешь на меня свои глаза, и я увижу в них Бога.

Лера Нарбикова.

Дело в том, что Бога в человеке интересует только божественное, а человека в Боге – только человеческое.

Хрущев.

Мужики! Я решил отменить деньги. Вы должны меня поддержать. Ваш колхоз первым перейдет на бесплатное самообеспечение.

Мужик.

Да ты рехнулся, Никита!

Хрущев (*Коненкову*).

Здравствуйте!

Коненков.

Здравствуй, Хрущ.

Алексей Евгеньевич (*слушая речь Хрущева*).

Гудут хрущи над вишнями...

Хрущев.

Марксизм-ленинизм.

Брежнев.

Сосиськи сраные.

Песня.

На дубу высоком, да над тем простором

Два сокола ясные вели разговор.

И соколов этих все люди узнали:

Один сокол – Ленин, другой

сокол – Сталин.

Ой, как первый сокол

Со вторым прощался,

Он с предсмертным словом

К другу обращался:

– Сокол ты мой ясный,

Час пришел расстаться...

Надежда Владимировна.

Котик, как зовут твою воспитательницу?

Котик.

Лизавета Немыслимовна.

Я.

А как на самом деле, я и теперь не знаю. Лизавета Немыслимовна показывала нам свое горло, в котором был еще один язычок. И это почему-то нас всех потрясло не меньше, чем процесс рождения белых мышей в террариуме.

Первое время в школе я не очень ориентировался в оценках. Мне казалось, что чем больше ошибок, тем оценка выше. Одна ошибка – единица. Пять ошибок – пятерка. С гордостью принес я свою первую оценку.

Котик.

Папа, мама, ура-ура! Я получил единицу!

Радио.

Так будьте здоровы, живите богато,

А мы уезжаем до дома, до хаты.

Вовка.

*Так будьте здоровы, живите богато,
Насколько позволит вам ваша зарплата.
А если зарплата вам жить не позволит,
Ну, что ж, не живите, никто не неволит.*

Якубовская.

*По деревне ходила со стадом гусей
Босоногая Катя-пастушка,
И понравился ей укротитель зверей –
Чернобровый красавец Андрюшка.*

Радио.

Передаем постановление партии и правительства об улучшении снабжения населения полиэтиленовой тарой.

Я.

Постановление, напечатанное во всех газетах, занимало аж шесть полос. Там подробно рассказывалось, какой величины должны быть пакеты, и сколько их должно приходиться на душу населения через пять лет. Но полиэтиленовые пакеты так и не появились в достаточном количестве. Их привозили счастливики из-за границы и дарили другим счастливицам. И использованные пакеты мыли под краном, сушили на прищепках и снова пускали в оборот.

Вовка.

Я достал два презерватива. Так уж и быть, бери один. Только не выбрасывай, когда используешь. Его можно вымыть, свернуть и снова надеть.

Анекдот 60-х.

Поспорили русский и американец, чья резиновая продукция лучше. Американец взял презерватив, надел на кран, залил два ведра воды – презерватив целехонький. Русский надел новые калоши и выпрыгнул из окна с десятого этажа. Сам вдребезги, а калоши целехонькие, как новые.

Бывший партийный работник.

Никак не пойму, откуда взялись все эти товары после реформ Гайдара. Куда же их до этого прятали. Это что же, все 73 года было какое-то вредительство? Все-таки какое счастье, что я никого не убил, хотя был членом чего-то.

Старуха в метро.

Вот пришло православие, и кончилась советская власть. Советская власть вам все дала. А что вам дало православие? Обеднели все. Сорок тысяч беспризорных. Молиться надо на Маркса, Энгельса, Ле-

нина, Сталина, чтобы советская власть вернулась. Молодой человек, что вы головой качаете? Молитесь, молитесь на Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина!

Радио.

На комсомольской свадьбе в городе Туле решили полностью отказаться от спиртных напитков. А утром по старорусскому обычаю новобрачные вынесли на балкон простыню.

Философ Толя Самарин.

У меня был приятель, который очень любил безногих женщин. Говорит, что очень удобно.

Я.

Секс был единственной свободой, которую не могла отнять советская власть. Не удивительно, что мы предавались ему с упоением достойным лучшего применения. Но ничего лучшего в советской системе не было. Все уничтожалось в зародыше. Все запрещено. Вот запреты только при жизни моего поколения. Запрещались чарльстон, фокстрот, рок, джаз, музыка Шенберга...

Хрущев.

Это только говорится – додекафония. На самом деле, товарищи, это обыкновенная какофония (*бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию*).

Я.

Запрещались длинные волосы, короткие волосы, стрижка наголо; узкие брюки, брюки-клеш, тонкие галстуки, широкие галстуки, галстук-бабочка, галстук-тесемка. В школе в разное время запрещались: перышки-лягушки, авторучки, ручки шариковые, логарифмические линейки, калькуляторы. Каждый запрет сопровождался широкой кампанией по радио и в печати. Фельетоны, грозные очерки, карикатуры, плакаты, миллионы стенгазет на предприятиях и в школах. Но самый главный запрет социализма – запрет на участие во всеобщей борьбе.

Хрущев.

Некоторые заняли выжидательную позицию. Мы, мол, стоим в сторонке и смотрим, кто победит – капитализм или социализм. В деревне, товарищи, когда шли стенка на стенку, тоже находились наблюдатели, стоящие в сторонке. Им доставалось больше всех и от той, и от другой стороны.

Сергей Михалков (басня в «Правде»).

Стоишь здесь, хочешь получить «на чай»?

Так вот тебе за это, получай!

Телевизор.

Таможенникам в их нелегкой работе помогают натренированные овчарки. Эта умная собака обнаружила под вагоном тайник подрывной литературы. Так называемые туристы пытались провезти под вагоном десятки экземпляров Библии, изданной за рубежом.

Я.

Бедная собака. Она ведь не знала, что ее натаскали на Бога.

Собака.

Однажды я нечаянно съела карманную Библию в такой вкусной вишневой обложке с острым запахом спирта и свежего клея. После этого случилось чудо. Помните в Апокалипсисе: «И взял я книгу и съел ее, и в устах моих была сладка как мед; когда же съел, то горько стало во чреве моем». Я проглотила Библию. Сначала заповедь «не убей», а потом заповеди Христа: «Ударят в правую щеку – подставь левую. Люби ближнего, как самого себя». Я долго думала, что все это значит, и на всякий случай перестала кусаться. Меня тотчас сочли негодной, списали и якобы отдали в собачий питомник. На самом деле меня взял в семью начальник таможни. Зачем – непонятно. Ведь толоку от меня никакого. Я никого не кусала, ни на кого не нападала.

Начальник таможни.

На самом деле толк был. Я загнал овчарку, как полноценную, за большие деньги одному новому русскому и неплохо заработал.

Новый русский.

Ну, ты, в натуре, даешь. Когда пришли рэкетеры, овчарка облизала им руки и пыталась всех лизнуть в нос. Рэкетеры растрогались и ушли ни чем. А собаку мы теперь зовем Христия. Дети ее очень любят.

Собака Христия.

Гав-гав – не убей! Гав-гав – люби ближнего! Гав-гав – подставь левую!

Я.

Каждый раз, когда собака Христия произносила свою проповедь, окрестные собаки начинали жалобно и пронзительно выть.

Спиноза.

Бог есть субстанция с бесконечным множеством атрибутов.

Кошка Юта.

Я знаю определение Бога. Бог – это Мяу.

Сиамский кот.

Ничего подобного. Бог – это Мурр-мяу.

Собака Христа.

Бог – это Гав-гав.

Все вместе.

Мяу – гав-гав!

Мурр-мурр-мяу!

Гав-гав-гав!

Мурр-мурр!

Кино.

Шел ли дальней стороною,

Плыл ли морем я,

Всюду были вы со мною,

Верные друзья.

Надежда Владимировна.

Это правда, все так дружили, особенно в войну.

Кино.

И, бывало, в час тревоги,

В сумрачный денек

Освещал нам все дороги

Дружбы огонек.

Александр Лазаревич.

Что может быть дороже дружбы? Я до сих пор переписываюсь со всеми друзьями. Вот на Новый год 100 открыток пришло. Почта-льон ругается.

Кино.

И в разлуке, и в печали

Были мы тверды.

Сколько раз мы выручали

Друга из беды.

Ольга Сергеевна.

А кто моего Ивана и меня из концлагеря выручил? Никто! Все, как крысы, в щель забились.

Я.

В Интернете, в «Сталинских списках» есть запись: Сталинградская область, Владский Иван Афанасьевич (он же Петренко), 1-ая категория. Расстрелян 20.08.37.

Ольга Сергеевна.

Ивана расстреляли только за то, что его Тухачевский любил.

Александр Лазаревич.

Вот об этом и фильм. Жили трое друзей. Потом двоих арестовали, загнали за Можай. А один стал приспособленцем и академиком. А те двое вернулись из лагерей и решили устроить темную дружку. Выволокли его из академических апартаментов на плот, одели в лагерные опорки, посадили на лагерную пайку.

Кино.

*В каждом слове, в каждом деле
Дружбе верен ты.
С дружбой все яснее цели
Ближе все мечты.*

Александр Лазаревич.

Перевоспитался академик. Хлебнул лагерной каши, когда его арестовали в чужой одежде и стали в ментовке допрашивать. Да, Галич умеет писать сценарии. Все сказал.

Ольга Сергеевна.

Потому что сам сидел.

Кино.

*Старой дружбы, словно песни,
Забывать нельзя.
И идут по жизни вместе
Верные друзья.*

Ольга Сергеевна.

Где они, все эти верные друзья, шкуроэсы. Они живехоньки, а Владского расстреляли, потому что он самый лучший и самый благородный был среди них (*плачет*). Вот вы все живы, а его нет. Вот конверт пришел: «Реабилитирован посмертно». И все, как будто так и надо. Ни правых, ни виноватых.

Александр Лазаревич.

Я тут песню к «Слуге двух господ» написал. Надо опробовать. А ты не отвлекайся, учи уроки.

Ольга Сергеевна.

*Ночь над Севильей спустилась,
Где-то поют соловьи.
Ты мне сегодня приснилась
В сияние жаркой мечты.*

Александр Лазаревич.

*Ночь над Севильей спустилась,
Где-то поют петухи.*

*Ты мне сегодня приснилась
На кухне у жаркой плиты.*

Ольга Сергеевна.

*Проснись, молодая красотка,
Раскрой жалюзи у окон,
Выйди изящной походкой,
Выйди на балко-о-он!*

Александр Лазаревич.

*Проснись, молодая кокетка,
Свари мне янтарный бульон,
Зажарь поскорее котлетку
И принеси макарон.*

Дуэтом.

*Как жду тебя я,
Страстью сгорая.
Разгони свой сладкий сон,
Выходи же на балкон.
Как жду тебя я,
До-о-о-рогая!
Разгони свой сладкий сон,
Принеси мне макарон...*

Александр Лазаревич.

У Грибоедова в «Горе от ума» про Софью сказано: «Въебливая натура». Вот и играйте такую!

Вовка.

*Гром гремит, земля трясется,
Поп на курице несется.
Попадья идет пешком,
Чешет жопу гребешком.*

Юрий Любимов.

Чью жопу – курицы или попа? Как это ставить? Театр не терпит условностей, тут все конкретно. Тут надо разбавить классикой. Во-первых, «Куручка-ряба». Значит, нужны еще два персонажа: дед и баба. Теперь пословица: курица не птица – Украина не за-граница.

Я.

Теперь уже заграница.

Любимов.

Вот именно!

Я.

Еще «Сказка о попе и его работнике Балде». Правда, нужен Балда.

Любимов.

Ну, этого в театре не занимать.

Я.

Может, из «Соборян» Лескова возьмем, про священника Туберозова?

Любимов.

И обязательно что-нибудь из Окуджавы, Бродского, Высоцкого.

Я.

Можно в стиле Высоцкого спеть: «У попа была собака...»

Любимов.

Правильно, а потом в стиле Окуджавы: «У попа была собака...»

А в стиле Бродского пусть собака перед смертью пропоет: «На Васильевский остров я приду умирать».

Я.

Но ведь не пришел.

Любимов.

Кто? Пес?

Я.

Нет, Бродский. Умер в Нью-Йорке и похоронить завещал не на Васильевском острове, а в Венеции.

Любимов.

Правильно. И тут мы вставим Пастернака: «Венеция венецианкой бросалась с набережной вплавь...»

Я.

А собака?

Любимов.

Да, еще Есенин, «Собаке Качалова»: «Дай, Джим, на счастье лапу мне».

Я.

И Витухновскую с ее «Собакой Павлова».

Любимов.

Нет, Витухновскую не надо. Просто назовем пьесу «Собака Павлова» и позовем Олега Кулика, пусть лает и кусает зрителей.

Я.

Он ведь и вправду может слегка покусать.

Любимов.

Тогда не надо. Тогда просто посреди сцены поставим собаку Павлова, утыканную трубками, и пусть вокруг нее все действие разворачивается.

Собака Павлова.

У Павлова была собака, он ее любил...

Любимов.

Правильно, а в финале с неба транспарант с надписью: «Собаке – собачья жизнь».

Витухновская.

А человеку – собачья смерть.

Любимов.

Мрачновато получается. Но мы забыли про яйцо Фаберже, которое снесла курочка. В финале можно разыграть аукцион и продать его за большие деньги.

Каталин.

На все спектакли яиц не напасешься.

Любимов.

Закажем поролоновые бутафорскому цеху. Остальное вы допишете. Что-то я напишу, что-то актеры.

Актеры.

Мы уже написали!

Любимов.

Они уже написали! Мы с вами не написали, а у них уже все написано. Вот так Шекспир и сочинял свои пьесы.

Шекспир.

Ничего подобного.

Любимов.

А вы помалкивайте, вас вообще не было.

Шекспир.

Как это?

Любимов.

А так! Вы актер. Никогда не поверю, что актер может что-нибудь сочинить. Ненавижу актеров.

Шекспир.

Но вы ведь сами были актером и Кошевого играли.

Любимов.

Кого я только не играл.

Я.

Кошевого, говорят, тоже не было. Вернее, он ничего не возглавлял. Это версия его мамы, с которой Фадеев познакомился.

Стахович.

А меня сделали предателем только из-за фамилии. А не было никаких предателей. Всех нас зверски замучили и убили.

Любка Шевцова.

Ну, а я-то хоть была?

Любимов.

Была, была. Как же без такой халды. Конечно, была.

Любка.

Можно подумать, что ваша Целиковская лучше.

Любимов.

Целиковская? Когда я был женат на Целиковской...

Шекспир.

Это длинная история. А вот «быть или не быть» у вашего Высоцкого не получилось, хоть он и читает это три раза.

Любимов.

Да, замучился я с ним тогда. Хотел Золотухина вводить. А что было делать? Высоцкий пришел ко мне в кабинет...

Высоцкий.

Гнилой я весь. Вот, вся рука исколота.

Я.

Зато Свидригайлов с гитарой хорош.

Высоцкий и Любимов.

И правильно сделал Раскольников, что зарубил старуху-процентщицу. Жаль только, что потом раскаялся. Из школьного сочинения.

Высоцкий (поет).

У попа была собака, он ее любил.

Я не люблю, когда собаку любят,

Я не люблю, когда старуху рубят.

Пусть впереди большие перемены,

Я это никогда не полюблю.

Окуджава.

Когда мне невмочь пересилить беду,

Когда подступает отчаянье,

Я с рыжими псами на дачу бреду,

Последний, случайный.

Я.

Эти рыжие псы заполнили Переделкино после смерти Асмуса. Официантки так их и называли – Асмусы.

Официантка.

Остатки не выбрасывайте, надо Асмусов покормить

Собака Асмус-1.

Декарт был не прав, когда сказал: «*Cogito ergo sum*» – мыслю, следовательно существую. Наоборот, существую, следовательно мыслю. Мыслю, следовательно не существую.

Гегель.

Правильно. Чистое бытие – это небытие. Чистое небытие – это бытие.

Собака Асмус-2.

Жизнь – это смерть, а смерть – жизнь. На этом все строится.

Собака Асмус-1.

Не всякая жизнь – смерть, и не всякая смерть – жизнь. Вот у Пастернака смерть – жизнь, а жизнь порой хуже смерти. Пошли на его могилу.

Пастернак.

Что вы все на могилу да на могилу. Пойдемте лучше к Оленьке Ивинской.

Я.

Оленька уже умерла.

Пастернак.

Давно?

Я.

В начале перестройки, когда ваш нейгаузовский рояль из окна вашей дачи выбрасывали, разламывая на части.

Фет.

*Рояль был весь раскрыт,
и струны в нем дрожали...*

Пастернак.

Рояль Нейгауза на части?!

Я.

Да вы не волнуйтесь. Теперь его собрали, и каждый год в дни вашего рождения и вашей смерти на нем играют приезжие музыканты.

Пастернак.

Я клавишей стаю кормил с руки...

Собака Асмус-2.

Мыслю, следовательно не мыслю.

Пастернак.

Умираю, следовательно не умираю.

Собака Асмус-1.

Диалектика!

Пастернак.

Опять завели свою мутату. Я ведь так и сказал Троцкому: «Материализм устарел. Прав оказался Кант».

Троцкий.

Возможно, что в конечном итоге идеалисты окажутся правы. Но сегодня победившему пролетариату нужен материализм и марксизм.

Академик Опарин.

Таким образом, мы вплотную подступили к тайне возникновения жизни. Сотни миллионов лет в океане варился мировой бульон, пока под воздействием ударов молний или извержений вулканов в ней не образовались консерватные капли.

Лена Кацюба.

Сами вы консерватные капли!

Ольга Сергеевна.

Как гениально у Пастернака:

*В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.*

Герой-любовник пьяница Филиппов.

Пастернак никому не известен, а, стало быть, его поэзия не нужна народу. Кому нужны эти выкрутасы – «сыр – это труп молока»?

Александр Лазаревич.

А неплохо сказано – «сыр – это труп молока». Мне это как-то в голову не приходило. Хм! Получается, что молоко – это воскресший сыр.

Я.

Только через тридцать лет я узнал, что «сыр – это труп молока» – строчка расстрелянного поэта Нарбута, которого Катаев в книге «Алмазный мой венец» вывел под кличкой Колченогий.

Ольга Сергеевна.

Ура! В «Правде» стихотворение Пастернака.

Александр Лазаревич.

Не может быть! Неужели? Да!!! Пастернак.

*Везде, повсюду, в Брянске, в Канске,
В стенах, в копиях, в домах, в умах —
Какой во всем простор гигантский!
Какая ширь! Какой размах!*

Ольга Сергеевна.

Это не Пастернак!

Александр Лазаревич.

К сожалению, это он. Вернее, не совсем он. И все же важен сам факт публикации. Тридцать лет ни одного стихотворения.

Мария Федоровна.

Смотри, в «Известиях» стихи Игоря Северянина. «Стихи о родине».

Тебя, как прежде, ущипну я,

К твоим коленям припаду,

Как землю русскую целую...

Какая пошлость. На старости лет – «ущипну», «землю русскую целую». Я думала, он поумнел с годами, а он, как был, так и остался позером. А как у него замечательно было: «мороженое из сирени», «ананасы в шампанском».

Я.

В вы когда-нибудь пробовали ананасы?

Мария Федоровна.

Не помню. Кажется, нет. Это такие фрукты вроде арбузов, только поменьше.

Я.

А мороженое из сирени?

Мария Федоровна.

Ну, это он придумал. Такого не бывает и быть не может.

Боря Бахтин.

Когда я впервые приехал в Казань из деревни поступать в университет, то первым делом попробовал мороженое. Я чуть не умер от счастья. Как люди могли придумать такую вкусную пищу? И почему все они не пляшут и не поют от радости, что могут есть мороженое? Я съел десять порций и, конечно же, простудился. А сейчас вот идем мимо киоска и ничего.

Я.

А вы видели ананас?

Боря.

Ананас? Нет, не видел и, видимо, никогда не увижу. А вы видели?

Я.

Меня мучает мысль, что Боря, скорее всего, погиб в Свердловске, в психушке в начале 80-х, так и не узнав, как выглядят ананасы. Словно, если бы узнал, что-то принципиально изменилось бы.

Маяковский.

Ешь ананасы, рябчиков жуй,

День твой последний приходит, буржуй!

Я.

Это вы про Северянина написали?

Маяковский.

А как вы догадались?

Я.

Только сейчас понял, на 61-ом году жизни.

Северянин.

*Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы – в Нагасаки! Из Нью-Йорка – на Марс!*

Я.

Боже мой! Да ведь это пророчество – на Марс действительно прилетели американцы. У нас и у европейцев не получилось, а у американцев все вышло. Прямая трансляция. Правда, там оранжевая пустыня без малейших признаков жизни.

Песня.

*Обещают космонавты и мечтатели,
Что на Марсе будут яблони цвести.*

Я.

Мечтатели чего только не обещают. В школе всё бухтели про Мичурину. Про яблоко величиной с дыню. Украсим родину садами! Где они, эти яблоки и сады?

Маяковский.

*Через четыре года
Здесь будет город-сад!*

Света Беккер.

Город – ад! В Кемерово все желтое и пахнет серой. Окна приходится мыть даже зимой каждую неделю.

Учитель.

Если каждый из вас посадит по деревцу, земля покроется садами.

Я.

А до нас никто эти деревца не сажал?

Учитель.

Сажали. Да только не деревца, а людей. Впрочем, особо не старайтесь. Эти деревца все равно погибнут.

Я.

Алексей Васильевич Гордин был честным учителем истории и честным директором школы. Когда начался карибский кризис, и американские ядерные лодки шли наперерез нашим линкора, плывущим к США, он сказал...

Алексей Васильевич.

Планета вот-вот взорвется, а этот ходит в шляпе и о мире языком блямкает.

Я.

Странно, что ему все это сошло с рук. Видимо, даже КГБ было в шоке в эти дни, когда все вздрагивали от обычной искры дуги троллейбуса, думая, что атомная война уже началась.

Военрук.

Заслышав звук сирены, пугаться не надо. Надо лечь лицом вниз, ногами к подоконнику и закрыть лицо, вернее, затылок двумя ладонями. Хорошо накрыться белой простыней. Она отражает радиацию.

Анекдот-инструкция.

В случае ядерной тревоги надо завернуться в белую простыню и ползти на кладбище.

Сотрудница НИИ.

А через проходную пропустят?

Я.

После Карибского кризиса казалось, что все поумнели и мир изменится. Ничего подобного.

Радио.

Выполняя свой интернациональный долг, войска стран Варшавского договора оказывают братскую помощь народу Чехословакии. Жители Праги приветствуют армию Варшавского договора, благодарят за помощь. Однако в разных районах хулиганствующие молодчики творят бесчинства, швыряя в мирных солдат бутылки с зажигательной смесью.

Поэт Леонид Топчий (1968 г.).

*Я не знаю, что за наважденье,
Но всегда гнетет меня тоска.
Если где-то слышу сообщенье,
Что куда-то введены войска.*

Радио.

*Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра...*

Вовка.

Все здесь замерло до нутра...

Радио.

*Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город...*

Вовка.

Вот именно, холодок бежит за ворот.

Радио.

*Из открытых окон школы
Слышны крики октябрят...*

Художник Петров.

Что же там с ними такое делают?

Боря Бахтин.

Первое время я садился в любой трамвай, думая, что все равно доеду. Или пытался дойти пешком. Так надежней. Однажды шел часа три, вконец заблудился. А трамваи куда только меня не завозили. И на кладбище, и на свалку. Только через полгода стал разбираться в маршрутах и остановках.

Я.

Борю я вспомнил, когда впервые оказался в Париже. Всюду видна Эйфелева башня. Всюду кажется, что ты где-то рядом, а ничего подобного.

Песня.

*Ну почему ты такая страшная,
не покрашенная страшная
и покрашенная ты страшная.*

Шекспир.

Хоть меня и не было, а я все же скажу. Не будет лучше, не будет хуже. Всегда было плохо! Всегда было хорошо. Нет никакой истории. Есть только человеческая жизнь и притом одна.

Любимов.

А зачем исторические хроники написал?

Шекспир.

Ну, это я так, деньгу зашибал.

Любимов.

Ничего себе так. Десяток пьес наворочал. Я из них одну еле-еле скроил.

Шекспир.

Я вас должен огорчит, Юрий Петрович, я не только был и буду, но я еще и есть.

Любимов.

Вот это номер. И где же вы?

Шекспир.

Здесь, в вашем кабинете на Таганке, под гитарой Высоцкого.

Любимов.

Но здесь сижу я.

Шекспир.

Ну!.. Неужели непонятно? Сегодня я – вы, а вы – я.

Любимов.

Надеюсь, это не шуточки с реинкарнацией душ и прочими театральными штучками.

Шекспир.

Боже упаси! Никакой мистики. Только крепкая выпивка и поэзия.

Любимов.

Крепкая выпивка, к сожалению, исключается. У меня давление.

Шекспир.

А у меня, слава Богу, теперь нет никакого давления, так что налейте, пожалуйста, Юрий Петрович.

Любимов.

Ну, тогда и я с вами выпью. Будь что будет.

Шекспир.

За Любимова!

Любимов.

За Шекспира!

Вовка.

*Отелло, мавр венецианский
К одной красоте зачастил...*

Шекспир.

*Шекспир узнал про энти шашни
И водевильчик сочинил.*

Любимов.

*А в том далеком батальоне
Был Яго, braveй капитан,
И на беду тому Отелло
Был Яго страшный интриган.*

Шекспир.

*К тому ж случись такое дело,
У ней платок куда-то сплыл...*

Все (хором).

*Отелло вмиг рассвирепелло
И Дездемону задушил.*

Я.

От имени Шекспира, которого не было, я торжественно заявляю, что все мы были. Хотя полностью я ни в чем не уверен. Тем более, что все чаще можно услышать, что нас с вами тоже не было.

Чапаев был, а нас не было.

Гагарин был, а нас не было.

Горбачев был, впрочем, он вроде бы еще есть, а нас опять не было.

Мало того, нас с вами нет.

Нет и все тут.

Вот я и решил кое-кому напомнить: не тешьте себя иллюзиями — мы есть.

И Шекспир есть.

И Пастернак.

И Александр Лазаревич.

И Надежда Владимировна.

И Семен Иосифович.

И Валерий Яковлевич.

И Ольга Сергеевна с расстрелянным мужем Иваном Владским.

И Алексей Евгеньевич с расстрелянным отцом — протоиереем Евгением Кедровым.

И жена Семена Иосифовича Машинского Розалия Давыдовна с мамой, папой и сестрами, повешенными фашистами на Украине.

И Лев Толстой.

И застрелившийся Маяковский.

И Павел Флоренский, расстрелянный в 37-ом в Соловках.

И мой друг Саша Кипнис, застрелившийся в армии из автомата.

И Мандельштам, задохнувшийся от серных паров в лагерной каптерке.

И Александра Павловна с Марией Павловной, верившие в добро и справедливость.

И Крученых, скрывавший, что он поэт.

И Шостакович, скрывавший, что он авангардист.

И Сократ, приговоренный демагогами к чаше с ядом.

И Йося Молдавский, любящий Эйнштейна, раздавленный на студенческой стройке бетонной плитой.

Вот уже и отговорили все голоса, что звучали во мне всю жизнь. Теперь они будут звучать для вас со сцены или на бумаге, какая разница.

Самое главное, чтобы они звучали. И они теперь никогда не умолкнут. Слышите? Никогда! Как сказал Мень, земная жизнь кончается не смертью, а воскресением.

Мень.

Эти слова вы мне приписали в статье в «Известиях» к годовщине моей земной гибели. А потом их дословно повторила диктор по НТВ, ни на кого не ссылаясь и не цитируя.

Я.

У них так принято. А нам важно одно: земная жизнь кончается не смертью, а воскресением.

Как в грамматике, где нет правил –
«не» с глаголами не отдельно, а вместе –
в каждой памяти есть провал,
где живые с мертвыми вместе.

Игорь Холин.

Человек проживает четыре жизни: наяву, во сне, в своем воображении, и еще четвертую, которую он не осознает

Витухновская.

Хитрый вы. У вас есть своя жизнь, а мне нужна моя смерть. Ха-ха!
Я – Христос зла.

Флоренский.

Зло не обладает статутом реальности.

Витухновская.

Я объявляю войну реальности. Да здравствует метафизический Гитлер!

Олег Табаков.

Это что же – делить людей на сильных и слабых? Достойных и недостойных? Нет, не прохонже. Я генетику изучал Не про-хон-же!

Я.

Вот и я вам говорю, господа сверхлюди: «Хуя», – как говаривал «сверхнедочеловек» Эдичка. Не прохонже.

Шекспир.

Так все-таки быть или не быть?

Все (хором).

Или!

Любимов.

Хорошо еще, что Шекспира не было. А если бы был, то представляете, что бы было.

Юрий Любимов в нервной системе Станиславского

Дружить и общаться с Юрием Петровичем Любимовым – большая радость. Все началось в 2000 г. с празднования «Первого всемирного дня поэзии ЮНЕСКО». Где же еще можно было его праздновать, как не на Таганке – в самом поэтическом театре страны, да и всего мира? Хотя мы и живем с вами в довольно странные времена, когда никто и ничто не ценится, кроме денег, иногда не худо бы оглянуться вокруг и вдруг обнаружить рядышком гения. Со мной это случилось буквально – повернул голову налево, на секунду оторвавшись от сцены, а рядом сидит Юрий Любимов и в темноте зала подсвечивает фонариком то свое лицо, то кому-то из актеров сигналист, мол, громче-громче или, наоборот, тише. Такое своеобразное дирижирование светом. Нет, я, конечно, подозревал, что он подсядет рядышком, ведь не случайно же меня пригласили на «Марат и маркиз де Сад» и препроводили именно в этот ряд, именно в это кресло. Режиссер во всем, он и знакомство наше срежиссировал, а потом пригласил в свой легендарный кабинет, где все стены исписаны автографами великих, начиная с: «Все богини, как поганки / Перед бабами с Таганки», – Андрея Вознесенского. Такое не забудешь. Потом и мой автограф там появился: «На Таганке у Любимова / Быть весьма необходимо – ВО!»

Театр в России больше, чем театр. Тем более театр Юрия Любимова. Его легендарные «Антимиры» с Вознесенским, его «Пугачев» и «Гамлет» с Высоцким, его «Дом на набережной» с Брежневым и Андроповым... Я не оговорился. Знаменитый сюжет, когда булгаковский «Мольер», запрещенный Сталиным к постановке, был сыгран в 70-х Любимовым на телевидении, это ведь не выдумка. Мольер-Любимов ведет опасный диалог с королем. Король сначала милостив, как милостив был Сталин к Булгакову, разрешив «Дни Турбинных», и беспощаден, как беспощадны к Булгакову власти, запретившие все его пьесы и даже инсценировки. В пьесе и в жизни запрещенный Мольер, сыгранный Любимовым, умирает от разрыва сердца. В жизни постоянно запрещаемый Любимов все же прорвался и поставил «Дом на набережной». Когда Суслов, главный идеолог, вник в содержание пьесы Юрия Трифонова...

Суслов.

Вот до чего мы дожили!

Я.

Но Любимов перехитрил серого кардинала. В беседе с главным культурологом ЦК Демичевым возьми да и скажи:

Любимов.

А вот Суслову пьеса очень понравилась.

Я.

И колесо завертелось в обратную сторону, и спектакль увидел свет. Разве это не театр, разве не Любимов здесь режиссер? А как блестяще срежиссировал Любимов сцену с секретарем итальянской компартии Берлингуэром, когда тот вступился перед Брежневым за Таганку. Генсек, услышав отзыв итальянского коммуниста, приказал не трогать Любимова.

И тут уж разгулялся Мольер-Булгаков-Любимов. Ошеломленная театральная Москва, не веря очам своим, смотрела, как на московской сцене воскресает театр расстрелянного Мейерхольда. А тут еще Высоцкий на весь Союз гремит своей гитарой. Да еще и обруганный Хрущевым с трибуны Вознесенский вдруг ожил на сцене Таганки с «Антимирами». Разве это не театр? Разве это не Любимов здесь уже невольно режиссирует и играет в разыгравшейся трагикомедии? Никакой постановщик не придумает такое. Дальше железный занавес. Любимов по ту сторону. Он «за бугром», тогда казалось навеки. А спектакли-то на Таганке идут. Неслыханный случай – дирижер отсутствует, а оркестр все равно играет. Играет, как с дирижером. А когда дирижер вернулся через несколько лет, оркестр распался, рассыпался, разбежался. И казалось уже, что театр Любимова кончился. Как бы не так. Возник Новый театр Любимова. Новый на старой сцене. Новую, им построенную, у режиссера отняли. Это как если бы у Станиславского отняли сцену МХАТа. А какие актеры ушли! Актеры ушли, а театр остался. И не просто остался, а стал другим. Другим, но любимовским. Возможно, когда-нибудь наступит время, когда о Любимове можно будет говорить торжественным юбилейным тоном, как о Станиславском. Но пока ни о Таирове, ни о Мейерхольде спокойным тоном не получается. А уж о Любимове и подавно. Поначалу в нем видели то нового Вахтангова, то нового Таирова, то нового Мейерхольда. Но с годами выяснилось, что он прежде всего новый Любимов. Конечно, он продолжил и завершил многие замыслы того же Вахтангова – сделал театр зрелищным, веселым и злободневным в лучшем древнегреческом, эсхилловском понимании этого слова. Но он же стремительно отходит от злободневности, политриторики и ото всех этих всех фиг в кармане и за кулисами. В его новом «Горе уму, Горе ума, Горе от ума» были оттенки всех трех смыслов, принадлежащих Грибоедову. Но выброшено классическое «А судьи кто?» Выброшено, потому что оче-

видно. И еще потому, что сегодня безнадежно устарел любой пафос и любая риторика. Софья и Лиза на пуантах в балетных пачках. Молчалин, если и не положительный, и не герой, то уж во всяком случае не карикатура ходячая. Просто добрый малый, ищущий свою теплую нишу и в объятиях служанки, и в объятиях ее госпожи. Он и к Чацкому искренне расположен. Так что же, Чацкого опустили? Да ничего подобного. Просто это современный молодой человек, вернувшийся, скажем, из Америки на родину, которая уже совсем другая. Она, родина, всегда такая же и всегда другая. Однажды Юрий Любимов провозгласил тост:

Любимов.

Я предлагаю выпить за то, чтобы мы не халтурили в стране всеобщей халтуры.

Я.

Разумеется, это был разнос «нерадивой» трупы. Но искренность в этом тосте тоже была. Заповедь новую даю вам – не халтурьте! Это вполне в любимовском духе. А ведь Фамусову своему он такого на сцене не позволяет. Все резкости сняты и затушеваны. Даже возглас: «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!» – максимально смикширован. Новый Любимов не терпит контрастов. Дожижи Высоцкий до наших дней, не знаю, как сыграл бы он Гамлета. Скорее всего, монолог «быть или не быть» или исчез бы, или произносился бы шепотом. Так Чацкий на ушко Софье нашептывает то, что раньше декламировалось и кричалось.

А как легко и весело напелся хит «Евгений Онегин», на который и сегодня ломаются. Что-то проквкали-пропели лягушки в деревне, и с пушкинской легкостью танцевал по сцене цилиндр, напрочь вытеснивший своего носителя.

Замурованная заживо в стеклянных дверях «Антигона» Софокла плавно вдавилась в мягкую белую льняную нишу и как бы зависла в невесомости. А волосатый усталый тиран в меховых сандалиях чем-то уже напоминал нынешнего Фамусова.

Заповедь новую даю вам – на сцене все время должно происходить что-то новое. То, что происходило в последние годы на сцене Таганки, я бы обозначил знакомым словосочетанием: «невыносимая легкость бытия». Загадки без разгадок, вопросы без ответов, смех без веселости и трагедия без слез. Мир современного человека. Все с иронией и самоиронией, все микшировано. Чего орать, когда вокруг всё и так кричит.

Не скрою нашего главного разногласия – Юрий Любимов не считал Высоцкого гениальным актером. Он видел в нем прежде всего гениального поэта. Я же, не сомневаясь в гениальности Высоцкого-барда, отношусь с осторожностью к его многословной лире в типографском исполнении. В 2007 году между нами состоялся довольно обширный диалог с Юрием Петровичем в его кабинете под аккомпанемент наспех поедаемого борща.

45 лет назад Владимир Высоцкий впервые вышел на сцену Театра на Таганке. В спектакле «Добрый человек из Сезуана» срочным вводом, с двух репетиций он сыграл комедийную роль Второго Бога. Событие 45-летней давности снова актуально?

Любимов.

Высоцкий, видите ли, на сцену вышел сразу, но главные роли стал играть позже. Когда господин Губенко, который играл в «Добром человеке», изволил исчезнуть, его искали неделю. А он в это время снимался в фильме «Последний жулик». Так Высоцкий появился в этом спектакле, а потом и в «Галилее». Он все-таки хороший актер был. Точнее, дело не в игре Владимира Высоцкого, а в поэзии. Мало ли актеров! Он создал совершенно особенную манеру и тем замечателен. А «Место встречи»... Его хвалила «Правда», но он сам иронически к этому относился.

Я.

Между прочим, он даже в этом фильме свой песенный распев в речи стилизует: «Вор-р-р должен сидеть в тюр-р-рьме!». В сознании людей он был как бы человек из народа. Его воспринимали как своего. Это что – приросшая маска или в нем действительно что-то такое было, демократичное?

Любимов.

Нет, я думаю, это просто его талант.

Я.

Он сросся с образом? Мне-то кажется, что он был другой.

Любимов.

А он и был другой.

Я.

Под словом «другой» я подразумеваю «интеллигентный человек».

Любимов.

Вы знаете, я тоже это подразумеваю. Владимир был, как вам сказать...

Я.

Неразгаданный?

Любимов.

Пожалуй. Откуда такая широта – от ученого до ворья? Прямо как Чарли Чаплин. Только Чарли сумел создать свое кино. И Владимир все хотел чего-то в кино. А я ему говорю: «Оставь. Будут они над тобой измываться. А в театре ты сыграешь Бориса Годунова»

Я.

А все-таки, с вашей точки зрения, какая самая удачная из его актерских работ?

Любимов.

Да что вы к нему привязались как к актеру?! Я могу только свое сказать. Я именно и дал ему Гамлета играть, потому что он поэт. Он поймет. Он поймет стих. Он поймет силу стихотворную.

Я.

«Быть или не быть» – это так по-нашему. Быть или не быть в квадрате. Потому и удача. Не книжный Шекспир получился, не книжный Гамлет, а вот такой – русский, песенный, поэтический. Помню его в «Гамлете». Залу был интересен не Гамлет, а Высоцкий, играющий Гамлета. Может быть, Высоцкий – это и есть российский Гамлет. Два раза звучит в спектакле «быть или не быть».

Любимов.

Поэтому и возникли два варианта «быть или не быть», чтобы он смог понять. А вначале он совсем не открывался. Как-то махал лапой невпопад. Я говорю ему: «Володя, не сердись», – дал ему резинку и руку к могиле привязал, чтобы на словах «боязнь страны, откуда ни один не возвращался» на эту могилу показывал. Так он и привык к жесту. Потом я резинку, конечно, снял.

Я.

Отличный ход! Вот и в поэзии кто-то прямо с неба незримой резинкой привязывает. А многие упираются. Что уж говорить об актерах..

Любимов.

Высоцкий слушался, вот его преимущество. Когда не понимал, говорил: «Покажите». Брал больше с показа.

Я.

А ведь я сам не раз слышал, как актеры кричали – «нельзя показывать». Мол, пропадает свобода поиска.

Любимов.

В день смерти Высоцкого Боровский сказал фразу историческую. В пять утра звонки в дверь, открываем, стоит Боровский: «Ну вот и

закончилась ваша борьба с артистами за Володю». А когда я приехал на Таганку, там уже толпа...

Я.

Это, пожалуй, первый случай во второй половине XX века, когда смерть актера, деятеля культуры вызвала такое волнение.

Любимов.

Так это же так и было! Я звонил Андропову, при помощи Капицы, и тот мне сказал:

Андропов.

Я с вами разговариваю как товарищ – пока.

Любимов.

А потом приказал быстро хоронить.

Я.

Очень интересный приказ – быстро хоронить. Прямо как Пушкина.

Любимов.

Толпа стояла от Кремля. Генерал один спрашивает:

Генерал.

Что делать?

Любимов.

Я ответил, что по обычаю христианскому надо провезти, чтобы народ смог проститься.

Генерал.

Хорошо.

Любимов.

И наврал, конечно. Только мы сели в машину, а они раз – и за угол завернули. Тут вся толпа стала орать: «Фашисты! Фашисты!» И тотчас пошли поливочные машины – смывать цветы. Тогда толпа совсем озверела. И это всё ведь засняли. В фойе был его портрет, и они его выломали. Ну и всё, конечно, позакрывали. И «Бориса...» А меня послали в Англию ставить «Преступление и наказание»... Почему-то все говорят – актер, актер. Ну, актер. Но он личность, потому и приковывал к себе внимание. Почему им вдруг заинтересовались и Николай Робертович Эрдман, и Петр Капица? И тот, и другой просили: «Можете с ним зайти? Просто поговорить».

Я.

А что в этой личности было так притягательно для двух рафинированных интеллектуалов?

Любимов.

Вот Петр, мой сын, он не здесь воспитывался. Он русский знает, но родной язык у него английский. Он послушал Высоцкого и говорит: «Никто так не поет – по силе внутренней».

Я.

Уже тогда, в первой роли в «Добром человеке» все почувствовали мощнейшую энергетику.

Любимов.

Теперь так говорят – энергетика. А на самом деле – сила. Но потом ему этой силы стало не хватать, и началась трагедия. Во-первых, он был алкоголик потомственный, как врачи говорили. Папа сюда пришел, ему сказали: «Сына лечить надо». А он ответил: «Я с этим антисоветским человеком ничего общего не имею». Полковник. Что я мог сказать: «Извините, папаша, вот дверь». Повез Володю на свой страх и риск лечить. Тогда проще было. Врачи не спрашивали у больного, хочет ли он лечиться. Они понимали, что надо вылечить. Он держался года полтора. Потом опять...

Я.

Меня больше всего удивляет, что все эти подробности до сих пор актуальны. Это уже не биография, а чуть ли ни житие. Любые воспоминания о Высоцком нарасхват.

Любимов.

Люди... Они даже про Онегина не знают, а говорят: «У-у-у, круто!» И про Высоцкого тоже: «У-у-у, откуда это?» Эрдман лучше сказал.

Эрдман.

Как делает стихи Булат или Саша Галич, мне понятно. А как этот сочиняет, мне не понятно...

Я.

В отличие от Мейерхольда и Станиславского Любимов – режиссер трагический. За его плечами весь XX век. Он видел Ленина в гробу во всех смыслах этого слова. Он играл Сталина в «Шарашке» Солженицына. У него не было перед глазами мейерхольдовских галлюцинаций о светлом будущем и революционном настоящем. Он давно пережил иллюзии всех ранних и поздних «оттепелей». Он взбунтовал против себя всех своих соратников. А что еще можно ждать от соратников и учеников Юрия Любимова? Посеявший ветер, пожнет бурю. А Любимов посеял бурю.

Однажды во время репетиции нашей мистерии «Сократ / Оракул» в Дельфах, где Сократа посвятили в сан дельфийского жреца и на-

рекли богоравным, во время сцены посвящения Сократа ударил хор дельфийских цикад. Так получилось, что цикады четко попадали в ритм сценической речи. И когда на Сократа надели лавровый венок, я сказал: «Юрий Петрович, это ведь вас посвящают под хор цикад».

Хор.

Что узнал ты, Сократ, от богов?

Сократ.

Я знаю то, что ничего не знаю

Любимов.

А другие и этого не знают.

Я.

Разумеется, я вместе со всей страной, любящей театр, почти наизусть знал радиотрансляцию спектакля по Бертольду Брехту, принесшую ему заслуженную всесоюзную славу еще в 60-х. Но на Таганку попасть мне, школьнику, не представлялось реальным. Но, как поется, вернее, пелось тогда – «все мечты сбываются, товарищ». Я был уже известным телеведущим Учебной программы советского ТВ, когда прямо на улице остановил меня Феликс Антипов и пригласил на Брехта. Я и не знал, что несмотря на лишение гражданства Любимова, в его театре бережно сохранили репертуар. Сiju впервые в зале легендарной Таганке и глазам не верю. Вот они три бога с аккордеоном, вот водонос, ну словом те, кого страна не увидела, а услышала по радио. И услышав, уже не могла забыть. Когда-то это было открытие – сцена без занавеса, боги в костюмах моднейшего современнейшего пошива. Сегодня это во всех театрах. Как Бога люди забыли после сотворения мира, так Любимова стали забывать, повторяя его открытия. Конечно, Вахтангов и Мейерхольд не зря смотрели из портретных рам на зрителя в фойе, но я бы не рискнул утверждать, что Любимов их повторял. Не повторял – воскрешал! Мудрая философия в сочетании с публицистикой. И злободневность невероятная, несмотря на любое время. Театр Бертольда Брехта, задуманный когда-то как агитационный, в СССР стал философским. После возвращения из изгнания Любимов его модернизировал, и что-то ушло навсегда. Быстрее не значит лучше. Но выхода другого нет. Академизм и музейность – это не для него. Не «время, вперед», а «вперед, Любимов». Черт с ним, с временем. Оно всегда неизвестно какое и всегда движется куда-то не туда. А вот он – туда. Туда – это к себе. К себе – это к человеку, не сломленному ни революцией, вышвырнувшей его деда из собственного дома на снег, ни финской,

ни Великой Отечественной, ни отплясыванием с Эрдманом в клубе НКВД. Кто там только не отплясывал.

Смеялись мы уже в 21-ом веке много и часто, а вот пустое зубоскальство на сцене – это Любимова раздражало. Он при мне отчитывал актера за феерический успех и смех в зале за выход Репетилова.

Любимов.

Мы так весь 20-й век проржали, прозубоскалили – Скалозубы.

Я.

С моей точки зрения не прав был мой любимый режиссер. Люди приходят в театр смеяться и плакать. Но у Любимова своя боль. Он не может простить гопников, выбросивших деда в сугроб! А сколько раз выбрасывали в условный сугроб самого Любимова – не перечесть.

Я и сейчас не очень понимаю, как это могло случиться. Да, Любимов не был советским человеком. Но он был гениальным режиссёром. А к тому времени, к середине 80-х, даже престарелые, мрущие, как мухи, генсеки понимали, что Любимов – слава отечества. Потом Любимов много раз мне рассказывал, как после спектакля по стихам Вознесенского «Антимиры» на стол Брежнева лег донос. Мол, смеются Любимов и Вознесенский над нашим отставанием в космосе. Виной всему стал невиннейший палиндром гениального Андрея.

Вознесенский.

А ЛУНА КАНУЛА.

Я.

Надо ж беде случиться, как раз в это время американцы высадились на Луне.

Брежнев.

А, так он так к нам относится, не нужен он нам.

Я.

Что тут началось! Пошли комиссии за комиссиями, стали появляться разгромные рецензии даже на вполне невинную постановку Островского. Как сейчас помню аршинными буквами в партийной газете: «Все оказались в овраге». Эти глупости забываются быстрее, чем возникают. И тут разыгралась трагедия с Высоцким. Похороны стали первым незапланированным властями массовым выступлением. Нет, такое простить Любимову не могли. Лишение гражданства стало громом с ясного неба. Любимов был на гастролях в Лондоне. Его интервью иностранным СМИ не нарушали советского благочестия. Он не восхвалял то, что происходило в стране, как того требовал ри-

туал, но и не метал в Кремль громы и молнии. Но видимо потому и выпустили на гастроли, чтобы под любым предлогом, как можно скорей избавиться.

К чести всего театрального сообщества, Таганке тогда удалось полностью сохранить весь репертуар Любимова и, главное, великую поэтику его спектаклей. Никто не светил фонариком из зала. Все шло своим ходом, и у властей на этот раз хватило ума не вмешиваться, не скандалить, не громить репертуар великого театра. Свежа была память о разгроме Камерного театра Таирова, об уничтожении после гибели Михоэлса уникального ГОСЕТа, а уж о театре Мейерхольда и говорить не приходится. До сих пор мороз по коже и слезы в горле. Кто мог предположить, что возвращение Любимова после долгих лет изгнания выльется в неожиданную трагедию, и театр, устоявший во времена Хрущева, Брежнева и Андропова, раскололся надвое в эпоху Ельцина. Боже нас упаси искать здесь правых и виноватых. Бывают такие случаи, когда все стороны по-своему правы. Ясно лишь одно: без Любимова и Демидова не Демидова, Смехов не Смехов, Губенко не Губенко и Хмельницкий был уже не Хмельницкий. Вроде бы всё на месте, по Чехову – и лицо и одежда, а вот душа и мысли куда-то улетучились. Да, за много лет дружбы и я скажу: характер у Юрия Петровича был не сахар. Но факт остается фактом – всё гениальное осталось с Любимовым. Даже не при такой звёздной труппе, даже с никому порой неизвестными средней руки актёрами.

Пишу, а перед глазами проплывают сцены и мизансцены последнего десятилетия. Вот под небом лазурной Греции среди античных колонн празднуем 2400 лет со дня посвящения Сократа в тайны Дельфийских мистерий. Весь спектакль в стиле оживших древнегреческих барельефов, но чтобы утеплить сцену Любимов заставил Сократа, Ксантиппу и Аспазию плясать сиртаки. Конечно, мы знали, что танец этот появился и стал символом свободы много позднее, когда греки освободились от турецкого владычества, но сценическая правда важнее исторической достоверности. А разве можно забыть, как в античный хор органично вплелось стрекотание дельфийских цикад. И как восторжествовали сократоведы, съехавшиеся в Грецию на симпозиум, когда прочитали в переводе на греческий текст бегущей строки:

Аристотель всегда при дворе,
В академии мудрый Платон,
А Сократ – он везде и нигде,
И притон для Сократа – притон.

Театральная критика отметила, что из всех Сократов, привезенных в те дни в Афины, любимовский оказался самым живым и понятным. В этом тайна Любимова – он воскреситель даже давно умерших. Этому спектаклю предшествовала своего рода генеральная репетиция под названием «Первый Всемирный День поэзии ЮНЕСКО» в день весеннего равноденствия 21-го марта 2000-го. Повернулся вокруг оси знаменитый кружевной занавес, и под марш «Прощание славянки» мы вышли с Юрием Петровичем навстречу знаменитому залу. Андрей Вознесенский тихим, уже пропадающим голосом прочитал «Голос теряю»: «Должен хоть кто-то / В самой орущей в мире стране быть безголосым». А зал ничего не понимал и кричал: «Громче!» А Любимов, как всегда, лучше всех актеров читал стихи Маяковского и Пастернака: «Гул затих. Я вышел на подмостки...» Таганка еще в 60-х стала поэтической меккой давно ушедших и поныне здравствующих поэтов. Другие театры пытаются повторить, но событием сие не становится, а вот «Всемирный День поэзии ЮНЕСКО» стал ежегодным праздником и нигде не празднуется так широко, как в России. Такова участь всех без исключения начинаний Юрия Любимова.

Театр Юрия Любимова начинается не с вешалки, а с метро. Для многих поколений театралов само название метро «Таганская» связано прежде всего с Театром на Таганке. Однако по иронии судьбы, а судьба всегда иронична, новое здание театра на Таганке к театру Юрия Любимова не относится. Там теперь чего только нет, даже ревизионная комиссия ЦК компартии, и еще какие-то никому не ведомые спектакли идут. Вероятно, для активистов КПРФ, награжденных за безупречную службу бесплатной экскурсией в театр Губенко. И опять ведь ирония судьбы. Загубил Губенко театр своего учителя, так уж ему в его фамилии предначертано. Губенко, он и должен губить. А Любимов – любить. «Любите ли вы театр?» – это вопрос не к режиссеру, а к зрителю. Для режиссера важно, чтобы театр его любил. Театр Любимова долгие годы любил своего основателя и учителя горячо и нежно. Особенно в годы гонений, а такими он был все 30 лет при советской власти. Правда, у тиранов бывают свои причуды. Говорят, однажды Андропов пригласил Любимова для беседы и сказал ему: «Я знаю ваш театр давно. Вы не приняли к себе в труппу моего сына». Любимов ответил: «Я не знал, что это был ваш сын». Так или иначе, но советская власть по отношению к Театру на Таганке держалась твердой и четкой политики «казнить нельзя

помиловать». То ли казнить нельзя, то ли, наоборот, надо казнить, а нельзя помиловать.

У режиссера отняли большую часть его театра, но парадокс в том, что и на малых сценах театр Любимова оставался большим. Не Большим академическим и не Малым МХАТом, а тем, с чего он начинался. Что-то вечно раздражающее власть, но всегда при переполненном зале.

Вообще-то, я не припомню случая, чтобы актеры любили режиссера, а режиссер актеров. Но то, что я увидел на репетициях у Юрия Любимова, правильнее назвать перманентным бунтом. Бунт труппы против режиссера как нормальное творческое состояние. В данном же случае парадокс был в том, что и на сцене репетировалась пьеса о репетиции в МХАТе времен Немировича-Данченко и Станиславского. Юрий Любимов ставил «Театральный роман» Михаила Булгакова. Вот уж чего я не люблю, так это рассказы дирижеров о том, как они дирижируют, и режиссеров о том, как они режиссируют. Впрочем, в XX веке и Барро, и Виллар, видимо, подражая Станиславскому, написали книги о том, как они репетировали. И хорошо читается. Да и по Станиславскому училась и учится вся театральная Америка. Станиславскому просто не повезло, он попал в систему. Юрию Любимову везет, он в систему не укладывается и не вписывается. Каким образом он умудрялся поставить 2-3 спектакля за границей и одновременно столько же здесь, это вопрос интимный. Он любил притчу о японском режиссере, который приехал в Россию ставить какую-то пьесу, а потом сказал: «Извините, но я не смогу участвовать в вашей забастовке». Однако, если взглянуть на те же события глазами актеров, все выглядит иначе. Режиссер возвращается из-за границы, где все есть и всем за все хорошо платят, в свой театр, где ничего нет и никому ни за что (в том числе и режиссеру) достойно не платят. А игры от актера требуют, чтоб не хуже, чем в Барселоне. Да в Барселоне солнышко светит, а здесь прямо около театра, как раз после репетиции, о которой я говорю, один из лучших актеров вышел и прямо у театра чуть не сломал, а может быть, и сломал, себе ногу. Одновременно и наледи, и реки текут, и поток людей, и поток машин. Обычная московская жизнь.

Бытует легенда, что театр Любимова мог состоять из одних цирковых статистов без актеров. Вот уж вопиющая неправда. За последние годы, можно сказать, у меня на глазах из совсем молодых ребят выросли профессиональнейшие Актеры Актерычи. Они уже и

в кино снимались, и с режиссером изъяснялись, если не с высока, то на равных. И имеют право. Доросли. Доросли благодаря театру Любимова. Не знаю, как там было у Станиславского – Немировича с их вечной игрой в «верю – не верю», но у Любимова репетицию иначе как творческой потасовкой, не назовешь. И вот это отсутствие давящего культа, пусть даже сверхгениальной личности, на сцене и за кулисами – это и есть великий секрет Любимова, который я, не спросив его разрешения, разглашаю.

Конечно, цена свободы горька. И две трети театра откололи, и состав трупы, как ртуть, подвижен, и никакого тебе почтения к отцу-основателю, а ведь хочется. Кому же не хочется. Ну где еще такое было возможно: прямо в фойе Валерий Золотухин продавал свои мемуары, где Любимову доставались не самые лестные эпитеты. При этом между Золотухиным и Любимовым не было никакой коммуналки. Нормальный творческий диалог.

«Театральный роман», как он кристаллизовался на сцене, – это творческая исповедь Любимова. Его окончательный разрыв с тиранящей системой якобы Станиславского, а на самом деле Сталина. В ходе работы он нашел для себя записи Станиславского, которые многое проясняют. Обыски, аресты в первые годы революции подорвали психику великого режиссера. Он кричал актерам: «Что вы говорите! Вас могут забрать в ГУМ». Он путал ГПУ с ГУМом. Но суть от этого не менялась.

Любимов ненавидел театральность системы. Вот его рассказ о приходе к секретарю ЦК Демичеву «Перманентик в прическе. Легкий тончик на лице...». Петр Нилович Демичев был голубым по кличке Ниловна. Театр Любимова без тончиков и перманентиков, с цирковой энергетикой, с шекспировским весельем и драматизмом, но без напряжения и пафоса.

Усыпляющий бдительность, дружелюбный и обаятельный тембр Любимова в телефонной трубке:

Любимов.

Здравствуйте! Это Юрий Любимов!

Я.

Можно подумать, что его можно с кем-нибудь спутать!

Любимов.

Не согласитесь ли вы написать пьесу о Сократе? Греки празднуют 2400-летия его посвящения в Дельфийские мистерии, ну и тогда же смерть от цикуты в Афинах последовала.

Я.

Я слегка поежился, как раз в это время на Таганке репетировали «Театральный роман» Булгакова по инсценировке Феймана. Мой же театральный роман только начинался. Нет ни одной коллизии и, пожалуй, ни одной сцены в «Записках самоубийцы», которая бы не повторилась со мной на Таганке. Отличается лишь финал. Мне не пришлось выбрасываться из окна, и пьеса все же дошла до рампы. В этом не малая заслуга греков. Им моя мистерия «Посвящения Сократа» с участием Платона и Аристотеля очень понравилась. А дальше началась пьеса в пьесе. Полгода Юрий Петрович приходил ко мне в Большой Гнезниковский, и, прихлебывая чай с вишневым пирогом, мы дружно портили первоначальный замысел. Зная Любимова и нравы Таганки, к этому я был готов заранее. Чего стоило превращение Аристотеля в Аристофана, после которого греки стали охладевать к тексту. Вершиной эстетических издевательств стало появление актерской рифмованной графомании типа «истинна в вине, тени на стене».

Но к удивлению моему мы все же добрались до Дельф, а затем и до Парфенона

Ионический ордер – прощай,
и дорический ордер – пока,
древнегреческий радостный рай,
где одежда богов – облака.
В Парфеноне приют для богов,
боги в небе как рыбы в воде.
Для богов всюду мраморный кров,
а Сократ пребывает везде...

Как только актеры запели это на мотив Окуджавы, все ожило.

Любимов.

Вот смотрите, как они сразу воспрянули. Что-что, а петь они всегда горазды.

Я.

2400 лет назад великий философ Древней Греции, приговоренный к смерти афинским ареопагом, выпил чашу с ядом. Семидесятилетнего Сократа обвинили в безбожии и растлении молодежи. Потрясенный смертью учителя молодой Платон стал философом, чтобы во всех подробностях передать в своих трудах учение Сократа. Самого Сократа обучала философии мудрая Аспазия. Он также дружил с прекрасной Диотимой и был женат на сварливой Ксантиппе. Все

три дамы действуют в нашей мистерии. Хитрость же моя состояла в том, что Аспазия и Ксантиппа – это одна и та же персона. Платон видит в ней безобразную и сварливую Ксантиппу, а Сократ – мудрую Аспазию и прекрасную Диотиму. Когда актеры уже в Афинах среди античных колонн начали это осознать, мистерия сдвинулась с мертвой точки. Вопреки утверждению Любимова:

Любимов.

Напрасно вы думаете, что актера можно чему либо научить! Напрасно вы думаете, что актер может, что-либо понимать.

Я.

На какой-то момент актеры все же научились и поняли. Генеральная репетиция прошла в Дельфах, где когда-то оракул устами трех пифий-прорицательниц нарек Сократа богоравным и самым мудрым из смертных. Вместе с участниками спектакля я был на том месте, где произошло это удивительное событие. У подножия гор, окружающих Парнас, напротив горы Геликон, где обитали музы, находился дельфийский оракул. Во времена Сократа там была надпись: «Познай самого себя». Став богоравным, Сократ произнес: «Я знаю то, что ничего не знаю». Здесь же, повыше в горах, протекал когда-то Кастальский ключ, воспетый невыездным Пушкиным, который никогда не был в Греции. К сожалению, Кастальский источник давно иссяк, и даже тропа к нему завалена камнями. Зато Парнас, на котором ныне пребывают Пушкин вместе с Гомером, выглядит весьма величественно, и вершина его окружена облаком, скрывающим богов и поэтов.

Целую неделю труппа репетировала на площадке возле дома великого греческого поэта Сикелианоса. Этот дом настолько похож на домик Волошина в Коктебеле, а Коринфский залив так напоминает коктебельский, что невольно возникла мысль – не скопировал ли Волошин свой дом с дома Сикелианоса. Но, оказалось, греческий поэт построил свой дом намного позже – в 20-х годах. Так же, как и Волошин, он увлекался древнегреческими трагедиями и разыгрывал их с женой на сцене возле своего дома.

Здесь и прошла генеральная репетиция. А премьера мистерии состоялась в Афинах, среди сохранившихся мраморных колонн Foro Romano, под сенью парящего в высоте Парфенона. Мистерия ставилась и была написана в предельно сжатые сроки, и порой казалось, что эта задача просто невыполнима. Однако зрители Дельф и Афин полностью опровергли наши сомнения. Их живая реакция на все, что происходило на сцене, притом, что действие шло на русском языке,

а греческие титры высвечивались бегущей строкой, лишний раз подтвердила, что язык театра – это прежде всего пластика и интонация. Еще в Москве у меня дома Любимов придумал бассейн, вернее даже корытце с водой, в котором Сократ видел отражения Платона, Аристофана, Ксантиппы, Аспазии, но никогда не видел себя. И только в один момент у Сократа появилось отражение – когда он задумался о чаше с цикутой. Дело в том, что в нашей мистерии сведены воедино два события: приговор в Афинах и посвящение в Дельфах. А сама мистерия есть не что иное, как предсмертное видение Сократа. Когда же Ксантиппа окунула тряпку и окатила салютом из брызг бродяг и бомжей по имени Аристофан и Платон, зрители взревели от восторга, греческие сократоведы задыхались от смеха. А разместившая на склоне горы над театром молодежь скандировала вместе с актерами: «Сократ чемпион! Сократ чемпион!»

Но добавлю в чашу с вином каплю цикуты. Когда журналисты стали спрашивать Любимова, кто автор столь полюбившихся публике песен, он не моргнув глазом ответил:

Любимов.

Окуджава.

Я.

Нет, Юрий Петрович, автор я.

Любимов (с явным неудовольствием).

То-то вы все выбрасывали.

Я.

Был и другой трагикомический эпизод, когда Любимов стал выбрасывать из пьесы собственную вставку.

Любимов.

Это вы написали?

Я.

Нет, это вы написали.

Любимов.

Значит мы с вами друг друга стоим!

Я.

Так или иначе, но мистерия К.Кедрова и Ю. Любимова «Сократ / Оракул» прочно вошла в репертуар Таганки в 2001 и продержалась до 2006-го. Ну а потом корыто прохудилось, вода протекла сквозь сцену, залила реквизит...

Любимов.

Никогда не поверю, что Шекспир сам писал свои пьесы!

Я.

Но почему же?

Любимов.

Он актер. Актер не может написать пьесу.

Я.

Чуть было не возразил – а как же вы? Ведь вон сколько пьес написали. Но промолчал тогда.

Юрий Любимов поверил, что на самом деле Шекспира не было, и поставил пьесу, которая яснее ясного доказывает, что Шекспир есть. Потрясающий копьём (таково смысловое значение фамилии Шекспир) на сей раз потряс весьма искушённый и рафинированный зрительный зал Таганки. «Не верьте этому потрясателю сцены», – воскликнул талантливый драматург и пропойца Грин, как только пьесы Шекспира появились на лондонской сцене. Оно и понятно. Шекспир по природе и по характеру своего дарования великий мистификатор. Его излюбленное занятие – одевание и переодевание героев, а еще правильное сказать, облачение и разоблачение. В исторических хрониках он с большим трудом отказался от переодевания мужчин в женские одежды, а женщин в мужские (мешала историческая канва). Но зато уж вдоволь погулял с грязным Гарри (так именовали знаменитого принца Гарри), чьим собутыльником был не менее знаменитый гуляка толстый Фальстаф, заслонивший своим необъятным чревом всех героев и королей, о которых писал Шекспир.

Удивительно, что Любимов так долго шел к своему Шекспиру. Знаменитый таганковский «Гамлет» с Высоцким – спектакль классический и знаковый, но это был Высоцкий с Демидовой и Любимовым, но еще отнюдь не Шекспир. Не случайно в «Хрониках» знаменитое «быть или не быть» вдруг вырвалось в шутовской интермедии в просвете между пытками и казнями королями и королей.

Любимов (*интервью после спектакля «Хроники»*).

Не надо думать, что наша эпоха какая-то особенная по своему трагизму. Таковы же были 14 веков до Шекспира и таковы же пять веков после него, включая и наше время.

Я.

Каким образом добровольное отречение Ричарда II от власти обернулось отставкой Ельцина, этого не знает никто. Ведь Любимов ставил «Хроники» но Шекспиру, но факт остается фактом. Король Ричард без каких-либо внешних признаков сознательного или подсознательного копирования был именно Борисом Ельциным и никем иным.

Перед отречением Ричард II просит посмотреться в зеркало, чтобы последний раз увидеть себя королем, но «глаза туманят слезы», и он бросает зеркало на пол, вдребезги разбивая все. Так у Шекспира и именно так у Любимова. Переделывая и сокращая действительно громоздкие исторические хроники Шекспира, Любимов, конечно же, инстинктивно оставил все гениальное. Он не осовременил Шекспира, он его ошекспирил.

По своей сценической поэтике это все тот же давно знакомый любимовский театр с железной арматурой, как в гимнастическом зале, с очаровательным, уже классическим совмещением несовместимого (пиджака и короны, короны с цветочным горшком). Этот театр в традициях Мейерхольда требует от актеров всех физических и духовных сил. Они, как акробаты, свисают вниз головой, уцепившись ногами за арматуру, да еще при этом поют, кричат, паясничают, рыдают или смеются, погибают и убивают, топают, маршируют, летают на специальных приспособлениях, лязгают железом. Эта сценическая агрессия в духе раннего футуризма смягчена обязательным присутствием на сцене и в зале самого Любимова. Он гримасничает, шепчет, кричит актерам, как на репетиции, «давай-давай», что-то доигрывает за них, подмигивает рядом сидящим, освещая свое лицо фонариком, словом, постоянно напоминает, что это театр и пьеса, а не на самом деле.

Принц Гарри, худенький, обритый наголо, в пенсне, сыграл настоящего Берию, хотя большую часть пьесы он всего лишь участник дружеской попойки с Фальстафом. Как всегда у Шекспира, все оживает, когда место действия переходит из дворца в кабак. Кстати, Шекспир и умер после обильной попойки с друзьями. Принц Гарри – Берия, а Фальстаф – что-то вроде «нового русского» на отяге. Вместо пуза у Фальстафа под белой рубахой, похожей на женскую комбинацию, топорщится что-то вроде столика. Рубаха задрана выше колен и все время на грани приличия. Еще секунда, и случится конфуз, что-нибудь не то обнажится. Вполне шекспировская поэтика – все на грани, момент – и шутка перейдет в пошлость. Но не надейтесь. Ни у Шекспира, ни у Любимова не перейдет никогда. Чего не скажешь о других талантливых сценических дерзилах нашего времени.

«Хроники» у Любимова – это уже XXI век, независимо от реальной хронологии. В XXI веке в отличие от XX господствует виртуальность. Здесь убивают, не убивая, и не убивают, убивая. У Шекспира это тоже, конечно, есть. Вот Фальстаф склоняется над убитым. «Он

убит или притворяется мертвым? Впрочем, – замечает Фальстаф, – все мертвецы притворщики, потому как притворяются людьми, уже не будучи таковыми». А затем, на всякий случай, наносит убитому еще два удара и волочит его тело, как военный трофей к принцу Гарри, который только что этого человека убил. Но принц Гарри не опровергает ложь Фальстафа, а даже награждает его за храбрость. Ему выгодно списать убийство на другого. У Шекспира эта сцена тонет среди многих других. У Любимова она главная.

Виртуальность – лицо нашей эпохи. Когда Ричард II появляется после своей гибели в роли Сеффолка, не очень изменив внешность, зал на секунду ошалевает. Даже говорок по рядам прошел. А потом как будто так и надо. Герцогиня Йоркская – и трактирщица. А герцог Йорк – он и епископ, и так запоминается в обеих ролях, что потом уже не важно, кто епископ, кто герцог. Нелепы разговоры, будто актер в любимовском театре не так уж важен. Нет, как раз актер-то и важен. Личность важна, а не маски и облачения.

Король Генрих VI, ослепленный своей любовью, умирающий от любви, не перенеся измены. Амплуа в принципе знакомое. Оно даже имеет свое название – «очарованный принц». Но если бы этого образа не было, распались бы, рассыпались на четыре составные части «Хроники», потому что, как известно, «без любви и жизни нет». Также без одержимости материнской любовью герцогини Йоркской не имела бы смысла трагедия «Ричард II», где жена и муж спешат наперегонки во дворец. Отец, чтобы донести на сына; мать, чтобы вымолить у трона прощение. Эта сцена, где отец, только что требовавший смертной казни для сына, плачет от счастья, когда сын прощен королем, – жемчужина драматургии Шекспира. Но разве это не сталинская эпоха – вся, как есть, она.

Блистателен дуэт двух злодеек, дамы трев и дамы пик, королевы Маргариты и герцогини Глостер. Зло пожирает зло – тоже излюбленная тема Шекспира. Победа королевы Маргариты над герцогиней Глостер в контексте «Хроник» – что-то вроде победы Сталина над Гитлером. Зло пожрало другое зло и стало злом в квадрате.

В своем знаменитом расписном кабинете за водочкой и шампанским Юрий Петрович поведал еще одну хронику – во всех смыслах. После письма к Андропову Любимова вызывает к себе идеологический надзиратель за культурой по фамилии Шауро.

Шауро (*сидящий во главе тройки*).

Вас не пугает, что нас здесь трое?

Любимов.

Нет, не пугает. К тому же это вполне в традициях.

Я.

Намек на расстрельные трибуналы приводит Шауро в бешенство. Он хватает книжку пьес Шатрова о Ленине с дарственной надписью автора.

Шауро (*кричит*).

Вы не умеете с нами разговаривать! Вот как к нам надо обращаться.

Я.

В дарственной надписи Шатров благодарит Шауро за то, что тот вдохновил автора на правильное воссоздание образа Ленина. В этот миг из носа Шауро потекла кровь прямо на бесценную книгу.

Любимов (*кричит*).

Руки вверх!

Я.

Так учили его врачи. Шауро послушно поднял руки вверх и удалился из кабинета.

Спустя некоторое время вернулся.

Шауро.

Продолжим наш разговор. Вот видите, что получилось.

Любимов.

Да, всего Ленина кровью залили.

Шауро.

Вы договоритесь, дошутитесь. Так вот, мы отправляем вас в Англию...

Я.

Это была фактическая высылка за пределы страны. К рассказу Любимова добавлю только, что первая хроника «Ричард II» начинается с высылки за пределы Англии благородного рыцаря. Его соперник – подлец, подстроивший высылку, потом захватил беззащитный трон. Слава Богу, что в жизни получилось несколько иначе. Советский трон рухнул. И Любимов вернулся в Россию, где у него гостеприимно отобрали половину театра, давно ставшего театральной славой страны. Это ли не Шекспир?

Сразу после Всемирного Дня поэзии Юнеско я предложил Любимову готовиться ко второму.

Любимов.

А какое сценическое решение?

Я.

Давайте поставим Черный квадрат Малевича, и пусть из него выходят поэты, а прочитав стихи, уходят в него обратно.

Потом Любимов так и сделал – в спектакле «До и после». Поэты – клоуны и арлекины – выходят из квадрата и уходят в квадрат. Парят над черной пустотой. Улетают в черную пустоту. Совершают словесные и бессловесные пируэты. Брюсов вдохнул серебряное облачко кокаинчика и завис. Только Блок с Ахматовой продолжали величественно читать стихи под язвительные реплики Зинаиды Гиппиус. Блок читает чуть ли не из гроба, в котором его хоронят. Арлекины, Пьеро, Коломбины – это все поэты и поэтессы, припорошенные вместе с Брюсовым кокаина серебряной пылью. Век-то не случайно серебряный. Вдруг над всей этой фантасмагорией клоун Горький заикался своего «Буревестника». А клоун Чехов (брови домиком) –

Чехов.

Никакие они не декаденты, а просто хулиганы. И ноги у них не бледные, а обычные, волосатые.

Я.

Это ответ Брюсову на хрестоматийный монолог.

Брюсов.

О закрой свои бледные ноги.

Я.

Не понял Чехов, что речь идет не о мужских ногах, а о женских. Два рыжих клоуна – Маяковский и Бродский. И что особенно замечательно, вместо длинных александрийских стихов Бродский цитирует отрывки из своих блестящих статей.

Бродский.

Трагедия – это когда гибнет не герой, а хор.

Я.

Вот ключ к спектаклю. Маяковский застрелился. Блок умер до срока. Есенин повесился. Гумилева расстреляли... Но гибнет-то хор. Вся интеллигенция русская гибнет во время и после серебряного века. До и после... А с ней и Россия, и целая русская Атлантида, от которой остались только гениальные, хвастливые, артистичные, нежные, грубые строчки. Античность восстанавливают по мраморным обломкам. Русскую культуру XX века будут восстанавливать по строкам. И первым эти строки соединил в театральную Илиаду Юрий Любимов. Черный квадрат как Ноев ковчег. С той разницей, что все утонули. Никто никуда не выплыл. Ахматова мимолетно о двух поэтах:

Ахматова.

Хлебников до революции писал плохо, а после революции хорошо. Маяковский наоборот.

Я.

То ли гениальные поэты нас жалеют – ведь мы на полстолетия остались не только без них, но и без их поэзии, то ли мы их оплакиваем. Только Горький везде присутствовал и до, и после, и даже в поэты пролез.

Никто из режиссеров не чувствовал поэзию так, как Любимов. Театр на Таганке давно и справедливо назвали поэтическим. «Антимир», «Послушайте!», «До и после»... Безупречный вкус подсказал таганскому патриарху, что поэты–клоуны, клоуны-поэты не должны читать много. Время длинных текстов ушло. Ушло избыточное почтение ко всем и каждому, освоившему четырехстопный ямб.

Режиссер назвал свою постановку бриколлажем. Бриколлаж – это сценические пустячки. Каждый поэт, великий и не очень, вышел из черного квадрата со своим бриколлажем. Кого-то насмешил, кого-то растрогал. А потом под ненавязчивую мелодию Владимира Мартынова на слова Гумилева все ушли в темноту.

*На Венере, ах, на Венере
солнце пламенной и золотистой.*

*На Венере, ах, на Венере
у деревьев синие листья.*

На Венере...

Песенка обрывается уже там, по ту сторону квадрата. А зрители вызывают их снова и снова. И они выходят на бис уже «оттуда», из потустороннего мира. И все понимают, что не спектакль кончился, а век пролетел. Самый трагический век в российской истории и поэзии. Будем надеяться, что самый трагический.

Юрий Любимов мог бы сказать о своей очередной театро-феерии словами героя пьесы: «Меня интересуют только три вещи: Бог, Время и Смерть». Поскольку все три всегда были и навсегда останутся непонятными, их манящая и отпугивающая притягательность круче всех интриг и сюжетов. Сначала о Боге. Богословское открытие обэриута Александра Введенского:

Введенский.

Возможно, всюду Бог.

Я.

Бог как возможность. Любимов это почувствовал еще и по-режиссерски. Ведь режиссер в этом смысле – бог. Он присутствует в любом неожиданном повороте сюжета как постоянная творческая возможность. Возможно, всюду Бог. Всюду возможен неожиданный режиссерский ход.

Но не спешите умиляться. Для Александра Введенского, арестованного и высланного в Харьков, а затем сгинувшего на этапе во время транспортировки в первый же год войны, возможность Бога – это, прежде всего, возможность гибели. Скорее всего, его просто расстреляли в пути, поскольку все подозрительные лица в первый год войны попали в расстрельный список. «Прощай, небо! Прощай, солнце. Прощай, жизнь». Этот лейтмотив Введенского в спектакле присутствует постоянно, как неожиданное для обэриута, совсем традиционное восклицание «Господи, помилуй нас». Но не просто восклицание. При этом вдруг разверзается и уходит вниз земля-сцена. И так же неожиданно вдруг вздыбливается вверх. Я увидел такое впервые. Сцена превратилась в черно-белые клавиши рояля, на котором играют что-то великое. Черные клавиши – провалы могил и белые – вздыбленные холмы. И непонятно, то ли погребают и опускают в могилы множество белых трупов – скульптур из папье-маше, то ли, наоборот, мертвые встают из могил, превращаясь в живых людей.

При этом в обнимку со скульптурными манекенами сталинского пионерлагеря живые герои выглядят бабочками, только что выпорхнувшими из этих мертвых личинок-скульптур. То ли, наоборот, готовые окулиться в гипсовых истуканов.

Человек, сошедший со знаменитого саркастического автопортрета Малевича, где затравленный супрематист изобразил себя в стилистике Дюрера, читает стихи Введенского, Хармса, Олейникова, Заболоцкого. Нет, не называйте это стихами. Это считалки, бормоталки, пыталки, что-то рыдающее и пляшущее, пляшущее и рыдающее. Даже капитулянтский стишок Заболоцкого, когда, спасаясь от верной гибели, он стал выдавливать из себя некое подобие советского поэта, звучит, захлебываясь в сарказме. И это тоже один из режиссерских ходов Любимова. Он всегда умеет находить то, что ему созвучно и нужно. Вспомним прошлый триумvirат: Любимов – Высоцкий – Боровский. Это становится вполне сопоставимым по энергетике. Я не раз возмущался, да и теперь возмущаюсь тем, что музыка заглушает треть, если не половину текста. Ладно, когда это просто текст, а если это текст Введенского и без того заглушенный временем? Но каждый раз шепчу себе: «Смирись, гордый человек». Смирись и убедись, что гениальность – это умение приносить в жертву многое. В том числе и гениальный текст. Да, музыка заглушает. Да, многое непонятно, а то и просто неразборчиво. Да, каждый актер в отдельности как бы не

существует, превратясь в деталь живого сценического горельефа. Но зато горельеф навечно.

Когда мы по традиции удалились в легендарный таганский кабинет Любимова один из сподвижников сказал:

Сподвижник.

Как хотите, Юрий Петрович, но слишком много всего. Зрение и слух не справляются.

Любимов (*доедая подгоревшую гречневую кашу – все, что осталось в театральном буфете*).

Ха-ха, мне всегда это говорили! Давайте лучше водочки выпьем, вон там, под столом припрятана. А вы, если хотите, коньячок или виски. Кто чего хочет.

Я.

Похоже, что вы создали мистическую трагедию.

Любимов.

Ха-ха, была оптимистическая трагедия, будет мистическая.

Сподвижник.

Эта постановка сильнее позапрошлой премьеры – «Фауста».

Любимов (*смеется*).

Это посильнее, чем «Фауст» Гете.

Я.

А что, пожалуй, Введенский покруче Гете. XX-й век в России это вам не XIX-й в Германии. У меня такое ощущение, что я все еще беседую с Юрием Петровичем о премьере «Идите и остановите прогресс». Вот ведь еще финал – когда сцена вдруг ступеньками не то уходит вниз, не то поднимается вверх. Замолкли крики. Заткнулась музыка. И с тихим шипением над сценой начинает раскачиваться знаменитая Звезда бессмыслицы Введенского и Любимова. Она похожа одновременно на маятник и НЛЮ. Раскачивается, отсчитывает что-то свое, бессмысленное, в наступившей тьме. И когда она перестает шипеть, светить и качаться, мы все отчетливо понимаем, что Бог уже наступил.

Комментарием к спектаклю академик Гинзбург в фойе, стуча палкой, пробирается в выходу. «Атеист, но не безбожник» сердито бормочет:

Гинзбург.

Где они бога там нашли?..

Я.

Любимов неповторим. Он обязательно придумает, что-нибудь новое, неожиданное. Не помню, прыгали у Мейерхольда на батуте или не

прыгали, да и какое это имеет значение, если вся премьера «Сказок» осуществлена молодыми цирковыми актерами на батуте. Особенно запомнилась Русалочка Андерсена. Батут – как рыбацкая сеть, и она в ней трепещет. А забинтованный лес в «Живаго» – кровотокающий образ гражданской войны.

Обывательские разговоры о том, что Таганка последнего десятилетия была, дескать, совсем не та, – либо результат незнания, либо полного непонимания. Любимов был в полном расцвете творческих сил. Театральные брожения и расколы почти не коснулись его феерических театральных замыслов. Взять хотя бы «Мёд», поставленный по сценарию Тонино Гуэрры, с которым у Любимова многолетняя дружба двух ровесников. В Италии Гуэрра так и не смог снять фильм по одному из лучших своих сценариев. Зато осуществил свой замысел на Таганке в Москве. Дружба двух гениев увенчалась гениальным спектаклем. Мистерией о вечном цветении и вечном угасании жизни. На сцену все время, как снег, сыплются белые лепестки цветущего фруктового сада, и с этого же неба падают камни вулкана – символа мировой катастрофы. Итальянский вариант «Прощания с Матерой», с такой же захолустной, вымирающей деревушкой. Но речь, конечно, не о деревне, а о жизни на земле. О ее хрупкости, уязвимости и неповторимой любви и нежности.

Когда в начале 80-х годов за интервью, данное в Лондоне, советские власти лишили гражданства легендарного режиссера Юрия Любимова, его приютил Иерусалим. На вечере, посвященном Дню победы, Любимов поднялся на сцену и комментировал фрагменты из фильма о своей жизни в Иерусалиме. И вот он снова посетил Иерусалим. Вот он стоит возле мраморной колонны, которая согласно легенде треснула, когда в России раздался выстрел Дантеса, сразивший Пушкина. В расщелину колонны Юрий Любимов вложил записочку с посланием к поэту.

Рассказал он и о том, как уговорил Иосифа Бродского написать гениальный хор к «Медее» Еврипида: «многоязыки боги, но с ними не договориться. Не подступиться к ним». Бродский не надеялся получить достойный гонорар, но Юрий Петрович не оставил в покое английского продюсера, пока тот не выплатил поэту все. Вспоминал Любимов и о том, как, поселившись в Иерусалиме, любовался старинным городом на рассвете. И как после возвращения на Родину кто-то сказал: «Не отдадим Таганку какому-то израильтянину». Много горького и смешного было сказано в этот вечер. Как всегда, не

очень хотелось уходить, хотя дело было к полуночи, и Каталин справедливо тревожилась о здоровье мужа. И все же рюмки три водки мы осушили – за Таганку, за Юрия Любимова, за Вечный город Иерусалим, приютивший гения русской сцены в самые трудные годы.

Любимов.

И тогда, и во время финской, и во время Отечественной я больше всего боялся – не трус ли я. Когда на тебя идет танк и в руках бутылка с коктейлем Молотова, выбор всегда один: не превратиться под гусеницей в фарш. Кажется, мне это удается!

Я.

Выхожу из театра. За спиной – афиши готовящейся тогда премьеры по Чехову: «Маска и душа». В этот вечер маски у Любимова не было. Только душа.

...Чехов оказался Чехов в полном смысле этого слова. Чехов, в окружении японских гейш в кимоно, Чехов где-то на Сахалине, Чехов в тачке, которую везет рикша. Чехов, сверкающий стеклами пенсне, глядя на мерцающие огни пасхальной ночи. И хотя «Воскресение не скоро» – таков рефрен, все время кажется, что он воскрес. Чем-то они совпали – гениальный писатель конца позапрошлого века и великий режиссер начала нашего столетия. Те, кто думает, что Любимов шестидесятник, глубоко заблуждаются. А советская заикленность на возрасте была просто смешна перед яркостью и свежестью новых постановок Юрия Петровича. Чехов мизантроп, и Любимов, прямо скажем, не человеколюбец. Чехов язвителен и самоироничен, и Любимов не упустит ни одной трагикомической ситуации. Некто в маске безобразничает и хамит в ночном благородном клубе. Его пытаются усмирить, вызывают полицию. Но маска сброшена, и все видят бородастого миллионера, весьма похожего на современного олигарха. Немая сцена, и все подобострастно подхватывают под руки мычащую тушу. А тот, кто первый возмущался, теперь с гордостью восклицает: «Он мне руку на прощанье протянул».

Посредине сцены рука по мотивам Эрнста Неизвестного, она же древо познания добра и зла. Вокруг него, или вокруг нее, разыгрывается сцена из «Каина» Байрона. Теперь в маске сам змий искуситель. Его богоборческие речи весьма смущают полуголого Адама с пейсами.

И вдруг с неба один за другим падают с грохотом кубики с буквами, которые складываются в имя М-Е-Й-Е-Р-Х-О-Л-Ь-Д.

Двое в купе друг против друга, а за окном крутится барабан, образуя фигурку черной собачки, как бы бегущей за поездом. Инженер

с гордостью говорит о построенных им мостах. Но кто помнит имя создателя моста, приехавшего на открытие своего детища? Зато все газеты написали, что приехала певица – любовница инженера имя рек. Его сосед по купе отвечает, мол, я почетный академик, совершил множество открытий... Но кому известны имена академиков, ученых, режиссеров или даже поэтов, пока последних не убьют на дуэли. И тут зал в который раз разразился аплодисментами.

Божественная трагикомедия чеховской и современной жизни длится положенное сценическое время. Но ни я, ни зал этого времени не заметили. Единственное, о чем я жалел, это только о том, что спектакль закончился. Две эпохи – чеховская и любимовская – два века промелькнули как один миг. Актеры не играли, а проживали на сцене и финал 19-го, и начало 21-го века, и все, что было в жутком промежутке длиною в век между этими датами.

Зрители провожали великий театр, прямо скажем, самый великий в мире, возгласом «браво» больше похожим на крик отчаяния.

Потом, в фойе, я спросил у Валерия Золотухина, чего ждать в дальнейшем. Он ответил, что оформляются документы и вносятся поправки в устав, дабы стало возможным четкое разделение функций директора и худрука. И еще прямой речью добавил какое-то давнее высказывание в разговоре: один сказал: «Театр – это режиссер». – Другой возразил: «Что режиссер, были бы актеры». Мне это показалось прямым продолжением чеховского спектакля, теперь уже за кулисами.

Мое знакомство с Таганкой начиналось с Гамлета Высоцкого. Прямо скажу, я был не в восторге от того спектакля. Какой Высоцкий Гамлет? Высоцкий – это Высоцкий. А «быть или не быть» звучало в его устах довольно комично. А спустя столько лет – быть или не быть Таганке... А что, собственно говоря, произошло? Режиссер в который раз поссорился со своей труппой. Да в каком же театре этого не бывает! Но поскольку дело произошло в великом театре, то и скандал, к великому сожалению, оказался великий. Теперь главное сохранить все, что создано. А в том, что Юрий Петрович гениально поставит «Бесов», не знаю, на какой сцене, я ни одной секунды не сомневался. Закончился очередной театральный роман. И стал он театральной трагедией. Так и вижу, как с неба падают кубики с буквами, складываясь в имя Л-Ю-Б-И-М-О-В.

...Как-то сидели мы с Любимовым за одной, другой, третьей рюмочкой водки под портретом Эрдмана, имя которого не сходит с уст Юрия Петровича. Было это после премьеры «Фауста» с декорациями Мессе-

рера. Запомнилась мне Луна, которая после грехопадения Маргариты стала продырявленным презервативом, и это не было пошлым, потому что все равно – Луна, и очень даже красивая, хотя теперь уже Месяц. И еще чечетка чертей, время от времени бешено пересекающих сцену. А Юрий Петрович вспоминает, как Эрдман однажды его спросил:

Эрдман.

Какая часть Фауста гениальней, первая или вторая?

Любимов.

Конечно, первая.

Эрдман.

А почему? Да потому что, когда Гёте первую часть писал, он ещё не знал, что он гений. А когда вторую, то уже знал. Вот и получилось слабее.

Я.

Тут мы чокнулись с Любимовым в очередной раз, опрокинули стопа-ря, и вдруг я понял, что Юрий Петрович не о Гёте, а о себе размышляет. Не стал ли новый период его творчества после возвращения в Россию второй частью Фауста, когда гений знал, что он гений.

Я счастлив, что видел и первую, и вторую часть. И, скажу по секрету, тогда я в этом Юрию Петровичу не созная, чтобы не портить сюжет, – мне вторая часть Фауста нравится больше первой.

Театр после тирана

Уже отыграна игра
и умерли давно актёры
А сцена всё ещё гола
И ждёт другого режиссёра

Но и другой когда придёт
Не сможет отыграть те роли
Они отыграны до боли
А боль когда-нибудь пройдёт
Тогда и вылезут на сцену
Фигляры
Клоуны
Пажи
Переиграют нашу Пьесу
И передразнят нашу Жизнь

И может быть
Из-за кулисы
Я выйду
Как выходит Тень
И все актёры и актрисы
Уйдут за мной в глухую сень

И в занавесе встрепенётся
Моя минувшая Печаль
И зал внезапно содрогнётся
Отчаянием из отчайнь...

И может быть над Мейерхольдом
Оденется в последний траур
И это траурное небо
И этот чёрный тротуар

И может быть умрёт Михоэлс
Надев корону из Кремля
И в горностаевых сугробах
Утонет тело Короля

И в судорогах Таиров
Опять над Коонен замрёт
Всё замерло
Всё затаилось
Всё умерло
Всё не умрёт

Любыми средствами
Любыми
Вы выиграете Игрой
На сцену вырвется Любимов
И проиграет нашу роль.

Часть 3

ДРАМА ИДЕЙ

Лобачевский – Хлебников – Эйнштейн

У поэта нет биографии – только вечность.

Вечность Хлебникова начиналась или, правильнее, продолжалась в 28-и древнекитайских иероглифах, изображающих зодиак в течение месяца. Каждую ночь месяц в том или ином созвездии или в части созвездия. Где-то в середине он станет круглой луной. Круглой, как буква «О», а потом начнет убывать и исчезнет из поля зрения в виде тающей и таящей буковке «С».

Азбука Хлебникова древнее, чем любой зодиак. Она начинается не с буквы «А», похожей на созвездие Тельца, а с возникновения мира. С точки, из которой во все стороны брызжет свет. «С» – первая буква в азбуке. Свет. Солнце. Сияние. Для темной массы сгущающихся планет и галактик Хлебников выбрал букву-звук ЭМ. Нечто незримое, но массивное. Масса. Музыка. Молчание.

Для разлетающейся вселенной буква-звук Пэ. Порох. Пламя. Пар.

Для луча, преломленного в зрачке, в линзе, в зеркале, конечно же, Зэ.

Сам Хлебников об этом достаточно написал. Он ушел намного дальше Ломоносова, Рембо, Андрея Белого, которые, так или иначе, догадывались о вселенской природе всех звукобукв.

Буквы только кони. Алфавит – конница. С ней предстоит вломиться в костенеющую вселенную и переозвучить всю космологию и историю. Проект Пифагора – подчинение людей мировой гармонии. Проект Хлебникова – создание своей гармонии и полное переподчинение мироздания. Человек не часть, а движущаяся часть космоса. Не часть космоса, а больше, чем космос.

Если это все сформулировано невнятно, наспех, то лишь из-за отсутствия земного времени. Объявив войну времени, Хлебников отвоевал вечность. Но вечности всегда не хватает.

Добросовестный Роман Якобсон написал «Граматику поэзии». Он так ничего и не понял. Добросовестное описание грамматических

сдвигов лишено у Якобсона главного смысла. Грамматика – это время и пространство, запечатленные в звуке. Хлебников провозглашает победу не только над солнцем – символом космической данности, но и над временем. А, следовательно, нужна совсем другая грамматика. Правда, ее футуристы создать не успели, забуксовав на азбуке.

Архитектурные планы космического Чингисхана и звездного Батыя лишь отчасти приоткрыты в мистерии «Зангези», в отрывке «Любхо», в «Ка» и в «13-й танке Чао». Нам достались только развалины и обломки пушкинско-гомеровской Трои. К СТРОИТЕЛЬСТВУ футуристы только-только приступали в конструктивизме.

Поэзия Хлебникова – троянский конь внутри пушкинской Трои. Но самому поэту-будетлянину отнюдь не безразличны обломки и осколки колонн от разграбленных и поверженных святилищ. По сути дела вся его поэтика состоит из таких обломков. Он разрушал, созидая, и созидал, разрушая.

Задолго до «Герники» Пикассо была создана словесная Герника Хлебникова. Но не спешите обвинять будетлян в разрушении. Они не сожгли ни одной картины. Не взорвали и не свергли ни одну статую. Рушился мир, и они это увидели раньше, чем с неба посыпались бомбы. Раньше, чем утонул «Титаник». Но они этот мир несколько не жалели. Как ранние христиане, они радовались падению вещного Рима. Но нисходить до революционного бомбометательства Хлебников не собирался.

Его метафизическая война с пространством Евклида и временем Ньютона началась еще в студенческие годы. Пока студенты университета, основанного автором «Воображаемой геометрии» Лобачевским, воевали с конной полицией, Хлебников воевал с Ньютоном и Евклидом в союзе с Лобачевским и Эйнштейном.

Смешно до колик, когда Хлебниковым занимаются специалисты, ничего не смыслящие ни в «Воображаемой геометрии», ни в специальной теории относительности. Суровый Числоводск – первый наставник Хлебникова во всем. Геометрия Лобачевского – это всего лишь геометрия Евклида, спроецированная на вогнутую седловинную поверхность. Но из этого «всего лишь» проистекают самые неожиданные последствия.

«Воображаемая геометрия» натолкнула меня на мысль устроить воображаемую беседу с Хлебниковым и Лобачевским. В этот разговор время от времени могут вторгаться и другие лица, а при желании может включиться каждый читатель.

Лобачевский.

Мы неправильно видим мир. Он состоит вовсе не из ровных идеальных евклидовых плоскостей и объемов. На самом деле, в мире пространство вогнуто, а на вогнутой поверхности все по-другому.

Хлебников.

Я понял. Есть доломерие (геометрия) Евклида – это Пушкин. И есть доломерие Лобачевского – это я.

Я.

Значит «Бобзоби пелись губы» – это под влиянием Лобачевского?

Хлебников.

Несомненно. Звук в изогнутом пространстве совсем не тот, что в прямом, стало быть, там и слова, и звуки, и сама грамматика должны изменяться и не походить на нашу земную речь.

Лобачевский.

Я встречался с Пушкиным однажды, и мы бродили с ним по ночной Казани всю ночь. Я объяснял ему «Воображаемую геометрию».

Я.

Бродя по улицам Казани,
о чем беседовали вы?
Что вы друг другу рассказали,
то не дано узнать живым.
О геометрии Вселенной
или о плавности стиха...
Ступали вы стопой нетленной
в пространство-время сквозь века.
Шаги как эхо отдаются
незавершенною строкой.
Они еще пересекутся
«в пределах вечности глухой»

После этой встречи Пушкин записал в своем дневнике, что «воображение в геометрии нужно не менее чем в поэзии».

Хлебников.

Лели-лили – снег черемух.

Лобачевский.

В моем пространстве взгляд, брошенный в любую, самую отдаленную даль, рано или поздно искривится и вернется к себе как бы изнутри.

Я.

Я вышел к себе
через-навстречу-от
и ушел под
воздвигаю над

Хлебников.

*И пусть пространство Лобачевского
летит с знамен ночного Невского.*

Эйнштейн.

На самом деле геометрия вселенной оказалась Римановой. Пространство-время изогнуто, но не внутрь, а наружу. Образно говоря, Лобачевский думал, что мы внутри шара, а мы на его поверхности.

Я.

Поверхность – это условно сказано. Речь идет о четырехмерном пространстве-времени.

Хлебников.

Самое великое событие – это вера четырех измерений.

Я.

Смешно, что эта запись Хлебникова, сделанная после знакомства с общей теорией относительности, истолковывается А.Парнисом, как упоминание о четырехконечном приспособлении для изготовления пасхи. Хлебников, кстати, был убежденным буддистом. Он родился в столице буддизма, в Ставке под Астраханью и придавал этому нешуточное значение.

Хлебников.

Я соединил учение о переселении душ с древнеегипетским учением о трех двойниках человека: Ха, Ка, Ба.

Я.

Об этом и «Ка», и «Зангези», и «Дети выдры».

Минковский.

Но вы обогатили буддизм и Древний Египет теорией относительности Эйнштейна.

Лобачевский.

И «Воображаемой геометрией».

Хлебников.

Три двойника – это я в прошлом, я в будущем и я в настоящем. Все трое мы существуем всегда.

Я.

Ну да, в прошлом вы – Омар Хайям, в настоящем – Лобачевский, а в будущем – Хлебников. Вы твердо верили, что это одно лицо. И

еще это напоминает Троицу. Каждый человек, как отражение Божие, тоже един в трех лицах. Отец – Сын – Дух Свят. Отец – прошлое, Сын – будущее, Дух Свят – сейчас, и все едины в Вечности. Это я немного с вами домислил.

Хлебников.

Храм выстрела в руке!

Я.

Это «Смерть будущего». Там вы жмете руку своему убийце, поскольку это приближает вас к будущему.

Хлебников.

Никто не понял, о чем идет речь. И с ужасом я понял, что надо сеять очи. Что должен сеятель очей идти.

Тынянов.

Хлебников был новым зрением. Новое зрение падает одновременно на все предметы.

Павел Челищев, Павел Флоренский.

Это сферическая обратная перспектива, которую мы открыли в иконах. Сферический зеркальный шар отражает все со всех сторон сразу. Тут нет верха и низа. Правого и левого, внутреннего и внешнего. Здесь все во всем.

Хлебников.

*И когда знамена оптом
понесет толпа ликуя
я проснусь в землю втоптан
пыльным черепом тоскуя.*

Я.

Хорошо вы сказали про Маркса и Дарвина:
*Завелись два бородатых,
все слушают бород лохматых.*

Хлебников.

Это мой Ганнибал говорит:
*Итак, причина у войны,
что многие весьма жирны.*

Я.

И еще:
*На острове вы,
зовется он Хлебников.
Среди разъяренных учебников...*

Лобачевский.

Но настоящую науку я любил. Все-таки сын профессора орнитологии.

Я.

Вы, Николай Иванович, немного сбились – говорите от лица Хлебникова.

Хлебников.

Но Лобачевский – это ведь и есть я в настоящем.

Омар Хайям.

А я Хлебников и Лобачевский в прошлом.

Я.

Тут самый сложный момент гипотезы Велимира. Относительность понятий прошлое, будущее и настоящее.

Эйнштейн.

Не путайте это с теорией относительности.

Хлебников.

Я все понял правильно:

*Итак, время относится к весу,
как бремя к бесу.*

Эйнштейн.

Это уже не специальная, а общая теория относительности и переход к теории гравитации, как следствие искривления пространства-времени.

Я.

Хлебников это сразу понял. Искривление пространства-времени проистекает из геометрии Лобачевского, а он – Лобачевский в настоящем.

Эйнштейн.

Но кривизна оказалась не отрицательной, как в седловине, а положительной, как на шаре. Не по Лобачевскому, а по Риману.

Я.

Геометрия Лобачевского – частный случай геометрии Римана. Вы, господа, просто еще не дошли до теории выворачивания, которую я создал в 1978 году под вашим влиянием:

Человек – это изнанка неба

Небо – это изнанка человека.

Первая строка – Лобачевский, вторая – Риман.

Риман.

Или наоборот.

Я.

Любопытствующих отсылаем в раздел топологии (не путать с патологией). Там есть терема выворачивания.

Хлебников.

Но до выворачивания я не дошел ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

Я.

А, может, и дошли. Может, я – это Хлебников в будущем, а Риман – я в прошлом.

Читатель.

Голова крúгом, господа, от ваших построений.

Я.

Это не построения, а реальность.

Лобачевский.

Все думают, что моя геометрия нечто непредставимое. Войдите в комнату смеха с вогнутыми зеркалами. На их поверхности моя геометрия и ваши лица, спроецированные по ее законам.

Флоренский.

Это закон обратной перспективы. Точка проекции позади вас, а вы внутри изображения. Внутри своего лица. Оно вас обхватывает.

Риман.

А в комнате смеха с выпукло-вогнутыми зеркалами моя геометрия. Вы обнимаете всё. Всё обнимает вас.

Тютчев.

*Час тоски невыразимой,
все во мне и я во всем.*

Маяковский.

*Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!*

Риман и Лобачевский.

Мы вывернули!

Маяковский.

Выворачивайтесь в марше!

Я.

Не в марше, а в любви. Женско-мужская геометрия тел сама моделирует выворачивание. И на телесном, и на духовном уровне.

Женщина-математик из фильма «17 мгновений весны».

В любви я Эйнштейн!

Эйнштейн.

Получается, что в науке я Шекспир, автор «Ромео и Джульетты». Чтобы отразить геометрически их любовь, нужны Риман и Лобачевский.

Я.

Без меня не обойдетесь. Нужно еще и выворачивание.

Хлебников.

*Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.*

Я.

Невеста лохматая светом
невесомые лестницы скачут
она плавную дрожь удочеряет
она петли дверные вяжет
она пальчики человечит
стругает свое отраженье
на телесном батуте пляшет
ширеет ширмой мерцает медом
под бедром топора ночного
рубит скорбную скрипку
тонет в дыре деревянной
голос сорванный с древа
держит горлом вкушает либо
белую плаху глотает
Саркофаг щебечущий вихрем
хор бедреющий саркофагом
что ты дочь обнаженная
или ты ничья
или звеня сосками месит сирень
турбобур непролазного света
дивным ладаном захлебнется
голодающий жернов – 8

перемалывающий храмы
 В холеный футляр двоебедрой
 секиры можно вкладывать
 только себя

Пикассо.

«Рубит скорбную скрипку» – это под влиянием моей скрипки.

Я.

Конечно. Скрипку как ни разруби, она все равно скрипка. Лекало лекал.

Хлебников.

Это есть в моем первом прозаическом отрывке. Голубизна василька должна слиться с кукованием кукушки. Слух и зрение – это время и пространство, они должны слиться. Пусть на моей могиле напишут: он связал пространство и время.

Я.

Ну да, вы тогда только что узнали о докладе Минковского.

Минковский.

Отныне время само по себе и пространство само по себе становятся пустой фикцией.

Я.

Многие до сих пор не понимают, что такое пространство-время или время-пространство Минковского.

Минковский.

Многие до сих пор не поняли, что именно я открыл. Время и пространство зависели друг от друга и у Ньютона. У меня же любая точка в пространстве тотчас растягивалась во времени, и любая точка во времени тотчас растягивалась в пространстве. Никакой точки времени или точки пространства. Есть только отрезки прост-времени. Они сливаются в линию мировых событий.

Я.

Лимис.

Минковский.

Что?

Я.

Линия Мировых Событий – Лимис.

Минковский.

А как обозначим пространство-время?

Я.

Таймраум. Тайм по-английски – время. Раум по-немецки – пространство. Таймраум.

Бахтин.

Я предлагал хронотоп. Хронос – время, топос – пространство.

Эйнштейн.

А я предлагал пространственно-временной континуум.

Я.

Проврекон.

Хлебников.

Новые слова редко прививаются. Я придумал слово «летчик» и «львица». До этого был авиатор. Летчик привился, а львица отлетела.

Я.

Я придумал слово «метаметафора» для выворачивания в поэзии, и еще «инсайдаут». Метаметафора привилась, инсайдаут выпал.

Крученых.

Дыр бул щил убещур скум.

Я и Хлебников.

Привилось!

Щерба.

Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка.

Я, Хлебников, Крученых.

Привилось!

Лобачевский.

Воображаемая геометрия.

Все.

Привилось!

Эйнштейн.

Пространственно-временной континуум.

Все.

Не привилось!

Минковский.

Линия мировых событий.

Все.

Привилось, но длинно.

Сергей Капица.

Я говорю просто: мировая линия.

Я.

Может, все-таки лимис и раумтайм?

Все.

Посмотрим.

Я.

Раумтайм, раумтайм, улыбнитесь,
ведь улыбка – это флаг корабля.
Раумтайм, раумтайм, подтянитесь,
только смелым покоряются моря.

Хлебников.

*Времыши-камыши
На озера береге,
Где камня временем,
Где время камнем.
На берега озере
Времыши, камыши,
На озера береге
Священно шумите.*

Эйнштейн.

Это уже ОТО.

Все.

Что?

Эйнштейн.

Это уже не специальная, а общая теория относительности – ОТО.

Хлебников.

*Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времireй.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времireй.
В беспорядке диком теней,
Где, как морок старых дней,
Закружились, зазвенели
Стая легких времireй.
Стая легких времireй!
Ты поюнна и вабна,
Душу ты пьянишь, как струны,
В сердце входишь, как волна!
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времireй!*

Раумтайм

Хлебников рассуждал так: если год – это оборот земли вокруг солнца за 365 дней, значит через каждые 365 лет должны повторяться одни и те же события, как повторяются времена года.

Если месяц за 28 дней превращается в луну и снова в месяц, значит через каждые 28 лет события должны повторяться.

Но если есть повторы событий, значит должны быть и противоположные – контрсобытия.

Дальше шел Пифагор. Повторы через $2n$ – четные. Контрсобытие через $3n$ – нечетные.

Введя коэффициенты $\sqrt{2n}$ и $\sqrt{3n}$, умножив на них 365, Хлебников получил число 317 для событий противоположных.

Так в 1912 году в статье «Учитель и ученик» он предсказывает, что в 1917 следует ждать падения империи. Он не знал, какая это будет империя: Британская, Австро-Венгерская, Французская. Пала Российская империя.

Вычисления Хлебникова на уровне школьной математики пестрят ошибками. Его «Доски Судьбы» проверялись в лаборатории академика Колмогорова. Результат отрицательный. Дело не в математике.

Хлебников понял главное: прошлое, будущее и настоящее никуда не исчезают. Они существуют всегда.

Он озвучил свою модель бессмертия своими стихами и заселил ее вечными двойниками себя по имени Ка и Зангези.

Теломерие

Я.

Единственное, в чем я не согласен с Хлебниковым, – это в названии. Он заменил геометрию Лобачевского доломерием. Но почему мы должны измерять мир каким-то гео или доло. Я предлагаю вместо геометрии и топологии «теломерие».

Тело – это лекало неба

Небо – это лекало тела

Если вы посмотрите на звездное небо в обратной перспективе, оно окажется все внутри вас.

Хлебников.

Я, тать небесных прав для человека,

Запратал мысль под слов туманных веко.

*Но, может быть, не умертвил, —
взор подарит свой Вий
Тому, кто на языке понятном молвит:
«Главу-державицу овей!»*

Мы полетим в космос, не сходя со стульев земного шара!

Я.

*Да, да. Был у вас еще и такой план:
Ты прикрепил к созвездью парус
чтобы сильнее и мятежней
земля неслась в надмирный ярус
а птица звезд осталась прежней.*

Разумеется, футуризм устарел. Переделывать космос, минуя законы Творца, начертанные в человеческом сердце, — это в высшей степени аморально. Расплата была ужасной:

*И на путь из звезд морозных
Полечу я не с молитвой.
Полечу я мертвый, грозный
С окровавленной бритвой.*

За все надо платить. За свою «Воображаемую геометрию» Лобачевский расплатился слепотой. За свою звездную азбуку Хлебников расплатился параличом и классически ранней смертью в каноническом возрасте 37 лет. До такого же возраста дожил Маяковский не то застреленный, не то застрелившийся.

Маяковский.

В ночи Млечпуть серебряной Окою...

Хлебников.

*Кто меня кличет из Млечного пути?
А? Вова!
В звезды стучится!
Друг! Дай пожму твое благородное копытце!*

Маяковский.

*Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию*

Хлебников.

*Мы устали звездам выкать
Мы желаем звездам тыкать!*

Маяковский.

*Прямо
перед мордой
пролетает вечность –
бесконечночасый распустила хвост.
Были б все одеты,
и в белье, конечно,
если б время
ткало
не часы,
а холст.
Впречь бы это
время
в приводной бы ремень, –
спустят
с холостого –
и чеши и сыпь!
Чтобы
не часы показывали время,
а чтоб время
честно
двигало часы.*

Я.

Гениальная мысль, проговоренная как бы шутя. Грандиозный переворот предлагает Маяковский как истинный футурист. Пусть время двигает нам часы, чтобы мы жили вечно. Вот что за этим кроется. Индустриальное освоение времени уже началось. Пока на уровне квантовых процессов микромира. Эффект Эйнштейна-Подольского-Розена подтвердился. Машина времени на квантово-информационном уровне возможна.

Хлебников.

Я же говорил о лучах времени, преломляемых в наших линзах.

Я.

Вы говорили еще о звуках.

Хлебников.

Пусть мглу времен развеют звуки азбуки мирового языка.

Я.

Помню, помню. С – сияние, исходящее из одной точки (свет, солнце, снег). П – разлетающийся объем (пар, порох, пух). М – уплотняе-

мый объем (масса, мир, мозг). Ч – полая пустота (чаша, череп, челн). В – вращение вокруг центра (время, веревка, вихрь). З – луч преломленный и отраженный. Честно говоря, конкретика меня здесь мало волнует. Важен принцип. Конница звуков врывается в мироздание, как Батый: «лавой беги, человечество, конницу звуков взнуздав». Я горлом чувствую вашу высшую правоту. И сегодня космологи говорят, что в основе возникновения мира некая вибрация, мировой звук.

Хлебников.

Это уа – ау. В нем весь объем мира. Уа – начало, брошенное вдаль. Ау – отклик. Эхо возвращается обратно, измерив и воссоздав весь мир.

Я.

Кстати, ОМ или АУМ – священный санскритский слог, очень похожий на это уа-ау.

Хлебников.

*Стоит Бешту,
как А и У,
начертанные иглой фонографа.*

Я.

Мир был для вас большой граммофонной пластинкой. Пластинку можно разбить. Музыка останется.

Хлебников.

Я говорил о звукояре событий. Катастрофа событий.

Я.

Да, вы в нее попали.

Хлебников.

Манч, манч, эхамчи, Нефертити, помогай (*падает, зажимая рану рукой*).

Я.

Нет, это падает Маяковский.

$\sqrt{-1}$

Хлебников.

Я всего лишь корень из нет единицы.

Я.

Гениальная идея. Если я занимаю место в раумтайме, значит, я вытесняю некое не-я или анти-я.

Хлебников.

Есть мнимые числа, стало быть, есть...

Флоренский.

...мнимости в геометрии. Потусторонняя сверхсветовая реальность.

Я.

Мне удалось домыслить эти идеи. Если предельная скорость света 300000 км/сек – барьер физической реальности, значит за этим барьером реальность духа. Скорость мысли больше скорости света. Проще говоря, информационный мир подчиняется сверхсветовым моделям.

Гедель.

Я смоделировал, что будет за световым барьером. Время устремится из будущего к прошлому.

Хлебников.

Я это уже знал в мистерии «Мирсконца». Мертвый встает из могилы, выходит из гроба и так от гроба до детской колыбели.

Я.

Это мир, лишенный трагизма. Если бы мы начинали жизнь в могиле, потом воскресали, жили, а заканчивали жизнь в материнской утробе... Есть поговорка: «Мама, вырости меня обратно!» Начать жизнь старцем и плавно закончить ее младенцем. Может, так и выглядит наша смерть там, за световым барьером?

Хлебников.

Я в чистом неведении писал свой «Перевертень», пока вдруг не почувствовал, что в строке, читаемой в обратную сторону, время движется из будущего в прошлое.

Я.

Вот вам и футуризм. Не переименовать ли его в перфектизм? Называли вы себя будетлянином, а сами туда – к Аменхотепу, Эхнатону и Нефертити. «Ка» – самая гениальная вещь, шедевр шедевров, да и в «Зангези» Юнона очищает свое мраморное тело от ржавчины напильником. А там Перун, Велес, Улункулулу, мавки, лешие. Все логично, как в вашей поэме «Шаман и Венера», где античная богиня приходит к сибирскому шаману.

Венера:

Меня забыл ваять художник

Мной не клянется больше витязь.

Народ-безумец, народ-безбожник,

куда идете? Оглянитесь!

Хлебников.

Я вижу конские свободы и равноправие коров.

Я.

Вы и это видели! Будущее было вам нужно, как тетива для полета в прошлое – туда.

Маяковский.

В простое, как мычание.

Крученых.

Дыр бул щил убещур скум.

Я.

Недавно антропологи реконструировали глотку первочеловека. Получается, что легче всего и чаще всего произносился в праречи звук «ы». По-абхазски человек – аоуы. Я этого не знал, когда создавал в 1980 году свою «Мелодию для зурны».

А Дюляра

О Дюляра

У Дюляра

Ы Дюляра

АОУЫ Дюляра

Хлебников, Маяковский, Крученых, я.

Дыр бул щил убещур скум, м-м-м-м-м, п-п-п-п-п, аоуы, уа-ау, бобэо-би, бо-бо.

Я.

Туфато артифи фируль парайя пилла.

Хлебников.

Ра-ум

Пра-ум

При-ум

Вы-ум

За-ум

Бейте в благовест ума

Крученых.

Пращур ящур убещур скум.

Хлебников.

Они голубой тихославль,

Они голубой окопад.

Они в никогда улетабль,

Их крылья шумят невпопад.

Мы, низари, летели Разиным – чувствуете божественную нет-пустоту, $\sqrt{-1}$ при движении строки туда и обратно?

Я.

От колыбели к гробу, от гроба к колыбели. Это и есть формула бессмертия Велимира Хлебникова, спроецированная в мировую историю. Тут есть нечто весьма знакомое. То самое воспоминание о будущем. Да, наша мысль и душа живут в вечности. Мы все уже умерли в будущем и родились в прошлом.

Эйнштейн.

Но прошлое и будущее – это человеческая иллюзия, не имеющая физического смысла. Я об этом своему сыну написал незадолго до своей смерти.

Хлебников.

А я это понял даже раньше вас лет на 30. Если и то, и другое – иллюзия, почему не поменять их местами?

Я.

Так Хлебников с помощью рокировки будущего и прошлого духовно победил смерть.

Часы для вечности

Лично мне все стало ясно где-то в 15 лет. Вернее, я даже точно помню, когда это было. 30 августа 1958 года в полночь в Измайловском парке недалеко от метро.

Я вдруг почувствовал всю полноту времени и пространства. Исчезла граница между внешним и внутренним. Во времени произошла рокировка прошлого с будущим. И то, и другое сошлось в настоящем. Уже тогда я мог бы начертать модель часов вечности.

Это объемная лента Мебиуса, закрученная двойной спиралью.

Стрелки на двух циферблатах справа и слева вращаются по направлению к центру. К настоящему. При этом сам центр тоже перемещается. Упрощенно можно сказать, что время на двух циферблатах из прошлого и будущего движется всегда к настоящему. Настоящее – условный центр, где спиральная лента Мебиуса перекручивается и таким образом проецирует ход в обратном направлении из настоящего в будущее и прошлое.

На таких часах и прошлое, и будущее, и настоящее постоянно меняются, воздействуя друг на друга. Например, времена религиозных реформаторов Эхнатона и Нефертити стали совсем другими, когда мы увидели их глазами людей 21-го века. Надо ли говорить, как будущее

воздействует на настоящее и прошлое, и как прошлое с настоящим меняют будущее.

Тогда смерть и рождение видятся в проекциях. Одна привычно житейская. Сначала родился, потом умер. Другая – сначала умер, потом родился. Так же меняется и пространство, рокируя внутреннее (я) и внешнее (мир). При этом человек становится больше вселенной.

И, может быть, гора кровавых тел
не может быть горю никогда,
поскольку тело больше, чем гора любая.

Хлебников.

Ну и я так мыслил:

*И пусть невеста, не желая
Любить узоры из черных ногтей,
И вычищая пыль из-под зеркального щита
У пальца тонкого и нежного,
Промолвит: солнца, может, кружатся, пылая,
В пыли под ногтем?
Там Сириус и Альдебаран блестят,
И много солнечных миров...*

А во времени я в прошлом – Омар Хайям, в будущем Хлебников, а настоящем Лобачевский.

Омар Хайям и Генрих Сапгир.

*Поскольку все, что в мире существует,
уйдет, исчезнет, а куда – бог весть,
все сущее, считай, не существует,
а все несуществующее есть!*

Хлебников.

Ну да. Я есть $\sqrt{-1}$, корень из нет-единицы.

Флоренский.

И я об этом пишу в своем главном труде «Мнимости в геометрии».

Я.

Да ведь и христианство считает смерть жизнью вечной. Христос вокресе из мертвых, смертию смерть поправ. Смерть попирается только смертью. Этот переход к вечной жизни на часах вечности выглядит как точка выворачивания объемной ленты Мебиуса в четырехмерность раумтайма Минковского.

Лобачевский.

В моей геометрии это выглядит как смена отрицательной кривизны на положительную или наоборот.

Риман.

Нет, это уже в моей геометрии. Ваша – только для отрицательной кривизны.

Лентулов.

Выходит, что когда я изобразил внутреннее пространство Иверской часовни снаружи, а часовню поместил внутри ее «внутреннего» пространства, я это сделал по Риману и Лобачевскому?

Я.

Пожалуй, это единственный случай в мировой живописи рокировки внутреннего и внешнего, но только мне это удалось проделать не с предметом, а с человеком. Я просто это сам пережил и увидел и ни у кого не нахожу ничего подобного. Я обозначил это четырьмя терминами: выворачивание, инсайдаут, метаметафора и еще антропная инверсия. Посмотрим, что более приживется. Сегодня лидирует метаметафора.

Мета-мета

Я.

Это мой друг Генрих Сапгир придумал так обозначить все, что я делаю. Мета-мета. В апреле 1991 года я долго рассказывал ему в Париже о метаметафоре. Когда мы подошли к мосту через Сену возле замка в центре Парижа, он сказал:

Генрих Сапгир.

Я понял. То, что близко и внутри, то на самом деле далеко в космосе. А то, что в космосе, далеко, на самом деле внутри и близко.

Николай Кузанский.

Бог не на небе. Бог ближе, чем вы думаете. Он ближе к нам, чем мы сами близки к себе.

Игорь Холин.

*Небо уходит вглубь
Звезды уходят вглубь
Море уходит вглубь
Глубь
Ты меня приголубь...*

Костя! Никого не слушайте, делайте, что хотите!

Роман Якобсон.

Я так и не понял в связи с грамматикой. Что получится, если подвергнуть выворачиванию грамматику?

Я.

Читайте мою «Цветомузыку»:

Всему тихо их постепенно
потому что исповедально хотеть люблю...

Или «Партант».

Мне чашельно и немного чайно
Сатурно юпитериально
И молнит в над
Всемирно-ближне отклоненный
Коронарно-югенд...
Партант оповещант
Юго-радостно
Восточно-печально
Парашютно и вне губнея
Простирательно в ничтоже сумняшеся...
Ты пес и тебе псово
И псу тебеينو
И я тебе песнь тобойно псово
Итака атака Киото и таково

Холин.

Да, мы двигались в этом направлении, но почему-то забуксовали.
Да и вы «Партант» и «Цветомузыку» создали в 88-ом году, а что
дальше?

Я.

Потом было квантование смысла в «Гамме тел Гамлета». Квантова-
ние до одной буквы.

Офелия вошла буквой А
села буквой В...
Могильщик роющий могилу буквой М
выбрасывает прах наверх буквой Г
ГМ-ГМ-ГМ...
Сошлись в поединке
Сомкнулись шпаги – Х
Гамлет выбивает шпагу у Лаэрта – У
Лаэрт занес клинок над Гамлетом – Й
Теперь вся сцена в движении
Х Й У
У Й Х
Й У Х

Бенедикт Лифшиц.

Вначале мы думали, что нашим союзником станет потомок Бурбонов, профессор Казанского университета Бодуэн де Куртене.

Де Куртене.

Я учил, что слово состоит не из звуков, а из минимальных смысловых единиц – фонем.

Я.

Никто толком не знает, что такое фонема. Например, если слово «корова» написать «карова», смысл не изменится. Значит «а», «и», «о» не фонемы. Если сказать «каова», все равно все поймут, о чем идет речь. Значит и «р» не фонема в этом слове. А вот если вместо «серб» сказать «сеп», смысл пропадет. Вот в этом контексте «р» – фонема.

Немы
фонемы
не мы
Мы не-
Мы.

Я пишу не звуками, а фонемами.

Хлебников.

Фонемы это и есть нет-единицы звуков, √-звука.

Я.

Йа лавлю
Ай лав ю
Ай лав'юга
Ай лавина

Хлебников.

Умрутные голуби...
Ужасокрыл смирился улетаю...
Нежеоты темный ствол...

Нильс Бор.

Ваши фонемы похожи на кванты. То ли звуки-частицы, то ли волны-фонемы. Все зависит от контекста.

Альберт Эйнштейн.

А как же парадокс Подольского-Розена?

Я.

Сегодня выяснилось, что это не парадокс, а реальность. Суть примерно в том, что если на одной части земного шара вы определили или, если хотите, вызвали квант как частицу, то в другом отдаленном месте этот же квант определится как волна. Получается, что кванты

на расстоянии телепатируют и сигналият своему двойнику, чем ему быть – частицей или волной.

Эйнштейн.

Получается, что сигнал передается мгновенно со сверхсветовой скоростью, но это физически невозможно.

Я.

Физически невозможно, а духовно – информационно – возможно. Скорость сигнала или, если хотите, мысли на квантовом уровне больше скорости света. Там метаметафора.

Эйнштейн.

Я так и не смог смириться с этим при жизни.

Я.

Зато ваши возражения и сам этот мысленный эксперимент стали прорывом в науке и в поэзии.

Эйнштейн.

В поэзии?

Я.

Да. Смысл в поэзии всегда за пределом смысла. Вот Пушкин все рассказал, и поэзия улетучилась, хотя он гений. Вот Хлебников что-то лепетал. Ничего непонятно, и все – поэзия.

Бор.

Нет, тут принцип дополнительности между высказанным и невысказанным. Там и прячется поэзия.

Хлебников.

Крылышкуя золотописьмом тончайших жил...

Я.

Да, да, «крылышкуя»! Потом я узнал, что кузнечик, о котором вы пишете, на самом деле – название птички, и поэзия улетучилась. Крылатый кузнечик – поэзия. Крылатая птичка – проза.

Борис Пастернак.

За стаканчиком купороса ничего не бывало и нет.

Я.

Я-то думал, что вы купорос хотели выпить, как Радищев, а потом выяснилось, что стакан с купоросом ставили между рамами, чтобы стекла не покрывались морозным узором.

Гавриил Державин.

В звездах не превращусь во прах!

Я.

Все думали, что речь идет о звездах на небе, а вы имели в виду орден на мундире. Прощай, поэзия.

Эйнштейн.

Так что же в таком случае поэзия?

Я.

Стоит дать определение, и она тотчас же улетучится.

Гедель.

Да, да, это в моей теореме о неполноте языка. Если высказывание верно, оно неполно. Если высказывание полно, оно неверно.

Я.

Чистейшая поэзия.

Машина времени

Хлебников.

Лучи ума из прошлого и будущего будут спроецированы в специальные линзы. А потом мы научимся проецировать в прошлое и будущее свое Я. Так я отправил себя во времена Эхнатона и Нефертити с помощью «Ка».

Я.

Это я за вас слегка все домыслил. И позволю себе заметить, что линза времен уже создана. Это наш мозг.

Лобачевский.

Ясно, что оптика этих линз строится по законам Воображаемой геометрии.

Я.

Раз мир подчиняется геометрии Римана, то его нет-единица ($\sqrt{-}$ —мир) подчиняется геометрии Лобачевского с обратной перспективой и отрицательной кривизной.

Павел Челищев.

Спасибо тебе, двоюродный внучек. Ты стал мне родным уже в тот момент, когда я спроецировал тебе оттуда свое послание, и ты все понял и написал:

Я взглянул вокруг и удивился:
где-то в бесконечной глубине
бесконечный взор мой преломился
и вернулся изнутри ко мне

Семен Кирсанов (*футурист, ученик Маяковского*).

*Как, разве оптика глазная
была неточной и неверной,
туманно зренью представляя
наш ясный мир четырехмерный*

Я.

Четырехмерность Минковского-Эйнштейна не следует путать с четырехмерностью пространства, что и сделал Хлебников.

Хлебников.

Люди, мозг людей и доныне скачет на 3-х ногах. Мы приделываем этому щенку четвертую лапу – время.

Я.

Да, великий Велимир не понял, что речь идет не о времени и пространстве, а о раумтайме. Но это не помешало ему создать гениальные феерии на тему: время – это четвертая координата пространства. Он вывел нас из вселенной Ньютона на ничейную полосу между Ньютоном и Эйнштейном. Мне предстояло совершить следующий шаг.

Эйнштейн-Минковский.

Добро пожаловать в нашу вселенную раумтайма и метаметафоры.

Я.

Ба, да здесь уже и без меня народу полно: Кандинский, Малевич, Пикассо, Лентулов. А где же друзья поэты?

Минковский.

Как ни странно, художники обогнали. Зрение опередило слух. Глаз обогнал ухо. Живопись увидела то, что еще не обозначено словом.

Эшер.

А мою графику вы забыли?

Я.

Нет, не забыли. Просто это где-то на грани между геометрией и поэзией.

Эшер.

Но ведь и у вас такие же переходы:

Я – язычник языка

Я янычар чар

Язык мой немой

Не мой

Хлебников.

А мы не слишком далеко ушли от машины времени?

Я.

Наоборот. Только сейчас мы к ней и приблизились. Вы придали времени все свойства пространства. В том числе возможность двигаться в нем туда и обратно. Космологи говорят, что есть области вселенной, где время «опространствливается». Что это такое, никто не знает. Читайте Велимира Хлебникова – «Ка», «Зангези», «Дети выдры», и вы

все поймете. Информация не подчиняется ограничениям на сверхсветовую скорость передачи сигнала. Стало быть, любой мысленный полет с такой скоростью моделирует не фантазию, а сверхреальность. «Зангези» называется сверхповесть, состоящая из «плоскостей» многих миров, где первая плоскость – звук, вторая – боги или символы, третья – слова и смыслы. Все это вы сами нам объяснили.

Хлебников.

Значит я действительно создал из звуков и заумного языка машину времени.

Я.

Скорее машину вечности.

Как в грамматике где нет правил
«не» с глаголами не отдельно
но вместе
в каждой памяти есть провал
где живые с мертвыми вместе
Свод небесный слегка надтреснут
как надломленная печать
Надо вспомнить чтобы воскреснуть
Воскресать – значит вспоминать

Поэзия как воспоминание

Хлебников.

Я вспомнил себя, когда я был Хайямом, Лобачевским и Эхнатомом.

Я.

Оказавшись в Казани в 15 лет, я понял, что был Хлебниковым и Лобачевским. Более того, я понял, что они и привели меня в свой Университет. Я в точности повторил судьбу Велимира – был отчислен с первого курса журналистики. Однако, посетив могилу Лобачевского, я выпросил у него чудо. Меня восстановили вольнослушателем истфилфака. Главным чудом стала защита диплома «Влияние геометрии Лобачевского и теории относительности Эйнштейна на художественное мышление В.Хлебникова» на отлично. Защита состоялась в 1967 году, когда имя Хлебникова упоминалось крайне неохотно и фактически было под запретом.

Хлебников.

*Я помню лик суровый и угрюмый
запрятан в воротник*

*То, Лобачевский, ты
суровый числоводск
Во дни давно и весел
сел в первые ряды кресел
думы моей, чей занавес уже поднят*

Я.

В 1958 году я мог подписаться под каждой строкой этого стиха Хлебникова. Мое сознание поразили три вещи.

1. Через точку вне прямой можно провести не одну (как утверждал Евклид), а бесконечное множество прямых, параллельных данной. Надо только чтобы поверхность была вогнута седловиной.

2. Кратчайшее расстояние между двумя точками не прямая, а дуга.

3. Сумма углов треугольника не равна $2d$.

Какое дело мне, восьмикласснику, было до Воображаемой геометрии, о которой рассказал мне пьяный математик Владимир Потапов? Самое прямое. Интуитивно я чувствовал, что мое переживание 30 августа 1958 года, когда я вместил в себя все пространство и все время, можно изобразить только с помощью этих вогнутых линз. Такой живописи еще не было и нет до сих пор, а такую поэзию я начал создавать уже тогда. Все увенчалось строками:

Нуль миров вращается в небе звезд

Это взгляд возвращается к своему истоку

Словом:

Я вышел к себе

через навстречу от

и ушел под

воздвигаю над

Хлебников.

Но с моей поэзией вы тоже познакомились где-то в 1963–64 годах.

Я.

Да! В библиотеке Казанского университета, основанного Лобачевским, я запоем прочел все пять томов под редакцией Ю. Тынянова. Запомнились навсегда слова из его гениального предисловия: «Хлебников был новым зрением. Новое зрение падает одновременно на все предметы». Теперь бы мы назвали это зрение голографическим.

Лобачевский.

Кстати, для голограммы нужна моя геометрия.

Я.

Да, но я решил пойти еще дальше и создать голографический стих. Задача была поставлена в 1968 году, и уже через десять лет я написал «До-потоп-Ноя Ев-Ангел-и-Я» – «Допотопное Евангелие». Вот он голографический стих:

Атон Эхнатон
ноты пел в тон
тенет нет
теней нет
тонет Эхнатон
в лете теней тенет
Смерть мертва
атома немота
Тот стал Этот

Смысловая нить понятна. Эхнатон отменил всех богов, кроме солнца – Атона. В Атоне «тон нот» (палиндром) – движение времени туда и обратно. Там же «тьень – нет» и выворачивание на уровне звука, когда бог смерти Тот, отмененный Эхнатоном, стал Этот. Потусторонний мир через звук Э вывернулся сюда. Подобным же образом сплошь зарифмована река смерти Стикс.

Стикс стих
Стих стих
Кит тик-так
Червя время – чрево
Время во чреве скит
Рек киту Иона
Во время оно

Голограмма «кит – тик», она же палиндром. Голограмма «Стикс – скит», голограмма «стих (стихотворение) и стих (глагол)», голограмма «червь – чрево» и время – чрево. Еще явственнее на уровне звука и смысла голограммное выворачивание в «Адамовом яблоке».

Червонный червь заката
путь проточил в воздушном яблоке
и яблоко упало
Тьма путей прочерченных червем
все поглотила
как яблоко Адам
То яблоко, вкусившее Адама
теперь внутри себя содержит древо

а дерево, вкусившее Адама
 горчит плодами – их вкусил Адам
 Но для червя одно –
 Адам и яблоко и древо
 На их скрещенье червь восьмерки пишет
 Червь, вывернувшись наизнанку чревом
 в себе содержит яблоко и древо.

Голограмма «червь – чрево», голограмма «червь – червонный» не самоцель. Ведь речь идет о черве Державина: «Я царь – я раб – я червь – я бог». Я решил показать, как червь, извиваясь в объеме знака бесконечности ∞ – горизонтальной восьмерки, обретает все мироздание. Воздушное яблоко мира становится его чревом. Голограмма «чрево» и «древ» тоже об этом.

Хлебников.

У вас в «Допотопном Евангелии» есть еще голограмма: Озирис – озарение.

«Зырит zenки Озирис – озарись». И еще «нуль – лунь», «луна – лоно», «Астарт – истерто».

Я.

Стара Астарт
 истерла лоно
 оно ль стало
 лунь – нуль

Почти все рифмы голограммны и палиндромны. Время закручивается в обратную сторону из прошлого и из будущего в настоящее. То есть от начала и конца строки или слова к их сердцевине, середине звукословесной ленты Мебиуса – восьмерки. Потому и в «Невесте» – «дивным ладаном захлебнется голодающий жернов 8». В «Невесте» геометрия и доломерие заменены теломерием невесты, все стягивается к ее лону, как все звуки исходят из середины скрипки. «Рубит скорбную скрипку, тонет в дыре деревянной».

Хлебников.

Самое время объяснить, почему Пушкин – Евклид, а мы – Лобачевские.

Я.

У Пушкина, как у Евклида, строка со строкой рифмуются ровно и параллельно. Вспомним аксиому Евклида, опровергнутую Хайямом, Лобачевским и Яношем Бояи, убитым на дуэли. Через точку вне прямой можно провести только одну прямую линию, параллельную дан-

ной. Стих Пушкина – ряды параллельных строк, всегда рифмуемые в конце. Только одна точка – только одна рифма. У меня зарифмованы почти все звуки по принципу «свет – весть». Иногда это называют анаграммой, но я называю это голограммой стиха. Рифмуется все со всем, не по Евклиду, а по Лобачевскому – Хайяму – Бояи – Хлебникову. Через точку вне прямой можно провести бесконечное количество прямых, параллельных данной. Голографический стих только внешне похож на верлибр. На самом деле он весь зарифмован и преломлен в двояковыпуклой линзе обратной перспективы Павла Флоренского – Павла Челищева.

Спиноза.

Как шлифователь линз и алмазов я не могу не вспомнить тут ваше «зеркало – лекало звука», где звуки уподоблены лучам и нотам. При этом стих от начала и финала стягивается выпукло-вогнуто к середине линзы-стиха.

Я.

Зеркало
лекало
звука
в высь
застынь
стань
тон
нет тебя
ты весь
высь
вынь себя
сам собой бейся босой
осой
sss – zzz
озеро разреза
лекало лика
о плоскость лица
разбейся
то пол потолка
без зрака
а мрак
мерк
и рек

ре
 до
 си
 ля
 соль
 фа
 ми
 ре
 и рек
 мерк
 а мрак
 без зрака
 то пол потолка
 разбейся
 о плоскость лица
 лекало лика
 озеро разреза
 ссс — ззз
 осой
 сам собой бейся босой
 вынь себя
 высь
 ты весь
 нет тебя
 тон
 стань
 застынь
 в высь
 звука
 лекало
 зеркало

Эйнштейн.

Вы создали звуко-смысловой образ знаменитого ныне светового конуса мировых событий. В верхней части конуса абсолютное будущее, в нижней абсолютное прошлое. Место их встречи – ноты «до-си-ля-соль-фа-ми» – обрамляемы сверху и снизу верхним и нижнем «ре».

Я.

Если у кого-то голова пошла кругом, считайте ноты «до-си-ля-соль-фа-ми» поверхностью звуко-свето-зеркала или свето-звуко-зеркала.

Важно, что раумтайм из прошлого и будущего движется к этой заветной середине.

Хлебников.

Я понимаю, что это не просто стих, а некая звуко-световая машина времени, вернее, вечности.

Лобачевский.

Кроме «Воображаемой геометрии» есть еще «Воображаемая поэзия». Вы с Хлебниковым в течение XX века создали другую поэзию.

Я.

Это метапоэзия.

Есенин.

*Все живое особой метой
отмечается с давних пор...*

Я.

Не следует заикливаться лишь на Эйнштейне и Лобачевском. Не менее важны сравнительно молодая математическая дисциплина топология и теория фракталов. Мои стихи и образы – это фракталы и топологические преобразования тел. Я об этом не думал, когда создавал «Зеркальный паровоз» или моделировал выворачивание своего Я в мироздание до полного охвата всей бесконечности. В топологии, как я узнал позднее, есть теорема выворачивания. Например, шар, вывернувшись на изнанку, превратится в тор – баранку. Но не геометрия, а теломерие меня волновало. И даже не тело, а мыслечувство. В теле нет геометрии Евклида, она там разве что на уровне кристаллов присутствует. Все остальное – неевклидова геометрия с положительной или отрицательной кривизной.

Риман.

Создавая живое, Бог пользовался моей геометрией.

Клейн.

И моей бутылкой Клейна.

Мебиус.

И моей лентой Мебиуса.

Я.

Вот все эти геометрии и стали раумтаймом моего стиха «Адамово яблоко».

Адам.

Поясните.

Я.

Сначала мир дан, как яблоко – сфера Римана с положительной кривизной. Но «тьма путей прочерченных червем» все поглотила. Свет связан с положительной кривизной – взгляд на сферу-яблоко снаружи. Тьма – отрицательная кривизна, которую «червь» Лобачевский-Державин протачивает внутри яблока («я – царь, я – раб»). Но только после выворачивания из отрицательной кривизны в положительную и совместив их, как Риман в своей геометрии, мой червь сможет закончить строку Державина: «я – червь, я – бог».

Адам.

Тьма путей
прочерченных червем
все поглотила
как яблоко Адам

Я.

Дальше происходит мерцание геометрий от Лобачевского к Риману, от Римана к Лобачевскому.

То яблоко
вкусившее Адама
теперь внутри себя содержит древо
а дерево
вкусившее Адама
горчит плодами –
их вкусил Адам.

И, наконец, совмещение всех геометрий. Человек внутри вселенной, вселенная внутри человека. Внутренне-внешнее и внешне-внутреннее пространство обретено:

Червь
вывернувшись наизнанку чревом
в себя вмещает яблоко и древо.

Червь – чрево, яблоко – древо. Это Лобачевский – Риман, Риман – Лобачевский. Человек – вселенная, вселенная – человек.

Ева.

Получается, что мужчина – это женщина наизнанку?

Я.

Да!
Женщина – это нутро неба
Мужчина – это небо нутра.

Время после Эйнштейна

(Программа «Очевидное – невероятное»
25 сентября 2003 г.)

Сергей Петрович Капица.

Наша сегодня передача посвящено встрече с необычным философом, поэтом Константином Кедровым. Сегодня для нашей беседы мы выбрали тему времени, которая, казалось бы, очевидна. О чем тут можно говорить? Часы идут, мы живем вот в такой дисциплине временного континуума. А что вы можете сказать как художник, как человек, чувствующий время с человеческих позиций, а не с таких вот абстрактных, механических, которые как-то давят?

Я.

Это все-таки ощущение того, что здесь мгновенно – там всегда, как сказано у Жуковского. То есть мы состоим из мгновенного и вечного. И это мгновение, конечно, – это вечность.

Капица.

Вечность – это в прошлом, а вечное также и в будущем.

Я.

Ну в том-то и дело, что неправильно совершенно видели мир, я считаю, до Эйнштейна. Там прошлое – его уже нет. Будущее – либо будет, либо нет, тоже вне зоны нашего восприятия. А само слово «настоящее» – это подлинное. Но ведь Эйнштейн на самом деле открыл, что прошлое, будущее и настоящее обладают одинаковой подлинностью. Они, условно говоря, есть всегда. Но ведь то, что открыл Эйнштейн, гораздо больше. Ведь если идти дальше, последовательно за Эйнштейном, дойти до запрещенных сверхсветовых скоростей, то мы будем говорить о человеке.

Капица.

Этот разрыв я не совсем понимаю. Как вы преодолеваете его?

Я.

Это происходит очень естественно. Дело в том, что когда моделируется то, что могло бы происходить, условно говоря, при сверхсветовых скоростях, я понимаю, что физически это невозможно, то мы моделирует то, что в художественной литературе уже давно...

Капица.

Там таких запретов нет.

Я.

Там нет запретов. И поэтому преспокойно Толстой описывает смерть Ивана Ильича, который движется по черному туннелю, и ему кажется, что поезд движется в одну сторону, а он совсем в другую. И в тот момент, когда он это понял, вектор изменился. Он увидел свет в конце – кончено, смерть кончена, подумал Иван Ильич, потянулся и умер. Но это же взято из человеческого опыта. Значит есть некий метакод вселенский, который мы знаем без всякой даже физики. В физике мы как бы узнаем это, а в нас это все есть, мы это все знаем. Нам не обязательно садиться в ракету, летящую со сверхсветовой скоростью, благо что это и невозможно, для того, чтобы увидеть вот тот, метафизический мир.

Капица.

Еще один вопрос – на каком языке нам объясняться? Вы знаете, оказывается, что язык употребляет одни и те же слова, но у вас и у нас они означают разные вещи. И вы часто заимствуете наши слова и пользуетесь ими как метафорами, когда мы пользуемся ими как понятиями.

Я.

Знаете, что нас может спасти в этом случае? Метаметафора.

Капица.

Что это такое?

Я.

Это вот что такое. Если я беру научное понятие и осмысливаю его так, как оно у меня чисто по-человечески эмоционально преломляется, а вы слышите мой образ и спокойно его вводите в свою систему чисто научных представлений, не отвергая при этом, а просто видя – а что из этого кентавра получилось, то мы получаем такую вещь, как метаметафора. «Для Бога один день, как тысяча лет, и тысяча, как один день» – это как метафора звучит в Евангелии. Но физик же может это спокойно вместиť в свою систему.

Капица.

Но как?

Я.

На фотон.

Капица.

Как одно отображение другого.

Я.

Конечно. На фотоне, мчащемся со скоростью света, время... как там будет?

Капица.

Оно остановится.

Я.

Нулю будет равно.

Капица.

Но как бы формальным образом оно таким сделается.

Я.

А мы на него смотрим со стороны, там все по-другому как бы получается.

Капица.

Но, понимаете, есть очень сложный вопрос. Это путь от такого, я бы сказал, механистического понимания концепции мировой линии, которая обобщена Эйнштейном в геометрии Минковского, – то, что мы проходим в современной физике, такой же важности образ, как прямая, просто прочерченная на плоскости и воображенная в пространстве. Но это дальнейший путь обобщения. А то, что вы сказали, – это нечто большее, это выход за пределы таких представлений.

Я.

Я назвал это словом «выворачивание». Вот поразительная вещь – до относительности верха и низа человечество додумалось раньше, чем в невесомость вышло. Циолковский достаточно подробно это описал.

Капица.

Да, и весьма точно, надо сказать.

Я.

Весьма точно, хотя он не читал Евангелие от Фомы, где сказано: когда вы сделаете верх, как низ, вы войдете в Царствие. Но там ведь не только эти слова. Там сказано: когда вы сделаете внутреннее, как внешнее, и внешнее, как внутреннее.

Капица.

Это более глубокая вещь.

Я.

Это мое потрясение, в моей жизни – главное, основное. То, чем я всю жизнь занимаюсь.

Капица.

То, что вы называете выворачиванием.

Я.

«Выворачивание» – слово. Ведь если бы мы с вами сейчас вот, просто сидя в этих креслах, и наши телезрители, сидя у телевизоров, просто сменили вектор, условно говоря, внутреннего и внешнего –

что бы получилось? Вот эта комната, вот это небо, вот эта галактика, вообще все вот это...

Капица.

Вокруг нас.

Я.

Что было вокруг, окажется не вокруг...

Капица.

...а внутри.

Я.

А внутри. И при таком выворачивании, как всегда при выворачивании получается, меньшее вместит в себя большее. Ведь в момент выворачивания бутон содержит в себе цветок больший, чем он. Когда он выворачивается, цветок раскрывается.

Капица.

Это очень хорошо известно в геометрии. Когда у вас есть образ круга, и всякой точке вне круга всегда соответствуют точки внутри круга. И это то, что называется инверсией. И образ круга и образ вне круга, они в каком-то смысле эквивалентны. И бесконечность превращается в ноль.

Я.

Да. Но одно дело, когда это с какой-то точкой происходит, с какими-то точками...

Капица.

Но и так же можно сказать про образ. Круг нарисованный здесь, превращается в круг, нарисованный здесь.

Я.

Разумеется, когда я это почувствовал, я сказал: «Человек – это изнанка неба, небо – это изнанка человека». Для меня это не абстрактное высказывание, а главное ощущение моей жизни. Мало того, при этом и время как таковое с прошлым, будущим и настоящим оказалось внутри – внутренним, моим временем. Когда я стал читать о модели времени, которая в теории относительности представлена, я понял, что это-то и есть мое время, где прошлое, будущее и настоящее существуют одновременно. Но раскроем Евангелие, там же сказано: для Бога один день как тысяча лет и тысяча лет как один день. И тогда, условно говоря, сто лет человеческой жизни (я расширяю цифру до оптимизма) или сколько кому дано, они ведь в других системах отсчета могут растянуться до бесконечности. Лучше всего выворачивание представлено в этой

знаменитой спирали, которая одновременно расходится от себя и сходится.

Тейяр де Шарден назвал это точкой Альфа и точкой Омега. Вот эта спираль. Если это космос, а это человек, то в момент выворачивания космос и человек...

Капица.

...преображаются одно в другое.

Я.

Тут и лента Мебиуса, тут множество сразу теорем, топологических всяких вещей существуют. Вы знаете, Кант в свое время спрашивал насчет перчатки знаменитой. Если во вселенной перчатка, правая, с правой руки. Помните, у Ахматовой: «Я на правую руку надела / перчатку с левой руки». А вот если во вселенной такая перчатка – можно ли превратить правую в левую?

Капица.

Да, но это топологическая проблема.

Я.

Но оказалось очень просто.

Капица.

Ее нужно вывернуть наизнанку?

Я.

Ну конечно! И все. Так вот человеку надо вывернуться, как такая перчатка. Если это не перчатка, а сам человек, он при этом всю вселенную ощутит, это будет правильное ощущение, как свое вечное и бессмертное тело. Мы почему-то так устроены, что мы как бы разъединены с этим телом бессмертным. С одной стороны, философия, культура нам об этом говорят. Вот я приведу такой пример потрясающий – Андрей Белый на пирамиде Хеопса.

Капица.

Да.

Я.

Образовалась во мне некая спираль, – он говорит, – которая вывернула меня в космос (слово «космос» употребляет), и «я сам себя обволок зодиаком, как мякоть персика обволакивает косточку». Эти все вещи, эти все выворачивания – это то, к чему пришла живопись XX века. Почему у Лентулова «Иверская часовня», где внутреннее пространство вынесено наружу?

Капица.

Но это было также в иконописи. Иконопись вся построена на обратной перспективе.

Я.

На обратной перспективе, совершенно верно. Это и есть обратная перспектива. Мой двоюродный дед – Павел Федорович Челищев, который оформлял балеты Дягилева. В 1928 году они по сценарию Николая Набокова на «Размышление о Божьем величии» Ломоносова поставили балет. Люди-созвездия у него, фосфорические. И кстати, картины Челищева 40-х годов, 50-х – последние годы его жизни – все посвящены вот этой перспективе, о которой вы говорите. Но только, вы знаете, там не все открыл Флоренский, не все открыл Челищев. Они открыли сферическую перспективу. То есть в сферическом зеркале вы себя увидите и сверху, и снизу, со всех сторон.

Капица.

С этим экспериментировал Эшер.

Я.

Да. Вот если это совместить – геометрию Римана с геометрией Лобачевского, отрицательную кривизну и положительную – зеркало, то получится то, что у меня в стихотворении «Зеркальный паровоз». Только вместо паровоза человека надо поставить.

Зеркальный паровоз
 Шел с четырех сторон
 Из четырех прозрачных перспектив
 Он преломлялся в пятой перспективе
 Шел с неба к небу
 От земли к земле
 Вез паровоз весь воздух
 Весь вокзал
 Все небо до последнего луча
 Он вез всю высь из звезд
 И огибал край света
 Краями света
 И мерцал как Гектор
 Доспехами зеркальными сквозь небо

Вот вместо зеркала у человека есть чувство, и мысль, и мозг. Мне кажется, мы должны уже этот шаг сделать сейчас. Меня больше всего интересуют человеческие моменты, человеческое время. Вот время нашей человеческой жизни – мне хотелось бы, чтобы оно было соотносено с мировым временем. Не как с каким-то там чуждым физическим, астрономическим и так далее. А как с тем временем, в котором мы всегда и вечно живем.

Капица.

Но вот это ускорение исторического времени, о котором мы с вами когда-то рассуждали, — это же важнейшая вещь. И мы как раз по существу и находимся в какой-то точке Омега сейчас, когда время больше сжаться не может. И сейчас порвана связь времен.

Я.

Ну да, гамлетовское «распалась связь времен», оно действительно применимо к нынешнему времени, и мы, вероятно, находимся в этой точке бифуркации. Нам кажется, что мир разорван. Это довольно часто было с человечеством. Это нормально для человека. Почему гениален так Шекспир?

Капица.

Он вне времени в этом смысле.

Я.

Да, и он эту ситуацию Гамлета — ну кто из нас в ней не был: быть или не быть — опять вот эта точка бифуркации.

Капица.

Я понимаю.

Я.

Без нее человека нет. Но ничем, кроме любви и разума, преодолеть эту точку бифуркации у человека возможности нет. Любовь позволяет, разум и вдохновение.

Капица.

Есть еще одно понятие, которое обязательно надо помнить, — это необратимость времени локальная, которая есть. Вот эта стрела времени. Гераклит еще говорил, что нельзя дважды войти в одну реку.

Я.

Но именно физики как раз нам и объяснили, что запрета на обратимость как такового...

Капица.

Она есть и нету. В этом и есть, понимаете, сложность, двойственность, которую мы не преодолели.

Я.

А вот смотрите, с обратимостью. Не подумайте, что я заиклен так уж на этом чертежике, но тут нам он действительно может помочь. Да, на каждом отдельном участке спирали время необратимо.

Капица.

Ну я понял, да, оно четко движется по этому расписанию.

Я.

Он необратимо, необратимо, необратимо и вдруг – раз...

Капица.

Проваливается в эту сторону.

Я.

А если мы это распространим на каждый участок, голографически, то окажется, что да, оно и необратимо, потому что говорить, что смерти нет – это безумие. Есть она.

Капица.

Она есть просто переход в другое состояние.

Я.

Но оно и обратимо, потому что «смертию смерть поправ». Понимаете, есть такой какой-то момент.

Капица.

Это сильный образ очень.

Я.

Гигантский! «Христос вокресе из мертвых, смертию смерть поправ». То есть смерть можно только смертью преодолеть. Это потрясающе. Так и с необратимостью. Видимо, эту необратимость можно преодолеть только обратимостью. То есть проследить за ходом этой стрелы.

Капица.

Ну вот вечность жизни в восточных мифологиях делалась в основном через реинкарнацию, через рождение в какой-то новой сущности. И этим они решали эту проблему, ту, для которой мы не нашли способ решения, мы не взяли от восточной мифологии именно это.

Я.

А я предлагаю другую вещь. Я предлагаю взять триипостасность, открытую в христианском богословии. Ну не канонически, а взять как художественный образ. Бог-отец, Бог-сын и Бог-Дух Святой – едины. В смысле это не три разных существа, это одно существо. А что если мы с вами также имеем эту триипостасную сущность. То есть, есть я и есть вы – будущий, есть я и есть вы – прошлый и есть я и есть вы настоящий. Это не три разных существа, они все вместе содержатся, они все в одном находятся как бы. Мне кажется, это более правильная картина мира. Понимаете, мне кажется, что надо смелее соотносить время нашей человеческой жизни, вот эти условные семьдесят, смелее соотносить с тем временем и с тем про-

странством, которое открывает современная космология, современная физика.

Капица.

И современная история.

Я.

Современная история, потому что нет человека без этого. Это вечность.

Капица.

Я думаю, что есть какая-то параллель этого развития. Мир ваш и наш, если уж так его персонифицировать, он каким-то образом развивается параллельными курсами, особенно в 20-м веке.

Я.

Вы абсолютно правы. Все-таки правильно поняли теорию относительности в этом смысле, близко к этому, в этом направлении. И Хлебников так понял, и даже Маяковский. Помните, у него: «Впречь бы это время в приводной бы ремень, – спустят с холостого – и чеши и сыпь! / Чтобы не часы показывали время, / а чтоб время честно двигало часы».

Капица.

Это игра слов, но в ней есть своя мысль.

Я.

Есть поэтическое прозрение, есть глубина. Как-то так цивилизация развивалась, что лишила человека самого главного, без чего он жить не может, без чего его просто нет – без вечности.

Капица.

Я понимаю. Но это вопрос часов еще здесь. Мы навязали себе механические часы, потому что Бог их нам навязал движением земли, движением звезд.

Я.

Вот эти кружочки?

Капица.

Да, мы ходим по этому кругу. Во всех философиях этот круг является часовым механизмом времени.

Я.

Вот если бы сегодня было надо дизайн часов сделать, то вместо круглого циферблата я бы предложил все-таки...

Капица.

Спираль?

Я.

Такую спираль, где одна стрелка движется как бы из прошлого в будущее, а другая одновременно из настоящего в прошлое, и чтобы они встретились. Это было бы более правильное видение мира.

Капица.

Но вот образный мир поэтов, образный мир культуры, он тоже должен сделаться сейчас каким-то, может быть, более доступным, если хотите. Не получается ли то же самое в науке, которая уходит в такие дебри понимания глубокого фундаментального, что не многим она доступна. Может, то же самое можно сказать и о поисках в современном искусстве.

Я.

Мой друг Леша Хвостенко, автор песни «Над небом голубым есть город золотой» – обратите внимание: не под небом, а над небом, – однажды сказал очень хорошую фразу: «Поэзия забралась от нас на такие вершины, что нам ее уже и не видно». Но, вы знаете, я думаю, что у поэта нет выбора. Как нет царского пути в геометрию, так нет и такого царского пути в современное искусство, в современную эстетику. Ее надо просто смотреть и слушать.

Капица.

И воспринимать, и слушать, и верить этому.

Я.

Конечно. Надо доверять.

Капица.

По существу то же самое мы вынуждены делать с наукой. Вы должны поверить нашим достижениям, а мы уже позаботимся об их правдивости.

Я.

Вы знаете, меня поразил недавно знаменитый эпизод – носорог Рассела и Витгенштейна. Когда дерзкий студент Витгенштейн приходит к маститому, и лорду к тому же, Расселу и говорит: вся ваша логика неправильная. А почему? Потому что вы говорите: «то есть это». Дальше: я не понимаю, что такое «то», что такое «есть» и что такое «это». И кроме того – тавтология. Если вы говорите «то», значит вы уже подразумеваете, что есть «это». И вы в замкнутом круге. На что Рассел ему отвечает: ну все на очевидности какой-то зиждется, в конце концов, это очевидные вещи. А что это такое? – спрашивает Витгенштейн. – Ну, например, очевидно, что вот здесь, в этой комнате не прячется носорог... Перенесем сюда – вот в этой студии не прячется носорог.

Капица.

Вы уверены в этом?

Я.

Витгенштейн отвечает: я не понимаю, что значит «очевидное». И потом Рассел на него всю жизнь обижался: он отказывается признать, что в этой комнате нет носорога! А я думаю, что и вы, и я, в общем-то, где-то в глубине души не сомневаемся...

Капица.

...что носорог есть.

Я.

Что носорог прячется.

Капица.

Только он некоторым виден, а некоторым не виден.

Я.

Да, потому что мы современные люди.

Капица.

Я думаю, что на этом мы окончим этот разговор. Мне кажется, что все могли почувствовать, как думает, как мыслит и какими путями идет воображение и творчество такого, я бы сказал, неординарного поэта, художника и мыслителя, каким является Костя Кедров. Большое вам спасибо. Мы с вами раньше встречались на экране. Я думаю, что и эта встреча не последняя.

Часть 4

ДЕЖА ВЮ

Пушкинист

Коллективизацию видел я своими глазами из окна вагона. Идет колхозник по свежей пашне и разбрасывает в борозды зерно из лукошка. А прямо за ним шествует жирный грач величиной с индюка и выклеывает все до последнего зернышка.

Сеятель

И вышел сеятель сеять. И вот одно зерно попал ему в правый глаз. И сеятель окосел. А второе зерно попало в левый глаз, и сеятель ослеп. А третье зерно украл. А четвертое он сам украл. А пятого у него отродясь не бывало.

Пахарь

И вышел пахарь пахать. И вот плуг его притупился, а трактор сломался, а тракторист напился, а бензин вытек. И ничего не выросло на пашне, кроме бурьяна, да и тот провонял бензином.

Трахаль

И вышел трахатель трахать. И вот одно семя попало в глотку и там издохло. А другое семя попало в жопу и там осталось. А третье семя никуда не попало и вреда никакого не принесло. И все говорили: «Вот трахатель добрый. И радости от него выше глотки, и никаких забот».

Девочка

Милые вы мои хорошие, что же вы такое натворили! Отдали моего котенка в чужие руки. Я теперь отравлюсь.

Мама девочки.

А чем ты отравишься?

Девочка.

Я пасту зубную съем.

Надежда Владимировна.

Я все-таки никак не пойму, что такое гомосексуализм?

Я.

Если ты до сих пор не знала, то тебе и знать этого не надо.

Боря Бахтин.

Можно до такого додуматься, что лучше и не додумываться.

Я.

Читали статью «Как устроена вселенная»?

Бахтин (*отшвыривает журнал*).

Слишком многие знают, как она устроена.

Рабинович.

В клубе лектор читает лекцию о происхождении вселенной. «Согласно научным данным наша вселенная возникла из первоатома в результате взрыва и с тех пор неуклонно расширяется. Но есть данные, что со временем она начнет сжиматься и через 13 миллиардов световых лет сожмется до нуля». Тут слушатель бац – и в обморок. Его отпаивают водой и утешают: «Что вы так расстроились? Ведь еще не известно, будет это или нет. А если и будет, то через 13 миллиардов световых лет». – «Ну, слава богу! А мне послышалось – миллионов».

Я.

На самом деле все было совсем не так. Сначала ничего не было. Была тьма. И Дух Божий витал над бездной. И сказал Бог...

Бог.

Да будет свет!

Я.

Но света, как всегда, не было. Не было его и на первый, и на второй день творения, а на третий послал Бог Люцифера выяснить, что там случилось и когда дадут свет. Люцифер ушел и исчез с концами. На седьмой день Бог почил от дел своих, да так с тех пор и не просыпался. Люцифер запил по-черному и тоже ни во что не вмешивался.

Все.

А свет?

Я.

А свет потом дали. Но неизвестно кто, неизвестно когда и неизвестно, зачем, а, главное, неизвестно насколько.

Боря Бахтин.

Священники делают вид, что знают. А они не знают.

Александр Лазаревич.

Я что-то не пойму. Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой – все мужского рода. А где же мама?

Я.

Это при переводе напутали. В Торе не Дух, а Роха – Душа.

Александр Лазаревич.

Всегда у нас так. Напутают в самом главном и на том стоят до полного посинения.

Песня.

*В трюмах кораллы, жемчуг,
Тонет пиратский бриг.
Судно ведет с похмелья
Сам капитан старик.*

*Ночь – голубая тайна,
Сколько на небе звезд!
Сколько в начале мая
Пролило горьких слез.*

*Тонет пиратское судно,
Некому им помочь.
А на востоке тает, тает
Та голубая ночь.*

*Море, отдай мне сына,
Море, отдай мне дочь!
Больше они не увидят
Ту голубую ночь.*

Ночь – голубая тайна...

Я.

Почему эту песню мы пели на уборке гнилой колхозной картошки?
И причем тут пираты? В том-то и дело, что не причем.

Песня.

*Большая страна Китай-тай-тай,
Китайцев не перечесть.
Огромный порт Шанхай-хай-хай
У самого моря есть.*

*Шанхай, корабли встречай-чай-чай,
Тянутся они гурьбой.
И ароматный чай-чай-чай
Они увезут с собой.*

Я.

Чай бывает грузинский, краснодарский и индийский со слонем (на самом деле тоже грузинский), а если очень повезет, то № 36. Впрочем, и этого набора не было. Был какой-либо один или никакого. И тогда из глубин далекого детства всплывал морковный. Морковь мелко резали, высушивали на солнце, и можно заваривать. Вся беда в том, что и моркови не было. А что-нибудь было всегда и в любом количестве? Вот чего не было, того не было никогда. Чтобы всё и в любом количестве. Пусть дорого, но в любом количестве. Дорого, но всё. Этого и сейчас не бывает. Дорого – пожалуйста, всё – ни за что. Всё – извольте. Но не в любом количестве.

Игорь Голембиовский.

Принцип социалистической достаточности – это когда за вас решают, что и сколько вам нужно.

Я.

А сколько нужно? Не знаю, но знаю точно: нужно больше, чем можно! А можно меньше, чем нужно.

Сапогов.

Ну вы опять прямо из меду бздите.

Голос.

*Прощай, мой мозг,
Ты мне уже не нужен.
Прощай мой мозг,
Ты все уже сказал.*

Я.

Кто это?

Голос.

Это ты.

Голоса в телевизоре.

Священник: «Освящается машина сия..!» – Академик Лихачев: «Говорят, что в блокаду на человека полагалась осьмушка хлеба. Не было этой осьмушки». –

Блокадник: «И блокады никакой не было. Просто Сталин перестал нас снабжать». –

Блокадница: «Три буханки хлеба за пианино! Не могу я больше» (*плачет*).

Лера Нарбикова (*глядя на яйцерезку*).

Никак не пойму, для чего это приспособление.

Лена Кацюба.

Чтобы разрезать яйцо на восемь частей.

Лера.

А зачем?

Лена.

Ну, как же? Придут к тебе восемь гостей, а у тебя в доме только одно яйцо. Ты его раз... и все сыты.

Священник.

А Христос пятью хлебами пять тысяч насытил.

Лера.

А мы одним яйцом восемь гостей накормили.

Левша.

А я на зернышке проса написал весь моральный кодекс строителя коммунизма.

Хрущев.

А я этим зернышком всю страну накормил.

Бог.

А я из булавочной головки всю вселенную воссоздал.

Ленин.

А я все отнял и поделил, и всем хватило.

Я.

Так ведь не хватило.

Ленин.

Неважно. Зато все отнял.

Сталин.

А я отнял и поделил все, что осталось между теми, кто остался.

И всем хватило.

Я.

Ну, не всем.

Сталин.

Правильно, не всем. Лишних я ликвидировал.

Лера.

Я все поняла! Это если восемь гостей на одно яйцо, то гони их в шею, а яйцо оставь себе, и не нужно никакой яйцерезки.

Сталин.

Нэт! Как раз яйцерезка будет нам очень полезна.

Пустыня 1

И удалился Иисус в пустыню и постился там 40 дней и 40 ночей. И приступил к нему Сатана и сказал: «Если ты сын Божий, преврати эти камни в хлебы!»

Сталин.

Это все поповщина. Мы же умеем превращать хлебы в камни. И все сыты, и все довольны, особенно камни. Не верите – спросите.

Камни.

Да, мы очень довольны!

Сталин.

Вот видите! Жить стало лучше. Жить стало веселее.

Комиссия *(в больнице)*.

Нет ли каких жалоб?

Больные.

Нет, нет, мы все очень довольны.

Я.

Вот только хлеб заплесневел.

Комиссия.

А вы знаете, что такое плесень? Это пенициллин. Заплесневелый хлеб очень полезен для здоровья.

Пустыня 2

И приступил к нему Сатана второй раз, показал все царства и славу их и рече: «Если поклонись мне, сделаю тебя президентом аж на три срока». И ответил ему Иисус: «Отойди от меня. Я и первый не дотяну до конца». И устыдился Сатана своих слов и приказал всех повесить.

Евгений Винокуров.

Я знаю только одно: меня не надо вешать. И еще: меня не надо сажать в тюрьму.

Горький.

Над седой равниной моря гордо реет Достоевский.

Он кричит, и птицы слышат радость, потому что дуры.

Глупый пингвин робко прячет что-то жирное в утесах.

Только гордый Достоевский гордо реет над волнами,

Черной молнии подобный.

То башкой волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам,
Хрен его возьми со всем.

Моцарт.

Музыкальный минет.

Бетховен.

Что?

Шуберт.

Музыкальный момент.

Бетховен.

А мне послышалось — момент.

Ведущий телешоу.

Как судьба стучится в дверь? Варианты ответа:

там-там-там-там,

там там-там-там,

тамтам там там,

там там тамтам.

Зритель.

Можно звонок к другу? Алло, Бетховен! Как судьба стучится в дверь?

Бетховен.

Не слышу.

Зритель.

Как судьба стучится в дверь?

Бетховен.

Не слышу.

Зритель (вешая трубку).

Вот счастливчик.

Пустыня 3

И приступил к нему Сатана: «Если ты сын Божий, то прыгни в пропасть». И отвечал ему Иисус: «Сам прыгни, если ты такой смелый». Прыгнул Сатана и разбился. Сказано бо в Писании: не плюй в колодец — вылетит, не поймаешь.

Корней Чуковский.

У вас нет брульянтовой брошки?

Машинский.

Брульянтовой нет, есть только стеклянная.

Чуковский.

Меня интересуют только брульянтовые.

Машинский.

Тут, Корней Иванович, есть соображения по вашей некрасовской рукописи. Кое-что требуется переделать.

Чуковский.

Писать я не могу, но переделывать могу.

Песня.

*Ты целуй меня везде,
Восемнадцать мне уже!*

Бетховен.

Где целуй?

Я.

Везде!

Бетховен.

А! А то мне послышалось...

Ректор.

Так мы далеко зайдем.

Чуковский.

*Надо, надо умыться
По утрам и вечерам.*

Маркс.

Пролетарии всех стран, умывайтесь!

Бетховен.

Что?

Я.

Смывайтесь, говорят, пока целы.

Бетховен.

А мне послышалось...

Радио.

*Пока мы ходить умеем,
Пока мы дышать умеем,
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдет!*

Бетховен.

Кто найдет?

Вовка.

А Вова тебя найдет...

Бетховен.

Так Вова или Слава?

Александр Лазаревич.

Мы и про Ленина ничего не слыхали. Керенского знали, Троцкого знали, а про Ленина слыхом не слыхивали. Бухарина знали, Зиновьева знали. Тухачевского и Якира знали, а про Сталина слыхом не слыхивали.

Надежда Владимировна.

А у нас в театре работала жена заместителя Гамарника. Гамарника расстреляли, заместителя посадили, а жена у нас костюмером работала. И все говорили: «Ну и что, что она жена заместителя Гамарника, ведь она не враг».

Горький.

Если враг не сдается, его сдают.

Бокасса (император-людоед).

Каждому врагу
Хочется в рагу.

Притча о разбойнике и хозяине

Один работник всю жизнь работал, а другой работник всю жизнь не работал. И сказал хозяин: «Кто не работает, тот не ест. А кто ест, того всякий съест». И съел обоих.

Мария Федоровна.

*Трактор в поле дыр-дыр-дыр.
Мы уси, уси за мыр.*

Пушкин.

*У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все бродит по цепи кругом...
Там чудеса, там леший бродит.*

Алексей Евгеньевич.

*Дуб на дрова давно спилили,
Златую цепь в Торгсин снесли,
Кота на мясо изрубили,
А лешего сослали в Соловки.*

Я.

В детском саду и в школе нас убедили, что мы живем в раю. Потом выяснилось, что это все же не рай, а чистилище, не коммунизм, а социализм, который не сегодня-завтра плавно перейдет в рай коммунизма. И только в зрелые годы мы окончательно поняли, что живем в аду. Ад вместо коммунизма. Хотя коммунизм это и есть ад. Потом мы опять оказались в чистилище – на пути из социализма в капитализм. Знаете, что такое ад? Ад – это переходный период из чего-то во что-то.

Моисей.

Я 40 лет вел евреев в землю обетованную и через три тысячи лет привел свой народ в Освенцим. Заповедь новую даю вам: «Евреи, сидите дома!»

Маркс.

И ничего не стройте! Ни социализма, ни коммунизма, ни капитализма.

Циолковский.

А как же полет на Марс через 30 лет?

Бетховен.

Полет на Маркс?

Циолковский.

На Марс!

Бетховен.

А мне послышалось...

Хрущев.

Марксизм-ленинизм!

Циолковский.

Марсизм-землизм!

Я.

Маразм-миразм!

Брежнев.

Миру – мир!

Кошка Юта.

Мурр-мурр.

Витухновская.

Может, мне не плохо, а просто скучно?

Субботник в Литинституте

Секретарь ученого совета.

Безобразие, нигде нет трусов. Все магазины обегал. Трусов нет.

Парторг.

Знали бы студенты, что секретарь ученого совета без трусов.

Ректор.

В трусах или без трусов, а субботник проводить надо. Это особый субботник, к столетию Ленина. Будет наш куратор из КГБ. Так что никаких распитий из горла.

Секретарь.

Как же за здоровье Ильича не выпить?

Ректор.

Это на твоей совести.

Парторг.

Будем убирать собачье дерьмо на Тверском бульваре.

Секретарь.

Студенты?

Парторг.

Нет, профессорско-преподавательский состав в полном составе. Дерьмо собачье.

Я.

Что-что?

Парторг.

Я говорю, дерьмо собачье вмерзло в лед. Придется поработать ломом.

Контрразведчик-литературовед.

Как там у Блока: «Работа до жаркого пота...»

Пушкинист.

Нет, лучше у Брюсова: «Тебе так привычна кирка и лопата...»

Контрразведчик.

Они когда-нибудь кирку видели? Разве что на гравюре Дюрера «Меланхолия».

Профессор Кипрпотин.

Ленин, между прочим, на субботнике лично бревна таскал.

Ректор.

А Толстой пахал. «Ваше сиятельство, пахать подано».

Парторг.

Ваши сиятельства, пахать подано. Прошу тех, кто еще не напахался, к ломам и лопатам.

Секретарь.

А в магазин кто?

Я.

Я!

Секретарь.

Значит, быстро все по три рубля, можно больше.

Кипрпотин.

Я не пью и другим не советую.

Секретарь.

А я советую и пью.

Профессор Машинский.

Мне пить нельзя, но три рубля ради общего дела дам. У вас есть сдача?

Я.

*У статуи Родена
Мы пили спирт-сырец.
Художник, два чекиста
И я, полумертвец.*

Секретарь и Парторг.

За Ленина?

Контрразведчик.

А Ленин пил?

Пушкинист.

Неплохая тема для диссертации: «Что пил Ленин?»

Контрразведчик.

Смотря где. Если в Швейцарии, небось, Мозельское. Если в Париже, то Вдову Клико.

Я.

А в России спирт-сырец с кокаином.

Ректор.

Так мы далеко зайдем. Работайте дальше, а я пошел.

Парторг.

Выпьем, говорю, за дерьмо собачье.

Секретарь.

За дружбу кафедры советской литературы с кафедрой русской литературы. Чтoб вы почаще к нам заходили.

Пушкинист.

А ну вас. У вас, как на свадьбе – Горький, Горький – горько, горько.

Секретарь.

Горько! Целоваться не будем.

Парторг.

За дерьмо собачье!

Кипрпотин.

Это вы в каком смысле?

Секретарь.

За дерьмо, которое, надеюсь, за нас убрали.

Я.

А где же прокуратор из КГБ?

Машинский.

Этого никто никогда не знает. И не узнает.

Контрразведчик.

Нет, я все-таки пойду ломиком поработаю.

Пушкинист.

Да, поработайте там за нас, а мы за вас выпьем.

Я.

За дерьмо собачье! То есть я хотел сказать, за Ленина.

Пушкинист.

Ах, молодежь, молодежь...

Контрразведчик.

Кругом дерьмо, одно дерьмо. Как можно так засрать мемориальный бульвар!

Пушкинист.

Это как в мемуарах Кутузова: «Как вы победили французов, Михаил Илларионович?»

Кутузов.

Сбоку нас рать,
Спереди нас рать,
Сзади нас рать,
И битвою мать Россия была спасена.
Не хвались, идучи на рать,
А хвались, идучи с рати.

Контрразведчик.

А все-таки Белый мудрил, мудрил, а потом взял да и написал «Пепел», как Некрасов:

*Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подиутит над тобой?*

Александра Павловна и Мария Павловна (по очереди).

– *Что танцуешь, Катенька?*
– *Польку, милый папенька.*

- *Где училась, Катенька?*
- *В пансионе, папенька.*
- *Где брала ты денежки?*
- *У тебя, мой папенька.*
- *Как ты смела, Катенька?*
- *Извините, папенька.*
- *Извиняю, Катенька.*
- *Мерси, милый папенька.*

Я.

Какая разница между ЦК и ЧК?

Секретарь.

В ЦК цикают.

Парторг.

А в ЧК чикают.

Машинский.

С вами недолго и загреметь.

Ректор.

Ну, как, все еще убираете?

Контрразведчик.

Уже все убрали. А где же куратор?

Ректор.

Приходил. Ушел. Очень благодарил. Всем доволен. Налейте и мне, пожалуй.

Контрразведчик.

За Ленина!

Ректор.

Засрали всю страну собачьим дерьмом, а мы убирай.

Я.

Тогда за всю страну.

Ректор.

И за наш институт.

Я.

Ректор ВГИКА говорил: «Наш институт киноМАТографии». А мы – Союза писателей.

Секретарь.

Я вот из Парижа книжку привез, Бердяева. Тут сказано, что в России есть что-то бабье.

Контрразведчик.

Как же вас сквозь таможню с Бердяевым пропустили?

Секретарь.

А я в трусах спрятал.

Я.

Так ведь трусов нет нигде.

Парторг.

Потому и нет, что в них все Бердяева прячут.

Бердяев.

В русском человеке есть что-то бабье. Обожание военных, преклонение перед диктаторами.

Частушка.

*Я проснулся в 6 часов –
Где ж резинка от руссов?
Вот она, вот она,
На ую намотана!*

Я.

А нельзя ли вывести породу собак, которые не гадят?

Пушкинист.

И человека, который не ест.

Циолковский.

Со временем люди научатся, как бабочки, выделять пыльцу и питаться светом от солнца.

Контрразведчик.

А кто же будет собачье дерьмо на ленинских субботниках убирать?

Я.

А субботников не будет. И Ленина не будет. Будем порхать, как бабочки, и выделять пыльцу.

Пушкинист.

Мать говорит отцу: «Наш сын уже вырос. Пора ему узнать, откуда берутся дети». – «Ну, как я ему объясню?» – «Ну, на примере цветов, бабочек». Отец зовет сына: «Петька, иди сюда. Помнишь, мы вчера по бабам ходили?» – «Ну?» – «Так вот, у бабочек то же самое».

Игорь Яркевич.

Русский человек не может не срать в лифте.

Я.

Зато американец не может срать в лифте.

Лера Нарбикова.

А француз может.

Я.

И немец может.

Немец.

Нет, не могу.

Я.

Не могу задрать ногú.

Немец.

Не ногú, а нóгу.

Я.

Все равно задрать не мóгу.

Маяковский.

Коммунизма

призрак

по Европе рыскал,

уходил

и вновь

маячил в отдаленье.

По всему поэтому

в глуши Симбирска

родился

обыкновенный мальчик

Ленин.

Я.

Коммунизма призрак по Европе рыскал,

Говорил: «Я тут, поскольку умер».

Оттого-то в глубине австрийской

Родился обыкновенный Шикльгрубер.

Притча о Шикльгрубере

И прежде чем укрыть в могиле

Навек его арийский прах,

В бетонный бункер положили

Его в солдатских сапогах.

Потом облили из канистры

И зажигалкой подожгли

Его товарищи фашисты

И схоронили, как смогли.

Но не успели, не успели

Дожечь беднягу до конца.

Врагу достались только челюсть

И две скорлупки от яйца.
 Те яйца бережно Андропов
 В свинцовой ступке истолок,
 Чтобы запомнила Европа
 И извлекла живой урок.

Поэт Гена Капранов.

Пришел к министру финансов, спрашиваю: «Сколько стоит жизнь прожить?» – «Сколько жить собираетесь?» – «80 лет». – «Что так много?» – «Интересно больно». – «Семья есть?» – «Ребеночек». Министр пощелкал на счетах: «Десять миллионов сто восемьдесят восемь тысяч тридцать два рубля 67 копеек». – «Лучше сразу меня убейте! Где ж я такие деньги возьму?»

Я.

В 47 лет Гену Капранова убило молнией на рыбалке на берегу реки.

Дежа вю дежа вю

Я.

С вами когда-нибудь было дежа вю? Ну, словно вы уже здесь жили, и все это уже однажды было. В том-то и дело, что не однажды. Дежа вю – воспоминанье о том, что каждое событие повторяется до бесконечности. И эта мистерия еще не раз повторится.

Иона

Как только проглотил кит Иону, Иона сразу захотел есть. А поскольку в желудке у Левиафана другой еды не было, то и стал Иона есть его изнутри. Сначала сожрал желудок, потом выел ливер, а там и до сердца, и до мозга добрался. Правда, мозга оказалась самая малость. Так за три дня от кита остался один костяк да и то обглоданный. А Иона, сытый и довольный, вернулся в город. И с тех пор безуспешно ищет, кто бы его еще проглотил...

Анекдоты от Рабиновича.

«Рабинович, что бы вы делали, если бы были Богом?» – «Ну, сначала я сотворил бы небо и землю, потом отделил твердь от влаги, словом, все, как в Библии. А на седьмой день почил бы от дел своих. Правда, я бы еще немножечко шил».

Рабинович пришел к портному заказывать брюки. Тот снял мерку и говорит: «Приходите через неделю, все будет готово». Через неделю приходит – брюки не готовы. Потом еще неделю, еще две. В общем, ходил целый месяц. Наконец, портной говорят: «Ваши брюки готовы». Рабинович возмущается: «Господь Бог за неделю мир сотворил, а вы целый месяц одни брюки шили!» – «А вы взгляните на этот мир! А теперь посмотрите на эти брюки...»

Илия

И удалился Илия в пустыню. И ворон приносил ему пищу. И сказал ворон: «Полетим к солнцу в огненной колеснице». И сел Илия в колесницу, запряженную вороном, и полетел к солнцу. Вскоре кончилось в колеснице горючее, а ворон все летел и летел, а потом взалкал. И отрезал Илия свою ногу и дал в пищу ворону. И полетел ворон дальше и взалкал снова. И отрезал Илия вторую ногу и дал ворону. И полетел ворон, но солнце не стало ближе, и взалкал ворон. И отрезал Илия свою левую руку, но и ее сожрал ворон. Тогда отрезал Илия свою голову и дал ворону выклевать очи: «Пусть не увижу солнца коммунизма, зато ворон увидит». И выклевал ворон очи, а башку есть не стал, потому как дурная, и к солнцу не полетел, а спустился на землю.

– Ну что, прилетели мы к солнцу коммунизма? – спросила голова.

– Давно прилетели.

– Жаль, что я его не вижу, – сказала слепая башка.

– Зато внуки твои увидят.

– Да нет у меня никаких внуков.

– Ну, на нет и суда нет, – прокаркал ворон и клюнул дурную голову в темя и выклевал ей мозг и язык, чтоб не болтала лишнего про солнце коммунизма и прочие глупости.

Притча о трех динарах

Один человек трудился весь день от восхода до заката и получил за то от хозяина три динара. А другой вообще не трудился, а пришел к получке и отобрал у работника три динара, а заодно и хозяина отметелил. И сказал работник:

– Вот я трудился от рассвета и до заката и получил три динара, а он и часа не трудился, да еще и динары у меня отобрал.

И пошел к судье.

И сказал судья:

– Заплати мне шесть динаров, и я верну тебе три.

И заплатил работник судье шесть динаров, а тот вернул ему три.

И сказал работник:

– Вот судья праведный, вернул мне мои динары.

И все остались довольны. И работник, что получил три динара, да еще и хозяина отметелили. И разбойник, что отобрал три динара, да еще и хозяина отметелил. И судья, что на халяву получил три динара. И хозяин, что хоть его и отметелили, но живой и при своем остался.

Грехопадение

Вначале ничего не было. Потом сотворил Бог то, другое и бесплодную планету с безжизненными пустынями. Поселил в той пустыне Адама с Евою и тотчас устроил субботник по озеленению. И сказал Бог: «Что хотите сажайте. Как хотите все называйте. Ешьте все, что произрастет, только листьев коки не трогайте, а то вмиг подсядете и вовек не слезете».

Тотчас Адам и Ева вместо того, чтобы деревья сажать, нажрались коки и забалдели. Очнулись – кругом пустыня, а Ева беременная. Оба мучительно пытались вспомнить, что там такое было, но ничего не вспомнили и стали сочинять Библию, чтобы хоть чем-то восполнить пробел.

Адам вспомнил заповедь «плодитесь – размножайтесь».

Ева – «не прелюбодействуй».

Адам – «жена да убоится своего мужа».

Ева – «муж да прилепится к жене своей, и будут двое, как одна плоть».

Адам уверял, что лично он от Бога слышал заповедь: «Ешь, пей, веселись, после нас хоть потоп».

Ева не возражала. Но вспомнила, что Иегова при ней сказал Адаму: «Не пожелай жены ближнего, ни вола его, ни осла».

Адам обиделся – причем тут вол и осел? Но мысль о жене ближнего ему понравилась. Тут он посмотрел на юбочку Евы из листьев райской коки и взалкал того и другого. После этого Адаму привиделось, что он Лот и спит с тремя дочерьми.

А Еве – что она начала рожать и рожала без остановки 40 дней и 40 ночей танки, пушки, самолеты, вертолеты, вездеходы, боевого слона с золотыми бивнями, трех мушкетеров с острыми шпагами, авианосец, ракетоносец, троянского коня. Троянский конь ударил копытом и стал рожать ахейцев, греков, Елену Прекрасную, Авраама и Исаака, геоцентрическую систему Птолемея, гелиоцентрическую систему Коперника,

общую теорию относительности, атомную бомбу и Склодовскую-Кюри. Адам все это время спал с тремя дочерьми и ничего такого не ведал. А когда проснулся, увидел Еву уже не в юбочке из коки, а в роскошном парике, кринолине и корсете из китового уса от кита Ионы. И вообще это была уже не Ева, а Екатерина II в окружении своих блистательных фаворитов: графа Орлова, короля Польши Понятовского, князя Потемкина-Таврического и какого-то графа Зубова. Графа Зубова Адам не заметил, а уставился на Потемкина-Таврического и задумчиво произнес: «Чужая душа Потемкин».

Миша Дзюбенко.

По теории большого взрыва получается, что вселенная возникла в результате теракта.

Я.

Так оно и есть. Ева по наущению змея соблазнила Адама, а в результате взрыв рая и полный распад миров.

Рабинович.

Вы слышали, есть такая, нейтронная, бомба. Она взрывается, мы гибнем, а все остается.

Кто же изобрел такую бомбу – социализм, что мы есть, а ничего нет?

Яркевич.

Алло, это Яркевич. Что творится! У меня на Павелецкой прямо под домом вагон взорвали.

Я.

Ты даже не знаешь, насколько кстати ты позвонил.

Яркевич.

А что?

Я.

У меня в доме тоже бомбу взорвали, на втором этаже.

Писатель из Переделкино.

Когда Эренбург задержался в Париже, Катаев вселился в его дачу, а вещи выбросил. Вот идут по Переделкину Асмус и Пастернак. Навстречу Катаев.

Пастернак.

Здравствуйте.

Катаев.

Здравствуйте.

Асмус.

Как ты можешь с ним здороваться! Он же занял дачу Эренбурга, а вещи выбросил.

Пастернак (*догоняет Катаева*).

Прошу считать мое «здравствуйте» недействительным.

Геращенко.

Я слышал, вы поэт и философ. Каждый поэт – философ, но не каждый философ – поэт. У поэта должен быть свой банкир.

Девушки на эстраде.

*Нежная девочка Ира
Полюбила банкира!*

Я.

На Марсе нет ни воды, ни вирусов. Последний удар по материализму.

Яркевич.

Да, человеку трудно осознать, что мы одни, что есть только Бог и человек. Но Бог как-то очень... Он не вмешивается.

Я.

Он вмешивается лишь в той мере, в какой вмешался в момент творения. Хотя и там не все ясно.

Академик Гинзбург.

Я атеист, но не безбожник.

Я.

А я безбожник, но не атеист.

Александр Лазаревич (*в автобусе с трупной*).

Да поймите вы наконец! Королева была простой блядью!

Актриса.

Королева не может быть блядью.

Герой-любовник пьяница Филиппов.

В искусстве нет ничего абсолютного. Нельзя сказать, хорошая пьеса или плохая, все зависит от вкуса.

Ольга Сергеевна.

Вкус не должен обманывать, если он есть.

Герой-любовник.

Может! Вот, например, огурец. В нем только вода и клетчатка и ничего полезного, а так хочется огурца.

Я.

При слове «огурец» все сидящие в автобусе сглотнули слюну.

Ольга Сергеевна.

Вкус огурца уже полезен. Раз вкусно, значит полезно.

Герой-любовник.

Яд тоже бывает вкусным.

Я.

Чтобы прервать спор Александр Лазаревич затянул любимую песню.

Александр Лазаревич.

*Гу-у – гу, а-гу-гу,
Мы сидим на берегу –
Подждать папашу
В деревеньку нашу.*

Все.

*Тра-та-та, тра-та-та,
Вышла кошка за кота,
За кота котовича
За Иван Петровича.*

Я.

Автобус уныло двигался по оренбургской степи, поднимая тучи никем не мерянной пыли. Актерам уныло подвывал мотор.

Александр Лазаревич.

*Он приедет и придет,
Крошку на руки возьмет...*

Я.

Но не приедет и не придет и на руки не возьмет. И сын его сына не возьмет на руки его внука...

Шекспир.

Распалась связь времен.

Песня 50-х.

*Не будет стариков – мы все омолодимся,
Не будет пап и мам – мы будем так родиться,
Не будет акушеров, не будет докторов,
Нажал на кнопку – чик-чирик – и человек готов.*

*Нам электричество пахать и сеять будет,
Нам электричество ночную тьму разбудит,
Нам электричество любой заменит труд,
Нажал на кнопку – чик-чирик – все тут, как тут.*

*Заходим в ресторан – там все на электричестве
Нажал на кнопку – чик – вино в любом количестве,
Нажал на кнопку – чик – картошка с колбасой,
И не прошло пяти минут, как ты уже косой.*

Актриса.

У одного мужика был в пупу винт. А зачем, неизвестно. Пошел он к гадалке: «Бабка, а бабка, зачем у меня в пупу винт?» Колдунья отвечает: «Пойди за три моря, увидишь Буян-остров, на нем дуб, на дубу хрустальный ларец. В нем твоя тайна». Пошел мужик за три моря,

видит остров Буян, на нем дуб, на дубу ларец. Полез мужик на дуб, раскрыл ларец, а там отвертка. Вставил он отвертку в винт, повернул... Тут у него жопа-то и отвалилась.

Все.

*Да здравствует наука, да здравствует прогресс
И мирная политика ЦК КПСС!*

Я.

Самый страшный фильм детства – «Волга-Волга». Человек в паровом колесе. Колесо вращается, человека мотает, то погружая в воду, то вынося на поверхность. Зал смеется – я плачу.

Алексей Евгеньевич.

*Пароход идет вода парами,
будем рыбу кормить комиссарами.
Пароход идет, вода кольцами,
будем рыбу кормить добровольцами.*

Ученый совет в Литинституте

Писатель Рекемчук.

Товарищи, очень тревожный симптом. Наши студенты разлюбили войну. *(Гул в зале)*. Я это в том смысле говорю, что о войне не пишут.

Ректор.

Они, видите ли, про птичек и бабочек пишут. Иная родит и несет свой подарок ректору на стол. Она думает, что если родила, так это дело государственное. Нет, это личное дело.

Комсомольский секретарь.

Дошло до того, что когда космический центр предложил нашим студентам пройти полный цикл тренировки космонавта, желающих не оказалось.

Голос из зала.

А вы сами не желаете?

Комсомольский секретарь.

Я?!

Голос.

Вы.

Комсомольский секретарь.

Я – нет. У нас есть еще возможность пройти студенческую практику в Минусинске. Там минус 70°. Это интересно.

Критик Сурганов, фронтовик.

Минус 70° – это интересно.

Проректор по хозяйству.

Когда я был директором Бутырской тюрьмы, то, право же, у нас порядку было больше, чем в общежитии на Добролюбова.

Ректор.

Ну, у нас все-таки не тюрьма. Хотя скажу! Я, понимаете, иду по коридору. Навстречу студент, не буду называть его фамилию, мы с ним уже разобрались. Я его спрашиваю: «Вы кто?» А он в ответ: «А ты кто?» Как вам это нравится? Он не знает, как ректор выглядит. Конечно, у нас не приют божьих ласточек, но младенцев на стол ректору прошу не носить. Когда я был директором театра Вахтангова, там все от всех по три раза родили, но не на стол директора. Вот, мол, вам сын полка. Вы что-то хотите сказать?

Профессор Машинский (просыпаясь).

Когда я был в командировке в Исландии, там ставили «Ревизора». И, знаете, какая была неожиданная трактовка? Ревизор – это президент США Эйзенхауэр. Вот как неожиданно читается наша классика.

Ректор.

Спасибо! Кто еще выскажется?

Секретарь ученого совета.

Товарищи! Я как-то не совсем понимаю. Неужели никто из наших студентов не желает пройти полный курс подготовки космонавтов?

Ректор.

А это, простите, не ваша компетенция. Вы – секретарь ученого совета, а не Королев. И Литинститут не Байконур. Все это уже было в 30-х годах. Ильф и Петров чего-то там на стройке паяли. Багрицкий бетон мешал. Мы готовим писателей, а не космонавтов. А то тут недавно явились из министерства. У нас, видите ли, нет НОТа. НОТ – это научная организация труда. И это было в 20-е годы. В какой руке карандаш держать, в правой или в левой, чтобы «Тихий Дон» написать.

Машинский.

«Тихого Дона» пока не видно.

Ректор.

Вот и плохо, что не видно. А, может, и не нужно второго «Дона». Шолохов один.

Машинский.

И Толстой один.

Парторг.

Нет, Толстых целых трое.

Ректор.

И все графы!

Машинский.

У Алексея Толстого на дверях уже в советское время висела табличка «Гр. А.Толстой». Понимай, как хочешь. То ли гражданин, то ли граф.

Ректор.

Так мы далеко зайдем.

Рекемчук.

Можно зачитать решение: усилить военно-патриотическую подготовку студентов.

Ректор.

Могу устроить экскурсию в музей КГБ, что напротив. К закрытым экспонатам. Там много интересного.

Пушкинист.

Башка Берии в маринаде.

Контрразведчик-литературовед.

Сердце Бухарина в рассоле.

Парторг.

Пострелять из пистолета Дзержинского.

Ректор.

Так мы далеко зайдем.

Защита диплома

Виль Липатов.

Что это за странные люди сидят в первом ряду?

Я.

Да, люди странноватые.

Юрий Трифонов.

Среди многих других профессий есть такие, о которых не принято говорить. Но они ведь тоже очень нужны. Сергей Каледин написал повесть «Смирненное наше кладбище» о нелегком, да-да, нелегком труде могильщиков. *(Могильщики в первом ряду оживились и закивали).*

Каледин.

Я заключил пари, когда работал могильщиком, что все это опишу в своей повести. Вот они и пришли на мою защиту.

Парторг.

Может, сыграем Шопена?

Эдуард Елизарович (*преподаватель немецкого*).

Знаете, почему началась Первая мировая война? Николай II пригласил императора Вильгельма на свою яхту. А там был вмонтирован для высокого гостя подтирочный автомат, который выдвигался из очка после дефекации. Вильгельм заинтересовался новым устройством, нажал педаль и заглянул в очко. Оттуда выдвинулась губка и мазнула его по губам. После этого переговоры так и не склеились.

Философ Зарбабов.

Ну, как вам «Материализм и эмпириокритицизм»?

Я.

Очень полезная книга. Там и об Эйнштейне, и о Махе, и о Пуанкаре.

Зарбабов.

Да бросьте вы! Недоучка, несостоявшийся адвокат берется судить о проблемах физики и математики. Ругается, как извозчик. Осмеливается спорить с учителем Эйнштейна Махом и критиковать гениального математика Пуанкаре! Ладно, пойдемте на семинар. Итак, сегодня у нас «Наука логики» Гегеля. Вопрос первый: «Ленин о Гегеле». Тут надо прочесть «Философские тетради» и особенно «Материализм и эмпириокритицизм».

Я.

Чем отличается истина относительная от абсолютной, это я понял. А вот как отличить истину абсолютную от просто истины? Чем они отличаются?

Зарбабов.

Честно говоря, ничем. Пусть меня обвинят в релятивизме, но, по-моему, любая истина относительна. Вот, например, я по дороге сюда выстоял час за апельсинами для внуков. Вон авоська висит пустая. А почему? Потому что апельсинов нет. Это что, абсолютная истина? Да на любой базе и в любом спецбуфете их завалишь. И в странах, где они растут, не знают, куда деваться от урожая. Апельсинов нет для нас с вами. А истина в том, что они есть, но не для всех. То же самое с жильем. Я 25 лет стоял на очереди, чтобы из коммуналки перебраться хотя бы в однокомнатную квартиру. Но для меня жилья не было. А любой завмаг имеет трех, а то и четырехкомнатную. Разве это по-ленински?

Я.

Это скорее по Гегелю. Ему за все труды университет платил мешками угля, бочонками пива, какой-то полбой и связкой стеариновых, отнюдь не восковых, свечей.

Зарбабов.

Вот вам наглядный пример, что есть истина.

Контрразведчик-литературовед.

Истина – это распивочно и на вынос. Еще у Щедрина сказано.

Зарбабов.

Я вам больше скажу. Все эти вечности, бесконечности потому так трудно постигаются разумом, что их просто нет.

Все.

Как нет?

Зарбабов.

Нет и все тут. Все смертны и всё конечно.

Я.

А материя?

Зарбабов.

А кто ее видел? Это как в анекдоте, когда НЭП отменили. Приходит профессор в государственный магазин и спрашивает:

– У вас есть сукно?

– Нет.

– А шерсть?

– Нет.

– А шелк?

– Нет.

– А мешковина?

– Нет.

– Ну, хоть какая-нибудь материя у вас есть?

– Нет никакой.

– Странно. Страна победившего материализма, а материи не найдешь.

Пушкинист.

А есть еще один анекдот на все времена:

– У вас есть десятимиллиметровые гвозди?

– Нет.

– А какие-нибудь есть?

– Нет. Видите плакат со словами Ленина: «Путь к социализму лежит через кооперацию и никаких гвоздей».

Я.

Наконец-то я понял это странное изречение. А то у Маяковского тоже: «светить и никаких гвоздей». Причем тут гвозди?

Зарбабов.

У Ленина, что ни слово, то «гвоздь». «В том гвоздь», «в этом гвоздь».

Я.

И у поэта Тихонова про коммунистов: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей». Хотя он это еще в Первую мировую, до революции написал.

Зарбабов.

А ведь это останется. И кто такой Тихонов, забудут, и про мировую войну забудут. А гвозди останутся.

Я.

И про революцию забудут, и про Ленина, а гвоздь в головах останется.

Поэт Владимир Друк.

*Я не глуп, нет, я не глуп,
Просто от рожденья вкручен
В мою голову шуруп.*

Зав. кафедрой зарубежной литературы.

Я не понимаю, что происходит. Журнал «Подъем» напечатал стихи Марины Цветаевой. Но ведь она написала белогвардейские стихи, целый сборник «Белая стая». Я не понимаю. Мы что, разоружаемся что ли? И это в то время, когда есть такие замечательные поэты, как, например, Поделков. О нем ничего не пишут.

Контрразведчик.

Ну, вы сравнили.

Зав. кафедрой зарубежной литературы.

Я понимаю, что вы со мной не согласны. Но я считаю так.

Зав. кафедрой марксизма.

Раньше были формалисты, они отменили содержание. А теперь ревизионист Роже Гароди, якобы коммунист, выпустил книгу «Реализм без берегов». Так там и форма объявляется устаревшей. Это что же, ни формы, ни содержания? И эта книга у нас переведена и издана «для научных библиотек». Это же полная капитуляция, товарищи.

Зав. кафедрой русского языка.

Вот у нас тут висит изречение Горького: «Писатель не няня своей души, а мировое чувствилище». По смыслу все верно, но что это за слово «чувствилище» и по аналогии с чем образовано?

Секретарь ученого совета.

Влагалище.

Зав. кафедрой русского языка.

Вот именно, писатель – мировое влагалище. Как-то не ай-яй-яй.

Ректор.

Мы так далеко зайдем и, как говаривал Сурков, «обогатим» русский язык.

Пушкинист.

Как хотите, а с языком надо что-то делать. Да-да!!! Русский язык надо защищать. Я спрашиваю студента с Кавказа:

- Какие произведения Пушкина вы знаете?
- Нэ знаю
- А Лермонтова?
- Нэ знаю
- Ну, хотя бы о «Мцыри» вы слышали? Это же про вас. Про Кавказ.
- Что-то слышал.
- Ну? Ну! Ну, хотя бы кто это – Мцыри?
- Чэлавэк.
- Ясно, что человек, но кто он? Ну, хотя бы мужчина или женщина?
- Жэнщина.
- Во-о-он отсюда!

Я.

Давайте я с ним недельки две позанимаюсь, а потом вы его проэкзаменуете.

Пушкинист.

А-а-а! Делайте, что хотите.

Я.

Для начала, ну, вот это в школе учат:

*На берегу пустынных волн
Стоял он дум великих полн.*

Студент.

На!
берегу пустынных вол-
н!
Сто-
ял он дум великих пол-
н!..
При-
ют
убогого чухон-
ца!
И!
лес неведомый лу-
чам!
В ту!
мане спрятанного солн-
ца!

Я.

Послушайте, это же читается плавно: во-о-олн, по-о-олн. А вы читаете в ритме скачущего коня.

Студент.

У нас в горах все стихи в ритме скачущего коня.

Я.

А у Пушкина не в ритме скачущего коня.

Студент.

Тогда это не стихи!

Пушкинист.

Вот и занимайся с ними!

Ректор.

И будем заниматься. Заменяем сочинение изложением.

Языковед.

Да он и изложение не напишет.

Ректор.

Тогда диктант.

Зав.кафедрой русского языка.

Да он и диктант не напишет.

Ректор.

А вы по слогам диктуйте: ма-ма, па-па.

Зав.кафедрой русского языка.

А он напишет «попа».

Ректор.

Не будем рубить сук, на котором сидим. У нас многонациональный вуз. Помните, Расул Гамзатов к нам пришел в калошах на босу ногу.

Контрразведчик.

А вышел в лаковых штиблетах.

Пушкинист.

Вот что значит иметь хорошего переводчика.

Лев Озеров.

Не зря у нас кафедра перевода. Да вы вот, молодые, не помните, а меня так за Тютчева прорабатывали. Статья была в «Правде». «Победившему пролетариату космос не нужен». Да-да, так и было написано. Это о Тютчеве.

Контрразведчик.

Победившему пролетариату нужно распивочно и на вынос. И еще мясо не должно быть червивым. С чего началась революция? С червивого мяса. Мясо им червивое! Сейчас бы это мясо в любом магазине в две минуты расхватили.

Я.

Значит все намного проще. Мясо должно быть! А червивое или не червивое – это уже для отдела пропаганды и агитации.

Пушкинист.

Мясо им червивое. В войну и в Москве, и в Ленинграде, и в Сталинграде запросто ели трупы. В том числе и червивые.

Я.

*Все то, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.*

Контрразведчик.

Да, Пушкин червивого мяса не ел. Взял у царя займы 50 тысяч и не отдал. Это ведь по теперешним временам не меньше, чем 500 тысяч долларов, не меньше.

Я.

Куда же он их растратил?

Пушкинист.

Что-что, а тратить русские писатели умели. Проиграл, наверно. Азартен был.

Кирпотин.

Достоевский тоже в рулетку все просаживал. Занял у императора 70 тысяч и тоже не отдал.

Я.

Почему же? Отдал. И публицистикой антисемитской, и ура-патриотическим статьями.

Достоевский.

Пусть все знают, что силен султан, но белый царь сильнее султана. Силен английский король, но белый царь сильнее английского короля.

Я.

Отдал, отдал! Царь ему еще и должен остался. Надо же такую чушь написать.

Машинский.

Гоголь свои 50 тысяч царской пенсии тоже в Италии с лихвой отработал – «Выборными местами из переписки с друзьями».

Гоголь.

Любовь должна от престола нисходить к губернаторам. От них к помещикам, от помещикам к крестьянам. И возвращаться оттуда вверх от крестьянина к помещику, от помещиков к губернаторам, от губернаторов к государю, от государя к творцу.

Я.

Чем не демократический централизм? Чего не напишешь в Италии, чтобы лишний годик там посидеть.

Пушкинист.

Это ему ведь Жуковский выхлопотал через Россет.

Я.

А кстати, что было с Россет? Она и с Пушкиным, и с Гоголем.

Пушкинист.

Да она уже старушка была, хотя Гоголь ее обхаживал, но, видно, под другой линии. У него с женщинами вообще какие-то сложности.

Я.

А с мужчинами?

Контрразведчик.

С мужчинами все в порядке. Особенно с молодым графом Виельгорским.

Пушкинист.

Да ведь это скорей всего фальшивка.

Я.

Фальшивка-то фальшивка, да уж очень правдоподобная. Да и кто в то время мог языком Гоголя дневник написать. Да ведь и правда не было у Гоголя женщин.

Машинский.

Было – не было, со свечой никто не стоял.

Я.

А если и стоял, то граф Виельгорский.

Пушкинист.

С женщинами у наших классиков напряженка. Для души дамы, а для тела босоногих крестьянок да любезных калмычек предпочитали.

Я.

Толстому 80 лет, а в дневнике запись: «Опять с Анисьей в амбаре. Стыдно, грешно». Удивительно не то, что с Анисьей в амбаре, а то, что зачем-то в дневнике записал. Решил похвастаться дедушка. Еще могу! Молодец граф.

Пушкинист.

Тургенев и вовсе только с крестьянками мог.

Я.

А Виардо?

Пушкинист.

С Виардихой у них лямур де труа, как у Некрасова с Панаевыми, у Маяковского с Бриками. Но это особый случай.

Я.

Да, сгубил Тургенев свою крестьянскую дочурку, отдал в приют, где детей убивали. Знал ведь, что убьют.

Машинский.

Да и Пушкин с брюхатыми служанками не церемонился. Отсылал на телеге в город, в белый свет, как в копеечку.

Пушкинист.

Да девки-то рады были от барина забрюхатеть. На оброк отпустит, а то и вольную даст. Барышни-крестьянки...

Контрразведчик.

Не удивительно, что в русской литературе рай – это крепостное право. Как там в Обломовке? Все спят от обеда до ужина. А у Гоголя в имении Петуха вечером всяк занят своим делом. Кто спал, кто прогуливался вдоль берега, кто просто камешки в воду метал. А катанье на лодках?

Я.

А у Собакевича – не угодно ли отведать няни (бараний бок с гречневой кашей). Ешьте теленочка, сам воспитывал на молоке, как сына.

Машинский.

А как Петух их встречает: «Обедали?» – «Обедали». – «Вы что, смеяться надо мной приехали? Что мне с вас, обедавших? А ну распрягай!»

Александр Лазаревич.

Гоголя хорошо читать с куском черного хлеба в руках.

– *Поросенок есть?* – с таким вопросом обратился Чичиков к стоявшей бабе.

– *Есть.*

– *С хреном и со сметаной?*

– *С хреном и со сметаной.*

– *Давай его сюда!*

Старуха пошла копать и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того что дыбилась, как засохшая кора, потом нож с пожелтевшею костяною колодочкою, тоненький, как перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никак нельзя было поставить прямо на стол.

Куснешь хлебную корку, и кажется она такой вкусной. Отрежь мне горбушечку.

Я.

Когда я видел на сцене бутафорского поросенка с нарисованной зеленью, с бутафорской поджаристой корочкой, то ничего больше было не нужно. А поросенок кочевал из спектакля в спектакль. Его ели идальго и гранды в пьесах Лопе де Вега, и купчины в пьесах Островского, и на балу у Золушки, и в лондонском дворце Марии Тюдор у Виктора Гюго. Однажды, прокравшись за кулисы, я схватил бутафорского поросенка и слегка куснул. Ведь знал, что это картон, а куснул. И до сих пор доволен, что удалось. Мысленный поросенок не менее вкусен, чем материальный. Прав игрок Достоевский, красота – страшная сила, красотой – эстетикой – мир спасется. Если, конечно, спасется.

Достоевский стоит на панели
С проституткой по имени Нелли.
– Проститутка по имени Нелли,
для чего ты стоишь на панели?
Граф Толстой веселится в халате
С проституткой по имени Катя.
Катя с графом в середине халата.
– Виновата– кричит, – виновата!
Вот Некрасов лежит на диване
С проституткой по имени Маня.
– Жертва ты социальных условий
и улада дворянских сословий.
Проститутка по имени Настя
Содрогается от сладострастия,
То с купцом переспит, то с Иисусом.
С Иисусом с особенным вкусом.
Динамистка по имени Соня
Обслужила читателей сонмы,
Не дала только Роде-бандиту.
Тот топор предпочел динамиту.
Спит, все заповеди наруша,
Проститутка по имени Груша.
Ей по горлышко вставили, вмазали
Сладострастники Карамазовы.
Проститутки, путаны и гейши,
Вы готовы любить нас нежнейше.
Почему же, скажите, злодейки,
Вы нас любите только за деньги?

Станиславский.

Театр начинается с вешалки.

Я.

Ничего подобного. Театр начинается с буфета и кончается буфетом. Зайдите перед спектаклем или в антракте в буфет и убедитесь в моей правоте. А если у кого-нибудь с собой бутерброд, тотчас же разверните и съешьте. Где слаще бутерброд – дома или в театре? То-то! А все-таки нет ничего вкуснее еды на сцене. Да, театр начинается с буфета. Но буфет продолжается на сцене. Знаете, когда рухнули устои и начался глобализм? Когда в американских трофейных фильмах актеры стали швыряться с экрана в зал дефицитной едой. Дефицитное яйцо, брошенное на пол или в соперника, доводила полуголодный зал до полубоморока. Вожделенные торты, каких в стране никто не видел после 17-го года, запросто размазывались по лицам киногероев. А зал давился смехом, больше похожим на истерические рыдания. Когда Одиссей жарил на вертеле быка, кто-то сидящий со мной рядом произнес в благоговейной тишине: «..твою мать». Все знали, к кому была обращена эта фраза. К тем, кто на полвека лишил мужиков вкуса и вида мяса, зажаренного на вертеле. Окончательно советскую власть добил фильм «Девять с половиной недель». Секс никого не взволновал, его еще не было. Но невыносимо было видеть, как голую женщину с завязанными глазами кормят клубникой со взбитыми сливками и поливают медом. Путь к сердцу советского человека лежал через голодный желудок. Советскую власть добила не атомная бомба, а взбитые сливки.

Кирпотин.

Как изумительно писал Чехов:

- *Жареные гуси мастера пахнут.*
- *Помилуйте, господа, у меня же язва!*
- *Это у вас от вольнодумства да от гордости. Нет никакой язвы. Все доктора выдумали.*

Контрразведчик.

Совсем другое дело. А то: «Москву, в Москву!» А была ли у них прописка?

Пушкинист.

Прописки до революции не было. Каждый жил, где хотел.

Врач Заболотская.

Как бы не так. Жена без разрешения мужа не имела права на отдельный паспорт. А без паспорта нельзя было никуда поехать. Но все равно все ездили за границу. А я последний раз за границей была, что

называется, на танке, в 45-ом. Сколько же там было наших угнанных девушек! Уйма в каждом городе. Одна всю войну продержалась девственницей, а наши пришли и тотчас изнасиловали. Я ее сама зашивала. Так она потом потребовала: «Дайте мне справку, что я девушка». Я ей: «Да не могу я такую справку дать». Она к начальнику госпиталя. Тот махнул рукой да и выписал, правда, печать ставить отказался. Это, говорит, государственный документ, не имею права. Она: «Как насиловать, так у всех права, а как справку дать – не имею права». Он ей: «Не я же тебя насиловал. А она: «Все вы, кобели, одним миром мазаны». Ну, он ей и выдал справку, а подписался вроде неразборчиво. Через день она появляется. «Что вы мне дали? Надо мной все смеются». Что такое? Читаю: «Справка. Дана такой-то в том, что она является девушкой». Спрашиваю: «Ну, что тебя здесь не устраивает?» – «Да как же? Все говорят, что тебе справку о девственности выдал какой-то кобель». – «Почему кобель?» – «Да вот же подпись стоит!» Смотрю: «Свидетельствую – Кобец».

Я.

Говорят, что советскую власть прикончил «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. О нет! советскую власть прикончило дореволюционное издание книги Молоховец «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве». Все помнят наизусть бессмертный рецепт.

Елена Молоховец.

Если к вам пришли гости, а у вас ничего нет, спуститесь в погреб, возьмите фунт холодной вареной телятины, нарежьте тонкими ломтиками и подавайте к столу с петрушкой, укропом и прочей зеленью.

Рецепт I

Если к вам нагрянули гости, а в доме ничего нет и не будет, нажмите педаль у входа. Первый гость провалится в подпол. Не торопитесь его доставать. Сначала пусть хорошенько охладится. Только после этого подавайте остальным гостям с петрушкой и прочей зеленью.

Рецепт II

Если в доме все ломится от продуктов, а тут нагрянули гости, постарайтесь не показать, что у вас есть что-то съестное. Поговорите о погоде. Намекните на жуткую дороговизну и как бы вскользь пожалуй-

тесь на несвоевременную выплату зарплаты. После этого займите умеренную сумму денег у всех гостей, а самого нерасторопного пошлите в самый дальний, самый дешевый ларек за колбасой, крикнув ему вслед: «Если не хватит на хлеб и пиво, добавь свои. Я отдам после получки». Если и после этого гости не удалятся, предложите им сыграть в преферанс крапленой колодой, припасенной специально для такого случая.

Рецепт III

Если вы позвали гостей, и все приготовлено, и все вкусно, усадите друзей за стол и тотчас приступайте к еде, не отвлекаясь на посторонние разговоры. А когда все всё съедят, откройте холодильник или спустись в подпол. Достаньте кусок холодной телятины так, чтобы гости этого не увидели. Спрячьтесь в туалете или тут же в подполе и жадно съешьте, не очень чавкая. Можно без петрушки и прочей зелени. Но обязательно запейте водой из-под крана, чтобы от вас не пахло телятиной и гости ничего бы не учуяли.

Рецепт IV

Пригласите друзей в ресторан «Квказская пленница» и навсегда забудьте о холодной телятине, даже если она с петрушкой и прочей зеленью.

Рецепт V

Если к вам в гости пришла холодная телятина, постарайтесь согреть ее теплом и заботой и только после этого жадно съешьте с петрушкой и прочей зеленью.

Рецепт VI

Если у вас нет телятины, а есть хочется, купите говядину, свинину или баранину, зажарьте на медленном огне, сдобрите специями и съешьте. После этого смело зовите гостей. Угостите их петрушкой или какой-нибудь оставшейся зеленью

Я.

Почему все симфонии похожи на руководство по сексу? Первая часть: хорошо, но не очень. Вторая: хорошо, но плохо. Третья часть:

хоть вешайся. Зато четвертая, жизнеутверждающая: так хорошо, что лучше не бывает.

Бетховен.

Это особенности моего темперамента. Между прочим, все женщины весьма и весьма довольны.

Я.

Тогда приступаю к четвертой части.

Дело врачей

Секс, говорил Сталин, это веселая медицина. И арестовал всех врачей, которые, как могли, поддерживали его никчемную жизнь. По приказу Сталина вырывали щипцами ногти профессору Виноградову и загоняли иголки под ногти профессору Вовси. Приближалась Пасха. Берия приказал профессорам выкрасить свои яйца специальной пасхальной краской, которую доставили по спецзаказу из патриархии. На яйцах начертали буквы «Х» и «В», что, по замыслу Берии, означало «хуй вам». У Виноградова «Х» справа, а «В» слева, а у Вовси наоборот – «В» справа, а «Х» слева. Просто так, для разнообразия. Голых профессоров поставили перед Берией в кабинете, и он лично осмотрел все мошонки.

Берия.

Непорядок – яйца сырые, к тому же в мешочках, а должны быть вареные. Так что к Пасхе готовьтесь разговляться. Яйца Вовси подарим патриарху, а яйца Виноградова отошлем в Ватикан Папе, чтобы не очень залупался. Так что пока отсыпайтесь, ешьте, но только постное. Сейчас ведь великий пост. Что бы вы хотели съесть?

Вовси.

Можно икру?

Берия.

Сейчас узнаю у патриарха. Алло! Послушай, святейшество, икру можно? Что? Черную или красную? А вы какую хотите?

Вовси и Виноградов.

Черную! Красную!

Берия.

Обе хотят. Спасибо! Можно, но только на Благовещение, а пока поститесь. До Благовещения нэ кормить.

Сталин.

Ну что, твои жидаы в халатах все еще упираются?

Берия.

Вовси сознался.

Сталин.

Во всем сознались?

Берия.

Сказали, что товарища Сталина травили американскими лекарствами, а надо было дустом лечить.

Сталин.

Сколько раз пить?

Берия.

Один раз на всю жизнь хватит.

Сталин.

А если не выздоровею?

Берия.

Если не поможет, вот тебе мои яйца, прямо здесь режь. Хочешь всмятку, хочешь в мешочек, хошь яичницу, хошь омлет.

Сталин.

Ну, омлет я еще успею, а пока дуст давай.

Берия.

Вот, отборный, сам на Лубянке делал.

Сталин.

Сначала ты.

Берия.

Обижаешь. Уже полгода только его и пью. Колом торчит. Всэх школьниц перепортил. Скоро Молотова будэм.

Сталин.

Шутник. А если не встанэт?

Берия.

Да я сам на своем торчке повешусь. Нашто мнэ жить, эсли у тэбя нэ стоит.

Сталин.

Ладно, оставь. На ночь выпью. И привези мнэ эту кубышку из Большого театра, лауреатку Сталинской премии. Пусть она мэня пэтэ научит.

Я.

Утром охрана вошла в кабинет. Нет вождя! Только лауреатка сидит и поет: «Слыхали львы, слыхали ль вы?»

Берия.

Гдэ вождь?

Лауреатка.

Не мешайте, я товарища Сталина вокалу учу.

Берия.

Гдэ генералиссимус?

Лауреатка.

Где, где? Н пятой полке, где волки.

Берия.

Я так и знал. Там ищите.

Я.

Вытянули товарища Сталина из лауреатки в мундире генералиссимуса, в золотых погонах, в брюках с лампасами. Лауреатка рыгнула и сдохла на верхнем до, а товарища Сталина на всякий случай еще раз дустом напоили, чтобы он не воскрес ненароком. Тут он один глаз приоткрыл на Берию и пальцем на ширинку свою указывает. Берия взглянул и обмер. У товарища Сталина торчал, как у воскресшего Озириса, фонтаны дуста извергались в потолок. Берия заохал.

Берия.

Хэмичэская трэвога!

Я.

Противогаз натянул и на лауреатку полез. Лауреатка воскресла и запела дурным голосом детскую частушку.

Лауреатка.

*Я на лавочке сижу,
Не могу накушаться.
Дядя Сталин говорит,
Надо маму слушаться.*

Берия.

Правильно говорит. Я твой мама. Будешь слушаться, все получишь. Убэрите падаль в мундире. Нэт, постойте, я ему пару яиц отрежу на всякий случай. Вот они, голубчики, ишь как вспупырились. Позвать сюда профессора Вовси.

Вовси.

Христос Воскресе!

Берия.

Вовси воскресе. На, бэри эти, отдай в Институт мозга Ленина. Там еще член Распутина с костью внутри торчит, а эти так себе, горох. Так ты эти товарища Сталина положи в банку с членом Распутина, а те выбрось, чтоб не позорили Россию.

Вовси.

Как говорится, большому большие яйца.

Берия.

Правильно говоришь. А свои можешь себе на Пасху оставить. И Виноградову передай «Христос Воскресе» от товарища Берии. Помни мою доброту. Эх, врачи-палачи... Иды.

Я.

Пришел Вовси в Институт мозга Ленина.

Вовси.

Где тут у вас член товарища Распутина, Григория Ефимовича? Я ему эти товарища Сталина принес.

Я.

Принесли яйца Распутина, бережно оправленные Фаберже по приказу императрицы. Оправу Фаберже Вовси велел выбросить на помойку вместе с мозгом Ленина, а к члену Распутина пришили эти Сталина. Тотчас он воскрес и давай на всех дуст извергать. Все как заорут...

Все.

Распутин воскрес!

Я.

А другие в ответ...

Другие.

Вовси воскрес!

Я.

Институт мозга сначала переименовали в Институт уя, а потом, после развенчания культа личности, и вовсе прикрыли. Долгое время никто не знал, куда девался член Распутина с яйцами Сталина. И только в перестройку выяснилось, что он хранится на даче в Переделкино у одного поэта в коллекции гуттаперчевых членов, которые он бережно собирал и показывал почетным гостям и иностранным делегациям. Считалось, что и лядвеи Джугашвили пропали бесследно, и лишь недавно предприниматель Блямберг, возглавлявший фонд «Зарождение», приобрел их за большие деньги вместе с коллекцией Фаберже на аукционе Сотби.

Телевизор.

Яйца Александра II и Александра III наконец-то вернутся в Россию, пополнив ее национальное достояние.

Блямберг.

Мы-то знали, что внутри яиц Александра III спрятаны яйца Сталина. Поначалу коллекцию хотели приобрести американцы, но благодаря

содействию администрации нам удалось переубедить владельца, чтобы они вернулись на родину.

Владелец.

У нас тоже есть сердце. Нам не безразлично, куда уйдет коллекция.

Я.

Узнав об этом, поэт из Переделкино, закончил поэму, которую начал писать еще в 60-е годы.

Юрий Батулин (*политик и космонавт*).

В космосе самое интересное – экипаж.

Лев Толстой.

Настоящая жизнь совершается там, где она незаметна. Никто не видит, как растет трава и зреет зерно.

Конфуций.

Я знаю, как ловить рыбу – она в воде. Я знаю, как ловить птицу – она в воздухе. Знаю, как уловить змею и крота в земле. Но где и как ухватить дракона?

Дракон.

Я знаю, как проглотить Конфуция. Но как сожрать Лао-Цзы?

Лао-Цзы.

Дракона надо ловить в себе.

Я.

Слово «бесконечность» надо заменить «необъятностью». То, что бесконечно для одного, вполне объемлемо для другого. Бабочка, живущая один день, вряд ли в состоянии представить жизнь человека, а человек, живущий 70 лет, не понимает, что значит один день бабочки. Если человек поймет бесконечность дня бабочки, он почувствует вечность.

Спиноза.

Итак, совершеннейший человек ни о чем так много не думает, как о смерти.

Я.

Спиноза умер 42-х лет от роду от туберкулеза.

Спиноза.

Сам я об этом ничего не знаю и знать не хочу. Ибо существующее по определению существует, а не существующее по определению не существует. Смерть – не существование. Следовательно, ее нет. Вечность – существование, следовательно, она есть.

Александр Лазаревич.

Спиноза говорит, что все связано цепью причин и следствий, а, по-моему, кругом один хаос.

Философ Зарбабов.

Был у нас в МГУ семинар по необходимости и случайности. Руководитель бухтел нам про закономерность. Мол, случайность – частный случай закономерности. Утром шел на семинар по Моховой, у троллейбуса верхняя чашечка сорвалась и по темени. Наповал. На том семинар и закончился.

Вовка.

*Перед вами, детки, утка.
Она большая прости...
те, дети,
это слон.
Он огромен и силен.
У него, как у китайца,
Выросли большие...
уши.
Перед вами гага-птица,
Она мороза не боится.
Целый день сидит в гнезде,
Ковыряется...
в пуху.*

Знаешь, что такое бесконечность?

Я.

Не знаю.

Вовка.

*Папе сделали ботинки,
не ботинки, а картинки.
Папа ходит по избе,
бьет мамашу па пи...
сделали ботинки,
не ботинки, а картинки.
Папа ходит по избе,
бьет мамашу па пи...
сделали ботинки...*

Ванька (праздничный номер в детском саду).

*Я приехал из дерёвне
На Марусю поглядеть.
Вижу, здесь народу много,
А Маруси совсем нет.*

Маруся.

Здравствуй, Вантя.

Ванька.

Здравствуй, Мантя.

Маруся.

Ты откуда?

Ванька.

Из деревни.

Обещал тебе я, Мантя,

Лапти новые принести.

Маруся.

Что ты, Вантя, одурелый?

Буду лапти я носить!

Я могу, по крайней мере,

Калоши новые купить.

Куратор профкома литераторов.

Мы созданы для того, чтобы не было праздношающих и безнадзорных литераторов. Мы должны принимать всех, кто печатается, даже тех, кто сидел в тюрьме.

Заместитель куратора.

Мы должны принимать даже тех, кто будет сидеть в тюрьме.

Я.

Только я вступил в профком литераторов, чтобы не быть обвиненным в туеядстве, как в газете «Советская культура» появляется статья «Крыша», где черным по белому написано, что так называемые профкомы стали крышей для сомнительных личностей и туеядцев. Профком прикрыли, но к счастью обрушилась и советская власть.

Жена Лота

И сказа Лот жене своей: «Не смотри на меня, как я возлежу с наложницами». И жена Лота свято соблюдала запрет. Но однажды пришли странники и по обычаю сначала возлегли с дочерьми Лота, а потом потребовали самого Лота вместе с женой. Жена Лота узрела, как странники возлегли с Лотом, и тотчас превратилась в соляной столп. Странники бросили Лота и стали жадно ее лизать. Им не хватало соли. С тех пор, кто бы ни приходил к Лоту, первым делом лизали его жену, а уж потом требовали дочерей и хозяина. И чем больше они ее лизали, тем ласковей становились и безотказней. Так что возникла пословица: «Хочешь поли-

зять жену Лотову?» Так говорили жены мужьям, кои всем пресытились и желали соленья. Царь Соломон велел поставить жену Лотову в святая святых и приходил к ней, пресытившись сорока наложницами на ложе. И тотчас оживал Соломон и возвращался к наложницам, славя праведного Лота за то, что у него такая праведная жена. Жена Лотова весила ровно пуд после того, как превратилась в соляной столп. Потому появилась пословица-иносказание: «Я с ним пуд соли съел». И все понимали, о чем на самом деле шла речь.

Глеб Якунин.

Сразу после путча Пономарев привел к нам Гайдара и Чубайса. Они сидели, как школьники, а мы спрашивали, что они собираются делать, если войдут в правительство. Тем временем, к Ельцину привели Святослава Федорова, и была опасность, что назначат его. Ельцин вызвал нас для консультации. Мы сели за стол. И тут я вдруг почему-то стал кричать и даже бить кулаком по столу: «Если вы не назначите Гайдара, Демократический союз уйдет в оппозицию! Имейте это в виду!»

Ельцин.

Хорошо, мы примем к сведению ваше мнение.

Якунин.

Через два часа премьером был назначен Гайдар. А Ельцин говорил мне: «Глеб Палыч, обращайтесь, приходите ко мне в любое время». Но вскоре он запил, и все подступы блокировал Коржаков.

Анекдот 80-х.

Туристический самолет прибывает в африканскую страну. Перед посадкой стюардесса делает объявление: «Уважаемые пассажиры, имейте в виду, что половина населения здесь больная СПИДом, а половина туберкулезом. Будьте осторожны в своих контактах». Дедушка спрашивает: «Что?» – «Половина населения больная СПИДом, а половина туберкулезом. Будьте осторожны в своих контактах». Дедушка опять: «Что?» – «У половины населения СПИД, у половины туберкулез!» – «Что?» Стюардесса ему на ухо: «Дед, трахай тех, кто кашляет!»

Мария Федоровна.

Стали меня таскать на политзанятия. И вручили брошюру Маркса. Я им говорю:

- Кто это переводил?
- А что такое?
- Здесь написано: «Борьба борбуется борьбою».
- Это диалектика.
- Это просто галиматья, безграмотный перевод!

Маркс.

Жизнь – это борьба.

Я.

Мы с Леной часто ходили в гости по очереди то к маме, то к Марии Федоровне. Но иногда совмещали посещения. Однажды после мамы пришли к Марии Федоровне.

– Бабушка Маня. Мы сегодня не голодны. Мы к вам от мамы.

Мария Федоровна.

Конечно! Наелись там всего жирного.

Алла Демкова (песня на выпускном вечере 68-ой школы г. Казани, 1961 г.).

Ветер стучит в нашей комнате,

В окнах сквозит синева,

Слушайте, люди, но помните

Эти простые слова.

Найдешь любовь – храни ее,

Пусть она тебе светит в пути.

Смотри не оброни ее,

Потому что другой не найти.

Жаль, что когда-то не знали мы

Истины этой простой,

Жаль, что любовь потеряли мы

Давней ненастной порой.

Найдешь любовь – храни ее...

Рабинович.

В 69 лет я могу сказать, что при всей любви к еврейскому народу, считаю, что национальность не главное.

Сослуживец.

Конечно! К тому же, хоть ты и Рабинович, но мама у тебя русская.

Рабинович.

У меня мама русская? Ничего подобного. У меня... у меня нормальная мама.

Студент Литинститута.

Я нашел стихи обалденной немецкой поэтессы – Марии Рильке.

Вешатель

И вышел вешатель вешать. И вот одного он повесил вкривь, а другого вкось, а третьего прямо. И все сказали: «Раньше он вешал вкривь и вкось, а теперь он вешает прямо». Но от этого никому не легче: ни тем,

кого он повесил, ни тем, для кого он повесил. Ни тому, кого он повесил вкось, ни тому, кого он повесил вкривь, ни тому, кого он повесил прямо. И никто не сказал спасибо вешателю за его нелегкий труд. А ведь он так старался повесить прямо.

Машинский (*берет с лотка огурец, нюхает*).

А они у вас свежие?

Продавец.

Да разве огурец может быть несвежий?

Машинский.

А сколько стоит?

Продавец.

3 рубля 60 копеек.

Машинский (*кладет огурец обратно*).

Несвежий.

Продавец (*шепотом*).

Жидовская морда.

Разалия Давыдовна, жена Машинского (*в ресторане на теплоходе Москва – Уфа, 1974 г.*).

У вас есть какое-нибудь пирожное?

Официантка.

Нет.

Разалия Давыдовна.

А сдоба?

Официантка.

Нет.

Разалия Давыдовна.

А вафли?

Официантка.

Нет.

Разалия Давыдовна.

Ну, хоть какое-нибудь печенье?

Официантка.

Нет.

Разалия Давыдовна.

Ну, тогда принесите хотя бы хлеба.

Официантка.

Белый хлеб кончился и до конца рейса не будет. Только черный.

Разалия Давыдовна.

И что же у вас есть?

Официантка.

Сметана, только несвежая.

Поэт Виль Мустафин (стихи 1962 г.).

*Вы ночью отцов расстреливали,
А утром мам.
А после нас по детдомам.
Там цветов кадушки,
Там для слез подушки,
Красота,
Тар-та-та-та-та.
А вы? Вы «за» были.
Вы забыли,
Как вами,
Как в живот ногами,
Били.*

Вовка.

*Я опять сижу в окопах
И имею бледный вид.
У меня замерзла жопа,
Это значит моросит.
Дождик, дождик...
Мы не сеем и не пашем,
Не валяем дурака,
С колокольни членом машем –
Разгоняем облака.
Дождик, дождик...*

Александр Лазаревич (читает).

Философ Зарума обрезал себе ресницы, чтобы не спать. Из них выросло чайное дерево. С тех пор чай отгоняет сон.

Учитель (школьнице).

Да что тебя, сахаром не кормят что ли? Ничего не соображаешь.

Школьница (понутив голову).

Не кормят.

Учитель.

Кто съел мел? Я спрашиваю, кто съел мел?

Я.

Мел регулярно съедали все. В организмах школьников не хватало кальция.

Вовка.

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто на урок приносит бутерброды.*

Песня 50-х.

*Если вас учитель выгонит из класса.
Если вам не в радость светлый коридор,
Вы в буфет зайдите, пирожок купите,
Пирожок с повидлом – это очень хорошо.
И улыбка без сомненья
Вдруг коснется ваших глаз,
И хорошее настроение
Не покинет больше вас.*

Учитель.

Кто выпил чернила? Я спрашиваю, кто выпил чернила?

Я.

Чернила тоже пили. Все понемногу и все по очереди, а иногда за компанию.

Учитель.

У всех фиолетовые губы, как у покойников. Постыдились бы слегка.

Анекдот 80-х.

Встречаются две подруги: «Ты почему опоздала?» – «Понимаешь, я на улице встретила своего гинеколога». – «И он что, узнал тебя в лицо?»

Песня 50-х.

*Что за прекрасная земля
вокруг залива Коктебля –
совхозы, бля, колхозы, бля, природа.
Но портят эту красоту
сюда приехавшие ту-
неядцы, бля, моральные уроды.
Спит тунеядец под кустом,
не занимается трудом
и спортом, бля, и спортом, бля, и спортом.
Нет идеалов никаких,
одна девчонка на троих
и шорты, бля, и шорты, бля, и шорты.
Вид у девчонки страшно гол,
куда же смотрит комсомол
и школа, бля, и школа, бля, и школа.*

*Один купальник лишь на ней,
а под купальником, ей-ей,
всё голо, бля, всё голо, бля, всё голо.
Сегодня парень водку пьёт,
а завтра планы продаёт
родного, бля, советского завода.
Сегодня парень в бороде,
а завтра где – в НКВДе.
Свобода, бля, свобода, бля, свобода.*

Присказка.

*Шел я лесом, песню пел.
На меня медведь насел.
Я хотел его обнять,
Он сказал: «Ядрена мать!»*

Александра Павловна.

Вот фреска страшного суда. Грешники жарятся в аду. Но понимать надо символически. Адский огонь – это муки совести.

Котик.

А как понимать само воскресение? Ведь мертвые выходят из земли, из воды, из огня и даже из пасти зверя живыми и невредимыми.

Александра Павловна.

Это символ духовного возрождения. На самом деле умершие не воскреснут.

Котик.

А Христос?

Александра Павловна.

Это, конечно, сказка.

Я.

Не знаю, как там после смерти, а при жизни умершие воскресают и становятся все более близкими и реальными. Меня не интересует, что там после смерти. Мне важно, что здесь и сейчас.

Иоанн Златоуст.

Христос воскрес, и нет ни одного мертвого во гробах.

Епископ Сергей.

Это он хватанул. Как же ни одного мертвого, если все кладбища забиты?

Я.

Кладбища забиты телами убитых, а воскресают их души. И воскресают в нас.

Юрий Любимов.

Опять оптимизм?

Я.

Простите великодушно, больше не буду.

Любимов.

То-то.

Надежда Владимировна.

Костенька! Я что-то не пойму. Я воскресла или не воскресла?

Я.

Пока я жив, ты жива. А когда меня не будет, останется эта пьеса. И каждый раз, когда ее будут читать и слушать, мы все будем воскресать.

Александр Лазаревич.

Вот это и есть настоящий театр. Театр начинается не с буфета, а с воскресения.

Я.

А вечная жизнь продолжается на сцене.

Любимов.

А уже со сцены плавно переходит в фойе, в буфет, в метро, в троллейбус.

Я.

В жигули, в тойоты, в мерседесы.

Любимов.

Ну, это уж вы хватили. В жигули куда ни шло, а в тойоты – это уж слишком.

Александр Лазаревич и Лев Толстой.

А надежней всего пешком.

Я.

По-вашему, чем меньше скорость, тем ближе к вечности.

Любимов.

Вот именно! Тише едешь – дальше будешь. Так что, пожалуйста, расходитесь тихо. Можете включить ваши телефоны и пейджеры. И умоляю вас, не оставляйте жевательную резинку на спинках кресел.

Часть 5

МЕТАКОД И МЕТАМЕТАФОРА

**Защита диссертации на тему
ЭТИКО-АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП В КУЛЬТУРЕ
в форме научного доклада по специальности 09.00.05 (этика)
на соискание ученой степени доктора философских наук
К.А. Кедровым**

Фрагменты стенограммы заседания диссертационного совета
Д 002.29.04 в Институте философии РАН 18 апреля 1996 года г. Москва

Председательствует: председатель совета, доктор философских наук,
профессор Л.П. Бueva

Ученый секретарь: кандидат философских наук Э.М. Ткаченко

Работа выполнена в Институте РАН

Официальные оппоненты:

доктор философских наук В.Л. Рабинович;

доктор философских наук Л.В. Коновалова;

доктор психологических наук В.П. Зинченко, академик РАО

К.А. Кедров.

Основной итог моих исследований в течение четверти века изложен
в книге «Поэтический космос».

Во Вселенной существует единый код живой и так называемой не-
органической материи. У всего живого есть единый генетический код.
У Вселенной в целом есть Метакод. Структура этого единого кода, свя-
зующего человека и мироздание, видна на небе. Это огненный шифр
созвездий. Читается он по-разному в разных культурах и религиях, но
его расшифровка дает нам и тексты Библии, и тексты Махабхараты и
Упанишады, и эпос Гомера.

Есть четыре книги: Природа, Человеческое сердце, Священное Пи-
сание, Звездное небо. Все четыре говорят об одном, надо только умело
их прочитать. Я бы добавил к этим четырем книгам еще две: Искус-
ство и Наука. Они тоже подчинены единому коду. И строятся на тех же

архетипах. Например, смерть Ивана Ильича у Льва Толстого выглядит как втискивание в «черную дыру», затем туннель, потом толчок, смена направления. Он думал, что поезд движется в одну сторону, а оказалось, в противоположную. После этого выворачивания в конце туннеля появляется свет.

Но такой же сценарий пишут космологи для описания мысленного подлета к реальной Черной дыре. И подобный же сценарий дает Моуди, описывая ощущения некоторых людей, переживших клиническую смерть.

Речь идет о едином коде, Метакоде, в равной мере присущем всему, что обладает статусом «бытийности», как сказал бы Гегель. Я не случайно остановился именно на этом примере. Выворачивание, или инсайдаут, пережитые Иваном Ильичем, в данном случае относятся к смерти. Но и в момент рождения младенец, выворачиваясь из чрева, внезапно обретает бесконечную перспективу нашего мира.

Инсайдаут пережил Андрей Белый, взойдя на пирамиду Хеопса. «Сам себя обволок Зодиаком, как мякоть персика косточку изнутри – снаружи». Правильнее сказать образовалось двуединое тело Человек – Мироздание. Но имя этого человека уже известно в культуре. В Индии его зовут Пуруша, в Латинской Америке Виракоча, в Китае старик-младенец Паньгу. «Тысячеликий тысячеглазый Пуруша. Только четверть твоя на земле, остальное Вселенная. Твоя кожа – звезды. Твое зрение – Солнце. Твой ум – Луна. Твое дыхание – Пространство».

Одним словом, при выворачивании происходит то, что американский космонавт Эдгар Митчел пережил на Луне: «Я взглянул на Землю со стороны, и вся Вселенная стала частью меня».

Человек как частица Вселенной – это уже банальность. Ныне эта микрочастица вмещает при выворачивании всю Вселенную. Частица-Вселенная в физике и математике носит наименование Максимон (по имени математика Максимова), Планкион (по имени Планка), Фридмон (по имени Фридмана).

В Евангелии от Фомы Христос говорит ученикам: «Когда вы сделаете верх как низ, низ как верх, внутреннее как внешнее и внешнее как внутреннее, тогда вы войдете в Царствие».

Выворачивание, или инсайдаут, два сильнейших переживания в моей жизни, которые я пережил в 16 и 27 лет. Поэтому для нас это не просто культурологический материал, а самое глубокое и яркое описание своего как бы второго, космического рождения, когда Homo Sapiens (Человек Разумный) становится Homo Cosmicus (Человеком Космическим).

Председатель.

Какие вопросы возникли у членов совета, у присутствующих? Пожалуйста.

С.И. Золотов.

Рассказывая об этико-антропном принципе в культуре, вы очень красиво обрисовали «выворачивание» во Вселенную. Так вот, какую этику будет нести с собой преподаватель этики, который это выворачивание не пережил? Люди, не «вывернувшиеся», способны спасти Россию или нет?

Председатель.

Спасти Россию, наверное, ни один космический рецепт не поможет, если мы сами не спасем ее.

К.А. Кедров.

Я скажу честно. Думаю, что все-таки, когда мы предлагаем студентам или школьникам ту или иную этическую систему, а при этом говорим, что вы – соринка в мироздании, что мироздание от вас отдельно, а вы от мироздания – отдельно, что вы умрете, трава вырастет и более ничего, – конечно, мы здесь страшно лукавим. И понятно, что целые поколения, начиная с XVIII века, буквально стали сходить с ума и считать этику навязанным, вычурным построением, которое совершенно необязательно принимать.

Но я бы не стал так говорить: кто не «вывернулся», тот и не может, потому что есть разные модели обретения космоса человеком. В буддизме – одни, в мусульманстве – другие, в нашем православии – третьи. Есть и атеистические. Возьмите Эйнштейна. Это рационалист, атеист, а, в конечном счете, пришел к тому же образу мироздания, который существует во всех религиях. Это мироздание оказалось разумным. В нем оказалась красота, а раз красота, то и этика, куда денешься. Эйнштейн провозгласил высшим критерием истинности, научности теории ее красоту, а кто же создал красоту? Либо человек, либо Бог. В конечном счете, Эйнштейн пришел к Богу. Он сказал: «Знать, что на свете есть вещи, не доступные нашему разуму, но которые каким-то чудом познаются нами и скрывают высшую мудрость и красоту, – вот что такое верить в Бога». Так он ответил на телеграмму, присланную главным раввином Израиля: «Верите ли вы в Бога?» – а кроме того он сказал поразительную вещь (по-моему, обидев животных): «Чувство мистического – это есть чувство, которое отличает человека от животного». Думаю, что и у животных есть чувство религиозного, мистического. Без этого чувства нет вообще ничего. Пришел к этому отчаянный богоборец, рационалист,

суперматериалист – пришел к тем истинам, которые открылись ему в космологии, будучи просто честным. Поэтому я думаю, что все-таки невозможно обоснование этики без признания правоты Канта, что звездное небо над головой – послание, в конечном счете, человечеству... Это поразительно, когда Кант сказал эти слова, что звездное небо – над моей головой, моральный закон – во мне. В древней традиции вся часть звездного неба, состоящая из незаходящих созвездий, называется Скрижаль. Там, по утверждению древних, звездами начертаны заповеди, которые нам всем известны: не убий, не укради и т.д. Эта традиция очень интересная. В моей книге рассказано, как это читается в русском фольклоре, и даже начертания букв идут от начертания созвездий. Допустим, буква А (алеф) – это созвездие Телец, а сам Зодиак есть свиток, на котором огненными буквами пишется текст, который закодирован. Он есть и в Библии, он есть и в Упанишадах, есть в священных текстах, в мифологических сводах, он закодирован даже в сказке. Но я подробно на этом не останавливался. Это есть и требует конкретной расшифровки. Вот так я бы ответил на ваш вопрос.

Н.И. Кнященко, д.ф.н., проф..

Константин Александрович, вот я у вас в автореферате на с. 15 читаю, что «красота – начало всякой упорядоченности, то есть Космоса. Упорядоченность всегда этична».

В январе в Российской академии образования проходит семинар по проблемам художественной дидактики, там выступает один академик и говорит с очень большой убежденностью со ссылкой на Гегеля о том, что искусство не имеет никакого отношения к нравственности. Значит, тогда красота и этика разбегаются в разные стороны, как какие-то космические объекты, и вся педагогика вдруг повисает неизвестно на чем.

Председатель.

Оставим это высказывание на совести академика.

Н.И. Кнященко.

Он долго убеждал. Дело в том, что не он один внутри академии занимается разработкой дидактики. Дидакты, которые внутри академии занимаются разработкой дидактики, в этом убеждены.

К.А. Кедров.

Тут, мне кажется, происходит путаница в терминологии. Если отождествлять дидактику с этикой, тогда да.

Н.И. Кнященко.

Нет, здесь не об этом речь. Я уточню. Дидактика – это тоже упорядоченность. И вдруг она расходится с красотой...

К.А. Кедров.

Расходиться тоже можно по-разному. Когда Бог сотворил Вселенную и увидел и сказал, что это хорошо. Это очень важный момент в Библии. Момент сотворения Вселенной является одновременно моментом оценки: она хороша, поэтому она существует. Она существует, потому что хороша. Если бы Бог сказал: плохо...

В.Л. Рабинович.

Хорошо – в двух смыслах: хорошо как красиво и хорошо как сделано.

К.А. Кедров.

Разумеется. Думаю, что здесь Достоевский абсолютно прав, когда говорит о красоте. Опять же затаскали эту цитату до невозможности, но в данном случае мне необходимо ее привести. Когда он говорит, что красота – великая сила и красота спасет мир, то он говорит не просто о красоте Настасьи Филипповны, но еще и о красоте страдания, которое она пережила, которое он видит в ее глазах. То есть красота как некое ледяное построение в царстве Снежной королевы, где Кай выкладывал некие фигуры, – неэтична, но это не есть красота, это имитация красоты. Красота, конечно, всегда согрета человеческим присутствием, человеческим страданием, человеческим участием. Здесь уместно вспомнить розановское высказывание. Я не большой любитель Розанова, честно скажу, но вот это он здорово сказал. Он сказал: а как могло получиться, что красота Христа, красота страдания Христа на кресте оказалась такой ослепительной, что в нее, как в бездну, со всеми Аполлонами затянуло весь античный мир? Поэтому говорить о красоте, которая не согрета человеческим состраданием, страданием, участием, присутствием, бессмысленно. Тогда это не красота, тогда это имитация красоты.

Кстати, мы говорили об этом с Вадимом Львовичем. Этого не понимают нынешние постмодернисты, когда они выстраивают некие модели языка, думая, что эти модели сами по себе живы. Они живы, когда жив тот, кто их создавал. Вот у Бодлера, что бы он ни описывал – гниющая туша лошади или что-то еще, это красиво, а красиво потому, что согрето его душевным участием, его душевным присутствием, его страданием, его падением, его переживанием...

Н.И. Киященко.

Его отношением.

К.А. Кедров.

Да, его отношением, которое отнюдь не лишено этики, а очень даже этика здесь присутствует.

Но чаще всего в искусстве этика присутствует через отрицание. Тут ничего не поделаешь. Это действительно закономерность искусства. У Достоевского это сплошь и рядом. Это сплошь и рядом у Байрона. Наконец, в «Божественной комедии» Данте: все безобразия ада в конечном счете существуют для того, чтобы в конце быть основанием той ослепительной красоте, той любви, «что движет солнца и светила». Такова уж сложность искусства.

Е.В. Шевцов, д.ф.н., проф.

Вы все очень хорошо объяснили. Но если оставить все чисто теологические вещи, и это будет, наверное, в духе православной традиции, поскольку православие никогда не увлекалось рационалистическими, вещественными доказательствами теологических проблем, можно вас попросить сформулировать тот приблизительный круг проблем, которые появляются благодаря вашей точке зрения в отношении к той этике, которая есть и которая может появиться, или те проблемы, которые могут появиться благодаря вашей концепции?

К.А. Кедров.

Спасибо, это очень важный момент, на котором, кстати, я не останавливался здесь.

Во-первых, область этики очень тонкая, и здесь мы часто рискуем из-за несовершенства нашего языка впасть в чистую дидактику. Поэтому описание давать чрезвычайно трудно. Хочу обратить ваше внимание на то, что Нагорная проповедь Христа построена не на том, что должно быть, а на «не». Апофатически построена. Это одна из особенностей этики конца XX века. Сказано: не убий. А я вам говорю, что всякий, кто сказал про ближнего своего: безумен – уже достоин смерти. Сказано: око за око, зуб за зуб, а я говорю: ударили по правой – подставь левую. Все дается как бы апофатически. Не отрицается то, что сказано, но новое дается так: а я вам говорю – с некой частицей отрицательного. В каком значении? Есть некоторые вещи – невыразимые. И вот наступает момент некой невыразимости самых основных вещей, когда человек доходит, приближаясь к божественному, до некой сути явлений божественного, космического, вселенского (опять же несовершенство нашего языка заставляет нас все время определять неопределимое). Мы начинаем понимать, что нынешний язык описания устарел. И в этом смысле я опять обращаюсь к математике. В знаменитой теореме Геделя, которая известна как две теоремы, о неполноте – она только для математических языков дана. Там сказано следующее: «В языке содержатся недоказуемые утверждения. Любое высказывание, раз оно высказано, значит там есть недоказуемое».

А вторая теорема еще интереснее. Послушайте: «Если высказывание верно, оно неполно. Если высказывание полно, оно неверно». Принято при этом оговариваться, что это только для математиков. Но я-то думаю, что это для этики более чем применимо и более чем значимо. Утверждая те ценности, которые мы утверждаем, они, в общем-то, с моей точки зрения, незыблемы с времен Нагорной проповеди, все равно они такие же, все равно категорический императив, но мы должны понимать, что расширяется сфера человеческого языка. И здесь мы сталкиваемся с той проблемой, которая возникла между Христом и апостолами. Пусть это и было тысячи лет назад – ну что такое 2000 лет в историческом плане! Посмотрите, апостолы подходят к Христу и спрашивают: ну почему ты изъясняешься с нами притчами (параболами на самом деле)? Почему ты прямо не скажешь: то-то, то-то, то-то и то-то. И что же им отвечает Христос? Он говорит, суммируя это все: из-за несовершенства человеческого разума. Если бы вы были совершенны, можно было говорить прямо, но это прямо было бы совсем не такое, оно было бы божественное.

Поэтому в современной этике должна быть реабилитирована метафора, должен быть реабилитирован иррациональный, мистический опыт крупнейших учителей нравственности – таких, допустим, как Сократ, Христос. Я не ставлю их на одну доску, не сравниваю, но в этом плане говорю.

Что можно противопоставить этике Канта? Ничего, ни единому слову нельзя возразить. Но она же не согрета в языке высказываний, как согрета любая заповедь Христа. Ударят в правую щеку – подставь левую. Снимут рубашку – отдай и кафтан. То есть должна быть реабилитирована эмоциональная жизнь человека, его эмоциональная правота. Это что касается языка современной этики.

А если говорить об основном свойстве такой этики обретенного космоса, то я скажу, что оказался абсолютно прав Владимир Соловьев, когда он сказал о законе всемирного тяготения – да никакое это не тяготение, тяготение – это есть любовь. И тела притягиваются друг к другу, потому что сила притягивания – это есть сила любви, главная сила мироздания. Надо, наконец, это признать и понять, что это как бы фактически доказано современной наукой. Тогда этика получает и достаточно прочное объективное обоснование. А, во-вторых, я понимаю, что, конечно, это идет вразрез с рыночными установками, но все-таки тот, кто обретает космос, тому, естественно, смешно заниматься приобретением чего-то другого. И мы как раз видим, что произошло, будь то Пьер Безухов, будь то протопоп Аввакум. Они занимаются не зарабатыванием круглых или

бумажных предметов, они ищут себе сокровища на небесах, где ржавчина не истребляет и моль не ест. Так что в этом смысле это этика, по большому счету, нестяжательская. Что ж тут нового? Нового в этике, по большому счету, не может быть, тут крайне рискованны все новшества. Здесь новшества похожи на мутации. Обновление языка – это другое дело. Ценность этики как раз в ее незыблемости.

Н.И. Киященко.

Сейчас даже в физике метафора времени и пространства, а не время как...

К.А. Кедров.

Конечно. Вы здесь меня опередили: об этом я тоже хотел сказать.

Председатель.

Слово предоставляется первому официальному оппоненту – доктору философских наук Вадиму Львовичу Рабиновичу. Пожалуйста.

В.Л. Рабинович.

Надо сказать, что в средние века, которые так уместно здесь вспоминались, защита длилась около года. Первые полгода соискатель доказывал свою мысль, а в следующие полгода он также пламенно выступал своим оппонентом, опровергая все, что было им сказано ранее. В этом смысле я хочу облегчить задачу нашего соискателя и вернуть слову оппонента первоначальное значение. Отработаю за него по средневековым канонам.

Правда, после защиты устраивался пир, который длился 3 месяца. Задача К.Кедрова намного скромнее, хотя сама диссертация вполне заслуживает и полугодовой защиты и полугодового оппонирования, я уж не говорю о трехмесячном пире. Так сказать, Пирровой победе. *(Смех в зале)*.

Конечно, Метакод, который соискатель обнаруживает везде и всюду, скорей всего там присутствует. Но получается, что при таком подходе все кошки серы. И античность Метакод, и средневековые Метакод. О современности я уж не говорю, тут уж явный Метакод, поскольку в современности без поллитры (Метакода) уж точно не разберешься. Потому-то самая удачная глава диссертации «Звездная азбука Велимира Хлебникова». Тут не шутки, а живой настоящий футурист Хлебников и живой настоящий неофутурист Кедров, автор метаметафоры и в терминологическом, и в бытийном смысле.

Для того, чтобы понять Кедрова, выворачивание или инсайдаут (кстати, очень удачный термин) просто необходимы.

Отмечу еще одно открытие. Кедров заметил, что опыт Канта с правой и левой перчаткой во Вселенной имеет свое продолжение и разрешение. Канта волновал вопрос, можно ли, перемещая во Вселенной правую и

левую перчатку, сделать правую левой. Как у Ахматовой: «Я на правую руку надела перчатку с левой руки».

Кедров выяснил, что правую перчатку можно сделать левой, вывернув ее наизнанку.

И все же я считаю, что соискатель поскромничал в своих выводах в конце доклада. Итак, если взглянуть вывернутым зрением, то «антропный принцип становится этико-антропным». Только-то и всего.

Антропность, действительно, физики себе слегка присвоили и монополизировали. Действительно, без этики, без человека, без наблюдателя невозможно даже воображаемую линию провести, или математическую точку поставить. А раз человек, наблюдатель, значит уже этика. Но в том-то и дело, что человек конкретен и личностен. Он один в средневековье, хотя и там разный, другой в Возрождении и уж совсем разный здесь и сейчас. Важен везде не просто генетический набор хромосом, а конкретный Рабинович «со своим прищелком и с личным своим ду-ду-ду».

Здесь я становлюсь уже совсем оппонентом и даже отнимаю хлеб у соискателя, приступая ко второй части защиты. Но вы не пугайтесь. Мое оппонирование не будет длиться полгода. Я закончу раньше. Кедров вполне заслуживает звания доктора философских наук.

Председатель.

Константин Александрович, вам предлагается сделать inside out и согласиться. Пожалуйста.

К.А. Кедров.

Действительно, я согласен. Тут ситуация, знаете, какая? Генетический код всего живого. Даже для этих листьев и для нас с вами он один и тот же. И гениальность открытия генетического кода как раз и заключалась в том, что какой-то цветок, кошечка или птичка и Вадим Львович Рабинович, и Рабинович вообще – и вдруг у всех одинаковый генетический код. И даже у Иванова, Петрова и Сидорова.

В.Л. Рабинович.

Это ужасно!

К.А. Кедров.

Это просто невозможно вынести! (*Смех в зале*). Обратите внимание: это вызвало бурный протест. Мы же помним, как предшествующее открытию генетического кода открытие Менделя как таковое какую бурную вызвало истерику и не только у властей. Сейчас говорят, борьба с генетикой была чисто государственным делом. Нет, это была истерика ученого мира тоже.

В.Л. Рабинович.

Я похож на истерика?

К.А. Кедров.

Нет, нет, это не относится к Рабиновичу в частности, а к Рабиновичу вообще. *(Смех в зале)*. Тем не менее, зажмурившись, отстав на 20-30 лет, а, может быть, и навсегда, в середине 60-х годов, я помню этот момент, ко мне в коридоре кто-то подошел, где-то под лестницей.: «Смотри, журнал «Знание – сила» признал, что генетический код существует». Не может быть, чтобы там было так написано. Но что делать? Существует единый код, и он, действительно, в какой-то степени обладает универсальностью. Потому он и код, единый для всех, что и в XVII веке был код, и в XX веке – код, пока существует живое...

В.Л. Рабинович.

Код – он и в Африке код.

К.А. Кедров.

А вот расшифровка этого кода... Сейчас ею занимаются американцы, мы было начали, но поняли, что не потянем, потому что для того, чтобы расшифровать код отдельного Рабиновича или отдельного Иванова, Петрова, Сидорова и Коперника, – для этого нужно, наверное, лет сто пятьдесят. И та задача, которая была предложена в блистательной речи сейчас, – это же мириады томов, это же я должен был: вот протопоп Аввакум, вот его выворачивание в историческом контексте, так это же тома!

В.Л. Рабинович.

Но это же не значит, что все надо упоминать.

К.А. Кедров.

Но ведь это же тома! Но если мы хотим этот листок с тончайшими изгибами и т.д. Поэтому я выбрал хлеб, наиболее мне близкий и близкий присутствующим, для того, чтобы выявить, как это в истории, в реальном человеческом преломлении. Конечно, об Аввакуме, О Пуруше или о Виравоче, или о Костроме, или о Дионисе – о них, конечно, разговор идет вообще.

Поэтому я не возражаю. Я тут всячески был счастлив, если бы все здесь сказанное было расписано в книге или осуществлено. Это было бы совершенно блистательно и ни в коей мере, конечно, не противоречило бы тем основным вещам, о которых идет речь. Я чрезвычайно благодарен Вадиму Львовичу за столь тонкое прочтение моей книги.

В.Л. Рабинович.

Еще хочу добавить, что я главное не сказал. В качестве заслуги Кедрова можно сказать еще такую вещь. Эта книга – это полемика с по-

стмодернистами. Для постмодернистов что верх, что низ – это одно и то же, что право, что лево – тоже одно и то же, что внутри, что вовне – тоже одно и тоже, лишь бы размазать манную кашу по белому столу и красиво выразиться. Я не против Подороги вообще. А у Константина Александровича этические координаты расставлены всегда очень точно: если верх, то он верх, если низ, то он низ. То есть Вселенная определена этически, потому что она антропна, а антропос – это все такое. Но единственное: сам путь не особенно точен. Человек идет от Homo Sapiens к Homo Cosmicus. На мой взгляд, это не так. Homo Cosmicus – инвариантен, как он есть, а Homo Sapiens – каждый раз разный. На то он и Sapiense, чтобы каждый раз рефлексировать над собственным Sapiens, понимаете? Это еще одно маленькое замечание.

К.А. Кедров.

Я слушал и подумал, что все-таки прав Эйнштейн. У него над камином была очень интересная надпись: «Господь Бог утончен, но не злонамерен». Дело в том, что я почувствовал иронию Бога в том нежном упреке, который сейчас прозвучал, что я, доходя до Царских врат, все-таки останавливаюсь, не спешу, не вхожу.

Дело вот в чем. Вот перед вами лежит книга «Поэтический космос». Она вышла в 1989 году. В 1986 году я был уже отстранен за религиозность от преподавания в Литературном институте как раз за идеи, высказанные в этой книге. И там 120 страниц послесловия – в этом я вижу божественную иронию, – где написано: хотя автор напрямую не говорит, что Бог есть, но ясно же, нас он не обманет. *(Смех в зале)*.

Ну, это правда. Тут я ничего сказать не могу. Конечно, Бог есть. Думаю, в этой аудитории не нужно в открытую дверь ломиться.

Другое дело, что я считаю, что бытие Божие открывается по-своему и атеистам, и агностикам. Когда мы говорим «Бог», мы произносим определенные слова и вкладываем определенное понятие, определенные переживания – каждый свое переживание из своего культурного ареала, а у каждого человека свой опыт. Я замечал часто, когда человек говорит: Бога нет, – он имеет в виду, что то, что сказано о Боге во всех религиях, его лично не устраивает. И он сам не знает, что сказать о Боге, и сам осторожничает. Вот почему. Только поэтому.

В этой книге нет прямых утверждений, которые бы превратили меня сразу в жреца. Вот я был на религиозной конференции во Флоренции. Впечатляюще, конечно, когда идут рядом жрец, монах буддийский, раввин, наш православный священник, католический... Все говорят, что Бог есть. Но тут я подумал, почему тогда как-то немножечко не по себе:

все собрались и всем хорошо известно, что Бог есть. Не то чтобы закрадывается мысль, что его нет. Мне как-то эта мысль никогда не закрадывалась, мне всегда было ясно, что Он есть. Но сразу возникает желание все это другим языком сказать: более осторожно. Здесь мы снова сталкиваемся с той проблемой: так же, как трудно, невероятно, невозможно сформулировать несовершенным человеческим языком этические правила, законы, они сразу становятся обрубленными, так же и все наши рассуждения о Боге. Мне все-таки ближе апофатическое богословие, когда о Боге говорят с частицей «не». Бог – это не... И дальше перечисляется все то, что мы знаем, то есть Бог – это не это, не это и не это. Но, может быть, делая исключение для одного-единственного – для любви. Тут я согласен: Бог есть любовь.

В.Л. Рабинович.

Если на счет любви, то он больше, чем любовь.

К.А. Кедров.

Можно сказать: больше, чем любовь, в том смысле, что любовь больше самой себя всегда.

В.Л. Рабинович.

Вот именно.

Председатель.

Слово предоставляется следующему официальному оппоненту – доктору психологических наук, профессору Зинченко Владимиру Петровичу.

В.П. Зинченко.

Я считаю, что один из самых неудачных терминов по отношению к человеку это «Homo Sapiens». На самом деле разумным человек никогда не был, а его способность к глупости сопоставима разве что с масштабом Вселенной.

Мераб Мамардашвили сказал, что самая идиотская идея – это воспитание нового человека. Наша система воспитания вся построена на апелляции к несуществующему разуму, вся насквозь рациональна. На самом деле без поэтического образа нет ни чувства, ни мысли человека.

Книга К.А.Кедрова «Поэтический космос» вызвала у меня хорошую зависть, поскольку я занимаюсь поэтической антропологией, но мимо моего внимания проскользнула удивительная вещь, о которой Кедров пишет в докладе. Название «По-этический космос» автор пишет именно так, через черточку. Это замечательное философско-лингвистическое открытие. Наше этическое образование все рассчитано на апелляции к рациональному разуму, а между тем, только образ, метафора, поэзия мо-

жет передать самое главное, ускользающее от рации. Космос не этичен, он, как правильно отмечает К.Кедров, по-этичен.

К.А. Кедров.

Что касается Homo Sapiens, то, конечно, меня здесь правильно упрекнули. Наверное, уже пора перестать после Ницше выстраивать эволюцию какому-то сверх-, супер-, другому. Когда я этот термин употребил – Homo Cosmicus, я имел в виду того же протопопа Аввакума. Имеется в виду не эволюция в историческом времени, что со временем все такими станут, а что такая перспектива была бы, если бы не безграничная глупость человеческая, о которой сейчас было сказано, и вот чего не хватает в моей книге...

В.Л. Рабинович.

Глупости не хватает? *(Смех в зале).*

К.А. Кедров.

Но, конечно, радужные перспективы вычерчивать в наше время смешно. И, пожалуй, если чему-то двадцатое столетие и научило, так это искать перспективу не в будущем, не в прошлом, а в самом себе, во внутреннем мире, в каких-то высших ценностях, которые единичны, редки. И все ценное – редкое. Надо с этим смириться. Это понятно. Так что определенный перекося в моих терминах – от Homo Sapiens к Homo Cosmicus есть в сторону радужного прогресса, – это несомненно. Это неудачно сформулировано. Потому что Homo Cosmicus для меня и Сократ, и Платон, и Спиноза, который уподобил разум свету. Я настолько согласен со всем сказанным, что мне нечего добавить.

В.П. Зинченко.

Я хочу дать еще одну иллюстрацию этического выворачивания: вся этика – это и есть выворачивание наизнанку. Мальчик приходит к папе и спрашивает: что такое этика? А папа – хозяин лавки. Он говорит: «Это сложный вопрос, я тебе объясню на примере. Приходит ко мне клиент, берет покупки и после того, как расплачивается, забывает кошелек на прилавке. Вот тут ты слушай внимательно, тут начинается этика. Как ты должен поступить – забрать кошелек себе или поделиться с компаньоном?» *(Смех в зале).*

Председатель.

Давно не было анекдотов. Так, официальная часть обсуждения закончена. Теперь есть ли желание, настроение говорить вокруг тех проблем или поговорить о самом диссертанте, который эти проблемы поставил, или о наших оппонентах, которые нам добавили духовного пиршества? Пожалуйста, кто хотел бы выступить и сказать свое слово? Нет желающих?

(Нет)

Мы подавлены своим собственным могуществом в том смысле, что мы оказались духовно равновелики космосу, равновелики Богу. Тема «Человек и космос» – все-таки не новая, но традиционно она была всегда как бы натуралистически и физикалистски дана, где человек всегда – некое порождение. А сейчас мы почувствовали, что человек создает сам духовный космос, равновеликий Богу. И здесь, пожалуй, ему равных нет.

Поэтому нетрадиционность данной диссертации заключается как раз в духовном освоении космоса, в том, что космос представлен как некая духовная целостность. Вообще мне кажется, что это такая традиция философии XX века, которая не столько объективизирует свое знание, сколько субъективизирует мир, и, наверное, в этом тоже заключается великая сермяжная правда.

Работа очень нетрадиционна, читается, действительно, с большим интересом. И язык ее уже нетрадиционен, потому что он указывает некий новый код, который рождается. Если вы, Вадим Львович, хотите, чтобы в инвариантах были вариации, то и язык-то сейчас мы не можем отнести сейчас точно к этике, к эстетике. Образ – это поэзия? Это нечто такое, что в синтезе возникает. Так что при всех инвариантах всегда возможны вариации. Мне тоже представилась в этом отношении работа очень интересной.

Л.И. Новикова, д.ф.н., проф.

Судя по автореферату, работа мне кажется интересной и наводит на размышления. Но меня всегда больше устраивает концепция, которая не все разъясняет, не все дает в открытом виде – вывернутом или невывернутом, а оставляет тайну. Это тайна непостижимого. Непостижимое, по-франковски, – весь космос и все мироздание, которое довлеет над нашим миром, над космосом человеческим. Все-таки над человеческим космосом еще огромная надстройка непостижимого, которая флуктуациями иногда дает о себе знать, но в принципе непостижима. Непостижима не сейчас, а в принципе непостижима. Мне кажется, что этому непостижимому, в автореферате во всяком случае, нет места. Слишком все постижимо. То есть мы почти сравнялись с богами. Почти божественная сущность. Меня это немножко тревожит. Мне от этого дискомфортно.

Председатель.

Лидия Ивановна, не волнуйтесь, ибо человек столь же непостижим и для себя самого – почти так же, как Бог. Здесь мы если не выравниваемся, то хотя бы в непостижимости только.

Уважаемые коллеги! Были очень интересные высказывания. Оппоненты действительно нам показали праздник мысли, образности слова вместе с диссертантом.

Если больше нет желающих выступить, то вам, Константин Александрович, предоставляется заключительное слово. Пожалуйста.

К.А. Кедров.

Я честно скажу, что чувствую некоторый дискомфорт, поскольку на протяжении по крайней мере последних двадцати лет я привык к атмосфере необходимости что-то объяснять, доказывать...

Председатель.

Вам что, не хватает врага, что ли? *(Смех в зале)*.

К.А. Кедров.

Я впервые нахожусь не просто в доброжелательной обстановке. Доброжелательность – это просто человеческая вежливость и все. А я нахожусь в атмосфере полного понимания, когда даже возражения высказываются те, с которыми я полностью согласен. Действительно, если не осталось тайны, значит плохо. На самом деле тайна осталась. Если нет исторического человека в развитии, то тоже плоховато. На самом деле есть это развитие. Если какая-то радужная перспектива в будущем, – с горящим взором Данко, то тоже плохо. То есть это тот случай, когда я действительно внутренне согласен со всеми возражениями. А что касается понимания... Однажды меня врач удивил, сказав, что у меня зрение выше ста процентов. Оказывается, бывает выше ста процентов. Понимание тоже, мне кажется, бывает выше ста процентов. Я чрезвычайно благодарен и счастлив, что дожил до этого момента и нахожусь в такой атмосфере.

Председатель.

Для проведения тайного голосования есть предложение избрать счетную комиссию.

(Объявляется перерыв для тайного голосования).

Председатель.

Слово предоставляется председателю счетной комиссии.

Председатель счетной комиссии.

Комиссия избрана для подсчета голосов при тайном голосовании по диссертации Кедрова Константина Александровича на соискание ученой степени доктора философских наук.

Состав диссертационного совета утвержден в количестве 19 человек.

Присутствовали на заседании 14 членов совета, в том числе 4 доктора наук по профилю рассматриваемой диссертации.

Роздано бюллетеней – 14.

Осталось нерозданных бюллетеней – 5.

В урне после голосования оказалось бюллетеней – 14.

Результаты голосования:

За присуждение ученой степени – 13.

Против – 1.

Недействительных бюллетеней – нет.

(Голосование. Заключение совета принимается единогласно).

Председатель.

Таким образом, на основании тайного голосования членов диссертационного совета Д 002.29.04 при Институте философии Российской академии наук Кедрову Константину Александровичу присуждается ученая степень доктора философских наук по специальности 09.00.05 – этика.

Позвольте мне от имени всех присутствующих поздравить Константина Александровича с блестящей защитой докторской диссертации и пожелать ему больших успехов в дальнейшей работе.

На этом наше заседание заканчивается. Благодарю всех за активное участие в обсуждении диссертации. Всего доброго.

Электронная переписка Алексея Парщикова с Константином Кедровым и Еленой Кацубой Декабрь 2000 – август 2001

Алексей Парщиков.

25 декабря 2000 г.

Привет, Лена + К.А.!

Ну, если у вас появился e-mail, значит дела и впрямь идут по восходящей. Великолепно. Оч. хр., если есть проект «Всемирная литература» хоть бы и с французами. Почитайте «Atomised» Мишеля Уэльбека, это последний писк и беда всей Европы. Сейчас первые главы публикуются в «Иностранке». Не знаю русского названия, возможно «Элементарные частицы» или как-то так. Я читал полтора года назад по-английски. Пищат, конечно, и от фон Трира («Танцующая в темноте»), это шло в Москве, я знаю. А здесь объявлено лучшим фильмом года. Это не-концептуализм, поэтому уже большой сдвиг. Вообще у него продвинутое для Германии направление, натуральная для него стратегия. Концептуализм отходит понемногу, а его место занимает интерес к ДаДа. До лекции в Стэнфорде ДаДа я не представлял как аутентичное и глубокое явление.

ние. В Германии это просто одна из базовых традиций (Хуго Балл, Курт Швиттерс, Йоханес Баадер, Эльза фон Фрейтаг-Лорингховен и т.д.). У них были выходы в сюрреализм и позднее (нео-ДаДа) в Поп. Т.е. это гораздо более валентная и богатая жила, чем послевоенный концепт. И к этому сейчас есть здесь академический интерес и связь с русскими через «заумь».

Люди, обитающие на Западе и никогда здесь не учившиеся, не знают грамоты, им почти не приходится писать на чужом языке, – ничего страшного, так как главное – все-таки чтение. Это не значит, что они не адаптируются здесь, так как устный язык знают, работают в музыке или в визуальных областях или вообще в негуманитарных. У меня же работа связана с иноземной мовой (страничка APAD – Poem A Day) и куча соучеников по университету. И мне приходится писать кучу всего. Как только я пробую набирать русский шрифт, я долблю со скоростью ручного наборщика.

Для меня есть разряд текстов, не важно, на каком языке написанных. Четыре святых книги нашей цивилизации были написаны на греческом. А какой язык был первым для евангелистов? Язык устанавливается в возрасте от 7 месяцев до 3-х лет, после чего ваш Хард Диск становится суахили или японский, русский или немецкий. Подозреваю, что и билингвисты просто переводят со скоростью, которую не могут отрефлексировать. Но стоит сравнить перевод Библии архимандрита Макария-Глухарева и Евангелия Плавского, тотчас чувствуешь этот 19 век, т.е. внутри одного языка совсем другая чувствительность.

Как-то под этот Новый год я понял, что написана ровно треть новой книги, а две части, лежащие в разных стадиях, еще предстоит делать. Вначале в Германии строятся дороги и подъезды, потом – здания. А у меня сначала тупики, а потом вершина. Странный ход работ.

Перед Рождеством всегда перечитываю главы из «Поэтического Космоса», теперь уже по изданию «Метаметафора».

Сегодня здесь Рождество, все сияет.

26 декабря 2000.

Сегодня пришло около 30 писем, в одном меня обвинили в мужецентризме в ответ на мой «statetsments» (утверждение). А statesments было 3 и все цитаты:

1. Принцип Оккама: «Не увеличивай сущностей больше необходимого». Сказано в 13 веке.

2. Дилан Томас: «Образ говорит сам за себя, а не поставлен для чего-нибудь».

3. Умберто Эко: «Чтобы выжить, надо рассказывать».

Я писал, что этими правилами я пользуюсь, когда пишу (ну, сочиняю т.е.). И вот теперь я мужецентрист.

28 декабря 2000 г.

С Новым годом! Прочитал «Новые Известия», замечательно о Железнике-гитаристе. И идея Париж-Москва. Я только слышал о некоторых из французов, вами перечисленных. Может быть, удастся их почитать, если найду в переводе на английский. Или спрошу у Тимофея, который ко мне приезжает из Парижа после Нового года. Он поскольку и читает и пишет на этом языке.

Присутствие музыки на сцене, конечно, усложняет вещи, и я знаю положительные примеры. Филип Гласс, Аллан Гинсберг, та же Лауриэ Андерсон, тот же Уэльбек читает свои псалмы из будущего с оркестром. Но гитара, т.е. эта самая песня, это ужас, правда.

Я желаю вам веселеньких праздников. Психологически в Москве это почти 2 недели! Завтра я еду за город, и буду снова на линии 3-его.

Константин Кедров.

2 января 2001 г.

Милениум Москва встречала по-европейски, вернее, по-американски. Но азиаты всех победили своим космическим домино. У нас был салют всю ночь прямо под окном на бульваре – что-то из твоей «Полтавы». 11-го января в музее Маяковского вечер «Музыка метафоры». Можешь принять виртуальное участие: прислать текст – прочтем.

Алексей Парщиков.

2 января 2001 г.

Салют! Вчера утром вернулся после новогодних гуляний. Полуоглушенный. Народ запускает ракеты с выкрутасами целые сутки. Это как раз именно по-европейски. В Америке это только в городах, где много европейцев, а так – тишина. У них фейерверк на день независимости. А тут пострелять – душу отвести, как и футбол, например. Завтра на 5 дней приезжает Тимофей. Свиблова звонила сегодня днем из своего южно-французского имения, говорит, что Тим не хочет учиться на отделении политики и глобальной экономики в Москве, а хочет во Франции

на каком-то художественном факультете. Кто его знает, что творится, у меня не спрашивали.

Я тут перед Новым Годом прочитал впервые «Отцы и дети», – очень хорошо сбитая вещь, но, конечно до Достоевского – пропасть как далеко. Однако уже в самом втором абзаце появляется слуга Петр, у которого «и бирюзовая сережка в ухе, и напояженные разноцветные волосы». Я чуть со стула не упал: абсолютно как сейчас в Кельне носят, – глобальный стиль. Завтра же приезжает Дима Вабильский из Амстердама, он критик из Челябинска и друг Курицына и Кальпиди. И Витухновская звонила из Берлина, спрашивает, «как это вы здесь только можете жить?» Ну, приедет, посмотрим. Ей объяснять ничего, наверное, не потребуется. Получил я письмо от Бориса Лежена и от Кристины З. Спасибо вам, я отошлю им тексты для Депо, изд. «La difference» Интересно, а кем будут в Депо и Пригов и Соснора? Ну, я понятно, у меня для Депо говорящая фамилия: ПАР-щиков. В Москве недавно у меня вышло CD, по-моему, я писал об этом. В серии «Антология современной русской поэзии. Новая поэзия в контексте новой музыки». Том № 4. Мой композитор – Александр Вустин, по-моему, блестящий. Я его лично, к сожалению, не знаю, а CD занимался Антон Ровнер (сын Аркадия). По словам Антона, в Москве есть новая музыка. О, бедные композиторы, уж им-то гимн этот слушать! Но вы меня успокоили, что все это чепуха. Я тоже так думаю: запугивает, важничает, это понятно. А какие композиторы у вас будут? Я думаю, надо делать «поэтический оркестр». Интернет для поэзии не выразительно. Когда наладится книгораспределение, интернет помогает заказывать книги и дает аннотации. На Западе книгооборот только вырос с распространением интернета (см. Amazon.com). Вот вы, К.А., разве хотите читать с экрана? Тоже и я, а вот музыку в наушниках можно слушать. Тот же Вустин вставляет куски из Гоголя, варьирует слова и шепот, пение с закрытым ртом и другие барочные, суфийские приемы можно у него найти.

Константин Кедров.

5 января 2001 г.

Роман «Отцы и дети» – гениален не описанием, а проблемой. Достоевскому не удалось продолжить Библию, а Тургенев создал свою притчу о блудном сыне. А Базаров много круче Раскольникова. Тот оказался выдумкой, а этот заполнил собой весь XX век. Теперь это можно смело сказать. Хотя еще круче Обломов.

Алексей Парщиков.

11 января 2001 г.

Только сегодня проводил Тимофея к его патриотической мамаше. Читал ему «Новый Лаокоон», сперва выяснилось, что он пока не знает этого имени собственного, но про пустоту понимает. В одном ночном баре он меня спросил, что такое метаметафора, и я было стал рассказывать, но потом вдруг понял, что затеваю цикл лекций и – осекся. Показывал ему потом Вашу книгу, оказалось, что ему нравится Хлебников, а Пушкина он, по его выражению, «ненавидит». Ну, тут я возразил, что это уж слишком сильно сказано в адрес писателя-страдальца. Любимые у него – Бабель и Борхес. Про притчу о Блудном сыне я еще думаю, для меня это соблазнительно, и, наверное, вы правы. И действительно, Раскольников мало присутствует в прошлом веке, а Базаров – повсюду. Ему бы самое место в «Бесах», но он слишком объемный для этих плоскатики. Однако Раскольников появляется во множественном числе, в виде партий или дискуссионных групп. Что вы будете с Леной исполнять на вечере музыки? Будет ли запись?

Читаю статью Кокошки «The Eye of Darius» об Альтдорфере и постепенном падении люминесценции в живописи от Ренессанса. Точнее о перемещении света от извне во внутрь.

Борис Гройс назначен директором Венской Академии Искусств. Вот и Московский концептуализм.

Константин Кедров.

14 января 2001 г.

Музыка метаметафоры шла в заполненном зале. Вознесенский читал о Гамлете (специально написанное для ПО), Лена что-то новое про пчелу Офелию, я тоже новое. ТВ показало по «Культуре». Кроме Базарова есть Обломов. Достоевскому опять слабо. Обломов абсолютно уникален и нов в литературе. Его нет даже в Библии. Даже в архетипах. Это Бог вне сотворения мира, о котором святые книги молчат. Поздравляем с обломовским Новым годом.

Алексей Парщиков.

15 января 2001.

Ужасно рад успеху вечера, уже наслышан, что было изобретательно и по настроению – во весь спектр. Я серьезно говорю, что можно вообразить поэтический оркестр или, во всяком случае, ряд регулярных программ с музыкой. Здесь стратегически проходит самая острая граница с концептуализмом (хотя с ними уже давно никто не спорит). Концептуа-

листы вместо инструментов ставят таблички с названиями и – никакого искусства исполнительства. Пригов, впрочем, с Тарасовым пытались кое-что, но все слушали гениального барабанщика Тарасова только. В Амстердаме была такая Клара Богаардс, читала на фоне заморского инструмента и бессловесного пения. Совсем заворожила. Неплохо получалось и у Друка с Летовым, там оркестр был как в басне Крылова, но в данном случае – удачно. Найти бы музыку с высокой ценой звуковой единицы и паузы. Музыка создает условия для мета-мета. Терменвокс, в частности.

Обломова я читал два раза, и оба раза мне жить не хотелось по окончании, куда там Триер с «Танцующей в темноте». Соберусь с духом и еще раз возьмусь. Может быть, в этом образе надо видеть отступление от Библии к восточным техникам? Впрочем, уверен, что эта идея не первой свежести. Никуда у меня Обломов не лезет, правда это. Еще я пока не исключаю, что Обломов связан с миром забвения и остановки, свойственной атмосфере Лимба. Это мало разработанные слои христианского космоса.

Я сижу в книгах по истории дирижаблей. Расскажу, если что-то сложится. Т.е. написались какие-то стихи не полные без истории, связанной с воздухоплаванием и возрождением дирижаблей для новых технологий.

Константин Кедров.

17 января 2001 г.

Первое выступление летовского трио было с «Компьютером любви» и с «Телефонной книгой» В.Друка в 1985 г. в Курчатнике. После этого Летов с кем только ни дудел. Любая музыка, по мнению Холина, ниже поэзии: «Лучше соловья не споешь. А слово только у Бога и человека». Поэтому так ужасна попса, где не музыка – фон для слова, а слово – фон для музыки. Концептуалисты хотят создать бессловесное слово – сообщение, которое ничего не сообщает. И сказал Бог «Да будет», а ничего нет. «В начале было», а ничего не было. Это интересно, но не более. Обломов – это еще и облом. Вот и попробуй перевести это слово на какой-нибудь язык.

Алексей Парщиков.

26 февраля 2001.

Краше Нью-Йорка нет города, получившегося в результате нашей цивилизации. Когда я его впервые видел 10 лет тому, это был вентилятор в мусорном ящике, а теперь нет ни бездомных людей, ни граффити, ни проституток на 42-ой, некоторые места почти германской вылизанности. Однако, никакой дистиллированности, повсюду идут ремонтные

работы, и это создает единство города, который можно назвать почти компактным. Роскошь книжных магазинов непосильная, в сабвеях, которые все чаще именуют «метро», точно, спокойно, и люди читают поэтические книжки, например, я видел в руках сборник шведского поэта Томаса Транструмера, одного из самых «темных» современных европейских поэтов. Хотел достать его книгу по-английски, но в самых изысканных магазинах его тиражи оказались распроданными.

После постмодернизма город здорово очеловечился, ушедший стиль одомашнивает пространство, красиво старит город (он, кстати, старше СПб). Нет ни урбанистического футуризма, маяковско-лорковской поэтики, расхристанности. Нет, однако, и пресловутой корректности – не до того, все погружены в соразмерные заработки и осуществимые проекты. Кажется, что еще секунда и – станет скучно, но вдруг обнаруживается «Dictionary of Imaginary places» с картинками несуществующих земель (Атлантиды и острова Робинзона, Страны Оз и т.д.), книга Умберто Эко «Language and Lunacy», и оказывается, что поэтика ошибки или забвения не слабее растущих мощностей памяти. Один из самых интересных поэтов – Леонард Шварц.

У меня было много общения, 2 выступления и поездки вокруг города. В сознании земля снова стала плоской, по Птолемею, с единым центром, только в античности это был Иерусалим, а теперь вот Нью-Йорк. Остальные места превращаются в «интересные места». Может, я преувеличиваю, оттого что я был в месте, где я свободно говорю, читаю и пишу. Помню, из Москвы можно было поехать там во Владимир-Суздаль или Ростов Великий, камни посмотреть, но возвращаться надо было – куда? В Москву, естественно. Так и с Нью-Йорком. Англия напоминает Зеленоград (зеленая на карте) по отношению к метрополии.

3 марта 2001 г.

Ну, я отдышался после NY, и сделал вывод, что если и жить там не обязательно (далеко всё-таки от дома), то несколько месяцев в году уж точно необходимо. Мне, конечно, там легче, чем кому-либо, именно потому, что я какое-то время учился в Америке, а ведь только через образование возможна интеграция или создание нового культурного пласта. Я сейчас много обсуждаю с Тимофеем проблемы образования, и советую ему стартовать не в Москве, поскольку он не занимается русской литературой. Он хочет заниматься кино, и хотя он представляет американское кино, слава Богу, не по московскому прокату, но есть области и круги вообще не представимые для московского обсуждения. Я же

мечтаю теперь вообще исключить Германию и чётко сориентирован на ось Москва – Нью-Йорк. Как-то постепенно это произойдёт. В июле я буду преподавать в американской летней писательской школе, которая решила проводить семинары в Питере, для меня это будет хорошая английская практика. Но главный мой груз на сегодня (я всё о практических делах) это закончить голландский проект, мою страницу «поэзии в день», английскую страницу, на которой я комментирую любое мне понравившееся стихотворение. Одной из моих задач при посещении Америки была закупка недостающих в Германии англоязычных антологий, и вот сижу обваленный книгами и балдею от китайцев и др. народов, – комментирую. Должно быть сделано все 365 страниц, чтобы мне стали платить по-человечески (сейчас идёт 1/3, да и то не регулярно, т.к. я с переборами умудрялся до поездки в Америку подавать материал). Я надеюсь завершить требуемое, и если ничего не рухнет по ходу, у меня будет почти обыкновенный здешний заработок, и я смогу продолжать своё дело хоть на Мадагаскаре. В Москве я очень хотел бы бывать чаще, но как мне там ни нравится (очень нравится, само собой), обычно нечего делать после 2-х недель и тянет обратно.

«Комментарии» – это милая пристань, сейчас завершаем с Сашей очередной номер. Он говорит, что есть материалы на несколько номеров вперёд, и это подбадривает. Я наделал ксерокопий со статей, которым бы было в самый раз появиться в Москве, и отослал ему, пусть ищет переводчиков. Тут прямо-таки коммутатор у меня в Кёльне, да, знать бы только, что это кому-то нужно, если есть ещё не забывшиеся в патриотизме. «Комментарии» и вокруг. Ваш дом получил в моём представлении конфигурации «последних хранилищ и заповедников», так оно и есть, но система «extensions», расширителей, пользуясь компьютерным языком, она зависит от социального кровообращения... Что слышно?

Константин Кедров.

5 марта 2001 г.

Москва превратилась в заячий тулупчик. И под каждым снежным тулупчиком – Емельян. Я стал деканом частного вуза с государственным дипломом. Я дал этому название «Академия поэтов и философов». Самое крупное мистическое событие в Москве: священник и поэт Глеб Якунин основал вместе с 6 архиепископами церковь просветителя и священиком-мученика Александра Меня. Он его канонизировал. Служба там очень благодатная. На днях причастились с Егором Радовым у Якунина. Все мои друзья – Сапгир, Вознесенский, Хвостенко, ты – любят или любили Америку.

Алексей Парщиков.

9 марта 2001 г.

Константин Александрович, я пока писал вам письмо, и не собрался пока договорить несколько вещей.

О всемирном вечере Поэзии. О, я бы тотчас прилетел бы и без всякого вечера – пообщаться. Но я рассчитал, что приеду только в конце июня, т.к. очевидно, что после моих странствий просто не будет обычных \$250 (т.е. 550 DM), чтобы совершить полет. Цифры я привожу просто, чтобы вы представляли себе, что я хоть не так далеко, но по здешней покупательной способности это не мало. Америка съела деньги, книги в основном и фотографии. Да, приехать мне в Москву, словно от Москвы до Тулы, по времени вроде то же, но в другом измерении только соблазнительно.

Есть ли сайт с программой вечера? Хоть полюбопытствовать. Но я дико вам благодарен за приглашение, миллион спасибо!

11 марта 2001 г.

От Вас прибыло замечательное письмо, и думаю, мало кто сейчас так откровенно говорит о Москве. Здешнюю пропаганду я не слушаю, так американцы глухи к собственному радио: Джон Хай утром, когда я прислушивался к приемнику на кухне, уверял, что эти программы повторяются из года в год, только названия городов и народов иногда меняют. А Москва и так всё больше узнаваема, когда смотришь трансляции. Якунин меня озадачил на несколько мгновений, но потом я вспомнил, что и здесь существует много церквей и что так тому и быть самым обыкновенным образом: привыкнут. Частные университеты поддержат преподавателей хоть немного, другое дело, что в Америке можно взять федеральный кредит, чтобы учиться, а в России нет кредитных банков для частных лиц как и кредитных карточек (только депозитные). Впрочем, это везде не легко, т.к. надо доказывать (в случае образования) свою пригодность, необходимость и т.п. бюрократия, но всё же... В Европе образование бесплатно. Здесь высокооплачиваемые места в университетах (в гуманитарных княжествах) принадлежат тем, кто ловчее сможет защитить слабое искусство: силы стесняются, а лучше всего быть андрогином, если грубо. Тенденция повсеместно лакомая, но здесь, в Германии, особенно помогла катастрофа середины прошлого века. А в славистике повсюду Хармс. К кафедрам славистики у меня неприязнь, хоть ничего плохого от них не видел, но – тёмные оне. Феномен Хармса: значительность его мне ясна, а читать – засыхаю, книгу Ямпольского читал, и там где не о Хармсе, интересно иногда по формулировкам, иногда по компиляторскому охвату, такое забытое ощущение от тартусских сборников,

где был возможен броузинг по моделям, именам, — одна из разновидностей свободы всё же, но мало, конечно. У Хармса логика абсурда совершенно железная, ноль свободы, м.б. этим он и привлекает, какой-то тотальной подменой словаря и образа. Сейчас уже основательный сдвиг произошёл от бывшего концептуализма к Хармсу, к дада, что лучше концептуализма, но как-то фильмы Триера интереснее.

Фильмов мне не хватает, и поскольку я сам их снимать не могу, я это делаю словом, например, сейчас снимаю свадебный обряд и пир одного из братьев Монгольфьер (изобретатели воздушного шара). Шаров у меня нет, а вместо них — дирижабли, которые, согласно новым технологиям (правда) снабжены солярными батареями по шкуре и на высоте 11.тыс. метров обслуживают Интернет, факсы, мобильники, в частности, сетевую лотерею. Жених на дирижабле заигрался в лотерею и выигрывает за миллионом миллион, достать его оттуда можно только остановив солнце (или вращение земли, что одно и то же). Невеста останавливает Солнце, Иерихон почти... Ладно, что только в голову не лезет.

Константин Кедров.

12 марта 2001.

Дорогой Леша! Хармсофилия охватила не только Европу, но дошла и до Тульской губернии. Слависты и филологи всегда ищут обходных путей, чтобы не говорить о поэзии. Ее они на дух не переносят. Поэтому 80% поэтов, даже талантливых, обслуживают филологию. В России этот 99,9%. Их эстетическая диктатура намного тотальнее советского агитпропа. Филологическая проказа конца XX века полностью пожрала поэзию. У меня надежда только на электронику. На днях Дума попыталась запретить клип Найка Борзова. Его тексты в равной мере раздражают и попсовиков, и эстетов. Похоже, это первый росток, пробившийся сквозь асфальт. С точки зрения поэтической, а таковая все-таки есть, там ничего особенного, но слух прочищает. Главное, что это написано не в XIX веке — самом антипоэтическом веке русской истории. А вообще о славистах лучше всего сказал Маяковский: «От страсти извозчика и разговорчивой прачки несчастный ребенок вытек. Ребенок не мусор, не вывезешь на тачке. Мать поплакала и назвала его Критик».

Алексей Парщиков.

15 марта 2001.

Афиша классная, в хлебниковском духе, в смысле всемирности. Витухновскую я пробовал читать, но запнулся на первой же нелов-

кости и далее не стал (слабый раздражитель), а про Найка этого не слышал, к сожалению, но что можно вытворять ещё со словами после 200 страниц Сергея Соловьёва (думаю, он вам не попадался в свою очередь)? Интересно, м.б. у него CD есть. С Хармсом проблема в том, что на базе его писаний набирают обороты книги, где находятся выражения гораздо более неожиданные, чем в нём самом: почему именно его тексты располагают к оригинальным наблюдениям за соотношениями в истории, освещают места, где и закатываются шарики за ролики и возникают затмения и благородные заблуждения? В нём есть какая-то, значит, пластика, ритмизирующая, резонирующая с какими-то разбросанными типами поведения вокруг нас. Вчера видел био-инженера, который мне демонстрировал, как из стволовой ткани зародыша вырастают сердца, совсем миниатюрные, пульсирующие, однако в своих пробирках. Чтобы их было легче видеть, он ввёл в них ген экваториальной медузы, таким образом, «произведение» люминесцирует, а некоторые включают два цвета сразу. Если описать простыми словами, линейно, без всякого метафорического расширителя, как из одной пробирки в другую можно перелить эти сердечки, будет Хармс почти, по действию, без культурного контекста. Биолог, в общем-то, сознавал это, и для него целый ряд простых высказываний порождал именно образы, картины, и даже будучи записанными, такие тексты не теряют магии. Я совсем не читатель Хармса или писателей, извлекающих образ из концепций и порядка вещей, однако, мне кажется, к разновидностям метафор надо бы добавить психологический объём (о котором вы сами говорите как о необходимом опыте, скажем, в примере с выворачиванием матрёшки), который часто оказывается искривлённой сферой, вмещающей оторопь внезапного наблюдения или смыслового диссонанса, дыхания каких-то Эриний, не требующего слов. Хармс и держится на грани вербального, он пишет так, что включает читателя как необходимое дополнение для самого образа, т.е. он скорее драматург, чем поэт, но драматург, конечно, слабый, ограниченный, «половинчатый», по моей логике.

На Таганке в последний раз я как раз был с вами (слегка навеселе, что теперь редко со мной бывает) в совершенно счастливом духе. А выступал там в баснословные времена, помню, за спиной было тренировочное зеркало для балетных упражнений, поэтому, когда я читал вполоборота, аудитория удваивалась «палиндромировалась». Надеюсь, вам там будет возбуждённо и весело. Я с вами.

16 марта 2001 г.

Только что посмотрел фильм «In the mood for Love», Гон-Конг, режиссер Вонг Карвай. Правда, тонкая камера. Но вот это, к несчастью, идеал здешней буржуазии, – фильм «без претензий». В настоящем буржуазном обществе человек не должен казаться больше, чем он из себя представляет с точки зрения... даже не сформулирую кого. Поэтому Россия, легко нарушающая эти заповеди, дика и привлекательна, но именно для буржуазного слоя (теперешнего). Удачной Таганки!

21 марта 2001 г.

Привет, Лена и К.А.! Сижу в делах, завтра еду в Париж на два дня, встречаться с директором Американско-финского проекта Liiza Roberts, и мне это не очень хочется, правда вот м.б., выпьем где-нибудь кофе с Кристиной, напишу вам потом, где они с Депо (если об этом мне будет удобно спрашивать). Но сейчас я бы хотел вас познакомить со статьёй из «Scientific American» за апрель этого года о геномном художнике. В двух словах о том как Джо Давис использует рефлекторные механизмы вместо печатного станка. Но и о том, как с помощью аудио-микроскопа (в России, думаю, их нет) записывают пение бактерий, цветочных клеток и т. п., что могут слышать даже этнические колдуны. Начинал он с перфомансов (вообще-то, он по образованию скульптор) скандальных отчасти: записывал сокращение матки у балерин Бостонского балета и посылал их с помощью NASAвских радаров в «звёздные мира».

Привет вам от Игоря Ганиковского, он сейчас заедет ко мне. Ваш Алёша

Константин Кедров.

21 марта 2001 г.

Только что закончился День поэзии на Таганке. НТВ показало репортаж и довольно подробно рассказало о ДООСе в 22-часовом выпуске новостей, который все смотрят обязательно. Были: Пригов, Бирюков и те, кто в афише. Зал оттягивался. Мы оттягивались за кулисами, но еще больше на сцене. На фуршете пили воду с селедкой. Узнаешь Москву-матушку?

Алексей Парщиков.

22 марта 2001 г.

Я дико рад, что вы так «оттянулись», отличная и веселая бригада, если еще и Д.А.Пригов. Ну, жаль, конечно, что я не был среди зрите-

лей. Хотя я не вижу себя давно на сцене, я страстный восприниматель театральных зрелищ, и здорово, что у нас это снова есть. Футуристы, Обэреу, 60-е, Концепт, ДООС – это традиция публичного чтения, кайф. Напишу уже после Парижа.

27 марта 2001 г.

Ну, Париж напоминает кампус: все учатся при огромном количестве демонстрационных пособий вокруг. Очень мне понравились мелодичные сирены ихних полицейских машин: ездят туда-сюда, стерегут наводнение на Сене. Но я опечалился оттого, что они не знают метакода. Просто я отчаялся, когда вдруг осознал, что мне, чтобы говорить с моими скульпторами времени (именно с таким проектом я связан), надо им рассказать про инсайдаут. Можно, конечно, но сколько же это заняло бы у меня времени?! Одна из инсталляций Лийсы Робертс с полупрозрачным экраном и зеркалом напротив говорит «о невозможности» соединения Я с Имиджем. Почему же невозможно? Я чуть не сгорел от обиды. Ну, буду ей, м.б., в письмах по крохам, так все Ваши статьи переведу, того и гляди... Есть хоть что-то по-английски? У меня настроение – даже не связываться с людьми, которые не знают основ метакода. Пока все, сижу, ломаю голову, как им ввести покороче информацию.

Константин Кедров.

27 марта 2001 г.

Дорогой Леша, самый короткий способ «введения» метакода тебе известен. Он довольно приятен, но крайне неустойчив, непрочен. Вторым способом – Лена предложила заставить их выучить японский язык, но я против такого крайнего экстремизма. Предлагаю самый гуманный («пусть их живут, как жили» – Лена): прочитать «Компьютер любви» и посмотреть, что будет. За последствия не ручаюсь. Я уж не говорю о твоих «Новогодних строчках» или о «Нефти». Кстати, ждем стихи для нового, большого тиража «Журнала ПОэтов» с серебряной обложкой. Метакод в Париже все знают, но в слегка искаженном виде, поскольку Эсмеральда, конечно же, должна была полюбить горбуна, если бы прочла Достоевского.

Алексей Парщиков.

31 марта 2001 г.

Дорогая Лена + К.А.! Спасибо за «Вековку», мне вообще-то интересна русская медиевистика в любом проявлении, но в отличие от Топорова

или Лихачёва, автор статьи о Ключеве сам, мне кажется, пишет больше по-народному, как бы делая из Ключева этнического колдуна в духе кастанедовских магов, т.е. что-то оч. маргинальное в этом. Есть места чисто политические (и смешные), которые мне не ясны, например, о распаде России в 90-х. Разве политическое освобождение от имперской руки колонизированных наций это не естественно? Мне казалось, что кроме коммунистов и профессиональных военных все должны радоваться такому делу. И кто такой Дугин? Историк? Рассуждения о третьем пути России очень утопичны, но классно стильные (народы, длинноволосые цари, белокурый Давид и п. Диснейленд), таковые есть в плане альтернативных моделей во многих странах, особенно сейчас, когда всё время взвешиваются позитивные и разрушительные стороны глобализации, её био-коммуникационные возможности. «Вековка» где-то там занимается русским identity, что нормально, но как-то по-кружковски, хотя конечно, увлекательнее чем глянцевого московский детектив. В недавней книге «Rereading Russian Poetry», Yale University Press, есть статья «Reflections in the Mirror: Iconographic Homoeroticism in Russian Silver Age Poetics», Luc Beaudoin. Там и о Ключевском гомоэротизме и всё такое, но вот о Китоврасе и расколе – ни слова, м.б., там не было такой задачи. Вот русский автор ничего не говорит об этой статье, значит, ведёт себя как некоммутативный аутичный ребёнок, т.е., изучать его самого – можно, слушать всерьёз – нет. И дико потешная заставка: на щите цапля (цаплъ) топчет бедную уточку. Я подумал, в этой символике есть что-то африканское. Да, и буквы, словно забор некрашенный. Дураки, электронная краска ничего не стоит.

Кристина из Парижа пишет, что они хотят успеть с книгой к Июню к какой-то ярмарке. Я решил в Финляндию не ехать, не заниматься глупостями с видео-сценариями, и так дел по горло, не успеваю со своей электронной голландской страницей. А за предложение поучаствовать в «серебристом» номере ПОэзии, спасибо сто раз: очень хочу, и есть 2 стихотворения для этого, где-то в районе 80 строк в сумме. Что-то в одном из них я ещё правлю, но вот-вот пришло. Сделаю это операцию по факсу (у вас, наверное, есть как у многих в Москве, или нет? Тогда – почтой, а то компьютеры строфику к чёрту ломают по настроению).

Завтра снова у меня гости. Когда вы-то приедете? Кёльн так удобно расположен на перекрёстке, что в гостях нет недостатка, чему я всегда рад абсолютно. Обнимаю, а Лену целую (антропно).

Константин Кедров.

1 апреля 2001 г.

В Москве 31 марта 15 тысяч интеллигентных людей вышли на Пушкинскую площадь, заполнив Тверской бульвар до отказа. Снова звучит слово «Свобода», как в далекие дни перед крушением коммунистов. Приятно было смотреть из окна. Повеяло весной, сразу стало тепло. Даже солнце вспыхнуло. Говорят, такой вспышки не было за всю историю наблюдения. Одновременно арестовали Милошевича и загорелось здание академии ФСБ. А говорят, что нет Бога. Бог есть, имя ему – Случай. Ждем текстов. В четверг в музее Маяковского презентация «Журнала ПОэтов». «Молоха» мы видели по телевизору. Не люблю я этих гомоэроотоманов. Хорошо, но без яиц! Надоели все эти Гитлеры хуже горькой редьки. Чего это всех на говно тянет?

Алексей Парщиков.

1 апреля 2001 г.

Привет, еще раз! Я вам, конечно, написал пародийный текст на восприятие славистом русопятских статей. Обхохочешься, но они тут многие всерьез воспринимали (и благожелательно) этих коробейников. Гораздо серьезнее проблема с тем, что транслитерационные славянские шрифты не проходят интернет. Когда меня русские ругают, что я не пользуюсь двумя клавиатурами, я, щадя национальное самолюбие, никогда не упоминаю, что и болгары, и турки, и китайцы, и пр. создали (рассчитали) системы, читающие их национальные алфавиты в интернете и пересылающие их родные шрифты, как и латинские. В компьютере буква – это цифра, уравнение только. Ладно. В Кельне теплый вечер, и вам желаю тепла на улицах.

3 апреля 2001 г.

Привет, Лена и К.А.! Обидно, но я вас не нашёл в «Вековке», может, потому что было мне указано: Ключев. Дальше там было много другой чуши, родного кощейства и хронологических приятных заморочек, но не поэзии, а ведь в Германии не разбежишься туда, не знаю куда, так устроен здешний Интернет, это не Россия и не Америка, да мне и в голову не пришло искать именно вас на этом сайте. Где же затерялся ваш link? Фоменко мне как-то жаль (хронолога-тополога который), он наткнулся на противоречия в природе времени, а ищет ответа в другой со- всем дисциплине, в истории т.е. Эмоционально я его понимаю, впрочем, Ок., поплутаю ещё разок по сайту.

Стихи я на днях направляю. Два только. Остальное включено в контексты, из которых трудно вытащить что-либо без объяснений. С одной стороны мне нравится писать нечто связанное, с другой это тормозит и теряется эффект появления на свет. Но и «свет» не торопится. Сегодня я, наконец, определил, что именно можно вытянуть без потерь и закончил один из текстов. Я перевёл стихи в формат Акробата (PDF) и отослал для проверки на родительский компьютер (у них одна машина как раз PC), и если строфика не нарушится (она у меня не какая-то особенная, но всё же) перекину вам эту «оцифровку». Главное, помнить, что я пользуюсь десятой кеглей. Если текст расползётся, отфаксую его.

Сегодня было несколько звонков из Москвы, один от Салимона. Приглашает на двухдневный пир в Манеж в середине мая по случаю выхода невероятной толщины книги «Золотой Век». Знаю я эти пиры, там человек 200 всегда, и удобно перебиваться со всеми, эдакая ассамблея. Всё это социально соблазнительно, однако... А вот «Молох» привёл меня в такое уныние, что я подивился, как мог раньше ценить этого Сокурова. Весь фильм «за кадром», если он и был задуман. Нету фильма, смешной самопал и глупость.

Есть ли какая возможность расширения газеты «ПО»? Текстуально она оч. хороша, но мало. Общаетесь ли вы с Андреем Бондаренко? Пожалуйста, не смущайтесь, если я спрашиваю о людях наобум, я могу давно не знать кто сейчас кто и где по отношению к вам, так что это я по простоте душевной.

Константин Кедров.

3 апреля 2001 г.

«Газета ПО» уже три номера называется «Журнал ПОэтов». Тираж последнего – 5 тысяч, объем – 32 страницы. Маяковский оказался буддистом: «Мне бы памятник при жизни полагается по чину, заложил бы динамит – а ну-ка дрызнь!» Это он про Будду. Истинно буддийская акция – взрывание памятников. Будда это тоже одобрил бы. Он рекомендовал, глядя на предмет, видеть его разрушение. Талибы осуществили творческий замысел Будды, а Маяковский это предвидел. Бондаренко дал нам для последнего номера смешной стишок. У нас весело – закрывают НТВ. Но нас они показать успели. Я уже привык, что после меня все взрывается и закрывается.

Алексей Парщиков.

4 апреля 2001 г.

«Сулепко» и «Новый Лаокоон» – две вещи, полярные по тону, применяемые мною по разному поводу. Сулепко – как средство физического

прочищения алфавита, именующего временную протяженность. Самая интересная вещь для меня (именно словом – интересная) это «Новый Гамлет», каким напечатан в «Гамме тел....». «Сулепко» – исполнительская, и я помню, как вы ее/его читаете. В «Вековке» у Лены – «Антология меда». Кабалистические сефироты (Рабинович должен знать как алхимик) напоминают пчелиные ульи. Будете в Кельне, покажу из энциклопедии Мистики и Алхимии целый раздел с графикой. И мед – изнанка нефти в каком-то (моем) смысле. Замечательная антология, и в ней много для будущих форм.

Шлю и я вам 2 текста. Стихотворение «Другой» как-то все же связано с повествованием моего kino-treatment'a, но это не важно, у него меньше «подсоединений», чем у других текстов из того же ряда «Румфиус» – просто так, гравюра в компьютерном экране. Печальная немного и задыхающаяся в конце, но это не о нас. Я и не знал, что теперь ПО стала журналом, оч. хор.

Константин Кедров.

5 апреля 2001 г.

Дорогой Леша! Спасибо за очень точные определения наших поэтических аббревиатур. В «Литературке» огромная статья Кудимовой о том, как Ерема живет в какой-то каморке на Патриарших, где негде ноги протянуть. И нету компьютера и телевизора. Вот спохватились хвалить в 2001-м! Попробовали бы с нами в 76-м, да куда там. Спасибо за новые тексты. Они тяготеют к «Новогодним строчкам». Конечно, на порядок выше всего, что предлагает официоз, но на порядок ниже супергениальной «Нефти». Здесь очень не хватает этих стихов, будем печатать их с большим наслаждением. Забавно, что фальсифицировать появление метаметафоры им так и не удалось. Восторжествовала, как это ни странно, подлинная картина событий, конечно, с неизбежными искажениями, но подлинная. А ведь у них и «Литературка», и «Знамя», и «Новый мир», а у нас только метаметафора. Де-юре они ее так и не признали, но де-факто от этого только выигрывает.

Алексей Парщиков.

5 апреля 2001 г.

Спасибо и вам за скорый ответ и решение публиковать мои тексты. Ну, с их оценкой я согласен, так тому и быть. Не понял я, что вы имели в виду под словом аббревиатура именно в ваших стихотворениях из «Вековки». Какая аббревиатура (я, м.б., не силен в распознавании условных

сокращений)? Я говорил о благотворном влиянии мёда и Сулепки на меня, за что ещё раз благодарен.

С изданиями типа «Л.Г» и «толстяков» я связываю самые тёмные уголки русской культуры, интересные только специальным исследователям по положению дел в стране. Если говорить о провинциальности, замкнутости, оторванности и т.п., то именно эта периодика и есть та самая, которую можно обнаружить любом другом месте, – просто из общечеловеческих качеств такое существует, куда ни купи билет. Естественно, они не могли и не хотели принять мета-видение и мета-письмо, отчасти потому что оно сложно для восприятия, и эта скрытость для них заключалась в том, что метаметафора увлекающая в феноменальный мир, или метаметонимия, расширяющая трансцендентальную психологическую сферу возможного (или другие мета-тропы) давали мало повода для понимания конфликтов в мире резонансов. А ведь они жили и «далее везде» в мире резонансов, что с них спросить? Они ещё понимают смысл абсурда, с условием, что это тоже часть резонансного мышления и только в случае, если этот абсурд играет «на понижение». Оч. тонко понимающий Бродский, у которого буржуазный резонанс был обязательной стенкой в его сценографии, необходимостью для начала конфликта, уводящего в метафизику (пусть вам не близкую), говорил мне, что Ерёма как раз играет на понижение: – «Ну, он рифмует «глаза» и конечно же у него «тормоза» возникают». Приблизительно так. Но факт, что у Ерёмы есть другие, «возвышающие» пункты делало разговор вообще уместным, в принципе, куда, например, уже не мог попасть какой-нибудь Кибилов. Буду в библиотеке, посмотрю «Л.Г». Сайт у них при всех моих скоростях за несколько минут не раскрылся, наверное, там бешенные объёмы.

Меня тут в Германии прочили в круг составителей какой-то очередной русской книги (их тьма здесь) и подсунули поэтов Азовской школы почитать (Ры Никонова, Цвель, Сигей). Замечательные, только полно ошибок, например, один пишет: «Бев ба фе те и со о...», а ведь надо, я подумал: «бтха-детаг». «Ой балабачь», как сказал бы великий Зданевич! Отказался я от составительства, но всё равно получил удовольствие от варианта использования родного алфавита. Знаете ли вы таких постдадаистов?

НТВ закрыли. Интересно, что это значит. Опричнина? Междоусобица?

Константин Кедров.

6 апреля 2001 г.

Дорогой Леша! Аббревиатура – это я даже не знаю, что бы это могло быть. Иногда приходится пользоваться знакомыми словами для незнако-

мых или, наоборот, слишком знакомых явлений. Битва за НТВ продолжается. И у меня такое ощущение, что это что-то совсем другое, о чем мы никогда и не думали. Подумать только, уже и на квантовом уровне, где всякие там эфирные волны, развернулась битва систем. Что сказал бы Нильс Бор, если бы узнал, что за волны-частицы развернется такая драка. Внешне это выглядит, как попытка возвращения сталинизма. Но с квантовой физикой не очень-то совмещается. В России происходят вещи, о которых ни один философ просто еще не задумывался. А я задумываюсь. Потому и возникает метаметафора. Самое замечательное, что мы общаемся на порядок чаще, чем в золотые времена мистерий и метакода. Интернет – это допуск человечества на какую-то ступень чистилища чуть повыше ада. И это уже хорошо. Лена говорит, что дадаисты, собранные в одну кучу, скучны. А, по-моему, и по одиночке тоже.

Алексей Парщиков.

8 апреля 2001 г.

Борьба за эти квантовые частицы и есть фланговые бои за время...

В «Хазарском Словаре» Павича один из героев спрашивает, где размещается источник света во сне: это хороший вопрос для осветителя, фотографа или художника. Может быть, этот источник света прячется в камышовых зарослях наших глазных колбочек, в заводах слепого пятна, которое есть у каждого на глазном дне? Во всяком случае, это постоянно прячущийся, ускользающий источник, медитативный знак присутствия света, не подходящий под определения Кватроченто.

Эффект полётов во сне и наяву всем известен, но и с более практической точки зрения мы знаем, что скорость современных транспортных приспособлений позволяет нам преодолевать гравитацию и освоить «падение вверх», – достаточно развить скорость 28.000 км/час, чтобы выйти на орбиту и отрешиться от земного ландшафта и его оптики. Конечно, перспектива итальянцев была обусловлена гравитацией, формой земли и другими параметрами, но кибернетический мир даёт иное расположение вещей. Ещё большей независимости от тяготения мы достигаем в телетопике (в телесети и Интернете), по отношению к которой Поль Вирильо предлагает качественно новое понятие «временной перспективы» и называет именно световое время – реальным. «В отличие от пространственно реальной геометрической перспективы, перспектива реального времени больше не сдержана земным весом, прозрачный горизонт живого телеэкрана преодолевает гравитацию присущей ему световой скоростью» (П. Вирильо). «Когда мы видим деревья, стоящие

вверх ногами, ощущение, будто земля расступается, выбрасывается нам на встречу, и нас захватывает скорость и время её приближения, как у свободно падающего парашютиста. Это и есть перспектива момента». Примечание: парашютист (а Вирильо начинал с изучения милитаристских опытов) с какой бы высоты не падал, приблизительно в зоне 700 м. от земли видит как её поверхность «выворачивается» ему навстречу... Это философ коммуникаций пишет в книге «Open Sky», которой у меня сейчас нет под рукой, чтобы указать данные. А мой отрывок – из предисловия к инсталляции Игоря Ганиковского «Летающее поземелье» с перевёрнутыми «сефиротическими» деревьями.

Интернет, конечно, уже на один чин в иерархии круче. Я теперь знаю, что у меня в голове есть «лишняя комната» (extra room) для обращения к вам, и счастлив, когда дорываюсь, чтобы хоть немного вам написать. Моя жизнь на треть связана с электронной перепиской, и ещё треть из этой части идёт по-русски. Были времена (несколько лет) когда компьютер меня сильно выручал в Германской пустыне. Сейчас, после получения американских документов, я смотрю иначе на эту страну и хотя стараюсь поменьше здесь бывать, но когда оказываюсь в своём кабинете, всегда дел по горло. В одном из последних НЛО была замечательная статья Ямпольского (и заурядная – У. Эко) о телевидении и Интернете в контексте культуры архивирования. В частности, подробно пишется о роли CNN в деле Левинска-Клинтон, – как технология влияет на аргументацию.

Константин Кедров.

8 апреля 2000 г.

Дорогой Леша! Семантически я уже с 60-х годов существую только в квантовом поле, когда сказал в 59-м: «Я вышел к себе через-навстречу-от и ушел под, воздвигая над». Но только сегодня кое-кто начинает догадываться об истинном значении таких слов. К моему удивлению, в 70-е годы Ерема, с этого начинавший, вдруг от этого полностью отошел и пошел на поклон к Евклиду. Под Евклидом я подразумеваю любой персонаж от Высотского до Бродского. Евклиовские стихи меня никогда не волновали. Может быть, поэтому я абсолютно равнодушен к Пушкину. Возможно, это дефект зрения. Но благодаря этому дефекту я вышел на выворачивание и метаметафору. Хотя, строго говоря, выворачивание не может быть визуальным. Может быть, поэтому оно для многих так недоступно, ведь 90% информации – через зрение. Другое дело горло. Звуки через него, как дыхание, постоянно рокируются с внутрен-

не-внешним миром. Отсюда моя любовь к звуку – «Допотопное Евангелие», «Верфълием», но к этому все почему-то полностью равнодушно. Россия по отношению к Европе – это внутреннее или внешнее? Боюсь, что Югославия заставляет европейцев почувствовать внешнее как внутреннее. Отсюда болезненность и неразрешимость проблемы. Когда ты писал пророчески: «В глобальных битвах победит Албания», – знал ли ты, что будешь взирать на эту победу не изнутри, а снаружи – со стороны Европы. Или наоборот?

Алексей Парщиков.

10 апреля 2001 г.

Константин Александрович! Пока что Россия подпадает под чаадаевское представление о её нахождении вне европейской истории, и прошлый век, создавший было все возможности для участия в общей карте, так же точно и уничтожил валентности, благодаря которым было возможным соединение. Революционные тенденции и реакция аннигилировали, и страна вернулась в пост-феодализм, и только сейчас во время первичного капитализма и начавшегося расслоения что-то опять возможно. Состояние государства отсюда видится таковым, что свобода всё меньше и меньше страшна в политическом смысле. Я тоже думаю, что «несвобода» настолько не выгодна в предельно меркантильном обществе (каким является Москва, и такого меркантилизма здесь ещё поискать!), что пертурбации с НТВ мне видятся как перемещение одной и той же суммы из кармана в карман. Журналисты на самом деле, очень, очень, очень хотят быть востребованными более платежеспособной компанией, и так везде, это параметр профессионального мастерства и инстинкта, а значит это, что те, кто не смогли попасть в новый штат, будут делать всё, чтобы получить идентификацию правдолюбцев в отличие от более прикормленных. Это – всё, и скоро затихнет, хотя некоторые гуманитарные памятники от этого процесса могут остаться. А КГБ – исторически насыщенный имидж (здесь я всё-таки преуменьшаю вложения в их профессионализм, т.е. обучение, стоимость карьеры и т.п. конкретику), и естественно, аргумент в спорах. Президент хочет укреплять власть (ему еще налоги собирать, дань т.е., и землю делить, обе задачи не рассчитаны на доброжелательность «публики»), шантажирует тем, что без сильной власти не будет инвестиций (это правда, и в Америке крутая власть) но президенты всё меньше и меньше напрямую связаны с управлением; управляет рынок, биржа, доллар, и скоро, наверное, – Евра (Ойра).

Косово вообще не воспринимается как внутренняя проблема (болезнь коров – гораздо впечатлительнее, и недавняя операция по разделению сросшихся голов близнецов в Англии), всем понятно, что Америка ищет союзника в мусульманском мире, потому что кроме Турции у них мало кто остался, соприродный духам нефтяных мест, а никакой электромобиль не будет пущен в массовое производство и полёты в дальний космос будут носить профилактический характер, пока не выкачают всю нефть, которая – вот она, в золотых слитках. То, что Американцы поступили тупо, никого не смущает: этой оценки достаточно, чтобы немцам позубоскалить и оттянуться, однако и использовать заваруху для получения заказов, почистить заржавевший штык, т.е. экономическая выгода – есть, и только так и стоит вопрос, а не в гуманитарном ракурсе. Но ведь и для России Косово – внешнее дело, сербам всего-навсего не хватало ракет, сбивающих высоко летающие самолёты, а в России они есть и были, даже у афганской армии – были против русских, но отдать их было Милошевичу нельзя, доллар не велел, плюс свои соображения, ведь страна наша пока что зависима. Зависимость в здешнем обществе не противоречит ни высокому уровню жизни, ни пламенному протесту – никакая свобода деньгам не страшна, особенно если она удовлетворяет национальное достоинство подчинённого. Выразился, вздохнул по славянам и – поезжай отдохнуть в Африку.

Кроме того здесь просто никто не хочет этой России, ведь Запад может выбирать, тыкая в земной шар, и поскольку территория стала меньше цениться, чем технология, никто не хочет перерабатывать тайгу. Запад совершенно самодостаточен.

От более высоких представлений здесь тоже стремятся избавиться как и от России, которая, в свою очередь не против сама пойти на «снижение» (все 90-е годы, кроме некоторых экземпляров из Красной Книги), но связь технологий и языка порождает загадки и поэзию, зажигая новые зоны, где язык снова по принципу фантомной боли продуцирует образность. Так, возможно, было всегда, и если да, то факт действует успокоительно и требует большей внимательности и сосредоточения от художника.

Русским здесь неплохо в силу общей базовой развитости (просто лучше, чем в России), но их жизнь – превращение в буржуа, почти всегда путём отрицания прежнего опыта, и они здесь выглядят правее Папы. Учтём, что русские в отличие от родившихся здесь не имеют «старых денег», (отсюда понятие «новый русский» или «нувориш» – «новый богатый»), т. е. наследного капитала, тогда как средний европеец насчи-

тывают 12 колен за собой, не смотря на войны и т. п., и я это знаю, потому как жил в двух западных семьях. Как-то вы приводили пример, вот, мол, представьте, что в Москву к нам приезжает иностранец и хочет стать москвичом... Действительно, у меня в Москве весь подъезд был заселён доцентами (профессорами, по американскому рангу), и вдруг оказывается, что положить жизнь на то, чтобы стать Кутиком – имеет смысл. Слава Богу, здесь есть отвязанные люди, делающие замечательное искусство, и в современном техном мире интеграция не обязательна. Мне в чем-то легче, чем другим, потому что то, что было мне сказано вами, Вознесенским и ещё только несколькими людьми, оказалось достаточным, если не для внутреннего равновесия, то внешнего, и моя активность здесь не носит характера интеграции напрочь. Я только любопытный, почти зевака. Впрочем, разговор о судьбах не прост, и совсем иначе дело обстоит с Эпштейном или Ямпольским, и ещё совсем иначе с Гройсом и т.д., но перечисленные не связаны с писанием поэзии или, скажем, «вход» в неё для них не осуществляется через ту же тактовую частоту сложных ключей, какими пользуетесь вы или наши друзья.

Ну вот, я уже столько вам написал – стыдно – но до важного не добрался. Я как-то говорил вам, что в 1981 году я поехал в апреле в Крым писать «дипломную» работу, благо в Литинституте у нас полагался месяц на это дело с ж/д билетом в любую точку Совка. Со мной было 2 книги: Библия по-английски и Рабинович, его роскошно изданная «Алхимия как Феномен Средневековья». Там я вычитал цитату из то ли Августина, то ли ещё кого, смысл которой был в том, что «высота совершенства требует представленности совершенства всех уровней или всех уровней совершенства». Книги у меня сто лет нету, чтобы быть сейчас точным. Эта цитата не то чтобы лишила меня вертикальной взыскательности, но стремительно облагородила низшие порядки и даже протрезвила. Это мнение римского святого позже оказалось резонирующим и на постмодернистскую практику, и сопряглось с «всесильным богом деталей», и оказалось, что разные типы мышлений, включая Евклидово, содержат провокационные «комнаты чудес», теневые заблуждения и другие «расширители». Собственно, этого Евклида никто не отменял на определённом уровне, как и законы Маркса, описывающие циркуляции капитала, только Маркс смешно понимал природу времени как затраченную по хронометру, а не психологически, ну и т.п. линейные, евклидовские вещи в нём засиделись. Не знал основоположник квантовых реляций и много чего ещё, но и Линней или Румфиус их не знали, стремясь к законченным красивым описаниям на своих уровнях. Ваш

коан «Я вышел к себе через-навстречу-от и ушёл под, воздвигая над» – безупречный определитель и камертон, ясно ощутимый пространственно, т.е. визуальный «заочно» в прямом смысле. Здесь как раз пространственный план найден. Делёзовские понятия «складки», например, тоже представимы, хоть не менее абстрактны, но он так умеет написать! И это высокий уровень визуальной модели, так что вы наговариваете на себя, что визуальность – не ваше. Звук это другое... А сейчас прощаюсь, простите, что не закончил письмо, но я продолжу в субботу утром.

15 апреля 2001 г.

Ну вот, я сегодня видел, что НТВ захвачено, и это жаль, если действительно повлияет на качество передач или придёт цензура. В Праге недавно было почти то же самое, об этом свистели, что-то демонстрировали, но всё улеглось, и оказалось обычной капиталистической разборкой. Однако все гуманитарные пугала были привлечены. Лучше б сделали ещё одну новую станцию, если кому нужно.

Вопрос о «Допотопном Евангелии». Почему вы считаете, что его не воспринимают? И что значит воспринимать в данном случае? Это замечательное и мелодичное стихотворение, но ведь это же не само Евангелие. В последнем есть реальные лица, биография, встречи с учителем, молодыми единомышленниками, присутствие оккупационных властей, истории с Иродиадой, история с Иудой, резоны и масса деталей, враги, пейзажи, география, линейное натянутое ожидание и т.д. и т.п. и масса вещей, пронизанных вселенским единством на всех уровнях, – что перечислять! В «Допотопном Евангелии» Боги из разных культурных слоев, а, точнее, их имена смешиваются, отражаясь в русском звучании. Но боги не герои, они как химические знаки, и превращения их вполне естественны. В принципе получается sound track к возможной истории, но что требовать ещё от этого маленького изящного отрывка? «Верфьлием» гораздо сложнее и глубже по столкновению состояний. Конечно, проступающий топос этой поэмы не евклидовский, а лобачевский, однако, и Лобачевский не отменял Евклида, а отказался от доказательства пятого постулата как теоремы, включив его в виде частного случая более общей системы. Мне нравится ваш текст его обморочным, невидимым, блуждающим синтаксисом, «децентрированными» местоимениями и сменой точек возникновения голоса. Сноски «Допотопного Евангелия» в «Верфьлиеме» превращены в эпиграфы, т.е. работают наоборотно первым и поддерживают среду обитания внутреннего говорения, переживания, наполненного и сопоставлениями и диссонансами не только на уровне фонем.

Читали ли вы Ларису Березовчук, и что вы думаете о ней? Лена, это и к тебе вопрос, что тебе в ней, если попадались тексты? Я читал её стихи в НЛО (номер не помню), плюс статья А. Тумольского о «Южно-русской школе» ХРИСТОС ВОСКРЕС!!!

Константин Кедров.

15 апреля 2001 г.

Спасибо тебе за подключенность к допотопному хаосу, которого я ждал много лет. Мне очень важно, как воспринимаешь именно ты. Теперь скажу о своем. «Допотопное» – это не звуковое сопровождение, это синергетический, до – потопный и допотопный звукоряд, из которого все возникло. Боги как имена, в лосевском смысле слова, одновременно то, что раньше именовалось «лырическим героем», а сейчас вообще никак не именуются. «Верфлием» – тот же звукоряд, но уже в обертонах Дебюсси и в додекафонической гармонизации Шенберга. Я уверен, что эти вещи, при нормальном перекодировании, могут быть воссозданы, как Я. Заложил в компьютер, прокрутили и на выходе получили субстанцию «Константин Кедров 78 года». Если Воскресение возможно, то только таким образом.

Капиталистической разборкой у нас не пахнет. Ворвались в 4 утра и все разгромили. Посмотри для любопытства в телевизор. Картина передвижника «Арест пропагандиста». За полчаса до Пасхи пришел Глеб Якунин, и мы выпили церковного винца. А потом пошли к нему на службу. Там Лену подожгли свечкой – Неопалимая Купина? Был Егор Радов и всю службу чего-то басил – подпевал.

P.S.

Елена Кацюба.

Алеша, привет! А меня вообще занимают только тексты, которые максимально совершенны. Их на свете очень мало, везде можно что-либо добавить или что-то убавить. В этом смысле палиндром безграничен и ограничен одновременно. Вот мой последний под названием «Основной вопрос философии»: – Мир зрим? / – Мир – dream!

Алексей Парщиков.

15 апреля 2001 г.

С праздником еще раз! Шикарное определение палиндромного стиха! Ни убавить, ни прибавить. Кайф, твой копирайт, Лена!

«Верфлием» – основа целой театральной эстетики, я очень ценю этот текст. В нем язык и имидж в полной гармонии, а диссонансы могут рас-

пределяться по музыкальным природам, но целого не нарушают. Вот бы перевели для ДЕПО. Егору Радову привет. Жду его книгу в *Ad Marginem*.

Здесь лютый холод... Звонит Клех из Швейцарии, дразнится, что загорает. Из Москвы тоже пишут, что тепло. Мне туда и хочется, и нет. На самом деле мне в Москве страшно трудно общаться, и от меня требуется дьявольское смирение. Иногда понимаю Беккета и Джойса (в биографическом плане).

18 апреля 2001 г.

В современном мире бессмертие больше не является ни общим делом, ни прерогативой Бога, это есть частное дело и случай научных конвенций. Воскрешение и преображение это другое. И это связано с образом, а вот в какой мере образ связан с действием и достоверностью, вопрос не наших только предпочтений. Достоверность – это континуум гармонизированных реакций, именно поэтому поэзия включает и букашку и небесное тело, т.е. микро- и макрокосмос. Но образ неопишуем, а только обозначаем точками, обещающими воспламенение материала. Ваш макрокосм опредмечен конкретными персоналиями – это и русские святые, и ваш личный опыт, и Хокинг с его теорией *Bid Bang*, а ваш микрокосм – конкретная русская фонетика, в экстреме – музыка. Здесь в Кёльне в консерватории приблизительно 20% студентов из бывшего СНГ (потому что в Москве если есть кому учить, те и сами в нужде), но они здесь – лучшие, и я иногда с Дыбским хожу на из курсовые зачётные пения, когда они поют из Гершвина или в каких-то совсем пост-пост, и переход просто физического звука через пересечение воображаемых двух эллипсов, или через точку, которую вы называете «inside out» отрывает от земли, так что чувствуешь, что преодоление само по себе есть и будет. Итак, я всё-таки еду в Хельсинки. Лена, ну что может простой русский парень ответить на призывное письмо американской финки, которая пишет, что «трепещет, только чтобы я прилетел и рассказал о волшебстве книги и библиотеки» (перевод дословный). Это у неё зеркальные кубики в глазных линзах и бойфренд, как Шварценеггер. И зовёт ещё на Берлинское бьеннале, но туда я не могу поехать – и так грошей нет. Ладно, поскольку дорога оплачена Венецианским бьеннале, еду, значит в Хельсинки, расскажу им про книгу – свиток небесный (по Кедрову) и по Борхесу – библиотека (слово «библиотека» я впервые услышал из книг Борхеса, не ранее). Я сказал, чтоб пошли по дадаистской традиции (кафе Вольтер) хором в библиотеку Арво Аалто в Выборге и взяли с разных полок от каждой книги по одному предложению, и сложили, и прочли, и

что рассказ будет связным, а за это я ручаюсь. Вообще-то, тут бы и разгул твоим палиндромам (они – противогипертекст, прости за выражение).

Константин Кедров.

20 апреля 2001 г.

Я еще в студенческие годы понял, что если Бог когда-то создал жизнь, воскресение не является для него чем-то принципиально новым. Однако Вернадский отрицает, что живое возникло из неживого. Он считает наоборот, что живое пребывало всегда, а мертвое возникло из живого, как скорлупа, навоз, скелеты и т.д. Мне кажется, что все-таки прав Вернадский, но с одной поправкой: мертвого вообще нет. Даже частицы, даже волны, даже поля явно к чему-то стремятся, от чего-то отталкиваются, чего-то хотят, чего-то боятся. В этом смысле смерть – выдумка человека. Любимый мной Игорь Холин говаривал незадолго до своей кончины: «Вокруг смерти много всего нагоржено, в том числе и ваш Толстой». Я не знаю, сможет ли человек обновить свой словарный запас и отказаться от некоторых ошибочных слов, как об этом мечтал толстовец Витгенштейн. Да и нужно ли освобождаться от таких уютных и теплых заблуждений? Вот вам одно из доказательств бытия Божия. Глеб Якунин пригласил меня произнести речь на вручении ему международной премии как борцу за свободу совести. Это в Центре Андрея Сахарова где-то у Курского вокзала. Выхожу я у Курского вокзала, ничего узнать не могу, всех расспрашиваю, где здесь центр Сахарова, никто ничего такого слыхом не слыхивал. Наконец одна кривая бомжиха указала мне, где музей-квартира Сахарова, а уж от той квартиры увидел я, где Центр находится – на другой стороне Садового кольца. Словом, поблуждал лишних минут 45, безнадежно опоздал. Подхожу к Центру, открываю дверь – мне навстречу Якунин: «Какое чудо! Как вы здесь оказались?» Выяснилось, что приглашал он меня совсем на другой день, но вот встретились же нос к носу. По теории вероятности такое, конечно, могло быть, но больше похоже на чудо. По этому случаю распили мы с ним бутылочку вина, помянули Меня и Эшлимана. По твоим письмам вижу, что европейская жизнь другая, совсем другая. Слава Богу, что есть что-то другое.

Елена Кацюба.

16 мая 2001 г.

Алеша, привет! Из-за бесконечных наших домашних перестроек и переделок куда-то у меня спряталась папка, в которой были и твои сти-

хи. Она, конечно, найдется, но, если нетрудно, пришли их еще раз, пожалуйста, а то мы уже практически собрали очередной номер журнала и после 17-го начинаем верстку. В вознаграждение за усилия посылаю тебе мою палиндромную строчку, которая вполне могла бы быть комментарием к твоей «Нефти»: «Я и ты – бензин из небытия».

Алексей Парщиков.

17 мая 2001 г.

Палиндром великолепен, – вот как такое дается? Terrific! Я постепенно снова перехожу на русский, напишу вам, как что было и как я преподавал моего Кедрова. Библиотека Алвара Аалто – архангела. И там и алтарь и палиндром. Но успех был полный и международный, когда я прочел им ваш текст о начале пути и возвращении в переворачивании.

Константин Кедров.

19 мая 2001 г.

Дорогой Леша! Палиндром так же, как и всякая рифма подразумевает талант. А если не подразумевает, то это не рифма, а тупик. На сегодня я считаю своим лучшим палиндромом двестише:

Мы с тобой друг в друга вошли легко –
ОКОЛО МАМ УМА МОЛОКО

В палиндромах ясно видны следы всемирного метатекста. Поскольку этот текст гениален и совершенен, его можно также считать и метакодом, поскольку в палиндроме – частном случае анаграммы – код и текст тождественны. Парадокс же в том, что этот код и этот текст в совершенном виде невоспроизводим. Совершенное не воспроизводится. Потребность в творении возникает там, где есть ощущение неполноты. Это знали даже древние греки в мифе о скульпторе, который нанес царапину на свою скульптуру и произнес: «Вот теперь она совершенна». В палиндроме и анаграмме, если они точны, настораживает отсутствие таких царапин. Бубнов – самый серьезный исследователь палиндромов. Забавно, что палиндромисты бешено дробятся на «религиозные секты». Такая истовость настораживает. Одним словом, для меня палиндром – рифма как рифма, потому что в искусстве, как в бильярде: либо получится, либо нет. И никто не знает, почему получилось. Твоя идея дерева палиндромов – уже поэзия. Это похоже на выращивание кристаллов. Мозг как жидкий кристалл, конечно же, воспроизводится и копируется в звуке.

Вчера и позавчера в Москве на площадях разыгрывались французские и итальянские мистерии. В ночном небе на трапециях летали над Манежной площадью Ангел печали, Ангел творения, Ангел хаоса и разрушения, Ангел несотворенного. Они парили на воздушных шарах, и внутри прозрачных шаров, и просто без шаров. Из серафимов вылетали феерические огни, и на все это смотрели окаменевший от изумления маршал Жуков и его конь. Весь день буддийские шаманы ревели в рог и били в бубны под изумленным Пушкиным. Тысяч сто москвичей взирали на это с не меньшим изумлением, чем маршал Жуков, и в руках у каждого – бутылочка пива. Без пива стояли только Пушкин, Жуков и мы. Мистерия закончилась в час ночи. Но Москва и не думала засыпать, все сияло. У меня такое ощущение, что именно вчера и позавчера Россия прошла через критическую точку и махнула в другое время. Москвич, поучаствовавший в мистерии, уже никогда не станет полноценным советским человеком. А ведь мистирию вместе с москвичами видели по телевизору сто миллионов зрителей. Кстати, особенность мистерии: в отличие от театра, если ты в ней зритель, то уже и участник. Думали ли мы в середине 70-х, когда в моей квартире на Артековской я, по вашей просьбе, разыграл мистирию, что когда-нибудь это будет на Красной площади? Я, честно говоря, думал.

Обнимаем. К.А.

24 мая 2001 г.

Дорогой Леша! Поздравляем с днем рождения! Желаем текстов. Они у тебя всегда хорошие. Приходил Дыбский, загорелый и веселый. Ему здесь нравится, говорит, что много красивых женщин. Я сказал: «В России трудно родиться, умирать, жить. А отдыхать здесь можно великолепно». Что мы и делаем. К счастью, три перечисленных выше события происходят сравнительно редко. У меня вышла книга в издательстве «Мысль» под названием «Инсайдаут. Новый Альмагест». Вошли все основные стихи и поэмы и 16 определений метаметафоры, чтобы не говорили, будто мы не умеем определять. Мы все умеем. Кстати, это местоимение «мы» в России как-то связано с материей и массой через литературу «м» да еще на конце эдакое варварское скифское «ы». Когда произносишь эту букву на конце или в начале, в тебе оживают ихтиозавры и мамонты. Зато «я» в России не просто буква и не просто местоимение, а некий корень из всего сущего – яма или явление. По-моему в английском это не так метафизично. По-немецки «я» звучит вообще несерьез-

но – ich (их). А соединяется это очень просто: вот я их! Впрочем, здесь уже маячит древнееврейский Ягве...

Алексей Парщиков.

8 июня 2001 г.

Константин Александрович, Лена, я сижу барабаню, сейчас просто на износ, пишу стихотворение, эссе по-английски, опять-таки по-английски проект то ли фильма, то ли перформанса, по-русски путевые заметки о Хельсинки, еще делаю фотографии (это для московской газеты). Однако вдруг вчера звонит Игорь Ганиковский и спрашивает, чем я занимаюсь. Да вот, говорю, рассуждаю о валентности палиндрома и фотографии печатаю. Короче, когда он приехал, я как раз печатал вашу фотографию (вы мне позировали в прошлом году) и, удивительно, что я сделал почему-то только один снимок, однако, удачный. К середине ночи мы отпечатали ваш портрет, который и привезу. Вот какие дела происходили вчера полночь в городе Кельне. Я прилетаю 25-го, и позвоню вам 26-го к вечеру. Но напишу еще до этого, вот немного распрямлюсь от накопившегося. С вами – Алеша.

Константин Кедров.

12 июня 2001 г.

Дорогой Алеша! Я написал для Любимова по его просьбе пьесу «Посвящение Сократа» и 8 июля мы поедem в Дельфы на премьеру – в места, где Дельфийский оракул назвал Сократа мудрейшим. А Сократ в ужасе ответил: «Я знаю то, что ничего не знаю, а другие и этого не знают». Другие очень обиделись и приговорили 70-летнего старика к цыку-те или изгнанию. Все это было ровно 2400 лет назад, по какому случаю греки и позвали нас в Дельфы. Хорошо, что не на ареопаг с цыкутой. Вот написал бы ты нам о валентности палиндрома для учебного пособия Академии поэтов и философов, и была бы тебе за это амбивалентная радость. Помнится, ты как-то назвал колбасу в Симеизе в 70-каком-то году недостаточно амбивалентной.

А в Кельне колбаса достаточно амбивалентная? В России амбивалентно все. Сегодня Путин назвал Рабиндраната Тагора «древним философом» и вручил Ельцину высший орден Славы, который Ельцин же и учредил, видимо, предчувствуя свою грядущую славу. Сегодня 12-е, и мы все празднуем независимость России от России. На самом деле, от Советского Союза, конечно, но про Советский Союз давно все забыли.

У нас на глазах он превратился в бабушкину сказку про белого бычка (скорее, про красного). Радостно сознавать, что мы все (метаметафористы) уже глубокие старцы для новой критики, которая лишена возможности писать о ком бы то ни было за отсутствием кого бы то ни было, кроме нас. О нас она пишет редко и всегда чушь. Например, типовая ошибка: все считают, что метаметафора возникла не в середине 70-х, а в середине 80-х. Впрочем, какая разница, плюс – минус 10 лет. Попробовали бы они прожить эти десять лет, от них бы и соплей не осталось. Как ты думаешь, почему Бог обиделся на Россию за коммунизм, но насколько не обиделся на Германию за фашизм? Я думаю, что тут все дело в раскаянии. Немцы раскаялись, а мы нет.

Алексей Парщиков.

3 августа 2001 г.

Еще ко вчерашнему. Конечно, такой книги как «Инсайдаут» не написал никто. И, наверное (в плане вашей драматургии), диалогизированные места будут самыми сильными. Ваш говорящий персонаж всегда выиграет: он и человек, и кукла, и ангел, и «физическое явление», и «архетипически» демон, но никогда кто-то один из них. Будь то «Заинька и Настасья» или Гамлет.

8 августа 2001 г.

CNN объявило о легальном клонировании 200 человек. То есть столько женщин подписались выносить плод. Хмм. Скоро будут возможны 2 автобиографии и больше одного автора. Дело в пересадке памяти только. Наверное, появятся объявления «Wombs for rent» (матки а аренду), и мужчины захотят, чтобы их жены вынашивали и рожали их самих. Иначе...

Константин Кедров.

8 августа 2001 г.

Алеша, привет! Я думаю, что идея клона заложена в самом акте творения человека Богом по образу и подобию своему. Скорей всего, мы просто докопались до очередного секрета бога, как любил говаривать Эйнштейн. Единственное, что меня тут смущает, что прав становится Аристотель: творчество как копирование. К счастью, повтор вообще не возможен. Это главная хитрость Бога, с которой никак не могут смириться московские консерваторы. «Творчество» – вообще неудачное слово. На самом деле речь идет о попытке воссоздания своего «я», к

счастью, всегда неудачной. Если человек богоподобен, то он меньше всего похож на Бога. А если он похож на Бога, то он не богоподобен, а богообразен. В сущности, какая невинная шалость – сотворить что-то по своему подобию с помощью пробирки и матки. Но я уверен, что на сей раз шалость не удалась. У овечки Долли нет перспективы, Бог позаботился, чтобы никто не мог испортить его изначальный план. Угадывание изначального плана – это и есть метаметафора. Хитрость этого плана в том, что он постоянно меняется, вернее, это тоже запланировано творцом. К сожалению, этого не понимают представители всех религий и прочие академисты.

В Москве самое интересное сейчас – полное отсутствие планов, как в постройках, так и в умах людей. Незапланированная жизнь всех пугает, а меня радует. Великий метаметафорист Борис Николаевич Ельцин сумел своей клешней ухватиться за хвост истории и повернуть ее неведомо куда. По сравнению с ним Горбачев – всего лишь ракушка на теле кита. Не знаю, возможна ли в наше время поэма, где запланировано отсутствие плана. Не хаос, а именно запланированное отсутствие. Около нашего дома две девушки очень охотно клонируются каждый вечер. Говорят, что в Москве их сейчас 30 тысяч, а я думаю, больше. Вчера была трогательная передача об этих созданиях. Многие из них не знают, что СПИД передается половым путем. Вот уж поистине невинные создания. По-моему, их надо канонизировать скопом. Икону напишет Сулягин. Аминь.

15 августа 2001 г.

Дорогой Леша! Предлагаю расширить опыты с генной инженерией. Гены от кедра ливанского или лиственницы соединить с генами человеческими, чтобы старец не провонял, а благоухал, как святые мощи, и жил лет 500. Самое обидное, что все это будет. Если есть картошка с генами трески, чтобы не портилась, то почему нельзя то, что я предлагаю. Вообще человек явно не достроен. Что-то помешало творцу или действительно прав Ницше, что Бог умер. А дело его живет. Недоделанным. Меня удивляет отсутствие ярких поэтов после вас троих. Даже самые лучшие не дотягивают до раннего Еремы, или скажем, Жданова. В целом же мы имеем право подвести итог 20-го века. Для меня существует только две школы: футуристы, а затем, минуя обернутов, метаметафора. Странно, что этого не видят другие.

Институт Философии РАН
28 января 2013 г. в 16.00
Заседание в зале Ученого Совета
Обсуждения книги поэта и философа Константина Кедрова
«ИЛИ» (М., Мысль, 2002)

Принимали участие: профессор С.П.Капица, член-корр. РАН А.А. Гусейнов, академик РАН Л.Н. Митрохин, профессор В.Л. Рабинович, профессор РГГУ Ю.Б. Орлицкий, аспирант РГГУ М. Дзюбенко и другие.

Фрагменты обсуждения

В.Л. Рабинович.

Однажды на философском, культурологическом семинаре Константин Кедров предложил тему для заседания: «Философия как частный случай поэзии». Хотя это выглядит немножко не в пользу философии, на самом деле эти вещи очень связаны, и они равнозначны. Равнозначны они в том смысле, что и поэты, и философы пекутся о смысле. Но если для философа философия, или философствование, – это смысл плюс значение, то для поэта это тоже смысл, но плюс звук. В этом смысле и поэты, и философы стоят перед миром впервые, как будто только что появившись. Именно так, именно здесь начинается философ и точно так же начинается и поэт. Все-таки в начале было не ничто, как считается, а был звук – гул, из которого все возникало. В первой строке Библии было сказано, что Дух Божий носился над водами, но вы вспомните, что вода еще не была создана, а Дух Святой уже носился над водами. Поэтому вода здесь – метафора, а Дух, носящейся над водой, – это ни что иное, как метаметафора (термин Кедрова).

С.П. Капица.

Пионеры XX века искали в двух направлениях искусства: в области рисунка, живописи и в области слова. И, по-моему, то, что сделано в области слова, гораздо более емко. Поэтому вопрос языка, знака, семиотики, с моей точки зрения, центральный для современного мышления. И меня всегда интересовало и мышление Кедрова, и то, как он пишет. Это характерно вообще для современной философии – двойственность. Текст, прочтенный туда или обратно (палиндром), текст, который сказан одними и теми же словами, но понимается в разных смыслах – «каз-

нить нельзя помиловать», – когда запятая решает судьбу человека. Это тоже принцип некой двойственности. Как прочитать такой текст? Вот это гораздо больше расширяет наше мышление, наше понимание этого дела, чем кажется при тривиальном, логическом прочтении текста. Бор, который был великий мыслитель нашего времени, утверждал, что если истина достаточно глубокая, то и противоположное ей утверждение тоже содержательно. Это очень сложная конструкция принципа дополнительнойности, которое есть в этой книге. И это действительно помогает понять полноту любого утверждения. И вот это принцип суперпозиции – то, что Кедров называет «или». Сейчас это квантовое, так называемое, смешанное состояние стало основой целого направления современной электроники и вычислительной техники. И с моей точки зрения это сильно связано с тем расширением нашего мыслительного понятия, которое найдено Кедровым в экспериментах над языком, над смыслом, над содержанием. И в этом смысле человечество едино. Ему очень трудно убежать от себя. Каждый находит себя в более сложном. Как есть метаметафора, так есть и метачеловечество, которое более содержательно, чем любая отдельная его часть. Только с таких, более широких позиций можно понять то, что нам предложено в этой книге. Мне представляется, что в этом смысле этот текст исключительно ценный. Здесь существует гораздо большая дисциплина ума, чем во многих областях современной литературы. Я могу сказать, что эта поэзия очень ответственна и в социальном, и в логическом, и в содержательном плане.

А.А. Гусейнов.

Сегодня на нашем заседании, конечно, не так много народу, как бывает на поэтических вечерах. Но на днях я узнал такую вещь, которая меня поразила: когда хоронили Стендаля, за его гробом шел один человек. Правда, этот человек был Бальзак. Я не знаю, есть ли здесь Бальзак, но, похоже, что Стендаль здесь есть. Я думаю, что Константин Александрович – как раз величина такая, вполне соразмерная. Я знал и его философское творчество, и стихи. Константин Александрович и в поэзии, и в философии задает новый образный ряд. Он дает образ мира, который можно уподобить кругу, овалу, где все сходится в единое целое, где нет обрывов. «Человек – это изнанка неба, небо – это изнанка человека» – этот мотив у него все время обыгрывается, и в этом смысле он прав. Хотя внешне, с точки зрения языка, он может быть, и похож на футуристов, но с точки зрения существа дела, мироощущения, мировосприятия это, конечно, что-то совершенно другое, совершенно новое.

И мне это очень близко. Тут говорилось, что поэзия – это прежде всего звук. Конечно, поэзия – это звук, и что поэзия без звука? Она оказывает такое воздействие, которое нельзя расчленишь и нельзя понять, почему одно воздействует, а другое нет. Но на проверку всегда оказывается, что когда ты попадаешь в эту среду, а потом начинаешь вникать, то получается, что это не только магия звукового ряда, там всегда есть смысл. Своеобразие и уникальность Константина Александровича именно в том, что это у него настолько едино, что вы их не расчленишь. Вот даже тот шедевр, который он нам прочитал:

Земля летела
по законам тела,
а бабочка летела,
как хотела

– это действительно гениально, и смысл, и звук. И еще вот такая вещь – «или». Конечно, это программа. «Или» – это мысль, это свободное парение. Но в то же время «или», я так понимаю по смыслу творчества автора, это не нулевая точка, не мертвая точка, где равновелики схождения и в ту, и в другую, и в третью сторону. Это какое-то другое «или», не то, которое убегает от действия и лелеет тот момент, когда нет действия.. Его «или» – это такое состояние человеческого бытия, когда что-то может состояться только в том случае, когда человек берет на себя всю ответственность. Это «или» равнозначно по отношению к альтернативам. Там нельзя опереться на какие-то внешние данные, мотивы – то, что можно измерить, рассчитать, взвесить и так далее. Но поскольку нельзя ни на что там опереться, то это именно такая точка, из которой что-то может возникнуть только в том случае, если тот, кто находится в этой точке, смеет, решается что-то сделать, то есть берет на себя – делает себя основанием. С собой создает то основание, которого он не находит в этих альтернативах. И это как раз та категория, хотя неудобно, вроде бы, говорить о категориях, когда речь идет о поэте, но это именно та категория, которая этически нагружена.

Ю.Б. Орлицкий

Перед нами один из редких авторов, который ничего не меняет, который делает так, как оно диктуется. Мне кажется, что это поэт, который подчиняется языку. Можно сказать, что это рабство, а можно сказать, что это абсолютная свобода. Мне кажется, что это очень важное качество, потому что на фоне современной поэзии то, что мы сегодня слушаем и о чем рассуждаем, явление, тем не менее, достаточное редкое. Редкое уже в силу того, что человек не просто взял на себя обязанность стать выразителем

чего-то, а просто стал и все. Может быть, это трудно, а, может быть, наоборот, легко. В любом случае это крепко. И второе, что я хотел сказать. Занимаясь всякого рода инвентаризацией (я такое слово предпочитаю) современной словесности, я постоянно спотыкаюсь о произведения Константина Кедрова. Мне нужно привести пример, допустим, визуальной поэзии – все равно попадаетея. Причем, даже в самой маленькой книге есть все многообразие приемов современной поэзии. Это показывает, наверно, опять-таки определенную исключительность. Потому что есть авторы, которые работают все время на одном приеме, есть авторы, которые идут последовательно от приема к приему. А есть авторы, которые активно владеют всем, что предоставляет язык. И Кедров из их числа. Очень хорошо, что получилась такая книга, именно потому, что все, что мы раньше видели, оказалось собранным вместе. И то многочисленное количество отражений – текста в тексте, слова в словах, внутренняя неизбежность палиндромии, о которой говорит заглавие, напоминая об обратимости всего на свете во все на свете, мне кажется, в этой книге получилось.

М. Дзюбенко

Тут с самого начала зашла речь о том, что поэзия образуется, на самом деле, на стыке нескольких языков. Если бы единый праязык не распался, как об этом рассказывается в Библии, то поэзии бы не было. Поэзия существует постольку, поскольку существует множество языков. В рамках одного языка поэзия не существует. Любое поэтическое направление есть осознанный или неосознанный прорыв в другой язык. Это мне стало ясно в значительной степени благодаря творчеству Кедрова. У него есть такие экстремальные поэмы, в которых это особенно ясно видно, например, «Партант» – такой «тяжелый рок», хард-рок.

Л.Н. Митрохин.

Здесь говорилось много умного, глубокомысленного, и мое единственное желание – быть примитивным, хотя это очень трудно. Понимаете, любопытная вещь, я и прежде читал стихи Константина Александровича, и они казались мне несколько странными, какое-то у меня такое было впечатление. Но теперь, когда они собраны в книгу, оказалось, что это не просто собрание стихов, это введение в какой-то немножко другой мир. Здесь это очень ощущается. Почему так получается? Понимаете, есть стиль писателя, есть стиль публициста, есть стиль поэта, есть макро-стиль, есть микро-стиль. В данном случае это все как бы совпадает. И я просто отметил виртуозность Кедрова, и аллитерации, и слова-выворачи-

вания. Кто кого выворачивает, это другое дело. Но это вот и есть талант. Я всегда поражаюсь – откуда приходят мелодии? И в данном случае я поражаюсь – откуда это приходит? Это особый талант, особая какая-то способность. Ну, была «Улялевщина» Сельвинского, был Хлебников. Но это есть какая-то традиция, это ж не просто так. Это есть старые, древние исконные традиции. И вот опять-таки, говоря со стороны, для меня это просто очень интересно, для меня это просто очень значительно. И теперь можно эту книгу даже по-новому читать. Она требует определенного чтения. Это не просто словотворчество, это высокий жанр.

Андрей Вознесенский Constanta Кедрова

*

Константина Кедрова можно назвать Иоанном Крестителем новой волны метаметафорической поэзии. Его аналитические поэмы не имеют ни начала, ни конца; они как процесс природы и творческого исследования могут быть бесконечно продолжены, обманывая неискушенного читателя юродством и скоморошеством.

*Предисловие к первому сборнику Константина Кедрова
«Компьютер любви». (М, Худож. лит., 1990 г.).*

*

Что такое поэзия, не знает никто. Но есть поэзия в чистом виде, все время поэты пытались создать чистую поэзию. Но я думаю, что поэзия – это прежде всего энергетика поэзии. И вот Константин Кедров – это сгусток поэтической энергии, создающий мир, космос. Это может проявляться в словах, это может проявляться в идеях, может проявляться визуально. Но самое главное, что существует такое явление – орган, излучающий эту энергию. Его книга «ДООС» – это тоже такой организм поэзии. Случайно вот так совпало, что я был на фестивале поэзии. Есть такой город Роттердам, и он знаменит еще и тем, что там лучшие в мире фестивали поэзии, как я думаю. Был 25-й – юбилей этих фестивалей поэзии в Роттердаме. На этот раз собрались и нобелевские лауреаты, Энцесбергер и другие, все приехали праздновать. И была теоретическая дискуссия, и надо было показать, что делается в современной русской поэзии. Я просто вынул эту книжку и рассказал. Почитал немножко, поговорил, и это было физическое доказательство этой энергии. Без пере-

вода по залу пробежала такая энергетическая дрожь от этого симбиоза, который у нас был.

Однажды была ночная телепередача прямого эфира. Там сидишь, как на углях, ничего написать нельзя. Нет одиночества, нет божественного наития какого-то. Но так как рядом сидел Кедров, то он заряжал меня своей энергией, и я сказал: «Давай, пока они там болтают, я напишу стихи». И вот мы вместе писали. Я ему говорил: «Хорошая строчка? Плохая строчка?» Что получилось, я вам попробую прочитать:

Эфирные стансы

Посвящается Константину Кедрову

Мы сидим в прямом эфире.
Мы для вас, как на корриде.
Мы сейчас в любой квартире.
Говорите, говорите...
Костя, не противься бреду,
Их беде пособолезнуй,
В наших критиках (по Фрейду!)
их история болезни.

Вяжем, уши растопыря,
В фосфорическом свету,
Точно бабочки в эфире
Или в баночке в спирту.
Вся Россия в эйфории,
Митингуют поварахи.
Говорящие вороны,
Гуси с шеей Нефертити
Нас за всех приговорили
Отвечать здесь –
Говорите

Костя, Костя, как помирим
Эту истину и ту?
Станем мыслящим эфиром
пролетая темноту!

*Российское телевидение. Передача «Другой голос» –
вечер Константина Кедрова в салоне «Классики XXI века». 1994 г.*

*

Поэзия Кедрова – это полный сгусток поэтической энергии, без примеси совершенно, без обложки, без конфетки, которая покрыта целлофаном или чем-то. Чистая поэзия в чистом виде. Чистый витамин поэзии. Это творческая энергия новой поэзии и значит новой России.

«Видеопоэзия Константина Кедрова». Сюжет российского телевидения, телепрограмма «Лад», 1994 г.

*

Это действительно событие огромное, и у меня трепет в руках, когда я это смотрю. Но я думаю, что вот это сочетание «компьютер любви» – это не просто. Это вещь давняя, может быть, но она издана именно сейчас, потому что именно сейчас это сочетание для России точное. Потому что именно, думаю, вот школьники, студенты – они сейчас приникли к компьютеру, и именно сейчас – возраст любви. Перефразирую нашу известную формулу, можно сказать: Россия – это должна быть любовь плюс компьютеризация всей страны. Кедров не просто поэт такой герметический, это орган какого-то литературного процесса. Я думаю, что если бы его не было, у нас все пошло бы наперекосяк... И потом, одно слово, полслова – это минимализм, это образ сжатый донельзя, который и в 21-ом веке останется, а не те тонны слов лишних, которые написаны.

На презентации книги «Компьютер любви» (с фотографиями А.Годунова. М., «Бегемот», 1994) в ЦДЛ, 1994 г.

*

Поэзия живет, и живет она мощным таким генератором, который называется Константин Кедров. Раньше у нас было какое-то разделение на непрофессиональных критиков, которые профессионально пытаются судить о поэзии, и поэтов, которые дилетанты в философии. Наконец пришел человек, который все соединил. Это Константин Кедров. Он создает «Газету ПОэзия», но она могла бы называться Константин Кедров, потому что там все делает он. Он собирает людей, он делает настоящую серьезную поэзию, которая не дилетантская. Это не рассуждения кого-то, кто что-то о чем-то слышал. Это сам поэт, который делает серьезные теоретические выкладки, которые помогают нам жить.

*Поэтический вечер Константина Кедрова в ЦДЛ, 1997 г.
Ведущий – Андрей Вознесенский*

*

ДЕКОобраз

Прометей – вор пламени.

«Митьки» – воры примитива.

Декарт – вор метели.

Кедров – вор дек.

Он крадет для нас у неба источник музыки, ее древесную деку, отражатель и усилитель звука.

Я видел в Перми в балетном классе стройные деки, чувственно замершие в стойке у зеркального барьера. Все деревянные скульптуры Христа в Пермской галерее похожи на Кедрова.

Творчество – вор вечности и наоборот.

ДЕКОобраз – декоОБРАЗ

*Предисловие к книге Константина Кедрова
«Метаметафора» (М, 1999 г.)*

*

*Настанет лада credova –
Constanta Кедрова*

Я стою босой. Я чувствую рядом священное дерево, под которым когда-то медитировал Будда. Дереву 2300 лет. Оно древнее нашей христианской цивилизации. Собственно и вид у него такой. Корневая система слилась со стволом до уровня третьего этажа примерно. К стволу примыкает прямоугольный навесик. Над местом статуи Будды. В плане, я думаю, это похоже на ПО, только там «п» поменьше – ПО.

*Продиктовано по мобильнику
из под дерева Будды в Индии
для «Газеты ПОэзия».*

*

Когда-то было сказано, что Есенин – это орган чувствования, это уже не человек, это орган. Орган поэзии сейчас – это Кедров. Это удивительная личность, он еще доктор философских наук. По-моему, ни один поэт в России не был таким умным и образованным. Вот сейчас вы услышите «Компьютер любви». Это удивительная вещь. Это божественное такое, разложенное на математику, это прекрасно. Я хочу, чтобы вы послушали его и полюбили.

*1-й Всемирный день поэзии ЮНЕСКО
в Театре на Таганке 21 марта 2000 г.*

*

– Константин Александрович в шутку назвал себя шестидесятником – в честь 60-летнего юбилея. А вот к какому времени относит Кедрова поэт Андрей Вознесенский:

– Он шестидесятник, семидесятник, и восьмидесятник и двухтысячник – что угодно. Он из тех, которые продолжаются, как Пастернак. Он великий человек, и книга его великая.

Новости радиостанции «Маяк»

13 ноября 2002 г.

*

Я очень люблю стихи Кедрова. Это абсолютно лишённые пошлости вещи. Сейчас в нашей литературе самое страшное – пошлость, все эти сентиментальности, все эти кубики, квадратики стихов. Но Кедров с самого начала до конца своей книги цельный совершенно, это удивительно неизменяемый человек. Главное здесь – стихия языка, которая опережает поэта. Мы все уходим в язык. Это наше бессмертие или смерть, все равно. Я написал стихи «Демонстрация языка», как предисловие для этой книги.

Я прочитаю стихи, которые я написал. Интересно, что эта книга построена от последних годов к началу. Не всякий поэт может решиться на это. Обычно бывают хорошие стихи вначале, а потом начинается уже дребедень, такая уже девальвация. У Кедрова же видно, что сейчас он более матерый, более точный мастер. Моя любимая вещь у него всегда была – «Компьютер любви», написанный где-то в 80-х. А вот последняя, «Тело мысли», она такая же, как «Компьютер любви».

Демонстрация языка

Константирует Кедров
поэтический код декретов.
Константирует Кедров
недра пройденных километров.

Так, беся современников,
как кулич на лопате,
константировал Мельников
особняк на Арбате.
Для кого он горбатил,
сумасшедший арбайтер?

Бог поэту сказал: «Мужик,
покажите язык!»

Покажите язык свой, нежить!
Но не бомбу, не штык –
в волдырях, обожженный, нежный –
покажите язык!

Ржет похабнейшая эпоха.
У нее медицинский бзик.
Ей с наивностью скомороха
покажите язык.

Монстры ходят на демонстрации.
Демонстрирует блядь шелка.
А поэт – это только страстная
демонстрация языка.

Алой маковкой небесовской
из глубин живота двоякого
оперируемый МаяКОВский
демонстрирует ЯКОВА...
Связь тротила и рок-тусовки
константирует Рокоссовский,
что, тряся бороденкой вербальной,
константирует Бальмонт

Эфемерность евроремонтов
константирующий Леонтьев
повторяет несметным вдовам:
«Поэт небом аккредитован!»

Мыши хвостатое кредо
оживает в компьютерной мыши.
Мысль – это константа Кедрова.
Кедров – это константа мысли.

*На презентации книги Константина Кедрова «Или»
(М., Мысль, 2002) в Русском Пен-клубе 29 ноября 2002 г.*

ВЕЧНОЕ РАСКОДИРОВАНИЕ

Послесловие

Нельзя сказать, что такое поэзия. В поэзии определить – то же самое что убить. И все же среди бесконечного множества определений я бы выбрал еще одно, которое сам и придумал: поэзия – это бесконечное раскодирование. Мы все закодированы комплексами, архетипами, традициями, идеологией, условностями, привычками, грамматикой, эстетикой (и собственной, и общественной), ограниченностью. Приходит поэзия и, как Гаврош, проводит прутиком волю частокола условностей. И забор исчезает. Рушатся архетипы, взрываются мифы, преобразается грамматика, словом, чего только не происходит, когда приходит поэзия.

Беда в том, что эта Свобода на баррикадах с картины Делакруа никогда не является на зов, но всегда приходит незваной и неожиданной, как Беатриче на пути Данте. Поэзия сексуальна, но секс не поэзия. Поэзия умна. Но ум не поэзия. Поэзия религиозна, но религия не поэзия. Молитва не стих, но стих – молитва. С легкой руки Бодлера стали считать, что поэзию можно добыть из падали. Это сущее недоразумение. Поэзия «Падали» добыта не из падали, а из Бодлера.

Утверждение Адорно, что после Освенцима безнравственно писать стихи, – само по себе уже поэтично. Это настоящий моностих. Это новая поэзия. Поэзия после...

Но поэзия это всегда не после, а до. Проще говоря, поэзия – это предчувствие чего-то нового. Это проза – после. Например, «Война и мир» – это после войны и мира. А вот Новый Завет – это всегда до, и в этом смысле он всегда поэзия. Ветхий Завет – это проза. Он в основном о том, что было, – это Бытие. Новый Завет – поэзия. Это всегда о будущем. Ведь вечная жизнь – это бесконечное будущее. Страшное, прекрасное, ужасное – всегда будущее. Даже когда о прошлом. Впрочем, как справедливо заметил еще Лессинг, для поэзии нет ни прошлого, ни будущего. Она всегда в настоящем. Поэзия – это всегда финал истории. Апокалипсис неслучайно финал Нового Завета.

Поль Элюар написал «Свободу», когда Франция потеряла свободу. В свободной Франции он не написал бы такого стихотворения. Это стихотворение гениально, потому что в нем можно жить. Можно жить в цветной азбуке Рембо. Там нескучно.

Все разговоры о невозможности поэзии верны. Поэзия всегда невозможна, именно поэтому она всегда была, есть и будет.

Морскую раковину можно заменить стихом. Но стих нельзя заменить морской раковиной. Писсуар Дюшана может стать поводом для стиха. Но стих не может стать поводом для писсуара Дюшана.

Вы желаете быть поэтом? Нет ничего проще. Будьте счастливы и свободны, и вы уже поэт. Что касается стихов, то русский прозаик Михаил Пришвин мудро заметил: «Пора признать, что любовь свободна от деторождения, а поэзия от стихов».

А теперь о стихах. Филологи и историки утверждают, что слово «стих» от слова «стилос» (палочка для начертания знаков на восковой табличке). Я же утверждаю, что слово «стих» от слова «стихия». Когда Пушкин, обращаясь к морю, восклицает: «Прощай, свободная стихия», — он прощается не с морем, а со свободной поэзией.

Стихия стиха такова, что не улавливается никаким размером, никакой системой стихосложения. Единственное правило поэзии — нарушение правил. В поэзии надо штрафовать за соблюдение правил.

Если бы все люди понимали и любили поэзию, мы жили бы в счастливом мире, в духовном раю. Для меня свобода и счастье — одно и то же. Поэзия раскодирует человека, делает его свободным. В 1957 году, в 15 лет я написал:

Но разве есть у свободы родина?

Свобода — родина всего мира.

С этих строк началась моя поэзия. Полвека спустя могу лишь дополнить:

Но разве есть у поэзии родина?

Поэзия — родина всего мира.

Я понимаю, что лукавый картезианец уже хитро потирает ручки. Мол, поэзия и свобода — это тоже код. Согласен! Но этот код он же и раскодировал. Так что за поэзию я спокоен.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Мистерия Бис.....	4
Часть 2. Действующие лица.....	87
Часть 3. Драма идей	
Лобачевский – Хлебников – Эйнштейн.....	249
Время после Эйнштейна.....	282
Часть 4. Дежа вю.....	293
Часть 5. Метакод и метаметафора	
Защита диссертации Этико-антропный принцип в культуре на соискание ученой степени доктора философских наук К.А.Кедровым.	344
Электронная переписка Алексея Парщикова с Константином Кедровым и Еленой Кацубой.	359
Заседание в зале Ученого Совета Института философии РАН. Обсуждения книги К.Кедрова «ИЛИ».....	391
Андрей Вознесенский. Constanta Кедрова	395
Вечное раскодирование. Послесловие.....	401

Константин Александрович Кедров-Челищев

ГОЛОСА

Документально-биографическая мистерия

Редактор Елена Кацюба

Технический редактор Маргарита Аль

Компьютерная вёрстка Виктория Романова

Макет обложки Андрей Вradiй

Подписано в печать 20.01.2016.

Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета

в типографии ООО «Галлея-Принт»

<http://galleyaprint.ru>

Издательство «ДООС»

Москва

При содействии ИП Е.Пахомовой

125040, Москва, Ленинградский проспект, 11/28

9 785906 568083